45–46

www.karta.org

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Российский независимый исторический и правозащитный журнал

Адрес:
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная (пл. Костюшко), 3.
Для писем: 390000, Россия, Рязань-центр, а/я 20.
Тел./факс: (4912) 25 51 17
E-mail: karta@hro.org
http://www.karta.org

Учредитель:
Редакция независимой газеты «Рязанский вестник».
Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации № 01949.

Главный редактор:
Андрей Блинушов

Редакция:
Юлия Середа
Ирина Холмогорская
Владимир Холмогорский
Петр Митцнер (Польша)

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей, фотоматериалов и документов гарантируется.
По вопросам подписки на «Карту» обращаться в редакцию.

Компьютерная верстка:
Ю. Середа

Отпечатано ООО "СЕРВИС" Рязань, ул. Интернациональная, д. 1 «Г».

Заказ № 289.
Печать офсетная.
Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 15.06.2006.

Только для бесплатного распространения.

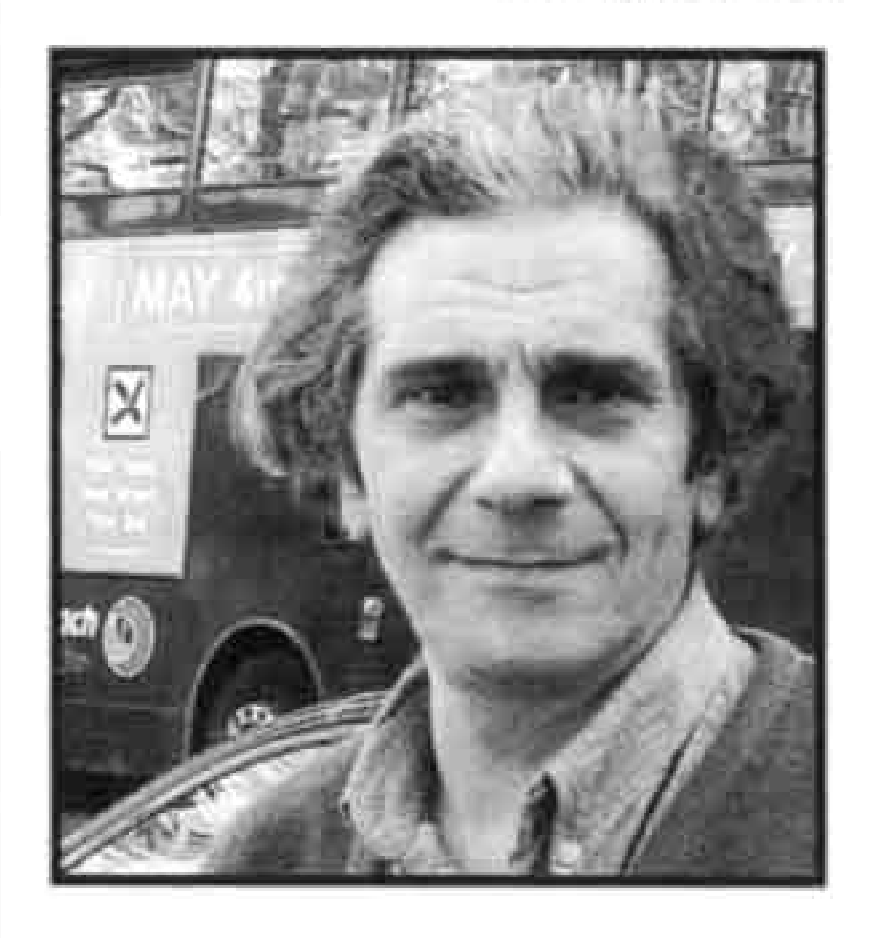
Содержание номеров 45–46

ДОКЛАД ХРУЩЕВА: 50 ЛЕТ СПУСТЯ

Фото на 1-й стр. обложки:
Музей истории политических репрессий «Пермь-36». Май, 2006 г.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ТИМЕНЧИКА

14 июня 2006 года в Москве скоропостижно скончался Михаил Давидович Тименчик, директор фонда "Точка опоры", один из активистов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека.

Ему было всего 54 года...

Михаил Тименчик родился 1 июня 1952 года в Риге. Один год (1969–1970) проучился на физико-математическом факультете Тартуского университета. Вернулся в Ригу. С 1970 по 1981 год работал электромехаником. В 1981 году переехал в Москву. Работал в копировальном центре, старшим инженером в проектном институте "Гипротеатр" министерства культуры. Делал технические приспособления для кино и театра. В 1991 году – инженер-программист НИПЦ историко-просветительского и правозащитного общества "Мемориал". С сентября 1995 года – исполнительный директор программы малых грантов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека. С ноября 1999 года – исполнительный директор благотворительного фонда "Точка опоры".

Переводил для издательства Московской патриархии. Написал предисловие к биографии Конан-Дойла Дж. Карра (1989). Участвовал в издании фотобиографии Анны Ахматовой (1989). Опубликовал перевод "Русской революции" Р. Пайпса (1994). Перевел книгу Аманды Хейт об Ахматовой. Принимал участие в подготовке 5-томника Ахматовой.

Какие-то слова по этому поводу сквозь потрясение еще придут, хотя и не выразят всего, что переполняет душу. Сейчас вспоминаются только удивительно точные слова Ларисы Иосифовны Богораз о Мише: "Редкое сочетание деловитости и добросердечия... "

NED

Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф» (Рязань)

Фонд Форда (Вашингтон)

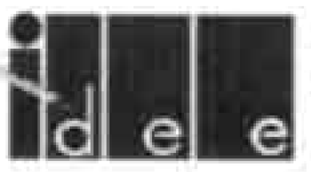
OPEN SOCIETY INSTITUTE
Институт "Открытое Общество" (Москва), Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»

Агентство США по Международному Развитию

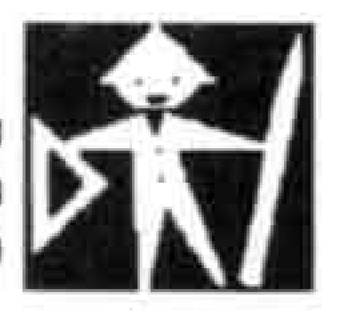
Институт Демократии в Восточной Европе (Вашингтон, Варшава)

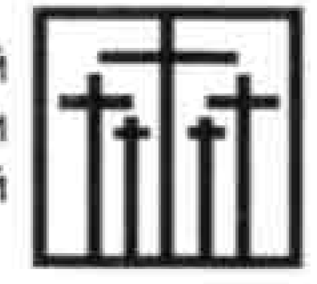
Фонд «Евразия» (Вашингтон, Москва)

МП «Декор» (Рязань)

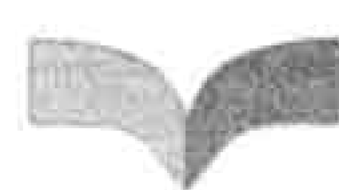
Программа малых грантов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека (Москва)

АО «Рокс» (Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса Гуттермана (Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу за могилами жертв войны и репрессий

Общественный Центр (Варшава) Karta

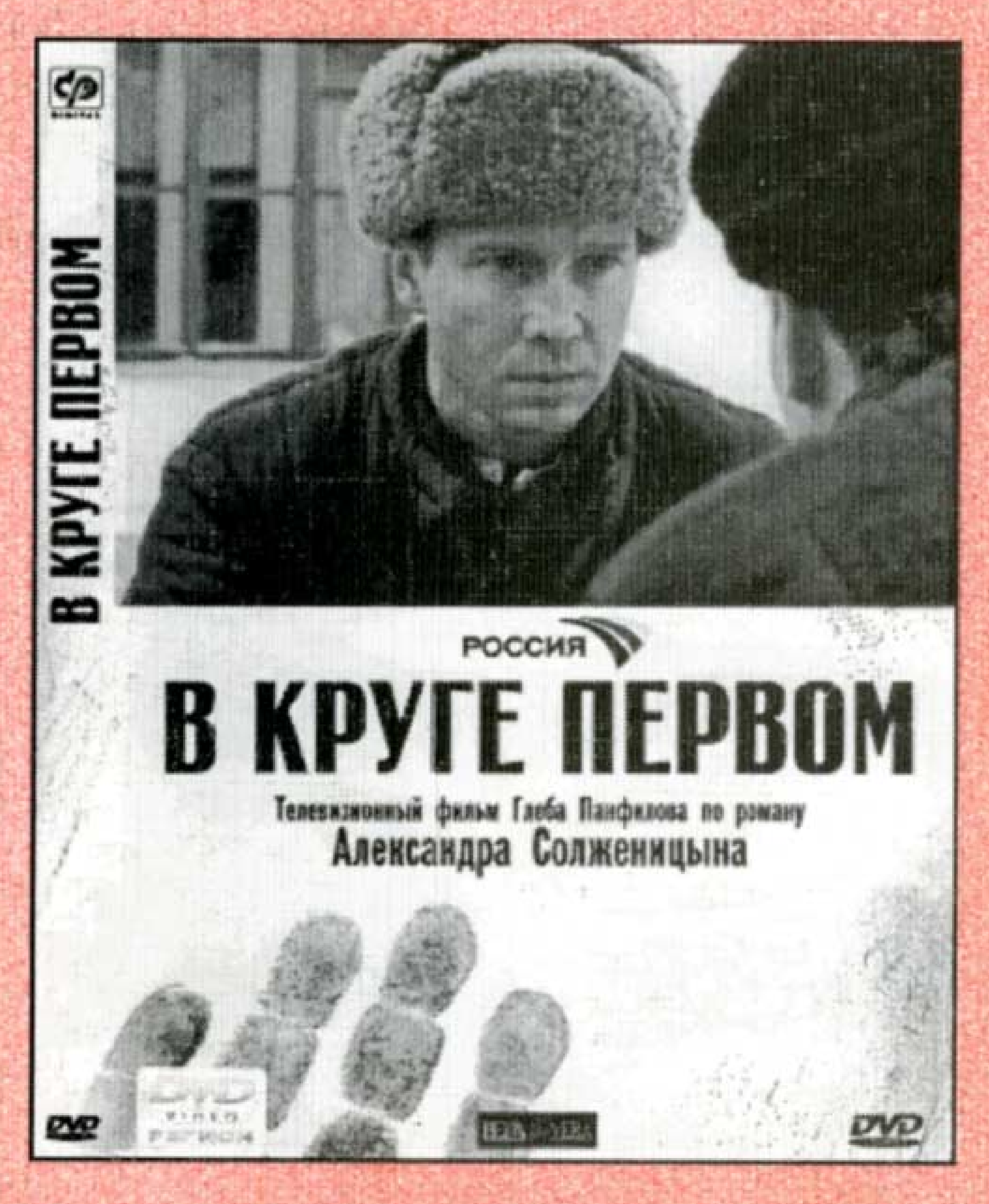
Полиграфическая фирма Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За гражданское общество» (Москва)

«Карта» рекомендует

«В круге первом»

**Фильм по роману Александра Солженицына.
Автор сценария Александр Солженицын.
Режиссер-постановщик Глеб Панфилов.
Оператор-постановщик Михаил Агранович.
Композитор Вадим Биберган.
В фильме снимались: Евгений Миронов, Инна Чурикова, Дмитрий Певцов, Галина Тюнина, Игорь Кваша, Ольга Дроздова, Семен Фурман, Игорь Скляр, Борис Романов, Альберт Филозов, Роман Мадянов, Михаил Кононов, Александр Тютин, Игорь Угольников, Евгений Гришковец, Евгений Стычкин, Андрей Смирнов, Ксения Качалина, Сергей Баталов, Александр Носик, Алиса Признякова, Алексей Колубков, Нелли Уварова, Владимир Конкин, Николай Пеньков, Сергей Карякин, Яна Есипович, Валерий Хромушкин.**

«Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом – рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших ученых: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. По-этому все конструкторские бюро на воле – это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят...»

«Последний бой майора Пугачева»

**Фильм по мотивам «Колымских рассказов» Варлама Шаламова.
Режиссер-постановщик Владимир Фатьянов.
Автор сценария Эдуард Володарский.
Композитор Алексей Шелыгин.
В фильме снимались: Лев Дуров, Игорь Лифанов, Владимир Стеклов, Игорь Волков, Андрей Голубев, Александр Подобед.**

«И никто ведь не выдал, – думал Пугачев, – до последнего дня». О предполагавшемся побеге знали, конечно, многие в лагере. Люди подбирались несколько месяцев. Многие, с кем Пугачев говорил откровенно, – отказывались, но никто не побежал на вахту с доносом. Это обстоятельство мирило Пугачева с жизнью. «Вот молодцы, вот молодцы», – шептал он и улыбался...»

СУДЬБЫ СТОЛЕТИЯ

66

Давид и Феликс РАХЛИНЫ

Рукопись

«... Пусть то, что сохранилось, послужит делу создания истинной истории неслыханных в мире расправ. Только возможность полного знания всей этой истории способна, по моему глубокому убеждению, предохранить мир от рецидивов подобной беды».

«МАЛАЯ ГРАЖДАНСКАЯ»

96

Александр ЧЕРКАСОВ

Длинный солнечный день накануне

Москва. Октябрь 1993

Поражённый случившимся в первых числах октября 1993-го, историк и философ Михаил Гефтер писал: «Один вопрос перетекает в другой, а все они – в тайну события. <...> Тайна эта – не в том ли она, как назвать это событие? ... Что это? Мятеж призраков вчерашнего и даже позавчерашнего дня? Или восстание новых, рыночной поры, изгоев и париев? Либо еще и причудливая, чудовищная смесь безвластия и всевластия, безвластие во всевластии, которое вовлекло в себя тысячи и тысячи душ и оказалось способным довести их едва ли не до всеобщего помешательства? <..> А может, все это соединилось в непредусмотренном раскладе? Нет нужных слов...».

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

168

«Такая у меня судьба - быть свидетелем»

Интервью с историком украинского правозащитного движения, бывшим политическим заключенным **Василем Овсиенко**.

– ... есть «досиденты», «сиденты» и «отсиденты». Последние автоматически становятся опять «досидентами», «сидентами» и «отсидентами».

– По кругу?

– Да. Я по этому кругу прошел трижды. У меня три судимости. А «досидентом» я был в течение двадцати трех лет. На 24-м году уже посадили...

КРАСНОЕ КОЛЕСО

182

О катынском преступлении

Обращение Института национальной памяти

«... позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации, по сути дела, закрывает дорогу для выработки с прокурорами Института национальной памяти совместных согласованных определений и правовых оценок катынского преступления».

Российская «Карта» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «Karta», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «Мемориал», учрежденного в октябре 1989 года.

184

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

Правопреемники бандитов

«Главная военная прокуратура, в отличие от Генеральной, подперлась Уголовным кодексом. Словно все жертвы политических репрессий были репрессированы по 58-й статье, ныне признанной «политической». А те, кого судили по так называемым «литерным» статьям, не входящим ни в какой УК? А миллионы спецпереселенцев, жертв коллективизации и ссылки народов, которых депортировали по разнарядке или чохом, вообще без всяких статей? А осужденные по многочисленным указам?»

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

186

«Когда на площадь гонит стыд...»

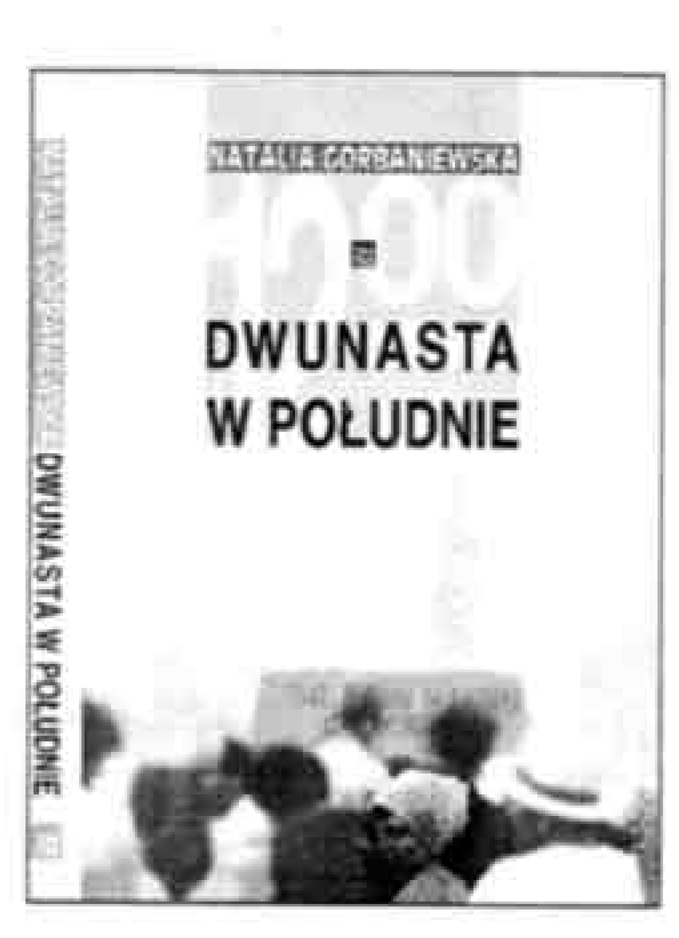

*В начале апреля сего года во Вроцлаве вышел польский перевод документальной книги Натальи Горбаневской **«Полдень. Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года»**. Эта книга, законченная и выпущенная автором в самиздат к 21 августа 1969 года, первой годовщине вторжения войск Организации Варшавского договора в Чехословакию — пресловутой «братской помощи», — была издана в 1970 г. франкфуртским издательством «Посев» на русском, а затем переведена на французский, английский (два издания — в Великобритании и в США) и испанский (Мексика) языки.*

186

Виктор ВОРОШИЛЬСКИЙ

О Наталье Горбаневской и ее книге

«Эту историю стоит знать в подробностях, видеть ее в полном освещении и понимать весь заключенный в ней смысл, касающийся не только прошлого, но также настоящего и будущего. Книга Натальи Горбаневской — красочное и полное красноречивых деталей фактографическое описание этого переломного (хотя тогда было трудно так это оценить) момента истории российского общества в новейшие времена».

ПОРТРЕТ

188

Лидия Балаковская

Гость журнала – правозащитник из города Балаково Саратовской области **Лидия Свиридова**, председатель областного Союза солдатских матерей.

– Я знаю много сильных духом ребят, которые противостоят этой системе. Кстати, они никогда не просят помощи. Мы сами ее предлагаем. Когда вижу, что пацан недостаточно силен духом. Но никогда одному человеку в одиночку эту машину не сломать. И я становлюсь не помощницей, не авангардом каким-то, который бежит вперед и расчищает для него дорожку, чтобы она была гладкая. Я, наоборот, стою у него за спиной и не даю ему упасть, если он случайно отшатнется назад. Вперед он должен идти сам, и он идет.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Карта» уведомляет, что перевод на русский язык «Дневника Давида Рубиновича» («Карта» № 43-44) выполнен польским журналистом и переводчиком Лией Пентковской.

R.OK.1942 R.OK.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

202

Дело физика Валентина Данилова

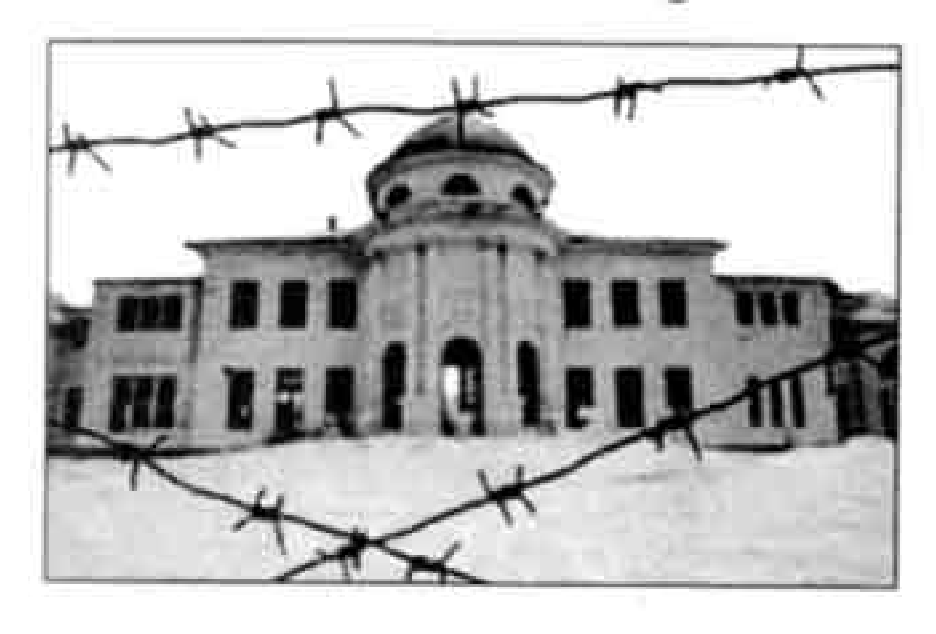
Сотрудник Красноярского государственного технического университета, директор Красноярского Теплофизического Центра, кандидат физико-математических наук Валентин Данилов был арестован Федеральной службой безопасности России (ФСБ) 16 февраля 2001 года. <...> В мае 2005 года Верховный суд России утвердил обвинительный приговор, назначив срок наказания – 13 лет лишения собод. Адвокаты обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

212

Алексей БАБИЙ

У человека всегда есть выбор

«Роман Солженицына написан в начале первой оттепели, фильм поставлен на исходе второй, снят был о прошлом с прицелом на настоящее, а попал прямиком в будущее. Но на самом-то деле и книга, и фильм – о вечном. Лагерь, «шарашка» – это только фон, выписанный со знанием дела, основа фабулы и так далее. А речь-то идёт о нравственном выборе, что, собственно, и отличает настоящее искусство не только от дешёвых подделок, но и от качественной беллетристики».

214

Кровавый песок Дубовки

В мемориальной зоне, находящейся в поселке Дубовка под Воронежем, возобновились раскопки безымянных могил жертв сталинских репрессий, которые проводит поисковый отряд «Бриг» при участии Воронежского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

217

Сергей ЕГОРОВ

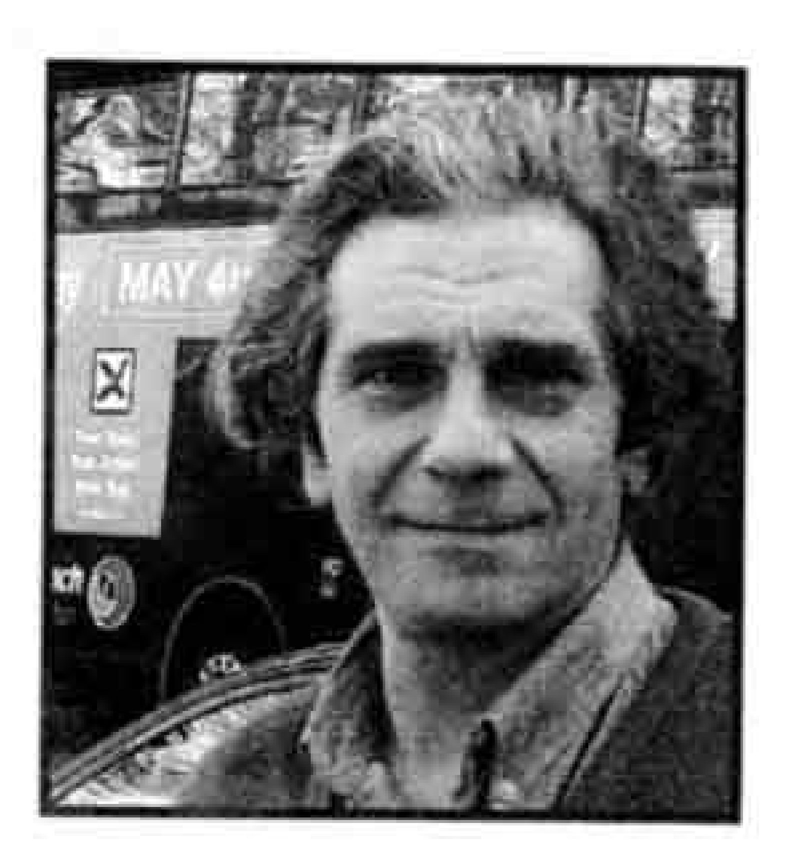
О «церковной ревизии» прав человека

«Концепция прав и свобод человека, безусловно, первична по отношению к любой религиозной жизни. Уже хотя бы потому, что включает в себя свободу совести, свободу исповедовать свою религию или убеждение, как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении, богослужении и выполнении религиозных ритуальных обрядов».

PRO MEMORIA

3 стр. обложки

Памяти Михаила Тименчика

14 июня 2006 года в Москве скоропостижно скончался Михаил Давидович Тименчик, директор фонда «Точка опоры», один из активистов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека.

Ему было всего 54 года...

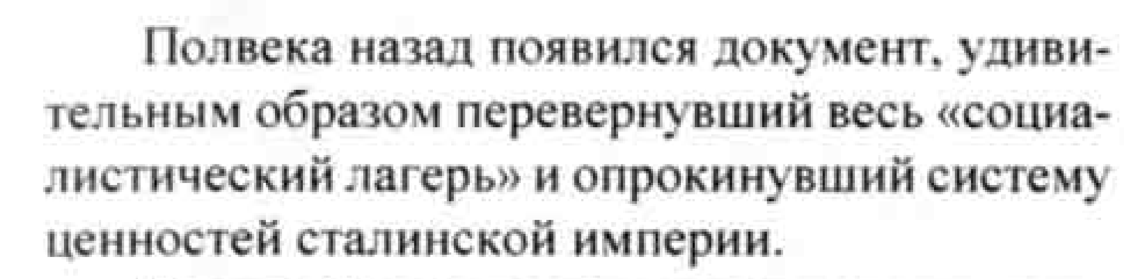
Какие-то слова по этому поводу сквозь потрясение еще придут, хотя и не выразят всего, что переполняет душу. Сейчас вспоминаются удивительно точные слова Ларисы Иосифовны Богораз о Мише: «Редкое сочетание деловитости и добросердечия».

Заключенный-каторжник № Я-691 Особого лагпункта Воркуто-Печорских исправительно-трудовых лагерей МВД СССР. 1946.

ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.6. Д.24. Л.23

Никита ПЕТРОВ

СОМНЕНИЯ В УМАХ

Полвека назад появился документ, удивительным образом перевернувший весь «социалистический лагерь» и опрокинувший систему ценностей сталинской империи.

Доклад Хрущева из первых уст слышали немногие: он зачитывался на закрытом заседании съезда. Однако текст доклада, размноженный для чтения в парторганизациях и вскоре попавший на Запад, стал первым достоверным и убедительным документом, обличавшим преступления не только самого Сталина, но и всей его системы.

Хрущев метил в Сталина и его деспотические методы, а попал в советский режим, кардинально менять который он вовсе не собирался. Целью его политики являлись лишь коррекция партийной линии, под флагом «возвращения к Ленину», смягчение режима, поворот к народным нуждам, подъем находящегося в глубоком кризисе сельского хозяйства.

Хрущев вовсе не желал затрагивать основы советской системы – принудительный труд, подавление личных свобод, жесткий идеологический диктат, исключающий любые формы проявления самостоятельного мышления.

Но личная деспотия Сталина как раз и была неизбежным следствием этих базисных принципов. Система тотального контроля и подавления могла быть эффективной только с помощью насилия, притом обязательно демонстративного и декларируемого открыто. Именно этим целям устрашения и служили сталинские показательные процессы над «шпионами и вредителями», пропагандистские кампании по разоблачению «врагов народа».

Со смертью Сталина резко обозначились новые тенденции в советской внешней и внутренней политике. Для продолжения сталинской линии у членов кремлевского руководства явно не хватало концентрации злой воли. И с политическим наследством усопшего вождя его ученики и соратники стали расставаться немедленно.

Уже в 1953 году явственно наметился поворот во внешней политике СССР в сторону смягчения конфронтации с Западом, начались реабилитация и возвращение из лагерей пострадавших.

Этот процесс постепенно развивался и набрал достаточную силу к XX съезду. Так что в определенном смысле доклад Хрущева о «культе Сталина» был всего лишь объяснением уже свершившихся политических изменений. Оставалось только выбросить портреты.

Почему же Хрущев выступил персонально против Сталина? Казалось бы, у него не должно было быть для этого никаких личных мотивов или обид. В марте 1953 года он искренне горевал у гроба Сталина.

По воспоминаниям Хрущева, когда-то Сталин заявил своим соратникам по Политбюро, что они «слепые котята», и предрек, что без него «империалисты» их раздавят. Но на самом деле «котята» не были слепы – они просто не смели пикнуть под его грозным взором. Они мотали себе на ус и делали выводы. А когда пришло время, развенчали тирана.

И это стало поворотным пунктом советской истории. После этого уже не могло быть возврата к сталинским реалиям. Даже смешное неумеренное восхваление «дорогого Никиты Сергеевича», которое уж никак нельзя назвать культом, и вполне бескровный переворот 1964 года, покончивший с эпохой Хрущева, и брежневские «заморозки», и андроповское «закручивание гаек» – все это даже отдаленно не может сравниться с настоящими ужасами сталинизма.

Конечно, и в 1960-1980-е годы система не была беззубой – были и жестокие репрессии против инакомыслящих, и принудительный труд, и идеологическое оболванивание. Но сомнения в умах, посеянные XX съездом, делали свое дело, и режим был обречен.

Никита Петров – заместитель председателя совета Научно-информационного центра «Мемориал», Москва.

Церемония прощания со Сталиным в Колонном зале Дома Союзов.

О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

«Секретный» доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года

25 февраля 1956 года

Товарищи! В Отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС не мало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно.

Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии, – речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

* * *

Разрешите, прежде всего, напомнить вам, как сурово осуждали классики марксизма-ленинизма всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу[2] Маркс заявлял:

«...Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, – я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчи-

тывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль[3] впоследствии поступал как раз наоборот)» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, изд. 1-е, стр. 487-488).

Несколько позже Энгельс писал:

«И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVIII, стр. 385).

Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль народа как творца истории, руководящую и организующую роль партии как живого, самодеятельного организма, роль Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением.

Придавая большое значение роли вожаков и организаторов масс, Ленин, вместе с тем, беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов «героя» и «толпы», против попыток противопоставить «героя» массам, народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массами, в том, что за партией идет народ – рабочие, крестьяне, интеллигенция. «Только тот победит и удержит власть, – говорил Ленин, – кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (В. И. Ленин, т. 26, стр. 259)*.

Ленин с гордостью говорил о большевистской, коммунистической партии как вожде и учителе народа, он призывал выносить на суд сознательных рабочих, на суд своей партии все важнейшие вопросы; он заявлял: «...ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи» (Соч., т. 25, стр. 239).

Ленин решительно выступал против всяких попыток умалить или ослабить руководящую роль партии в системе Советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является его коллективность. Еще в дореволюционные годы Ленин называл Центральный Комитет партии коллективом руководителей, хранителем и истолкователем принципов партии. «Принципы **партии**, – указывал Ленин, – блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет» (Соч., т. 13, стр. 116).

Подчеркивая роль Центрального Комитета партии, его авторитет, Владимир Ильич указывал: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную...» (Соч., т. 33, стр. 443).

При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета.

Помимо всего великого, что сделал В. И. Ленин для победы рабочего класса и трудового крестьянства, для победы нашей партии и претворения в жизнь идей научного коммунизма, его проницательность проявилась и в том, что он своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В. И. Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Это письмо – важнейший политический документ, известный в истории партии как «завещание»

Никита Хрущев

** В докладе даются ссылки на 4-е издание Сочинений В. И. Ленина (Ред.).*

Ленина[4], – роздано делегатам XX съезда партии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичом в его «завещании».

Эти документы – письмо Надежды Константиновны Крупской председательствовавшему в то время в Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленина Сталину.

Зачитываю эти документы: **1. Письмо Н. К. Крупской**:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию[5], как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская».

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

2. Письмо В. И. Ленина.

«**Товарищу СТАЛИНУ**.

Копия: **Каменеву** и **Зиновьеву**.

Уважаемый т. Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. *(Движение в зале.)*

С уважением: **Ленин**.

5-го марта 1923 года».

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича.

Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии.

Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам.

Он действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению.

Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был

обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением. Это особенно проявилось в период после XVII съезда партии, когда жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии.

Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией.

Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928-1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на «ситцевую индустриализацию», ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением.

Вот почему партия вела непримиримую борьбу с идейных позиций, разъясняла всем членам партии и беспартийным массам, в чем вред и опасность антиленинских выступлений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа по разъяснению линии партии дала свои плоды: и троцкисты, и правые оппортунисты были политически изолированы, подавляющее большинство партии поддержало ленинскую линию, и партия сумела вдохновить и организовать трудящихся на проведение в жизнь ленинской линии партии, на построение социализма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других – к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935-1937-1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма – троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии.

Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие «враг народа» по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого.

Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

Следует сказать, что и в отношении людей, которые в свое время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула «враг народа».

Ведь многие лица, которых впоследствии уничтожили, объявив их врагами партии и народа, при жизни В. И. Ленина работали вместе с Лениным. Некоторые из них и при Ленине делали ошибки, но, несмотря на это, Ленин использовал их на работе, поправлял, стремился к тому, чтобы они оставались в рамках партийности, вел их за собой.

В этой связи следует ознакомить делегатов съезда партии с неопубликованной запиской В. И. Ленина в Политбюро ЦК в октябре 1920 года[6]. Определяя задачи Контрольной Комиссии, Ленин писал, что эту Комиссию необходимо сделать настоящим «органом партийной и пролетарской совести».

«К[а]к особое задание Ко[нтрольной] К[омиссии], рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям т[ак] н[азываемой] оппозиции, потерпевшим психол[огический] кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их,

x) ~~Особая папка~~

Сов. секретно

Лично

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
КАНДИДАТАМ В ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
СЕКРЕТАРЯМ ЦК КПСС

Посылаю проект доклада XX с'езду партии „О культе личности и его последствиях".

Н.ХРУЩЕВ

23 февраля 1956 г.

Разослано:
т.Булганину Н.А.
т.Ворошилову К.Е.
т.Кагановичу Л.М.
т.Кириченко А.И.
т.Маленкову Г.М.
т.Микояну А.И.
т.Молотову В.М.
т.Первухину М.Г.
т.Сабурову М.З.
т.Суслову М.А.
т.Пономаренко П.К.
т.Швернику Н.М.
т.Аристову А.Б.
т.Беляеву Н.И.
т.Поспелову П.Н.
т.Шепилову Д.Т.

Проект доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС "О культе личности и его последствиях", разосланный членам, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, с сопроводительной запиской Хрущева. 23 февраля 1956. РГАНИ. Ф.1. Оп.2. Д.16. Л.1-79.

объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа показывания) подходящую к их психологическ[им] особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цека и т. п.».

Всем хорошо известно, как непримирим был Ленин к идейным противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же время Ленин, как это видно из зачитанного документа, из всей практики его руководства партией, требовал самого внимательного партийного подхода к людям, которые проявляли колебания, имели отступления от партийной линии, но которых можно было вернуть на путь партийности. Ленин советовал терпеливо воспитывать таких людей, не прибегая к крайним мерам.

В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами.

Совсем иной подход был характерен для Сталина. Сталину были совершенно чужды ленинские черты – проводить терпеливую работу с людьми, упорно и кропотливо воспитывать их, уметь повести за собой людей не путем принуждения, а оказывая на них воздействие всем коллективом с идейных позиций. Он отбрасывал ленинский метод убеждения и воспитания, переходил с позиций идейной борьбы на путь административного подавления, на путь массовых репрессий, на путь террора. Он действовал все шире и настойчивее через карательные органы, часто нарушая при этом все существующие нормы морали и советские законы.

Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление.

Это, конечно, не способствовало сплочению рядов партии, всех слоев трудового народа, а, наоборот, приводило к уничтожению, отсечению от партии честных, но неугодных Сталину работников.

Наша партия вела борьбу за претворение в жизнь ленинских планов построения социализма. Это была идейная борьба. Если бы в этой борьбе был проявлен ленинский подход, умелое сочетание партийной принципиальности с чутким и внимательным отношением к людям, желание не оттолкнуть, не потерять людей, а привлечь их на свою сторону, то мы, вероятно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, применения методов террора в отношении многих тысяч людей. Исключительные меры были бы применены только к тем лицам, которые совершили действительные преступления против советского строя.

Обратимся к некоторым фактам истории.

В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков – Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» они опубликовали свое заявление о подготовке большевиками восстания и о том, что они считают восстание авантюрой. Каменев и Зиновьев раскрыли тем самым перед врагами решение ЦК о восстании, об организации этого восстания в ближайшее время.

Это было изменой делу партии, делу революции. В. И. Ленин в связи с этим писал: «Каменев и Зиновьев **выдали** Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании...» (Соч., т. 26, стр. 194). Он поставил перед ЦК вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Но после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, Зиновьев и Каменев были выдвинуты на руководящие посты. Ленин привлекал их к выполнению ответственнейших поручений партии, к активной работе в руководящих партийных и советских органах. Известно, что Зиновьев и Каменев при жизни В. И. Ленина совершили не мало других крупных ошибок. В своем «завещании» Ленин предупреждал, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью». Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, о их расстреле.

Или возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть – из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции и в укреплении завоеваний этой величайшей революции.

Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей? Мы глубоко уверены, что если бы жив был Ленин, то такой крайней меры в отношении многих из них не было бы принято.

Таковы лишь некоторые факты истории. А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью.

Вспомните хотя бы борьбу В. И. Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других, когда Ленин, без колебания, принимал самые решительные меры по отношению к врагам. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, кото-

рые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.

Ленин применял суровые меры в самых необходимых случаях, когда в наличии были эксплуататорские классы, бешено сопротивлявшиеся революции, когда борьба по принципу «кто – кого» неизбежно принимала самые острые формы, вплоть до гражданской войны.

Сталин же применял самые крайние меры, массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно.

Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В. И. Ленина.

Центральный Комитет партии за последнее время, особенно после разоблачения банды Берия[7], рассмотрел ряд дел, сфабрикованных этой бандой. При этом обнаружилась весьма неприглядная картина грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина.

Как показывают факты, Сталин, воспользовавшись неограниченной властью, допускал немало злоупотреблений, действуя от имени ЦК, не спрашивая мнения членов ЦК и даже членов Политбюро ЦК, зачастую не ставя их в известность о единолично принимаемых Сталиным решениях по очень важным партийным и государственным вопросам.

* * *

Рассматривая вопрос о культе личности, нам необходимо прежде всего выяснить, какой ущерб это нанесло интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим государством рабочих и крестьян, видя в этом главное условие успешного строительства социализма в нашей стране. Указывая на огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии Советского государства, Ленин призывал к строжайшему соблюдению всех норм партийной жизни, к осуществлению принципов коллективности руководства партией и страной.

Коллективность руководства вытекает из самой природы нашей партии, построенной на началах демократического централизма. «Это значит, – говорил Ленин, – что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии – выборные, подотчетные, сменяемые» (Соч., т. 11, стр. 396).

Известно, что сам Ленин показывал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично, не посоветовавшись и не получив одобрения большинства членов ЦК или членов Политбюро ЦК.

В самые трудные для нашей партии и страны периоды Ленин считал необходимым регулярно проводить съезды, конференции партии, пленумы ее Центрального Комитета, на которых обсуждались все важнейшие вопросы и принимались всесторонне разработанные коллективом руководителей решения.

Вспомним, например, 1918 год, когда над страной нависла угроза нашествия империалистических интервентов. В этих условиях был созван VII съезд партии для обсуждения жизненно важного и неотложного вопроса – о мире. В 1919 году, в разгар гражданской войны, созывается VIII съезд партии, на котором была принята новая программа партии, решены такие важные вопросы, как вопрос об отношении к основным массам крестьянства, о строительстве Красной Армии, о руководящей роли партии в работе Советов, об улучшении социального состава партии и другие. В 1920 году созывается IX съезд партии, определивший задачи партии и страны в области хозяйственного строительства. В 1921 году на X съезде партии были приняты разработанная Лениным новая экономическая политика и историческое решение «О единстве партии».

При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крутом повороте в развитии партии и страны Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства.

Весьма характерно, что свои последние статьи, письма и заметки Ленин адресовал именно партийному съезду, как высшему органу партии. От съезда к съезду Центральный Комитет партии выступал как высокоавторитетный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий в жизнь ее политику.

Так было при жизни Ленина.

Соблюдались ли эти священные для нашей партии ленинские принципы после кончины Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось за последние полтора десятка лет его жизни.

Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тринадцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий? Эти события настоятельно требовали принятия партией решений по вопросам обороны страны в условиях Отечественной войны и по вопросам мирного строительства в послевоенные годы. Даже после окончания войны съезд не собирался более семи лет.

Почти не созывались пленумы Центрального Комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного Пленума ЦК. Правда, была попытка созвать Пленум ЦК в октябре 1941 года[8], когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия Пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального Комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК.

В этой практике нашло свое выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства.

Произвол Сталина по отношению к партии, к ее Центральному Комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный Комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию Президиума ЦК[9], которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937-1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения.

Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937-1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. *(Шум возмущения в зале.)*

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины – 1108 человек.

Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, **большинству** участников XVII съезда партии. *(Шум возмущения в зале.)*

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались «двурушниками», перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией.

Если до XVII съезда он еще признавал мнение коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро.

Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С. М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро – это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе[10] следующее постановление[11]:

«1) Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомавнудела – приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов, и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством т. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова – Николаеву[12] кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова.

За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при «аварии» автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал.

После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова. *(Движение в зале.)*

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова[13] из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу[14], Молотову[15] и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова[16] на пост наркомвнудела. Ягода[17] явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. **ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года.** Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует кстати заметить, что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

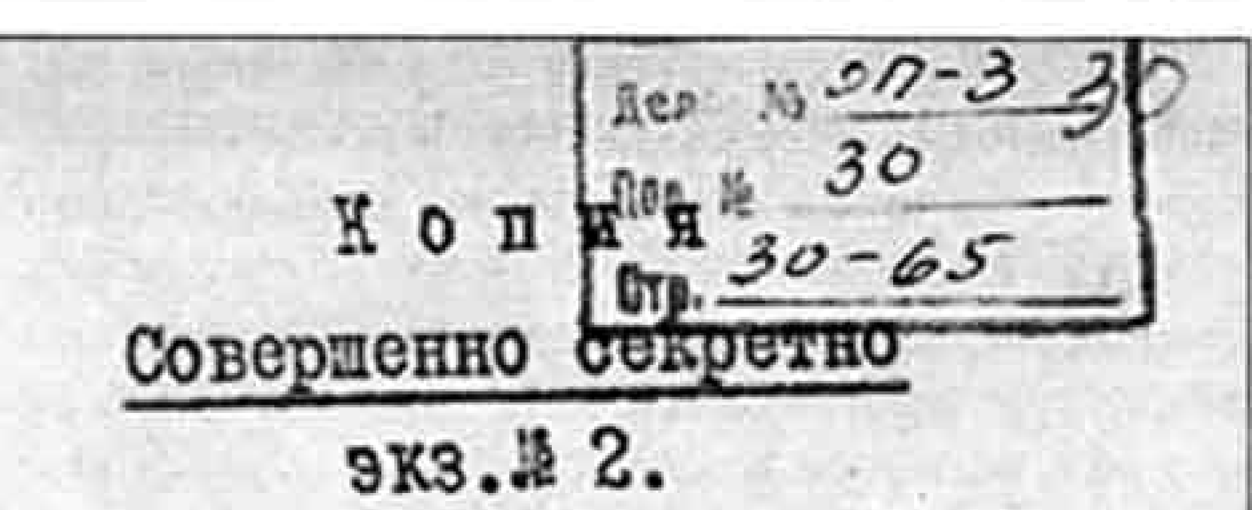
Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года».

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи.

За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

Дел. № ЭП-3 30
Пап. № 30
Стр. 30-65

Копия
Совершенно секретно
экз.№ 2.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3.777.380 человек, в том числе:

к ВМН - 642.980 человек,
к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже - 2.369.220 человек,
в ссылку и высылку - 765.180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек - Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием и 877.000 человек - судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной Коллегией.

Письмо Генерального Прокурора СССР Р.А. Руденко, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра юстиции СССР К.П. Горшенина секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.
1 февраля 1954.ГА РФ. Ф.Р.-9401. Оп.2. Д.450. Л.30-65.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы.

Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты.

И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (Соч., т. 30, стр. 303-304).

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т. п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева[18]. Он говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это – годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов[19] и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов – это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев). А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...» *(Движение в зале.)*

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в **десять** раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав партии, принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии, «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937-1938 годах, были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых «шпионов» и «вредителей», установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной

коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе[20], члена партии с 1905 года. *(Движение в зале.)*

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал, и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

«25 октября с. г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват, хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений, и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело – это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепы, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев[21], особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым, и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем[22], которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука[23], и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня». (Дело Эйхе. т. 1, пакет.)

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня – это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру также с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы». (Дело Эйхе, том 1.)

т. Малину В.Н.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

190

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТРОГО СЕКРЕТНО

Экз. № 00290 *

О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВА Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза

25 февраля 1956 года

Поправки

для Ю

~~Цех. №~~ 11530

...ежит возврату в ЦК КПСС,
сектор Общего отдела
в 3-месячный срок

Текст доклада Н.С. Хрущева "О культе личности и его последствиях". Типографский экземпляр, отпечатанный для рассылки послам СССР в зарубежных странах и ЦК зарубежных коммунистических партий.
25 февраля 1956. Типографский экземпляр с правкой. Экз.№ 00290. По этому тексту печатался тираж в 150 экз. РГАНИ. Ф.1. Оп.2. Д.18. Л.188-210.

4 февраля Эйхе был расстрелян. *(Шум возмущения в зале.)* В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро тов. Рудзутак[24], член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

«...Его единственная просьба к суду – это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц.

Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии. Председатель же этого высокоавторитетного партийного органа стал жертвой грубого произвола: его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать. Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян. *(Шум возмущения в зале.)*

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован.

Каким образом искусственно – провокационными методами – создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т. Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергавшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова[25] Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского[26], который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». *(Движение в зале.)* С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности, – заявил Розенблюм, – Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4-5 человек: Чудов[27], Угаров[28], Смородин[29], Позерн[30], Шапошникова[31] (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2-3 чел...

...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе, – говорил Заковский,– ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4-5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить – пеняй на себя. Выдержишь – сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет». (Материал проверки дела Комарова, л. д. 60-69.)

Вот какие подлые дела творились в то время! *(Движение в зале.)*

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб – орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников», – руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым[32], членом партии с 1914 года.

По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные «право-троцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры» и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. *(Движение в зале.)*

В результате этой чудовищной фальсификации подобных «дел», в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынуж-

денным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы «дела» на видных партийных и государственных деятелей – Косиора[33], Чубаря[34], Постышева, Косарева[35] и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания.

Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания.

В 1937-1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.

Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года[36]. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937-1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937-1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел.

Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкций прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин.

Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.

Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним.

Он мог посмотреть на человека и сказать: «что-то у вас сегодня глаза бегают» или: «почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза». Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел «врагов», «двурушников», «шпионов».

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это «враг народа». А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов.

А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал?

Только одним способом – применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания».

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начал ставить в вину ра-

ботникам НКВД применение физического воздействия к арестованным,– Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах.

Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса[37], который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это – никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги». *(Шум возмущения в зале).*

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

* * *

Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда.

Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и «исследованиях» всецело полководческому гению Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, так как это имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.

Каковы факты в этом вопросе?

До войны в нашей печати и во всей воспитательной работе преобладал хвастливый тон: если враг нападет на священную советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Однако эти декларативные заявления далеко не во всем подкреплялись практическими делами, чтобы обеспечить действительную неприступность наших границ.

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов. Для осуществления этих агрессивных планов заключались всевозможные пакты, блоки, оси, вроде пресловутой оси Берлин – Рим – Токио[38]. Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства, и сконцентрировал большие войсковые соединения, в том числе танковые, поблизости от советских границ.

Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска

начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы – стравить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит «предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля и в последующие дни.

Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: «Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

В своем донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что «...наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнется и в первых числах июня...».

В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 года докладывалось: «Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР, – и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...».

Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения.

Были ли у нас время и возможности для такой подготовки? Да, и время, и возможности были. Наша промышленность находилась на таком уровне развития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым.

Это подтверждается хотя бы тем, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, в результате занятия врагом Украины, Северного Кавказа, западных районов страны, важных промышленных и хлебных районов, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны, пустить там в ход вывезенное из западных промышленных районов оборудование и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мобилизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу.

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову[39] и сказал ему:

– Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие. На это мне Маленков ответил:

– Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами. *(Движение в зале.)*

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, будучи командующим Киевского Особого военного округа (он впоследствии погиб на фронте), написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно подготовляют все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укреплен-

„УТВЕРЖДАЮ"
Начальник Управления КГБ
при СМ СССР
по Московской области
[подпись]
полковник (Логинов)
12 августа 1957 г.

СЕКРЕТНО

26/VIII-57 г. дочери Мининой Т.И.
умер 19 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гор. Москва 12 августа 1957 г.

Я, Пом. оперуполномоченного Учетно-архивного отдела Управления КГБ
(должность)
при СМ СССР по Московской области Ст. Лейтенант Зарайский
(звание и фамилия)
рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 313988 по обвинению
(установочные
Минина Ивана Антоновича, 1879 года рождения, ур.
данные осужденного)
Московской обл, Куровского района, д. Зевнево. проживающего
по Даниловскому вал д. 5 кв. 8
заявление дочери Мининой Татьяны Ивановны.
(родственные отношения, фамилия, имя и отчество)

НАШЕЛ:

Из материалов архивно-следственного дела видно, что Минин И. А.
(фамилия и инициалы осужденного)
осужден 26 сентября 1937 года тройкой УНКВД Мо. к ВМН.
(кем осужден, дата и на какой срок)
Приговор исполнен 27 сентября 1937 года.

В заявлении Минина Т.И. просит сообщить о местонахождении
(фамилия и инициалы заявителя)
осужденного, а в случае смерти выдать свидетельство.

Руководствуясь указанием КГБ при СМ СССР № 108/сс от 24 августа 1955 года, –

ПОЛАГАЛ БЫ:

Зарегистрировать смерть осужденного, для чего сообщить в ЗАГС Москворецкого
(район,
района г. Москвы о том, что Минин И.А.
город или область) (фамилия,
отбывая наказание в ИТЛ, умер 2 октября 1941 года
имя и отчество осужденного) (дата)
от склероза сердца.
(причина смерти)
объявить заявителю о месте регистрации смерти осужденного.

О регистрации смерти осужденного и объявлении заявителю сообщить в первые спецотделы МВД СССР, УМВД Московской области и в Учетно-архивный отдел КГБ при СМ СССР для отражения в учетах, а заявление вместе с перепиской приобщить к архивно-следственному делу № 313988

Пом. оперуполномоченного [подпись] Зарайский
(должность и звание) Л-т

„СОГЛАСНЫ" Начальник ___ отделения

Начальник Учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Моск. обл.
подполковник [подпись] (Фадеев)

Заключение отдела УКГБ по Московской области о сообщении дочери И.А. Минина сведений об отце. 12 августа 1957. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.20581. Л.28.

ных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и так далее.

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на границе делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска уже вторглись на советскую землю и начали военные действия, из Москвы последовал приказ – на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин вопреки очевидным фактам считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ – 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь в глубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937-1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров, как замаскировавшихся врагов. *(Движение в зале.)* Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский[40] (а он сидел), Горбатов[41], Мерецков[42] (он присутствует на съезде), Подлас[43] (а это замечательный командир, он погиб на фронте) и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидала.

Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

– То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями, и вообще не приступал к делам, и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней.

Ф. 896

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

заседания тройки при Управлении НКВД СССР по МО от „26“ IX 1937 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
138. дело № 5504 по обвин. МИНИНА Ивана Антоновича, ур. МО, Куровского р-на, д. Звенево, в 1918г. служил у белых в жандармерии. Старообрядч. начетчик-нелегал. Обвин. в том, что являясь настр. старообрядч. начетчиком, сист. под видом религ. проповедей проводил активн. к/р агитацию, обрабатывал верующих в к/р духе,-	МИНИНА Ивана Антоновича РАССТРЕЛЯТЬ

Секретарь тройки

МИНИН, И.А

Выписка из протокола заседания тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 26 сентября 1937, приговорившей сторожа механического завода И.А. Минина к расстрелу. ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.20581. Л.25 об.

Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян[44], который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас. Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения. Я звоню Василевскому[45] и умоляю его:

– Возьмите, – говорю, – карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. *(Оживление в зале.)* Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции. После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

– Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина, вот чего он нам стоил. *(Движение в зале.)*

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян[46] как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав, когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он «гений», а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт, когда после нашей великой победы над врагом, давшейся нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме его самого.

Сталин проявлял большой интерес к оценке тов. Жукова[47] как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

– Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности, он говорил мне:

– Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

– Не знаю, тов. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков – сразу на пику 7 человек поднимал. *(Оживление в зале.)*

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины или некоторые произведения литературы, которые читать тошно. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии для прославления Сталина как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину «Падение Берлина». Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит – это Поскребышев[48], неизменный его оруженосец. *(Смех в зале.)*

А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина, и все это – вопреки фактам, вопреки исторической правде.

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ – вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Члены ЦК партии, министры, наши хозяйственники, деятели советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники – каждый находился на своем посту и самоотверженно отдавал свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм проявил наш тыл – славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, преодолевая неимоверные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины.

Величайший подвиг совершили в войне наши советские женщины, которые вынесли на своих плечах огромную тяжесть производственной работы на фабриках и в колхозах, на различных участках хозяйства и культуры, многие женщины принимали непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны, наша мужественная молодежь, которая на всех участках фронта и тыла внесла свой неоценимый вклад в дело защиты Советской Отчизны, в дело разгрома врага.

Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его.

Величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения, будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия. *(Бурные аплодисменты.)*

Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев.

В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики.

В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована.

В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику.

Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. *(Смех, оживление в зале.)*

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответ-

ственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое «ленинградское дело»[49]. Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» – это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия «подбрасывал» Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела – Абакумов[50] и другие – были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление «ленинградскому делу» и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предрешена их судьба.

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС[51]. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства? *(Оживление в зале, смех.)*

Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти.

Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции: черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Строительство "совхоза" в Карагандинской области ГУИТК МВД СССР. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.6. Д.49. Л.17

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергии на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года, было 65 процентов населения Турции неграмотным, а среди женщин – около 80 процентов.

В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции (на тысячу человек населения). В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина – «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка. *(Движение в зале.)*

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза. На июльском Пленуме ЦК[52] подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблаговидная роль Сталина. Ведь в «югославском деле» не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито[53], спросил:

– Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

– Вот шевельну мизинцем – и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем – и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем – и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем – и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила мания величия Сталина. Он полностью утрачивал чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран.

Теперь мы внимательно разобрались в вопросе с Югославией и нашли правильное решение, которое одобряется народами и Советского Союза, и Югославии, как и всеми трудящимися стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством. Ликвидация ненормальных отношений с Югославией осуществлена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей»[54]. *(Движение в зале.)* Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание – арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев[55]. Сталин ему прямо заявил:

– Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные – бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

– Вы слепцы, котята, что же будет без меня – погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов. Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания. Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей – это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский[56] говорил, что Берия работал в мусаватистской разведке[57]. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что– либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского.

Были и другие сигналы. Представляет интерес заявление т. Снегова[58] в Центральный Комитет партии (кстати сказать, недавно реабилитированного после 17-летнего пребывания в лагерях). В своем заявлении он пишет:

«В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева[59] мною даны представителю КГБ подробные показания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30.X.1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Заккрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один – живой. На этом заседании И.

В. Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Заккрайкома в составе: 1-м секретарем Картвелишвили, 2-м – Берия (это впервые в истории партии фамилия Берия была названа как кандидат на партийный пост), тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И. В. Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили из Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А. И. и Каганович Л. М., присутствовавшие на этом заседании. Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго[60] в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому «делу» обвиняется в террористическом акте против Берия».

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более, что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева – Батуриной[61], которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в Центральный Комитет партии тов. Андрееву[62] (тов. Андреев был тогда секретарем ЦК) старый коммунист т. Кедров[63]:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими, и жестокими и унизительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом, и настаивая на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвратить от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины – что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л. П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

Старого большевика т. Кедрова Военная Коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия. *(Шум возмущения в зале.)*

Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. *(Шум возмущения в зале.)* Вот что представлял из себя Берия.

Центральным Комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

* * *

Товарищи!

Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементар-

ной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов». Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворнольстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин».

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин – это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

«Сталин – достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин – это Ленин сегодня». Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения:

«Товарищ Сталин, – пишет он, – развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». *(Движение в зале.)*

Далее сам же Сталин пишет:

«Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора – редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)». Что же тут еще больше скажешь! *(Оживление в зале.)*

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина и, по существу,

весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист– ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях[64]. *(Движение в зале.)* Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором ни **слова** нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина – эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волга-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках.

Наружный вид барака № 1. КПП. Наглядная агитация о XX съезде КПСС. Из альбома ОИТК МВД Латвийской ССР. Фотограф неизвестен. 1957. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.6. Д.63. Л.1об

Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он «не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования»?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов[65], как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В. И. Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты, как писалась хотя бы «Краткая биография Сталина», все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль даже при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо принижается.

Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919-й год», где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову[66], конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми – и народом и партией. И внуки за это будут благодарить. *(Продолжительные аплодисменты.)*

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали; вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В. И. Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа – народа-творца, народа-созидателя. *(Аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождал грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей.

Нельзя не видеть и того, что в результате многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных работников многие наши кадры стали работать неуверенно, с оглядкой, бояться нового, остерегаться и собственной тени, меньше стали проявлять инициативы в работе.

А возьмите решения партийных и советских органов. Они стали составляться по шаблону, зачастую без учета конкретной обстановки. Дело дошло до того, что выступления партийных и других работников даже на самых небольших заседаниях, совещаниях по любым вопросам произносились по шпаргалке. Все это порождало опасность оказенивания партийной и советской работы, бюрократизации аппарата.

Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством.

Все, кто хоть мало-мальски интересовался положением в стране, видели тяжелое состояние сельского хозяйства, а Сталин этого не замечал. Говорили ли мы об этом Сталину? Да, говорили, но он нас не поддерживал. Почему же так получилось? Потому, что Сталин никуда не выезжал, с рабочими и колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах.

Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо, Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он все время был тесно связан с народом; принимал крестьян-ходоков, часто выступал на фабриках и заводах, ездил в деревни, беседовал с крестьянами.

Сталин отгородился от народа, он никуда не выезжал. И так продолжалось десятки лет. Последняя его поездка на село была в январе 1928 года, когда он ездил в Сибирь по вопросам хлебозаготовок. Откуда же он мог знать положение в деревне?

И когда Сталину в одной из бесед было сказано, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое, особенно плохо обстоит дело в стране с производством мяса и других продуктов животноводства, была создана комиссия, которой было поручено

подготовить проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах». Мы разработали такой проект.

Конечно, наши тогдашние предложения не охватывали всех возможностей, но были намечены пути подъема общественного животноводства. Предлагалось тогда поднять заготовительные цены на продукты животноводства, чтобы повысить материальную заинтересованность у колхозников, работников МТС и совхозов в развитии животноводства. Но проект, разработанный нами, не был принят, в феврале 1953 года он был отложен.

Более того, при рассмотрении этого проекта Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей – это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и колхозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно, нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали. Если что сказал Сталин, значит, это так и есть – ведь он «гений», а гению не нужно считать, ему достаточно посмотреть, чтобы сразу все определить, как должно быть. Он сказал свое слово, а потом все должны повторять за ним сказанное и восторгаться его мудростью.

Но что было мудрого в предложении увеличить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Ровным счетом ничего, так как это предложение исходило не из реальной оценки действительности, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека.

Сейчас в сельском хозяйстве мы стали понемногу выкарабкиваться из тяжелого положения. Выступления делегатов XX съезда партии радуют каждого из нас, когда многие делегаты говорят, что есть все условия выполнить задания шестой пятилетки по производству основных продуктов животноводства не за пять лет, а за 2-3 года. Мы уверены в успешном выполнении заданий новой пятилетки. *(Продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи!

Когда мы сейчас резко выступаем против культа личности, получившего при жизни Сталина широкое распространение, и говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим чуждым духу марксизма-ленинизма культом, у отдельных людей может возникнуть вопрос: как же так, ведь Сталин стоял во главе партии и страны 30 лет, при нем были достигнуты крупные победы, разве можно отрицать это?

Я считаю, что так ставить вопрос могут только ослепленные и безнадежно загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности революции и Советского государства, не понимают по-настоящему, по-ленински роли партии и народа в развитии советского общества.

Социалистическую революцию совершил рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, при поддержке среднего крестьянства, совершил народ, руководимый большевистской партией. Великая заслуга Ленина состоит в том, что он создал боевую партию рабочего класса, вооружил ее марксистским пониманием законов общественного развития, учением о победе пролетариата в борьбе с капитализмом, он закалил партию в огне революционных битв народных масс. В ходе этой борьбы партия последовательно отстаивала интересы народа, стала его испытанным вождем, привела трудящихся к власти, к созданию первого в мире социалистического государства.

Вы хорошо помните мудрые ленинские слова о том, что Советское государство сильно сознательностью масс, о том, что историю теперь творят миллионы и десятки миллионов людей.

Организаторской работе партии, ее многочисленных местных организаций, самоотверженному труду нашего великого народа обязаны мы своими историческими победами. Эти победы – результат огромной по своему размаху деятельности народа и партии в целом, они вовсе не являются плодом руководства одного лишь Сталина, как это пытались представить в период процветания культа личности.

Если по-марксистски, по-ленински подойти к существу этого вопроса, то надо со всей прямотой заявить, что практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества.

Сталин долгими месяцами не рассматривал многие важнейшие и неотложные вопросы жизни партии и страны. При руководстве Сталина наши мирные отношения с другими странами нередко ставились под угрозу, так как единоличные решения могли вызвать и иногда вызывали большие осложнения.

За последние годы, когда мы освободились от порочной практики культа личности и наметили ряд мер в области внутренней и внешней политики, все видят, как буквально на глазах растет активность, развивается творческая инициатива широких масс трудящихся, как благотворно начинает сказываться это на результатах нашего хозяйственного и культурного строительства. *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи могут задать вопрос: куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они

своевременно не выступили против культа личности и делают это лишь в последнее время?

Прежде всего надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин является одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В. И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным Комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции.

В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Партии пришлось вести борьбу с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути, – с троцкистами, зиновьевцами и правыми, буржуазными националистами. Эта борьба была необходима. Но затем Сталин, все более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы. Как уже говорилось, именно так Сталин поступил с видными деятелями нашей партии и государства – Косиором, Рудзутаком, Эйхе, Постышевым и многими другими.

Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям. В этом отношении характерна история с т. Постышевым.

В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

– Кто вы такой?

Постышев твердо заявил с присущим ему окающим акцентом:

– Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала, как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований «врагом народа».

Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал:

– Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой, или в тюрьму.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы Пленумы ЦК партии фактически не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против той или иной несправедливой или неправильной меры, против очевидных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как уже отмечалось, многие решения принимались единолично или опросом, без коллективного обсуждения.

Всем известна печальная судьба члена Политбюро т. Вознесенского, ставшего жертвой репрессий Сталина. Характерно отметить, что решение о выводе его из состава Политбюро нигде не обсуждалось, а было проведено опросом. Также опросом были проведены решения об освобождении с занимаемых постов тт. Кузнецова и Родионова.

Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок», «девяток». Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

«Предложение тов. Сталина.

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК – И. Сталин».

Что это за терминология картежника? *(Смех в зале.)* Ясно, что создание подобных комиссий – «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток» внутри Политбюро подрывало принцип коллективного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов.

В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии – Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседания Политбюро и посылать ему документы. Когда заседало Политбюро и тов. Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. Сталин иногда разрешал, но всегда выражал недовольство. В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. *(Смех в зале.)* Да, английским агентом. И к нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол.

А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы.

Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального Комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблаговидных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем.

Товарищи! Чтобы не повторить ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно выступает против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно возвеличили. Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

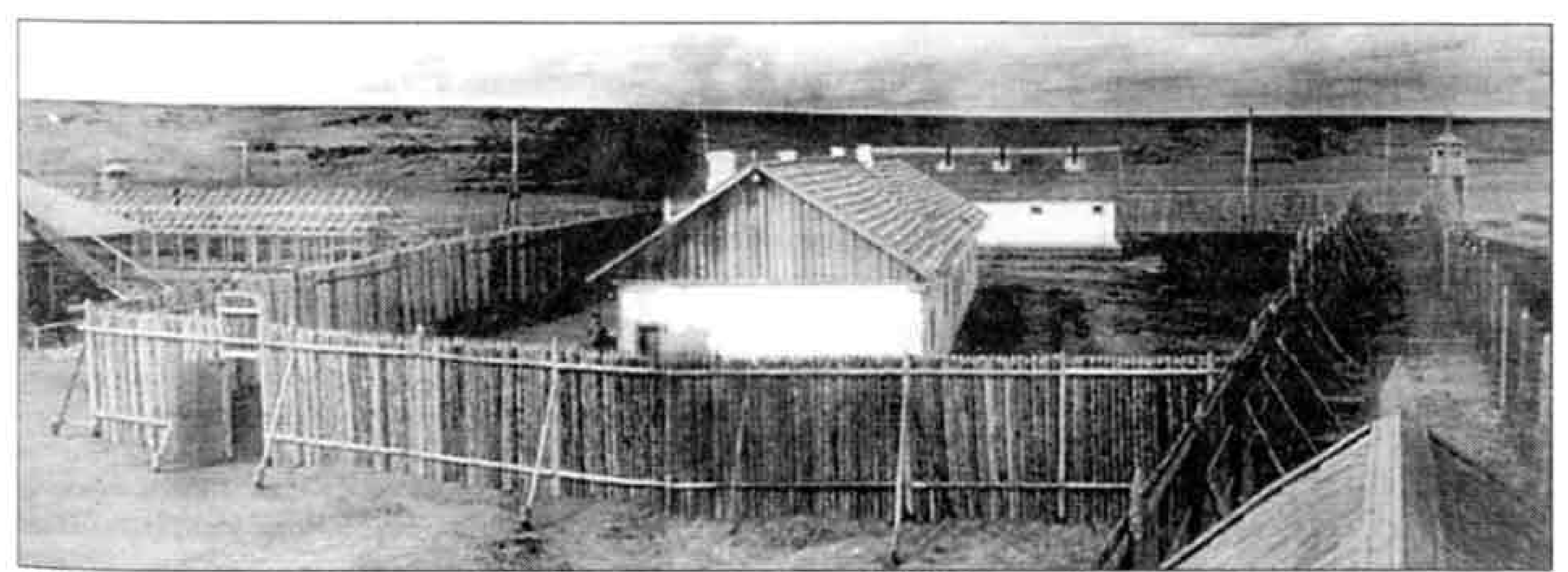
Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!

Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, районам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить. *(Аплодисменты.)*

Но делать это надо с умом, без торопливости. Центральный Комитет обсудит это дело и хорошенько разберется, чтобы не допустить здесь каких-либо ошибок и перегибов. Я помню, как на Украине узнали об аресте Косиора. Киевская радиостанция обычно начинала свои радиопередачи так: «Говорит радиостанция имени Косиора». В один из дней радиопередачи начались без упоминания имени Косиора. И все догадались, что с Косиором что-то случилось, что он, наверное, арестован.

Так что если мы всюду начнем снимать вывески и проводить переименования, то люди могут подумать, что с теми товарищами, чьи имена носят предприятия, колхозы или города, что-то произошло, что, наверное, и они арестованы. *(Оживление в зале.)*

Чем у нас иной раз измеряется авторитет и значение того или иного руководителя? Да тем, что его именем названо столько-то городов, заводов и фабрик, столько-то колхозов и совхозов. Не пора ли нам покончить с этой «частной собственностью» и провести «национализацию» фабрик и заводов, колхозов и совхозов. *(Смех, аплодисменты. Возгласы: «Правильно!».)* Это будет на пользу нашему делу. Культ личности сказывается ведь и в такого рода фактах.

Режимная зона кирпичного завода Особого лагерного пункта (ОЛП) Воркуто-Печорских исправительно-трудовых лагерей МВД СССР. 1946. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.6. Д.24.Л. 19

Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия. *(Бурные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы.

Для этого необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме.

Восстановить и последовательно проводить во всей нашей идеологической работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим нам предстоит провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства. В частности, необходимо в ближайшее время провести работу по созданию полноценного, составленного с научной объективностью марксистского учебника по истории нашей партии, учебников по истории советского общества, книг по истории гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Во-вторых, последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным Комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа – коллективности руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики.

В-третьих, полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности.

Товарищи!

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза с новой силой продемонстрировал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг своего Центрального Комитета, ее решимость выполнить великие задачи коммунистического строительства. *(Бурные аплодисменты.)* И тот факт, что мы сейчас во всей широте ставим принципиальные вопросы о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и о ликвидации причиненных им тяжелых последствий, говорит о великой моральной и политической силе нашей партии. *(Продолжительные аплодисменты.)*

У нас есть полная уверенность в том, что наша партия, вооруженная историческими решениями своего XX съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Да здравствует победоносное знамя нашей партии – ленинизм! *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)*

Примечания

[1] XX съезд КПСС состоялся 14-25 февраля 1956 г. Его работа проходила в Москве в Большом Кремлевском дворце. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан делегатами съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 г.

Предложение о проведении закрытого заседания съезда и выступлении на нем Н. С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» было выдвинуто Президиумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 г. В тот же день состоялся Пленум ЦК КПСС, который принял это предложение.

Ход закрытого заседания съезда не стенографировался. После окончания доклада было решено прений по нему не открывать. По предложению Н. А. Булганина, председательствовавшего на этом заседании, Съезд единогласно принял постановление «О культе личности и его последствиях», которое было опубликовано в печати, а также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати.

1 марта 1956 г. текст доклада, предназначенный для направления партийным организациям, был разослан с запиской Н. С. Хрущева членам и кандидатам в члены Президиума, секретарям ЦК КПСС. В этом тексте была сделана небольшая стилистическая и редакторская правка: даны ссылки на произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и другие цитируемые источники, уточнены даты принятия отдельных документов, включены отступления докладчика от заранее подготовленного текста, отмечена реакция делегатов на те или иные положения доклада.

5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС». В нем указывалось: «1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммуни-

стов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. 2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно». В соответствии с этим постановлением доклад зачитывался на собраниях всех партийных и комсомольских организаций. Этот текст и публикуется в данном номере журнала.

Хрущев Н. С. (1894-1971), член партии с 1918 г., участник гражданской войны, с 1920 г. на партийной и хозяйственной работе. В 1935-1938 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б), в 1938-1949 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно в 1944-1947 гг. Председатель Совнаркома (Совета Министров) Украины. В годы Великой Отечественной войны член Военных Советов ряда фронтов. В 1949-1953 гг. секретарь ЦК, первый секретарь Московского комитета партии. Член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1938 г. кандидат, а в 1939-1964 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1953-1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958-1964 гг. Председатель Совета Министров СССР. С 1964 г. на пенсии.

Булганин Н. А. (1895-1975), член партии с 1917 г., Маршал Советского Союза (1947– 1958 гг.), с 1958 г. генерал-полковник. С 1922 г. на хозяйственной работе, в 1931-1937 гг. председатель Моссовета. С 1937 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член Военных Советов ряда фронтов. С 1944 г. член Государственного Комитета Обороны и зам. наркома обороны СССР. С 1947 г. зам. Председателя Совета Министров СССР и одновременно в 1947-1949 гг. министр Вооруженных Сил СССР. В 1953-1955 гг. министр обороны СССР. В 1955-1958 гг. Председатель Совета Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1934-1961 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948-1958 гг.

[2] Блос Вильгельм (1849-1927), немецкий публицист и историк.

[3] Лассаль Фердинанд (1825-1864), деятель немецкого рабочего движения.

[4] Речь идет о «Письме к съезду», включающем в себя записи, продиктованные В. И. Лениным 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. (см. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343-348).

[5] Зиновьев Г. Е.

[6] Имеется в виду «Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б)», написанный В. И. Лениным 26 октября 1920 г. (см. Полн. собр. соч., т. 41, с. 394, 541).

[7] Берия Л. П. (1899-1953), бывший нарком (министр) внутренних дел СССР, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС. В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС за преступные антипартийные и антигосударственные действия вывел его из состава ЦК и исключил из партии. Он был снят со всех государственных постов.

23 декабря 1953 г. специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило Л. П. Берия к расстрелу.

[8] Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 октября 1941 г. намечалось созвать Пленум ЦК ВКП(б) 10 октября 1941 г. с повесткой дня: «1. Военное положение нашей страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 октября 1941 г. созыв Пленума был отложен «ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей». В годы войны был только один Пленум ЦК, состоявшийся 27 января 1944 г.

[9] Речь идет о комиссии, образованной Президиумом ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии, и других советских граждан в период 1935-1940 гг. В состав комиссии вошли секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов и А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, заместитель Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. Т. Комаров.

[10] Енукидзе А. Е. (1877-1937), член партии с 1898г. С июля 1918г. член и секретарь ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.

[11] Речь идет о постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», получившем впоследствии наименование «Закон от 1 декабря 1934 г.» и действовавшем до 1956 г. Данное постановление не вносилось на утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции СССР.

[12] Николаев Л. В. (1904-1934), состоял в партии с 1924 г. Некоторое время был инструктором Ленинградского обкома партии и Ленинградского института истории ВКП(б). В апреле 1934 г. уволен из института, нигде не работал. 1 декабря 1934 г. совершил покушение на С. М. Кирова. Осужден и расстрелян.

[13] Жданов А. А. (1896-1948), член партии с 1915 г. В 1934-1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934-1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С 1935 г. кандидат в члены Политбюро. С 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[14] Каганович Л. М. (род. 1893 г.), состоял в партии с 1911 г. С 1924 г. член ЦК, с 1925 г. секретарь, с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из партии.

[15] Молотов (Скрябин) В. М (1890-1986), член партии с 1906 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921-1930 гг. секретарь ЦК партии. В 1930-1941 гг. Председатель Совнаркома СССР. В 1941-1957 гг. первый зам. Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941-1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны. В 1939-1949 гг. и 1953-1956 гг. нарком, затем министр иностранных дел СССР, министр Госконтроля. С 1957 г. посол СССР в МНР. С 1960 г. представитель СССР при МАГАТЭ (Австрия). С 1921 г. член ЦК партии. В 1921-1926 гг. кандидат, а в 1926-1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из членов КПСС. В 1984 г. восстановлен членом партии с 1906 г.

[16] Ежов Н. И. (1895-1940), состоял в партии с 1917 г. На XVII съезде партии избран членом ЦК. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936-1938 гг. нарком внутренних дел СССР, затем нарком водного транспорта. С 1938 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован в 1939 г., расстрелян в январе 1940 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

[17] Ягода Г. Г. (1891-1938), состоял в партии с 1907 г. В 1934-1936 гг. председатель ОГПУ, нарком НКВД. С 1936 г. нарком связи СССР. В 1938 г. был предан суду по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.

[18] Постышев П. П. (1887-1939), член партии с 1904 г. С 1926 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1930 г. секретарь, член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1933-1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, затем первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1934 г.

[19] Карпов М. М. (1901-1939), член партии с 1920 г. До ареста работал зав. отделом пропаганды и агитации Киевского обкома КП(б) Украины.

[20] Эйхе Р. И. (1890-1940), член партии с 1905 г. Участник революции и борьбы за Советскую власть в Латвии. С 1925 г. председатель Сибирского крайисполкома, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В 1937-1938 гг. нарком земледелия СССР. С 1930 г. член ЦК, с 1935 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

[21] Ушаков З. М., Николаев-Журид Н. Г., работники НКВД. В 1939 г. арестованы. В январе 1940 г. расстреляны по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

[22] Рухимович М. Л. (1889-1938), член партии с 1913 года. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. С 1920 г. председатель Донецкого губисполкома. С 1925г. на государственной и партийной работе, нарком оборонной промышленности СССР. С 1924 г. член ЦК партии.

[23] Межлаук В. И. (1893-1938), член партии с 1917 г. С 1920 г. комиссар ряда железных дорог, на государственной работе, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1927 г. кандидат в члены ЦК. С 1934 г. член ЦК ВКП(б).

[24] Рудзутак Я. Э. (1887-1938), член партии с 1905 г. С 1917 г. председатель Московского совнархоза. С 1920 г. председатель ЦК железнодорожных рабочих, одновременно генеральный секретарь ВЦСПС, затем председатель Средазбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. секретарь ЦК РКП(б). В 1924-1930 гг. нарком путей сообщения СССР. С 1926 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР, одновременно с 1931 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-Крестьянской инспекции. В 1923-1926 гг. и с 1934 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1926-1932 гг. член Политбюро ЦК. Незаконно репрессирован.

[25] Комаров Н. П. (Собинов Ф. Е.) (1886-1937), член партии с 1909 г. В 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). В 1925 г. секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). В 1926-1929 гг. председатель Ленинградского городского и губернского исполкомов. С 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Член ЦК партии в 1921, 1923-1930 гг. Кандидат в члены ЦК в 1922-1923 гг.

[26] Заковский Л. М., в 1937 г. нач. УНКВД Ленинградской области.

[27]. Чудов М. С. (1893-1937), член партии с 1913 г. В 1928-1936 гг. второй секретарь Ленинградского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.

[28] Угаров А. И. (1900-1939), член партии с 1918 г. В 1934-1938 гг. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), с 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

[29] Смородин П. И. (1897-1939), член партии с 1917 г. В 1921-1924 гг. первый секретарь ЦК РКСМ. В 1928-1936 гг. на партийной работе в Ленинграде. С 1937 г. секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). С 1930 г. кандидат в члены ЦК.

[30] Позерн Б. П. (1882-1939), член партии с 1902 г. В 1917-1918 гг. комиссар Северного фронта, затем на командно-политических должностях в Красной Армии. С 1921 г. на хозяйственной и партийной работе. В 1937-1938 гг. прокурор Ленинградской области. С 1930 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б).

[31] Шапошникова Л. К. (1895-1942), член партии с 1917 г. С 1934 г. член бюро Ленинградского горкома партии.

[32] Кабаков И. Д. (1891-1937), член партии с 1914 г. До 1934 г. первый секретарь Свердловского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.

[33] Косиор С. В. (1889-1939), член партии с 1907 г. В октябре 1917 г. комиссар Петроградского ВРК. Один из организаторов КП(б) Украины. В 1919-1920 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). С 1926 г. секретарь ЦК ВКП(б). С 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1938 г. зам. Председателя Совнаркома СССР, председатель Комиссии советского контроля. С 1924 г. член ЦК РКП(б). С 1927 г. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[34] Чубарь В. Я. (1891-1939), член партии с 1907 г. В 1918-1923 гг. член Президиума ВСНХ. С 1920 г. зам. Председателя, затем Председатель Совнаркома Украины. С 1934 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. С 1937 г. нарком финансов СССР. Член ЦК партии с 1921 г. С 1926 г. кандидат, а с 1935 г. член Политбюро ЦК.

[35] Косарев А. В. (1903-1939), член партии с 1919 г. С 1926 г. секретарь МК ВЛКСМ. С 1927 г. секретарь, а с 1929 г. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1934 г. член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б).

[36] На Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 14 января 1938 г., по докладу Г. М. Маленкова было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

[37] Родос Б. В. (1905-1956), бывший зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД-НКГБ СССР, полковник. Лично принимал участие в фальсификации следственных дел. В 1956 г. приговорен к расстрелу военной коллегией Верховного суда СССР.

[38] Имеется в виду милитаристский агрессивный блок Германии, Италии и Японии, сформировавшийся в 1936-1937 гг.

[39] Маленков Р. М. (1902-1988), состоял в партии с 1920 г. В 1939-1946 гг. и в 1948-1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС). В 1953-1955 гг. Председатель Совета Министров СССР. В 1955-1957 гг. зам. Председателя Совета Министров СССР, министр электростанций СССР. С 1957 г. директор Усть-Каменогорской электростанции. В 1941-1946 гг. кандидат в члены Политбюро, в 1946-1952 гг. член Политбюро ЦК. В 1952-1957 гг. член Президиума ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1961 г. исключен из партии.

[40] Рокоссовский К. К. (1896-1968), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). Перед Великой Отечественной войной был незаконно репрессирован, реабилитирован в 1941 г. В годы Великой Отечественной войны командовал рядом фронтов. После войны главнокомандующий Северной группой войск. С 1949 г. министр национальной обороны и зам. Председателя Совета Министров ПНР, Маршал Польши. С 1956 г. зам. министра обороны СССР, затем на других высших командных должностях. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961-1968 гг.

[41] Горбатов А. В. (1891-1973), член партии с 1919 г. Генерал армии (1955 г.). Участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Перед войной был незаконно репрессирован. В период войны занимал ряд командных должностей. После войны командовал Воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952-1961 гг.

[42] Мерецков К. А. (1897-1968), член партии с 1917 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). С 1937 г. зам. начальника Генштаба, с сентября 1938 г. командовал войсками Приволжского, затем Ленинградского военных округов. С 1940 г. начальник Генштаба, с 1941 г. зам. наркома обороны СССР. Перед войной был незаконно репрессирован. В Великую Отечественную войну командовал армиями, рядом фронтов. После войны командовал войсками ряда военных округов. Кандидат в члены ЦК партии в 1939-1956 гг., член ЦРК КПСС в 1956-1961 гг.

[43] Подлас К. П. (1893-1942), член партии с 1918 г. Генерал-лейтенант (1941 г.). Участник первой мировой, гражданской войн. Был незаконно репрессирован. В Великую Отечественную войну командовал армиями. Погиб в бою.

[44] Баграмян И. Х. (1897-1982), член партии с 1941 г. Маршал Советского Союза (1955 г.). В Великую Отечественную войну зам. нач., нач. штаба Юго-Западного фронта, Юго-Западного направления, командующий армией, с 1943 г. командовал рядом фронтов. После войны – командующий войсками Прибалтийского военного округа, зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1961-1982 гг.

[45] Василевский А. М. (1895-1977), член партии с 1938 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник первой мировой и гражданской войн. С августа 1941 г. зам. нач., нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР. В 1942-1944 гг. координировал действия ряда фронтов. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом, с июля 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. После войны нач. Генштаба, зам., первый зам. министра, министр Вооруженных Сил, первый зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1952-1961 гг.

[46] Микоян А. И. (1895-1978) – член партии с 1915 г. В 1920-1926 гг. секретарь Нижегородского губкома партии, Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского крайкома партии. В 1926-1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли и ряда других наркоматов. С 1937 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В 1941-1946 гг. член Бюро Совнаркома СССР. В 1942-1945 гг. член Государственного Комитета Обороны. В 1946-1964 гг. зам., первый зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1964-1965 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1965-1974 гг. член Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1923-1976 гг. С 1926 г. кандидат, а в 1935-1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

[47] Жуков Г. К. (1896-1974), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник первой мировой и гражданской войн. В январе-июле 1941 г. нач. Генштаба – зам. наркома обороны СССР. С начала Великой Отечественной войны – член Ставки Верховного Главнокомандования, затем командующий Резервным и Ленинградским фронтами и главнокомандующий Западным направлением. Командовал Западным фронтом при обороне Москвы. С августа 1942 г. первый зам. наркома обороны и зам. Верховного Главнокомандующего. Координировал действия фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В 1944-1945 гг. командовал 1-м Украинским фронтом, координировал действия 1-го и 2-го Белорусского фронтов, командовал 1-м Белорусским фронтом. После войны занимал ряд высших государственных и командных постов. В 1955-1957 гг. министр обороны СССР. Кандидат в члены ЦК партии в 1941-1946 гг. и 1952-1953 гг. Член ЦК КПСС в 1953-1957 гг. Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956-1957 гг.

[48] Поскребышев А. Н. (1891-1965), член партии с 1917 г. После Октябрьской революции на советской и партийной работе. С 1922 г. работал в ЦК партии инструктором по учету, зам. управляющего делами, помощником секретаря ЦК. В 1928-1953 гг. зав. особым сектором Секретариата ЦК, секретным отделом и особым сектором ЦК партии. В 1952-1954 гг. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС. В 1934-1939 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б), В 1939-1954 гг. член ЦК партии.

[49] О так называемом «ленинградском деле» см. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 2, с. 124-137.

[50] Абакумов В. С. (1908-1954), состоял в партии с 1930 г. В органах госбезопасности с 1932 г. В 1946-1951 гг. министр государственной безопасности СССР. В июне 1951 г. исключен из партии. В декабре 1954 г. приговорен к расстрелу.

[51] Речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о якобы вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия. 10 апреля 1953 г. эти решения были отменены постановлением ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР».

[52] Имеется в виду июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором был заслушан и одобрен доклад Н. С. Хрущева об итогах советско-югославских переговоров.

[53] Тито Иосип Броз (1892-1980) – деятель югославского и международного коммунистического и рабочего движения. С 1940 г. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии, с 1952 г. Генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии, с 1966 г. председатель СКЮ. С 1945 г. глава государства и правительства ФНРЮ (затем СФРЮ).

[54] Речь идет о сфабрикованном в 1952-1953 гг. деле по обвинению группы врачей в проведении шпионской и террористической деятельности. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. были полностью реабилитированы 37 врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях».

[55] Игнатьев С. Д. (1904-1983), член партии с 1926 г. В 1951-1953 гг. министр государственной безопасности СССР. В 1953-1957гг. – первый секретарь Башкирского, а в 1957-1960 гг. Татарского обкомов КПСС, в 1952-1953 гг.– секретарь ЦК КПСС.

[56] Каминский Г. Н. (1895-1938), член партии с 1913 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, затем на хозяйственной и советской работе. С 1930 г. секретарь МК ВКП(б). С 1932 г. председатель Мособлисполкома. С 1934 г. нарком здравоохранения. Кандидат в члены ЦК ВКПГ(б) в 1925-1927 гг. и с 1934 г.

[57] Мусаватисты-члены азербайджанской буржуазной националистической партии «Мусават» («равенство»). Существовала с 1911 г. После Октябрьской революции выступила инициатором провозглашения Азербайджанской буржуазной республики (1918-1920 гг.).

[58] Снегов А. В. (род. 1898), член партии с 1917 г. С 1931 г. член бюро Закавказского крайкома ВКП(б), затем на советской и партийной работе в Сибири, на Украине, в Куйбышеве, Мурманске. Незаконно репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1954 г.

[59] Картвелишвили Л. И. (Лаврентьев) (1890-1938), член партии с 1910 г. С 1923 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии, второй секретарь Закавказского крайкома партии, председатель Совнаркома Грузии. С 1929 г. – нач. политуправления Украинского военного округа, второй секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1931 г. секретарь Закавказского, Западно-Сибирского, Дальневосточного крайкомов, Крымского обкома ВКП(б). В 1930-1934 гг. кандидат, с 1934 г. член ЦК ВКП(б).

[60] Орджоникидзе Г. К. (Серго) (1886-1937), член партии с 1903 г. С 1920 г. – председатель Кавбюро ЦК РКП(б), первый секретарь Заккрайкома партии, Северо-Кавказского крайкома партии. С 1926 г. – председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ, зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности. Член ЦК партии с 1921 г. В 1926-1930 гг. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[61] Кедров И. М. (1908-1940), член ВКП(б), старший лейтенант госбезопасности, сын Кедрова М. С. (см. примечание 63); Голубев В. П. (1913-1940), кандидат в члены ВКП(б), лейтенант госбезопасности. Арестованы в 1939 г., расстреляны 25 января 1940 г. вместе с Н. В. Батуриной.

[62] Андреев А. А. (1895-1971), член партии с 1914 г. С 1920 г. секретарь ВЦСПС, одновременно в 1924-1925 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1927 г. секретарь Северо-кавказского крайкома ВКП(б). С 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1931 г. нарком путей сообщения СССР. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б). В 1939-1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б). С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. Член ЦК партии в 1920-1961 гг. Кандидат в члены Политбюро ЦК в 1926-1930 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932-1952 гг.

[63] Кедров М. С. (1878-1941), член партии с 1901 г. В 1906-1907 гг. руководитель большевистского книжного издательства «Зерно». С ноября 1917 г. член коллегии наркомата по военным делам, комиссар демобилизации старой армии, на командных должностях на Северном фронте. С марта 1919 г. нач. Особого отдела ВЧК, член комиссии НКВД. После гражданской войны работал в ВСНХ, Верховном суде СССР, Госплане РСФСР.

[64] Сталинские премии 1-й, 2-й и 3-й степеней присуждались в 1940-1952 гг.

[65] Решение о сооружении в Москве Дворца Советов было принято в 1922 г. на I съезде Советов СССР. Перед Великой Отечественной войной начиналось его сооружение.

[66] Ворошилов К. Е. (1881-1969), член партии с 1903г. С 1925г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. С 1934 г. нарком обороны СССР. С 1940 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны. С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1953-1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1921-1961 гг. и 1966-1969 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926-1960 гг.

Печатается по тексту первой и единственной публикации в журнале «Известия ЦК КПСС» 1989, №3.

Лубянка, 1953 г.

СИНДРОМ НЕРАСКОЛДОВАННОГО ПРОШЛОГО

В канун 50-летнего юбилея «секретного» доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС общество «Мемориал» в Москве провело круглый стол и публичную дискуссию по теме «1956–2006: сбывшееся и несбывшееся». Участникам – известным историкам, экономистам, общественным и политическим деятелям – было предложено обменяться мнениями и размышлениями по проблемам:

– Что главное в «сталинистской модели» общества и государства? Менялась ли эта модель за полвека и если да, то как?

– Что такое «антисталинизм»? Существует ли «антисталинистский общественный проект» и если да, то что он предлагает России?

– Уходит ли страна со «сталинского пути» или все еще блуждает в окрестностях сталинизма **и по другим смежным вопросам.**

Предлагаем запись выступлений на круглом столе с небольшими сокращениями.

От имени «Мемориала» всех приветствовал председатель правления Международного «Мемориала» **Арсений Рогинский**.

Александр Даниэль, *историк, сотрудник НИПЦ «Мемориал», ведущий круглого стола.*

– Круглых столов, приуроченных к 50-летнему юбилею так называемого «секретного доклада» Хрущева сейчас по Москве проходит очень много. Некоторые из них, уже состоявшиеся и еще планируемые, очень интересны. Мы решили отличиться от всех тем, что нашей темой будет не доклад Хрущева и не XX съезд, а 50 лет, которые прошли после этого доклада. Кажется более или менее понятным, что содержанием этой половины века была борьба между тем, что называют «сталинизмом» и «антисталинизмом».

Нам хотелось понять в ходе разговора, что такое сталинизм как система, что такое антисталинизм и стоит ли за этим термином какое-то содержание. Что происходит с нами – мы ходим вокруг сталинизма, удаляемся от него или крутимся по злосчастной спирали. Все это крайне актуально.

Хочу напомнить, что еще в начале 60-х поэт Борис Чичибабин в одном из самиздатских стихотворений произнес формулу «Не умер Сталин». Проходит почти 30 лет, и Михаил Гефтер называет одну из статей «Сталин умер вчера». Не удивлюсь, если сегодня кто-нибудь напишет текст «Сталин умрет завтра». Странные вещи происходят с этой фигурой и с тем социальным явлением, которое она символизирует. С этими странностями мы и хотели бы разобраться.

Александр Аузан, *доктор экономических наук, президент Института национального проекта «Общественный договор».*

– Я представляю направление в современной экономической теории, которое называется новой политической экономией и которое экономическими методами исследует политические явления. Постараюсь ответить на вопросы, предложенные участникам круглого стола.

Итак, что главное в сталинской модели? Я подхожу к сталинской модели с позиции тех инструментов, которыми владеет известное мне направление. Сталинская модель – это особая форма вертикального социального контракта, причем вертикальный контракт отличается от горизонтального тем, что права распоряжения своими правами передаются некоторому субъекту, они постоянно могут перераспределяться.

Однако вертикальный контракт неоднократно встречался в истории, и первый признак, необходимый, но недостаточный для сталинской модели, – то, что сталинская модель впитала в себя традиционные черты российского вертикального контракта, а именно: самодержавие, крепостничество и то, что на русском языке называется «держава», а по-петровски должно называться «империя». Вот эти три вещи вошли в фундамент сталинской модели.

Но последняя отличается тем, что это тоталитарное государство, где личные свободы отданы в обмен на гарантии со стороны государства. И поэтому сталинская модель сформировала некоторый особый образ социальной справедливости, которым отличалась не только от предшествующих моделей вертикального контракта, но и от других тоталитарных государств.

Самая мощная черта социальной справедливости в сталинской модели – выдвиженчество, возможность движения снизу вверх, которая, на мой взгляд, была тесно связана с репрес-

сивным обновлением. Донос есть главный инструмент этого выдвижения снизу вверх, и поэтому этот механизм работал до тех пор, пока работал репрессивный механизм. Если говорить о том, насколько данная справедливость была реальной, то существуют разработки 70-х годов по так называемой «теории справедливости» в области философии и экономики, и некоторые исследователи в данной области, скажем, Мансур Олсон, справедливо утверждают, что здесь нет механизма, который работал бы на наименее преуспевших членов общества. Реально его нет.

Есть так называемый «инфрамаржинальный налог», то есть государство берет у тех, кто внизу, гораздо больше, чем у тех, кто вверху. Вот, на мой взгляд, чем определяется модель. Традиционные предпосылки – русская версия вертикального контракта + тоталитарное государство в варианте, когда формируется своя модель социальной справедливости.

Арсений Рогинский

Какова дальнейшая историческая эволюция данной модели? Вообще, с позиций новой политической экономии, все тоталитарные системы неустойчивы. В какой момент они все начинают разлагаться? Как только перестает действовать интенсивное поле идеологии, обнаруживается, что издержки террора слишком велики. Система сама начинает двигаться в сторону авторитарной модели.

Я думаю, что десятилетия, прошедшие после смерти Сталина, были последовательным разложением модели и возвращением к достаточно традиционной для России схеме вертикального социального контракта с элементами крепостничества, самодержавия и империи.

Причем мы и в 90-е годы, и сейчас можем ощущать те или иные элементы вертикального социального контракта – но это, конечно, уже не сталинизм. Здесь есть необходимый элемент достаточного признака сталинского строя.

Антисталинские проекты. Строго говоря, их два. Именно потому, что строго говоря, сталинская модель определяется как традиционными, так и совсем нетрадиционными вещами, связанными с моделью справедливости. Может быть, антисталинский проект – он-то именно и реализуется – традиционного, типа, который отвергает тоталитарное государство, воссоздает определенную сословность и т. д. Он явился преобладающим в последние 50 лет.

Другой вариант – я бы его назвал европейским, имея в виду, что Европе пришлось реализовывать антитоталитарные проекты. Но если Европа прошла через денацификацию (Германия) и восстановила горизонтальный социальный контракт, то в России этого не произошло. Некоторый шанс для этого сохранялся в 90-е годы, а сейчас мы снова вернулись к консервативной модели. Она не сталинская и даже антисталинская, но в традиционно-консервативном смысле.

Уходит ли страна со сталинского пути или все еще ходит в окрестностях сталинизма? Сейчас, конечно, мы возвращаемся к нему. Но это возвращение носит, на мой взгляд, иллюзорный характер – это приближение к некоторым идеям и мифам сталинской эпохи. Почему?

Мы находимся в периоде реакции, последовавшей за преобразованиями 90-х годов. Она имеет в себе некоторые реставрационные тенденции. Ведь что распалось в начале 1990-х? Социальная система и империя. Поэтому нынешнее приближение состоит, с одной стороны, в том, что растет имперский синдром – вспоминают великую державу, которая наибольшего «величия» достигала, скорее всего, при Сталине; с другой стороны, растет стремление к справедливости, которая вроде бы была и вроде бы была утрачена.

Я считаю, что для антисталинского проекта сейчас важно, какую реальную замену можно предложить этим иллюзорным фактам общественного сознания. Поскольку империя невосстановима, это, на мой взгляд, категорически исключено, то встает вопрос о том, может ли появиться иная модель справедливости, которая реализуется как замена той фантомной боли по

поводу справедливости, вроде бы существовавшей в рамках сталинской системы.

Дмитрий Фурман, *доктор исторических наук, политолог, главный научный сотрудник Института Европы РАН.*

– Я хочу немножко поговорить вокруг Никиты Сергеевича и XX съезда. Мне представляется, что в истории мы должны различать события разной степени переломности. По-настоящему важное событие – то, которого могло бы не быть, но которое, уже произойдя, создает относительно устойчивую систему. Вот таким очевидно важным событием мне представляется Великая Октябрьская революция.

Этой революции, безусловно, могло бы не быть. Другое дело, что вряд ли альтернативой этой революции была демократическая Россия. Возможности, шансы на демократическую Россию в 1917 году были абсолютно ничтожны. Но веер возможностей был грандиозен. И зависело от совершенно случайных вещей, что победила революция. Дальше возникает ситуация, которая упрочивается. Возникает живой организм. Я бы сравнил это с периодами нашей личной биографии. Нас всех могло бы не быть.

Но вот организм зародился, родился, на начальных этапах его легче подавить, чем на последующих, а дальше он живет своей естественной жизнью, проходя через естественные стадии. Молодость со свойственной ей агрессивностью, зрелость, старость и смерть. С моей точки зрения, бессмысленно даже спрашивать, где кончался тоталитаризм, это разные стадии одного живого организма.

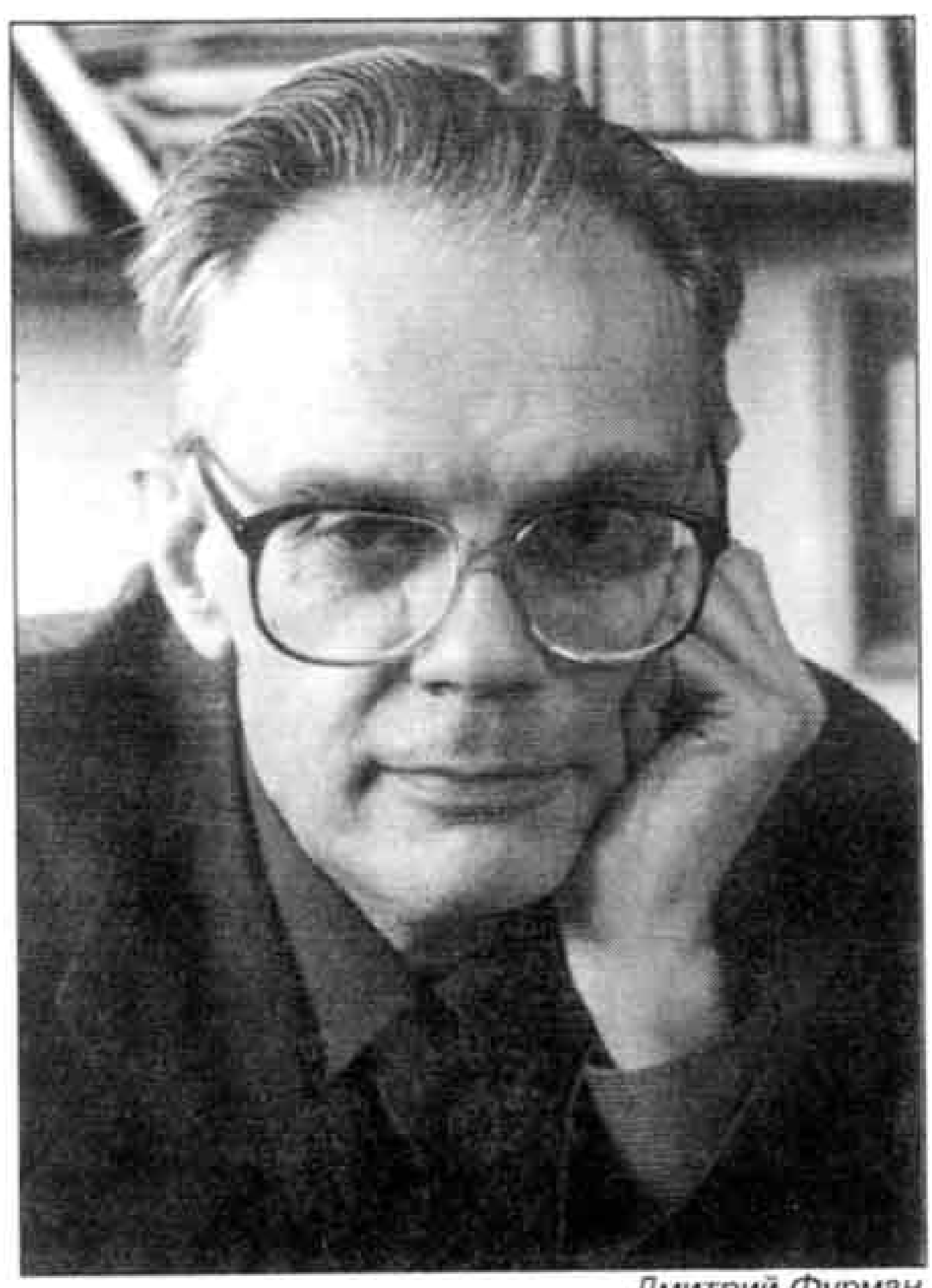
И есть внутренняя, нормальная, естественная логика, ведущая от одной стадии к другой, которые и олицетворяются фигурами Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, ну и Горбачева. Октябрьская революция представляется мне эпохальным событием – осуществившимся выбором из большого веера возможностей, многие из которых мы себе представить не можем. Вообще, историческая наука, она очень относительная наука.

А хрущевская реформа, отказ от культа личности, мне таким событием не представляется. Это нормальный этап эволюции этого режима. Об этом говорит, прежде всего, то, что существовал фактически консенсус всех руководителей, что десталинизация должна быть. И началась она до Хрущева. Я склонен верить тому, что пишут о Берии, что у него были планы такого же типа. И дело врачей-вредителей было ликвидировано до установления власти Хрущева. Почему существовал этот консенсус?

Потому что выдвиженцы, о которых говорил Александр Александрович [Аузан], уже выдвинулись, заняли свои места и их естественным стремлением было избавиться от страха. Социальный интерес элиты, верхушки, уже диктовал десталинизацию. Они свое получили и хотят пользоваться этим дальше без страха. Начался процесс трансформации элиты, сформированный сталинской эпохой, который прямой линией идет до согласия на приватизацию. Все начинается от желания «чтобы меня завтра не расстреляли», а потом – при Брежневе – нужно передать статус.

Начинается эпоха детей, и возникает формула, которая мне тогда страшно нравилась: «красиво жить не запретишь». Это один аспект. Второй – мотивы людей всегда существуют в сложном переплетении эгоистических мотивов и идеалистических. Идеалистический мотив тоже был совершенно естествен и закономерен: возвращение к нормам ленинской партийной жизни.

Период Сталина был периодом максимального удаления от источников идеологии, запихивания Маркса и Ленина непонятно куда. Такое движение неизбежно должно породить обратное движение, своеобразный протестантизм – таков ритм развития догматической системы. То есть и социальное содержание, и идеологи-

Дмитрий Фурман

ческая форма были абсолютно естественными, они задавались самой системой.

Хрущевская реформа была великим событием для людей – закончился террор., Но в смысле развития системы это событие не эпохальное. Настоящий перелом и настоящий веер возможностей возник только после смерти системы, в 1991 году.

Здесь снова был большой выбор, веер, снова зафиксировался один вариант – и дальше следующий выбор будет лет этак через 20-30, потому что дальше идет нормальная логика развития организма Ельцин – Путин и кто там будет дальше.

Александр Даниэль.

– У нас выясняется, конечно же, некое отсутствие конвенций в терминологии. В одном случае о сталинизме говорится как о некоей общественной модели, в другом – о сталинском периоде, являющемся нормальной фазой более общего процесса.

Что касается теории о бериевском антисталинском проекте – она, насколько я понимаю, уже не дискутируется, а становится общепризнанной по совокупности известных фактов. Понятно, что, говоря о Берии, мы говорим о палаче, но в марте-июне 1953 года он был одним из самых радикальных антисталинистов.

Григорий Явлинский, *доктор экономических наук, глава партии «Яблоко».*

– Я буду говорить буквально тезисами. Первый тезис: XX съезд мне представляется внутрисистемным событием, решавшим внутренние задачи этой системы. Я хотел задаться таким вопросом: почему реформы в таких странах, как Польша, Чехия, Венгрия и других, по сравнению с Россией, прошли значительно более успешно? Мне представляется, что в названных мною странах произошла реальная демократическая революция.

Александр Даниэль

Их суть заключалась в том, что к власти пришла новая элита, совсем другая. В России этого не случилось. А почему? Потому что там этот революционно-демократический процесс начался: в Венгрии – в 1958 году, в Чехии – в 1967, в Польше – в начале 70-х, там появлялась внесистемная, новая политическая элита. У нас этого не было.

У нас было довольно мощное диссидентское движение, но оно, как вы знаете, за власть не боролось. А там пришли к власти такие люди, как Гавел, с другим мышлением, другими целями, другим пониманием действительности. У нас же элита раскололась, но она была той же. И ее часть, далеко не самая лучшая, пришла к власти. Из-за этого произошла такая приватизация, а не другая, и многие вещи такие, а не другие.

Не произошло настоящей дебольшевизации и десталинизации страны, этого просто не было. А это означает очень существенную вещь – не произошло самоидентификации страны. Не было общественной работы по тому, чтобы ответить: мы кто? Россия – это какая страна? что она собой представляет? куда она идет? А следовательно, не было ответа на вопрос: что произошло в 1917 году? Об этом никто не сказал, что в ноябре был захват власти. Прочитать это, конечно, можно, но я сейчас о другом говорю. О том, что это был силовой захват власти совершенно преступной группой, которая властвовала в течение 70 лет и последовательно проводила покорение народа, чтобы удерживать свою власть. Разными способами принуждая его к покорности. Было несколько этих волн покорения, и война объективно сложилась как такой этап, и после войны это происходило.

В отличие от Германии, где имелось существенное отличие – там Гитлер был избран, а у нас никто никогда не избирался, большевистский режим силой пришел к власти и проводил регулярные чистки для ее укрепления. Как только граждане впервые получили хоть какую-то отдушину – они сразу же проголосовали иначе. Это отдельная большая тема: как должна бы

Григорий Явлинский

проходить десталинизация, но тогда надо было бы сказать, что новая российская власть является наследником всего, что случилось между ноябрем 17-го и 90-м годом.

Если бы это было сказано, тогда было бы проще отвечать, что случилось во время войны, что это было с Прибалтикой, Западной Украиной и т. д., – тогда на многие вопросы появились бы внятные ответы. И совсем по-другому развивалась бы ситуация, и, уж конечно, не было бы этих гимнов и памятников. В фундаменте системы, в которой мы сегодня живем, лежит то же самое устройство, которое было создано в 30-е годы.

Суть этого устройства состояла примерно в следующем. Демократическая конституция – историки говорят, что формально существовавшая конституция была вполне для того времени демократичной. Но при этом – отсутствие независимости суда, отсутствие независимости всякого законодательного процесса, какой-либо независимости прессы, свободного общественного мнения, вырабатываемого прессой, и тотальный контроль за экономикой. Конечно, сейчас все не может существовать прямо в таких формах.

Скажем, вместо Госплана существует «Госклан», я бы так его назвал, когда небольшая группа, очень узкий круг людей держит ключевые командные высоты. Но суть устройства не очень отличается. Нет разделения властей. Ну, не до такой степени, не до такого масштаба. Мера, конечно, имеет огромное значение – вот мы тут собираемся, нас снимают, где-нибудь покажут по телевизору…

Александр Даниэль.

– В Австрии, как выяснилось. (*Смех*)

Григорий Явлинский.

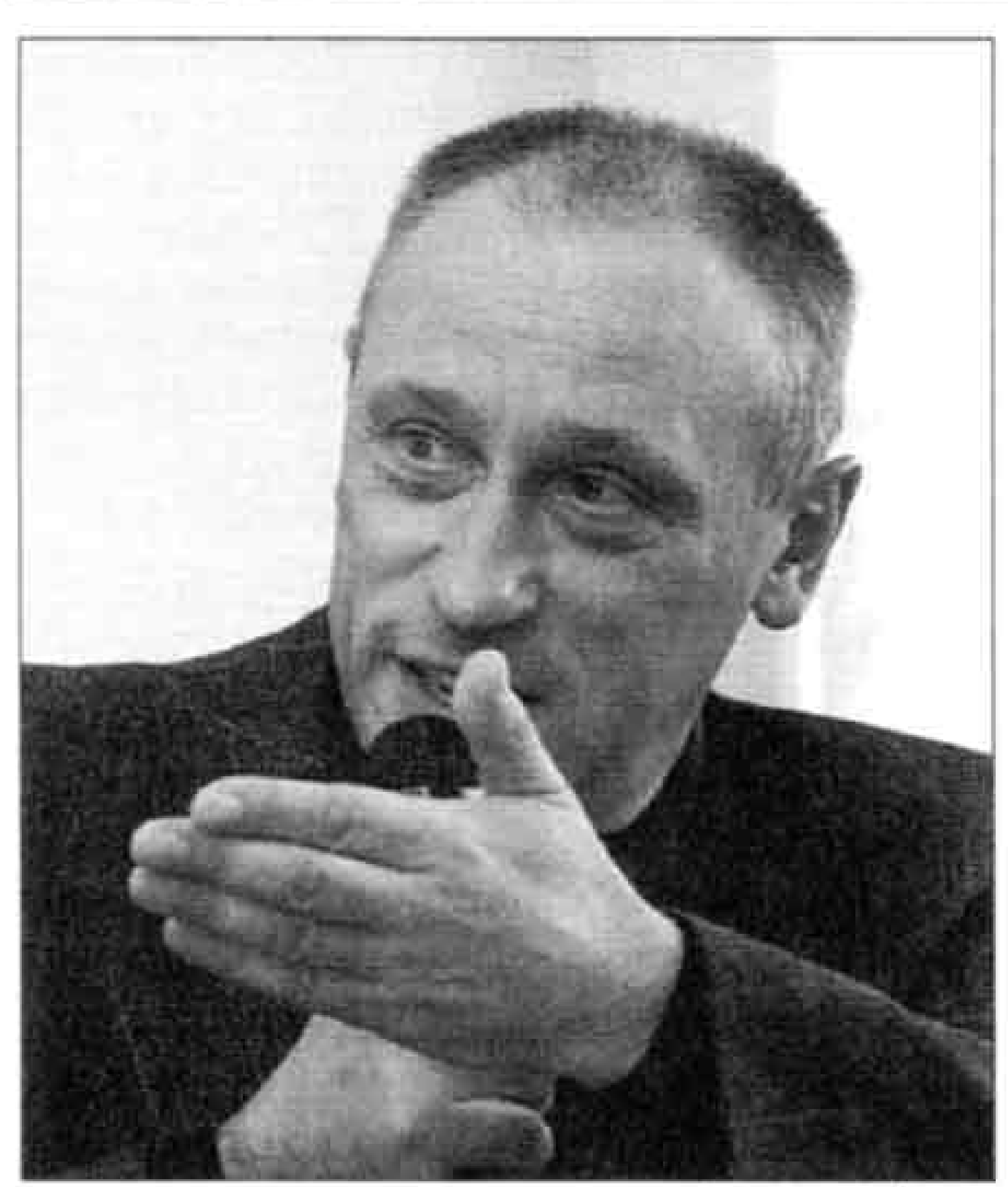
– В Австрии – это тоже очень хорошая вещь. Но суть-то, устройство, механизм тот же. Посмотрим, какие главные, фундаментальные основы у большевистско-сталинской системы можно выявить. Ну, самые главные. Их, наверно, много. Но я бы свел до двух: «цель оправдывает средства» и «люди – мусор». Сырьевая страна, в том смысле, что люди являются сырьем.

Пожалуйста, в жэк можете пойти – встретитесь с таким отношением, в армию можете пойти, в политику, куда ни пойдете – встретитесь с таким отношением. Отсюда очень серьезный и важный вывод: случилось так, что в XX веке было две чудовищных системы – фашистский нацизм и сталинский большевизм. Но так сложилась история, что фашистский нацизм был вычищен, выкинут из истории на свалку, а сталинский большевизм оказался победителем. Он на этом очень много приобрел, по факту. И он не исчез, а мимикрировал, трансформировался. Он стал принимать новые формы: XX съезд – это одна из форм. Суть сохранилась, поэтому в Новочеркасске расстреляли рабочих, когда надо было расстрелять.

Поэтому на вопрос, какой мне недавно задали: а почему оттепели всегда сменяются заморозками? – легко ответить: потому, что это оттепели, а не весна и не лето. Оттепель посередине января, и вот мы сейчас сидим с открытым окном, но заморозки могут грянуть в любой момент.

Сейчас мы видим, что «цель оправдывает средства» не только в России – и в мировой политике, но там это смягчено. Та самая real politique, построенная не на нравственных соображениях и всем том, что появилось в Европе после второй мировой войны, а на соображениях какой-нибудь «трубы». И все же они там с издержками своей «реальной политики» как-нибудь, наверное, справятся. Здесь очень много значит мера.

Сегодня у нас система мимикрировала, она является в другом образе. Образ этот заключается в том, что если тоталитарная система от каждо-

Александр Аузан

го требовала любви и наказывала, если вы ее не любите, то эта система, сегодняшняя, авторитарная или как ее там называть, она любви не требует.

Можете ее не любить, можете все эти речи рассказывать, которые мы сейчас ведем, – только не мешайте! А вот если будете ей мешать, получите большие проблемы. Но суть осталась неизменной. Поэтому проблема дебольшевизации, десталинизации и, как сейчас любят говорить, создания национальных проектов – это права человека, независимая судебная система, современная пенитенциарная система и так далее.

Да и удаление таких названий, как Коммунистический тупик, Большевистский проспект, Улица чекистов, памятников такого рода – это вещи очень полезные. Этим нужно заниматься. Я очень благодарен «Мемориалу» за то, что всем этим он занимается каждый день, и за то, что он организовал такую дискуссию.

Александр Даниэль.

– Я бы лично название «Коммунистический тупик» все-таки оставил… (*Смех*)

Григорий Явлинский.

– Ну, если там никто не будет жить… Там же люди живут!

Александр Даниэль. А если говорить серьезно, то Григорий Алексеевич ответил на вопрос, который меня лично очень занимает. Можно ли вообще уйти от сталинизма нереволюционным путем? Можно, я расставлю точки над i? Речь идет о том, что разрыва преемственности не случилось, что система трансформируется, оставаясь в своих сущностных чертах той же самой. Но понятно, что изменить систему вместе с ее сущностными чертами можно, только разорвав традицию. А разрыв – это всегда революция. Она может быть мирной, но она революционна по природе своей. Понятно, что в начале 90-х у нас произошла не революция, скорее всего, это был путь самореформирования системы, но мнение Григория Алексеевича, что система нереформируема в принципе, мне кажется очень важным.

Григорий Явлинский.

– У меня нет такого мнения, что она нереформируема в принципе. К счастью, я этого не знаю. Иначе тогда зачем всем этим заниматься. Я считаю, что ее надо реформировать, а что получится, история покажет. Но я хотел сказать еще одну вещь. Доказательство континуума, определенной институциональной непрерывности. Часто говорили, что в начале 90-х годов произошли революционные изменения – формы собственности и т. д.

А вот интересно, что эти революционные изменения начались – это я вам хочу сказать, как экономист, – еще до XX съезда, на пленуме ЦК КПСС, когда там выступил Каганович, в то время председатель Госкомитета по труду, и сказал, что больше централизованный пересмотр норм невозможен. Вы, наверно, помните, что снижались цены, но, правда, перед этим проходил централизованный пересмотр норм. Нормы, условно говоря, повышались на 15%, а цены снижались на 5% за счет этого пересмотра норм.

Это было принудительное увеличение производства. Снижение зарплаты, по существу. Каганович сказал на том пленуме: больше мы не сможем в масштабах страны это провести; я знаю обстановку на предприятиях, рабочие это больше не примут. И тогда пленум или, наверное, заседание Политбюро приняло, как ему казалось, соломоново решение: передать нормирование выработки на предприятия, а фонд зарплаты сохранить за Госпланом. Это был момент, когда директор почувствовал: так я тут почти хозяин!

Понятно, если норма в ваших руках, а зарплата идет сверху, то за счет манипулирования нормой вы можете сделать все. Потом постоянно шел разговор о самостоятельности предприятий, хозяйственной реформе, но тогда была первая ласточка. Тогда директора, назначаемые обкомами, стали чувствовать себя хозяевами. Поэтому в 91 году они молчали. Они понимали:

вот наступает момент, когда они просто станут хозяевами. Ну, кто как сумел, так своим хозяйством и распорядился, – но сам процесс начался еще тогда. Тогда система потеряла цельность и это был конец системы в том виде, в каком ее создали в 30-40-е годы. Она стала изменяться, и закончилось это приватизацией.

Лев Тимофеев, *писатель.*

– Если бы меня обозначили как экономиста, которым я отчасти являюсь, я бы вспомнил о том, как трудно было реформировать колхозы и почему они до сих пор нереформируемы, – потому что удобно воровать. У меня нет стройного выступления.

Я не знаю, что такое сталинизм. Недавно мне пришлось по нынешней работе вспомнить о таком человеке, как отец Дмитрий Дудко, и я заглянул в интернет. Читаю его статью «Он был настоящим христианином». О ком, как вы думаете? Верно, о Сталине! И в ней приводятся два подписанных им документа. В первом, 1923 года, говорится: хватит уже разрушать церкви! Две трети церквей разрушено – хватит! Настоящий христианин! Второй документ: хватит без суда и следствия убивать священников и верующих, пересмотреть их дела и… думаете, реабилитировать? Нет, назначить им наказание, не связанное с лишением свободы. Какого года документ? 39-го. 37-38 прошли. Дудко, обнародуя эти документы, говорит: вот он, радетель за судьбы православия!

Александр Даниэль.

– Мне помнится, отец Дмитрий сам при Сталине сидел?

Лев Тимофеев.

– Он каялся – позже, что плохо говорил о Сталине. Дело не в Дудко. Эти идеи поддержаны, они помещены не на сайте Дудко, а на христианском сайте. Поэтому когда мы говорим о Сталине, о преемственности, у меня двойственное ощущение. Ну да, Сталин – как такой председатель колхоза, с одной стороны, очень строгий, но с другой, это ведь колхоз, в котором можно было устроиться удобно воровать. И под этой жесткой сталинской рукой было удобно.

Я не думаю, что дело в вариативности поведения элит в России. Вот чудесным образом в России победит СПС или партия «Яблоко» – я не думаю, что они смогут проводить в современной России успешную политику.

Не знаю, с каких времен нужно вести этот континуум, со Сталина, с XIX века или с более ранних времен, но вряд ли он примет решительную программу демократических перемен. Это мой личный опыт. О сталинизме можно поговорить как о некоей метафоре жесткой власти, но не как о продолжающейся системе.

Я думаю, наши сегодняшние вызовы связаны с более масштабными реалиями, чем время Сталина или время Хрущева, – с историей России.

Никита Соколов, *историк, редактор политического отдела журнала «Отечественные записки».*

– Россия оказалась в чрезвычайно сложном историческом положении, когда не было внешней силы, которая могла произвести коренную десталинизацию, а собственные силы на нее почему-то не решились. Для этого им было отпущено ровно четыре месяца – от августа 91-го до февраля 92-го, но политическая власть почему-то на это не пошла.

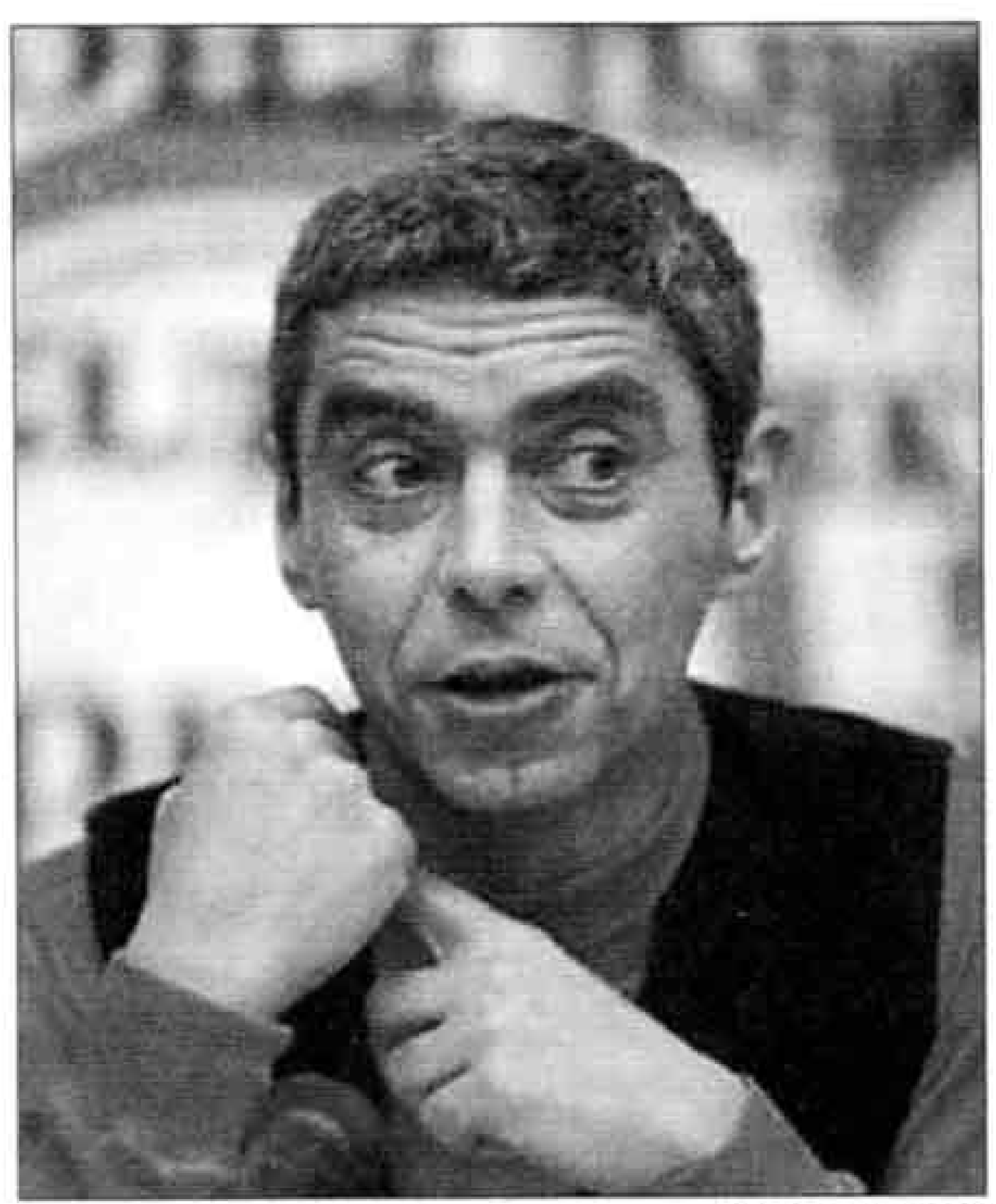
И мы с вами будем вынуждены бороться с этим проектом будущего на равных, поскольку он юридически не осужден. На нем не поставлено клеймо противоправного деяния, и с ним приходится спорить как с приличным.

Эта задача – конкурирования с этим проектом, как с приличным, приличными средствами – не городового позвать и сказать: здесь такой-то хвалит Сталина, уберите его, а спорить с ним, – эта задача крайне затруднена в силу одной чрезвычайно важной особенности российского сознания. В сознании наших сограждан угнездился специфический образ собственной истории.

Дело в том, что люди действуют не в истории. В нашем разговоре история упоминалась уже многократно и при этом как субстанция самодовлеющая, движимая какими-то собственными механизмами. Нет никакой субстанции,

Лев Тимофеев

Никита Соколов

которая могла бы быть названа историей, помимо человека и его деяний.

История – это деяния самостийного человека, обладающего свободной волей. Тем не менее, в головах наших соотечественников безусловно господствует та схема отношения к своей истории в частности и к историческому процессу вообще, которую следует назвать «карамзинской».

Этот карамзинский стереотип, образ истории, созданный в начале XIX века для нужд империи, притом православной, был замечательно приспособлен для своих нужд советской эпохой, пережил советскую эпоху и продолжает господствовать в головах.

Большинство из здесь сидящих учились в школе, когда там вдалбливался казенно-догматический марксизм. При всей кондовости он был логически складным: производительные силы, производственные отношения и т. д. А как монгольское иго в эти отношения влезает? Логикой объяснить невозможно. Карамзин придумал так гениально, что влезло даже в теорию формаций. Эта схема чрезвычайно мощная, Карамзин был гений.

Она неудобна, прежде всего, двумя обстоятельствами. Первое – это схема принципиально государственническая. В рамках карамзинского подхода как только нарушается властная вертикаль, как только от нее что-то убывает, тут же начинаются всякие несчастья. И поэтому мы обречены любить эту властную вертикаль, как бы она ни безобразничала, – любить взахлеб, иначе нам полная погибель.

Этот краеугольный камень карамзинской схемы плотно сопрягается с теми историческими фактами, которые за последние полтора века, после Карамзина, наша наука обрела.

Второй важный аспект образа истории в головах наших сограждан – это представление об истории как фатально закономерном и целенаправленном процессе. Этот тезис я готов иллюстрировать и доказывать всячески. Это встречается так часто, что даже вполне почтенный академический публицист может пустить в статье такую фразу: не важно, что думал сам Горбачев, – он был орудием истории.

Представьте, где же находится тот субъект, который, как грабли, держит Горбачева?

Борьба, в которой, в частности, участвует «Мемориал», и я рад в ней ему содействовать, – борьба за иной, не сталинский проект будущего, осмеливаюсь это говорить, обречена на неудачу, пока в головах наших современников господствует это представление о том, что такое история.

Оно диктует нам то, что мы имеем или великую мессианскую историю, или не имеем никакой. Или мы «твари дрожащие», или народ-богоносец, третьего не дано. В рамках карамзинской схемы Иосиф Сталин безусловно типологически более правильная фигура исторического деятеля, претендующего на место в вечности.

Пока этот концепт истории вообще и российской истории в частности не будет поколеблен, борьба проектов будущего, условно называемых сталинским и антисталинским, будет идти без успеха для последнего.

Поэтому для тех, кто заинтересован в другом будущем для России, есть совершенно конкретная задача – потребовать новый учебник истории, основанный на другом концепте истории, нежели гордость героическими предками.

Александр Даниэль.

– Добавлю, что такой «антиучебник» существует и одним из его авторов является Никита Павлович Соколов.

Никита Соколов.

– Я же не мог сам себя рекламировать…

Александр Даниэль.

– Но мне-то можно! В этом учебнике рассматривается целая цепь исторических развилок «от Гостомысла до наших дней», и получается, что на каждой развилке наша страна почему-то выбирала, условно говоря, плохой вариант…

Олег Волобуев, *доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного педагогического университета.*

– В разговоре, который здесь происходил, постоянно не учитывались две вещи. Бесспорно, что люди – не орудия, а творцы истории.

Потому, когда мы говорим о десталинизации, мы не должны фиксироваться только на том, что происходило наверху.

Был и другой процесс – снизу. Это постепенное раскрепощение мысли у значительной части общества.

Второе – это мировое влияние на этот процесс. Мы не были таким уж изолированным обществом, как какое-нибудь племя в бразильской сельве.

Александр Аузан.

– Мне кажется, что у нас есть три момента, которые обозначились в дискуссии. Во-первых, мы имеем дело с реальной жизнью сталинской модели в современной России или нет? Я продолжаю настаивать, что нет.

Я соглашусь с Никитой Павловичем, что от окончательной десталинизации нас отделяет модель, которую описал Н. А. Бердяев, когда сказал, что в 1917 году перед взглядом русского человека парадом прошли все партии и идеи. И что же выбрал русский человек? Державу и царя. Мы с этим выбором имеем дело.

А сталинизм есть в каком-то смысле экстремальное отклонение при довольно уникальном стечении обстоятельств, которое закономерно должно было разложиться, и мне кажется, что окончательно десталинизировать страну не дает именно сохранение линии Карамзина. Я тут совершенно согласен.

Второй момент, дискуссионный. Я не согласен, что следующая оттепель через 20 лет и что это оттепель. Ну а почему мы так считаем, что в истории дверцы прорублены и следующая дверца – через 20 лет? На мой взгляд, у нас нет ровно никаких оснований, чтобы так обобщать.

Я думаю, что альтернативных точек гораздо больше. Но это только возможности, которые сами собой нас не выводят из колеи. На мой взгляд, реакция в России уже сама себя начинает жрать, прямо сейчас. Если первый период президентства Путина реально отвечал каким-то задачам и делал историческую работу реакции, то второй период уже, простите, фарсовый.

Я не берусь предсказывать, но думаю, что некоторые точки альтернативы уже не так далеко. И последнее, сам антисталинский проект должен модифицироваться. Вряд ли мы должны возвращаться к тому, что сделали европейцы 40 лет назад в Германии, ушел этот момент.

Мы должны отвечать тому вызову, который зреет в реальном российском обществе. Я считаю, что сегодня это вызовы, связанные с возрождением великодержавности и с возрождением тяги к справедливости.

И, на мой взгляд, уж никак не на путях возрождения великодержавности, на которой и держится линия Карамзина, сегодня стоит антисталинский проект. Он стоит на модернизированном ответе, как может быть реализована схема справедливости в России.

Если этот ответ находится, то в очередной альтернативной точке наши шансы возрастают. В остальном, по-моему, наши мнения близко сходились – расходилась терминология. Я тоже большой противник фаталистического взгляда на историю. Он у нас так распространен, что мы сами себя постоянно завораживаем мыслями, что так жили, так живем и так будем жить. Это неверно.

Александр Даниэль.

– Насчет реакции, мне вспомнились строчки, которые вы, конечно, знаете:

Ах, русское тиранство – дилетантство, –
Я бы учил тиранов ремеслу.
(*Давид Самойлов, «Пестель, поэт и Анна»*)

Какая-то реакция у нас невнятная и неграмотная. Реакция ведь тоже имеет свою историческую задачу, а наша своей миссии не выполняет или выполняет через пень колоду.

Владимир Лысенко, *доктор политических наук, депутат Государственной Думы РФ.*

– Уважаемые друзья, я буду выступать не столько как историк и политолог, сколько как действующий политик, которого очень волнует, а что же будет дальше и каков будет результат того, о чем мы здесь говорим.

Я себя отношу к «детям XX съезда», хотя бы потому, что родился в 1953 году. У меня мама преподавала историю КПСС, а папа – научный коммунизм, я учился в 70-х в МГУ на кафедре истории КПСС, где нам объясняли, что Хрущев был абсолютно не прав. Перелом в моем политическом сознании произошел уже на рубеже 80-90-х годов, и мой любимый «Мемориал» как раз и был воспитателем этого перелома. Я считаю, что это уникальнейшая структура, это наше всеобщее достояние, которое нам всем необходимо беречь и поддерживать.

Теперь о «внуках» XX съезда. Я с прошлого года читаю политологию в Высшей школе эко-

Владимир Лысенко

номики и провел такой опрос: ребята, напишите, за кого вы проголосовали на прошедших выборах в Государственную Думу? Каково же было мое потрясение, когда оказалось, что 80% проголосовало за «Единую Россию».

Я говорю: да вы что, такие молодые, ну почему? А они отвечают: да что за вас, демократов, голосовать, что от вас толку, к власти вы все равно никогда не придете. А это партия власти, от нее можно получить хорошие места, хорошую работу. Их цинизм и прагматизм меня потряс. И это самый демократический вуз, туда приглашают лучших профессоров со всей Европы.

Молодежь слушает, что они говорят, но делает совершенно противоположное. Это меня, конечно, как политика, вводит в пессимизм. Закон политического однообразия действует абсолютно железно. 9 месяцев демократии, потом 40 лет сталинского тоталитарного режима. 8 лет «оттепели» и потом 25 лет брежневского застоя. 10 лет более или менее все-таки демократического устройства при Ельцине и сейчас опять еще 10-15 лет придется коротать свой срок, потому что реально надеяться на какие-то изменения невозможно.

«Единая Россия» уже миллион человек записала в свою партию, в нее вступили все губернаторы, кроме 3 человек, почти все мэры туда вступили. Элита России идет в КПСС № 2. Ничего фактически не меняется. Люди как были привержены монархической традиции, такими и остаются. Стоит цыкнуть сверху, и все построились и пошли в казарму.

Хотя опросы центра Левады немного греют душу: 60% наших граждан за то, чтобы мы были европейской страной, вступили в Европейский Союз, 30% – за империю. Ценности все же поменялись. Люди, которые побывали за границей, начали разбираться, что империя-то нас не кормит, что там народ живет намного лучше и что самые большие вооруженные силы – сегодня не самое большое достижение.

Сознание меняется, но очень медленно. Поэтому у меня есть два вопроса, на которые я не нахожу ответа.

1. Способна ли российская демократическая элита довести до ума европейский проект? Европа точку невозврата давно прошла, эти проблемы там давно решили, а мы все мечемся между Европой и Азией, залетаем в Азию на 30-40 лет, чуть вздохнем и опять уходим в Азию. Наша элита пока не показывает мужества и способности преодолеть эту проблему. 2. Сможет ли наша политическая элита выставить таких лидеров, которые смогут успешно завершить демократический проект? Я не вижу никого, кто мог бы реально конкурировать на следующих президентских выборах в нашей стране. Мы даже объединиться никак не можем на выборах.

А. Даниэль.

– Володя, по-моему, ответ на твой вопрос содержится в твоем же выступлении. Пойдем ли мы в Европу? Пойдем, но строем. (*Смех*)

Борис Дубин, *социолог, культуролог, ведущий научный сотрудник Аналитического центра Юрия Левады.*

– Я хотел бы оспорить четыре понятия, которые сегодня активно использовались. Первое – элита. Не буду доказывать, буду говорить тезисно. Я считаю, что ни в советской, ни и в сегодняшней России элиты нет. Мы имеем дело, с одной стороны, с номенклатурой, а с другой стороны, с интеллигенцией – это совершенно другие социальные образования.

Надо разбираться, как они связаны между собой, в каком отношении исторически и хронологически они находятся с элитой, но отождествлять их нет никакого основания. Второе – идеология. Я думаю, что в советском строе, в частности, в сталинском, да и в послесталинском строе идеология играла 53-ю роль.

Работала система, а идеология начинала работать только тогда, когда соединилась с идеей изоляционизма и с идеей особого пути. А до этого было наплевать, какая идеология, она могла быть всемирной, националистической или вообще никакой, это было неважно.

Третье и, может быть, самое существенное – преемственность.

Я думаю и просто слышал это, сидя в зале, что все, о чем говорилось сегодня, свидетельствует о нарушении преемственности. Система невоспроизводима, она не может воспроизвестись и вынуждена проводить реформы, ломаться, набирать какую-то немножко другую номенклатуру, но что-то делать. Она может попытаться «подморозиться», но и это уже очень плохо получается.

Мне кажется, что сегодня мы крутимся – и исторически, и здесь, за этим столом, – внутри очень характерной конструкции. Есть некоторый путь, который мы обозначаем шифром «Сталин», об этом уже говорилось – это имперский путь, причем в условиях, когда империя уже невозможна. И это фантомная боль или ностальгия по империи. И второй путь, который мы обозначаем шифрами «оттепель», «демократия», «Европа», но, вообще говоря, альтернатива состоит в том, что есть путь к универсальному человеку (универсальному не значит всеобщему), к такому обществу, которое ориентировано на все другие, учитывает их опыт.

Сталинская система на какое-то время построила «закрытую банку». И это стало для нее погибелью. Погибель пришла не извне, она погибла именно в том, что была построена закрытая система, не воспроизводимая далее. Она может только разлагаться, и с этим разложением мы имеем дело – об этом сегодня тоже говорилось.

И последнее слово, которое я хотел бы оспорить, – это история. Почему мы думаем, что у России есть история? Почему мы думаем, что у Советской России есть история? Может быть, у нее есть синдром нерасколдованного прошлого, из которого мы не можем вытянуть ноги? Об этом сегодня Никита Соколов уже немножко говорил.

Все-таки история – это возможность рационализировать свое прошлое и вытащить из него ноги, если есть такое желание и есть для этого определенные силы.

Вторая часть того, что я хотел сказать. Мне кажется, к чему пришла система, и сталинская система, и попытки ее реформировать, – к тому, в чем сегодня просто находимся. Я, как социолог, обозначил бы это как три кризиса.

Кризис идентичности: кто такая Россия, кто такие мы? Ясно, что есть «мы», что есть «они»» и есть «он», который нас возглавляет. И ни одно из этих составляющих не определено. Значима только композиция.

Второй кризис – партнерства: с кем мы?

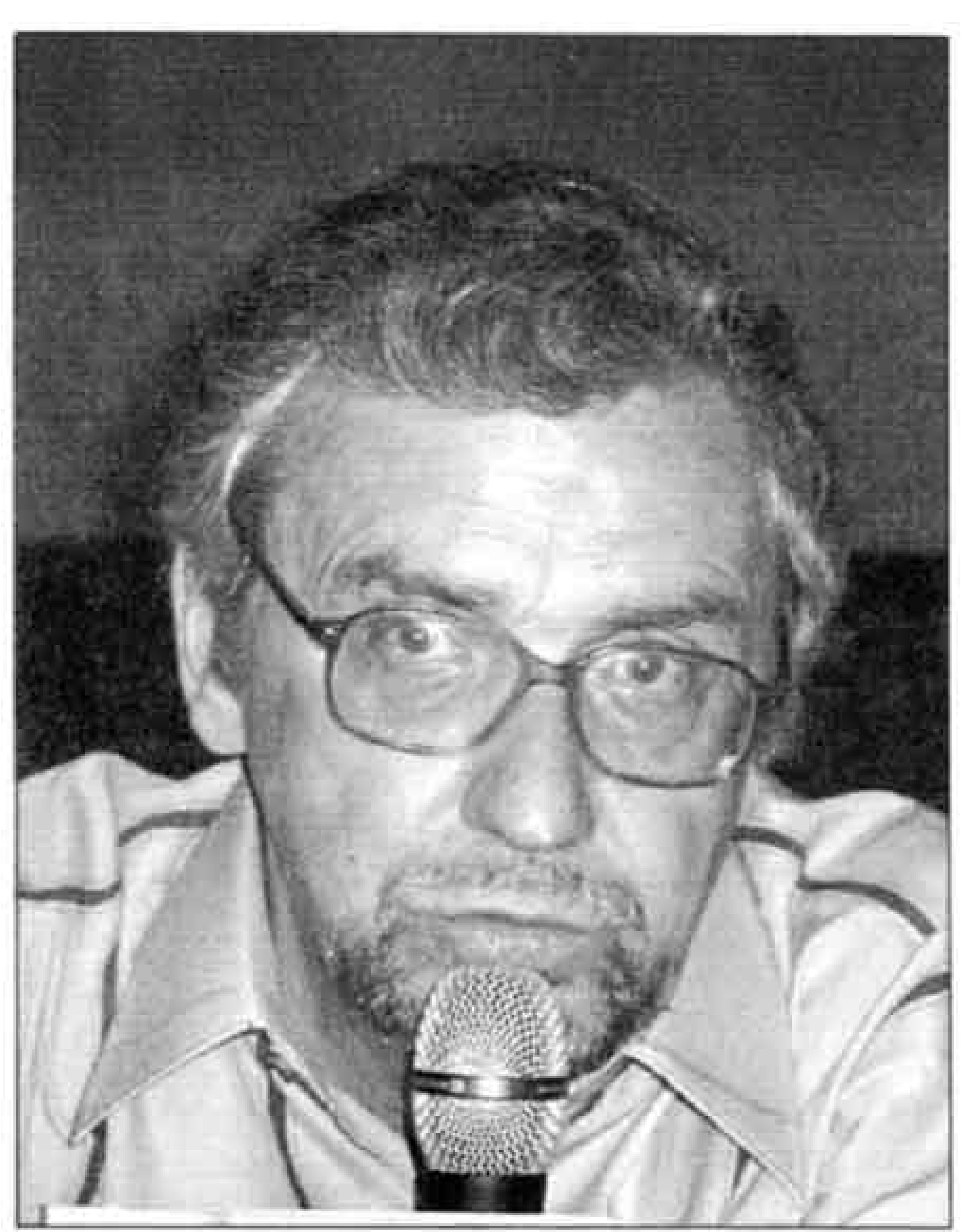
И третий кризис – альтернативы: есть какой-то другой путь?

И совсем уже последнее. Мне кажется, что какой-то единой линии уже нет. И история XX века это показала, и, тем более, история начала XXI века это показывает. Некоторая единая линия модернизации, может быть (я очень сомневаюсь), на какой-то период была в Европе XIX века, а для Европы XX века это уже вещь совершенно не характерная.

Будут и есть совершенно разные пути, в том числе модернизация без вестернизации, в том числе модернизация как у нас сейчас, то есть массовизация общества без модернизации его институтов. Нельзя сказать, что ничего не модернизировано – есть, и даже очень, компьютеры стоят в Ленинской библиотеке, только она продолжает оставаться Ленинской. (*Смех*)

Есть ли возможности выхода? Конечно, и всегда были. Система разлагается. И в этом смысле все зависит от того, что мы, здесь находящиеся и за стенами этого зала находящиеся, сумеем с этим сделать. Ограничителей у системы, как я понимаю, два. Первый – равнодушие массы.

Действительно, здесь я отчасти соглашусь с Григорием Алексеевичем Явлинским, который говорил, что та система хотела, чтобы ее любили. Не знаю, не уверен, но, по крайней мере,

Борис Дубин

требовала делать вид, и мы делали вид, что хорошо к ней относимся.

Нынешняя – совершенно не рассчитывает на поддержку. Она рассчитывает на равнодушие. И это один из ограничителей системы. Второй ограничитель – это разложение интеллектуального слоя. Глубочайшее разложение, и интеллектуальное, и моральное.

Посмотрите вокруг, посмотрите в телевизор, послушайте, что говорят так называемые «звезды» политики, эстрады, общественного мнения и так далее. Глубочайший цинизм, полнейшая бесперспективность, привычка выкручиваться из любой ситуации и надежда, что он из нее выкрутится, – вот, мне кажется, ограничители такие. А возможности? Возможности есть всегда. (*Аплодисменты*)

А. Даниэль.

– Я благодарен Борису Дубину за замечательную формулу – «синдром нерасколдованого прошлого». Ведь про это вся наша дискуссия. Весь вопрос: станет ли концепт сталинизма частью «нерасколдованного прошлого» России, как бывают «вечные вопросы», как уже почти два века русское сознание мечется внутри оппозиции «славянофилы – западники». Таким же мифом русской политической жизни на полвека стала тема «сталинизм – антисталинизм».

Виктор Сокирко, *экономист, правозащитник.*

– Тут говорили, что осуждение культа личности было некой разборкой внутри властной элиты или номенклатуры. А для меня это было событием всей жизни. После Горбачева, казалось, это событие встанет на свое реальное место, но с приходом Путина все возвращается назад. Одновременно 1956 год для меня был связан со страхом венгерской революции.

Это стыдно, наверное, что не только Хрущев и Андропов испугались, но и я, простой студент-баумановец. Что слом системы власти приведет к большим потрясениям в Поднебесной. Потом я стал читать самиздат, венгерские материалы и стал понимать, что не все это было так опасно. Думаю, у Хрущева тоже было два страха – возврата Сталина и демократической контрреволюции. И этот двойственный страх будет и дальше, пока не будет дан правильный ответ, как изменить строй, избежав насилия сверху и снизу.

Я считаю, такой ответ уже был дан правозащитным движением, Есениным-Вольпиным, сформулировавшим идею: власть должна соблюдать конституцию. Нужно добиваться того, чтобы власть осуществлялась в законных рамках. Еще я хочу сказать, что, будучи «инакомыслящими», мы очень мало спорили о проектах будущего. К спору между Сахаровым и Солженицыным у нас было мало интереса.

Виктор Сокирко

Виктор Шейнис, *доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, член политсовета партии «Яблоко».*

– В российской истории просматриваются две логики, которые я бы условно обозначил как логика XVIII века и логика XIX века. Логике XVIII века соответствует замечательная мысль В. Гроссмана во «Все течет» о том, что прогресс в России (в технике, науке, ремеслах и особенно связанный с расширением государства) сопровождался закреплением несвободы.

С начала XIX века действует другая логика – чередования циклов европеизации и реакции. С 1917 года произошло возвращение к логике XVIII века. Громадный технический прогресс: стройки, заводы, космос и прочее, а с другой – криминальная несвобода.

Следующий мой тезис: Россия станет европейской страной и ее модернизация осуществится в европейских формах. Я не согласен с глубоко уважаемым мною Борисом Дубиным, я думаю, что модернизация обязательно предполагает расширение зоны свободы, в этом суть исторического прогресса, об этом Гегель когда-то говорил.

Или Россия рухнет, прекратит свое существование. Мы не знаем, сколько нам отведено времени, чтобы сойти с того пути, по которому мы идем, и вернуться на путь восстановления

демократических, свободных форм общественной жизни.

Следующий тезис: в XX веке было две попытки. Первая попытка – хрущевская модернизация. Никто ничего не понимает: ни Хрущев, ни его окружение, ни интеллигенция, которая в лучшем случае толкует о восстановлении ленинских норм партийной жизни, но, тем не менее, идет некоторое движение, которое при благоприятных условиях, которых, к сожалению, не было, могло бы дать новое качество.

Этого качества не было дано – и мы получили, кстати, не после свержения Хрущева, а уже при нем, те зигзаги, когда оттепель побивают морозы. Таких зигзагов можно отметить 7-8 в этом коротком периоде.

Наступает застой, а затем горбачевская перестройка – при гораздо более зрелых условиях. И лидер образованнее, интеллигентнее… хотя тоже ничего не понимает… (*Смех*).

При Хрущеве там, на самой верхотуре, был в лучшем случае один Микоян, здесь все-таки складывается грамотная команда советников и в значительной мере ведет его. Здесь же возникают и общественные силы, и примерно к 89-му году реформаторы в руководстве партии перестают быть единственной движущей силой перемен.

Возникают общественные движения, «Мемориал», «Московская трибуна», Межрегиональная депутатская группа, ДемРоссия и т. д. Итог? То, что мы имеем сегодня. (*Смех*)

Гораздо более зрелые и развитые условия – а результат оказался схожим.

Самый главный вопрос: почему у нас не получилось? Демократы никогда не были у власти, хотя таково общенародное представление, распространенное и среди интеллигенции. Говорят, демократы проиграли…

Демократы могли стать самостоятельной силой, но они предпочли сначала стать эшелоном поддержки харизматического лидера, а потом превратились в обоз. Я не знаю, когда и при каких условиях возникнет третья попытка, но я верю в прогресс и поэтому считаю, что еще при моей жизни, далеко уже немолодой жизни, нечто такое интересное может произойти.

Даже если в короткие сроки это не произойдет, то давайте размышлять, что можно и нужно сделать сегодня, чтобы третья попытка началась с иных стартовых условий.

Сергей Ковалев, *председатель Российского «Мемориала».*

– Дело историков – судить: есть такая наука, как история или нет, но есть последовательность событий, и мне этого достаточно, чтобы сказать, что история существует. И эта последовательность событий тоже может кого-то учить, а может и не учить. Чаще не учит, нежели учит.

Теперь, что касается утверждений, будто идеологии не было в советском периоде, потому что, как я понимаю, круто безобразничали и круто воровали (хотя воровство тоже было чем-то ограничено, например, партийной дисциплиной). Мне кажется, что это тоже не совсем верно.

Я не знаю, можно ли это назвать идеологией, это опять вопрос о терминах, я думаю, что идеи имелись крепкие, и одна из них была идея самовластия, абсолютных возможностей власти, а вторая – несменяемости власти.

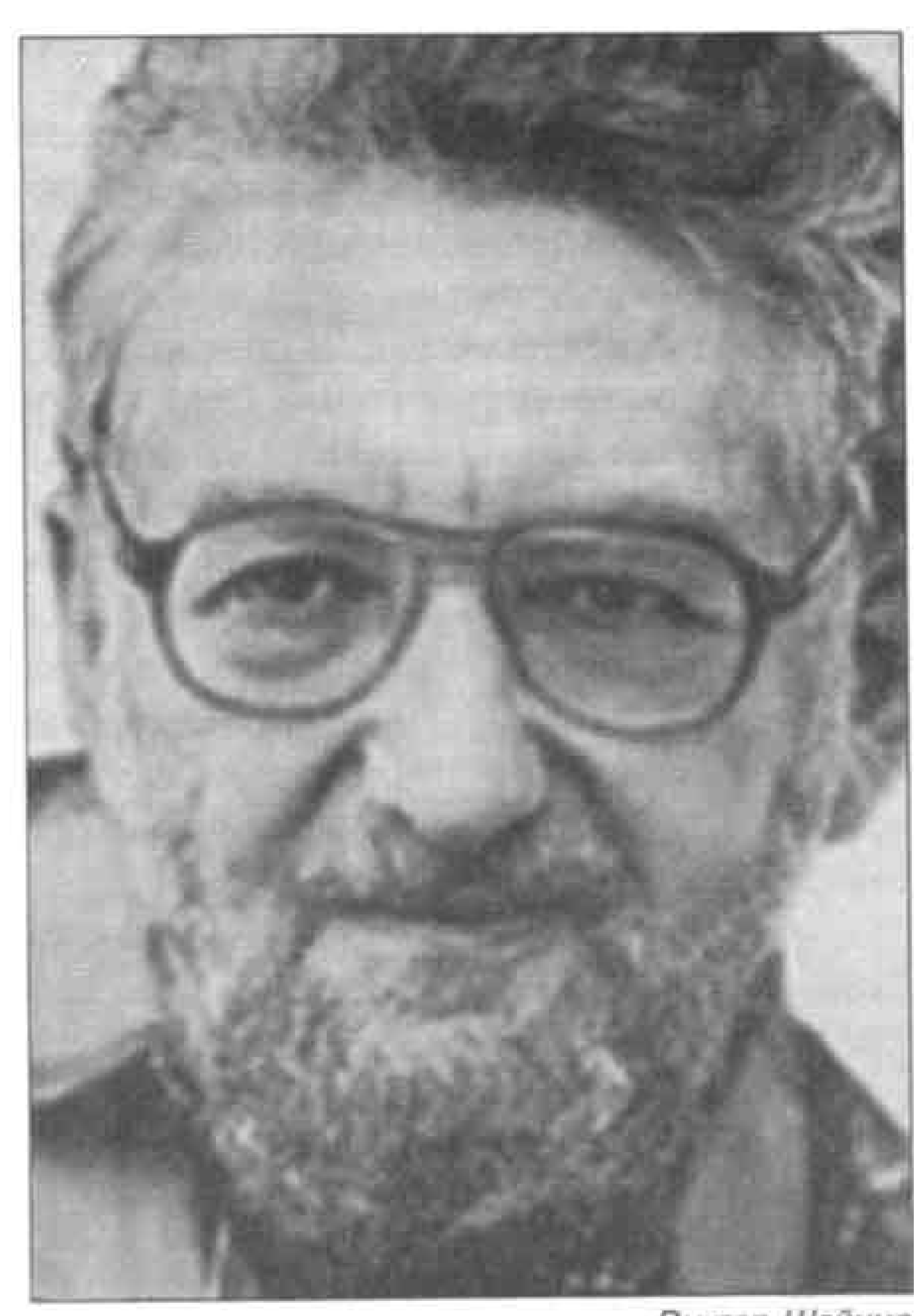
Вот эта идеология сохранилась в девственной неприкосновенности от 17-го года до нынешнего времени.

Александр Даниэль.

– До 17-го года идея несменяемости тоже была.

Сергей Ковалев.

– Ну да, но в другой форме. Я согласен, но это не меняет линию моих рассуждений. Так вот, эта идея осталась, и, разумеется, она воплощается в жизнь другими механизмами. А идея та же. Я утверждаю, что сегодня осуществляется хорошо рассчитанный план. Действия планомерны и

Виктор Шейнис

эффективны. Хотя, конечно, сравнивать нынешнее время со сталинизмом и даже с эпохой Брежнева по некоторым реалиям нельзя. Но это ничего не меняет.

Нынешняя власть строит другую модель, основанную на тех же главных ценностях – несменяемости и абсолютных возможностей власти. И добивается этого. Нет разделения властей, хотя оно записано в Конституции. Нет независимого суда, он вполне управляемый, это записано в Конституции. Та самая коррупция, о которой только ленивый не кричит, абсолютно закономерно, я мог бы это доказать, порождается руководящими идеями нашего государственного строительства. Ее просто не может не быть, если вы строите отношения в государстве так, как они строятся сейчас.

Как можно выйти из этого круга? Я утверждаю, что из него можно выйти только при помощи революции. Я надеюсь, что можно выйти при помощи мирной революции. Таково было устремление того движения, которое называлось диссидентским и которое имело довольно много, я бы сказал, идеологических успехов. Которому удалось построить некоторый мостик от нравственных ценностей к политическим реалиям.

Один умный человек говорил, что право – это мостик между небом и землей. Это та нравственность, которая нам в наших грязных земных условиях все-таки доступна.

Что я имею в виду, говоря об этой революции. Первое. Каковы идеалы того переворота, который предстоит стране и который, как это принято в нашей истории, будет иметь всемирно-исторической значение. Я думаю, что это будет в самом деле примат права. Главный принцип: право вне политики и над политикой.

На самом деле мощным оружием в руках политической элиты, на протяжении почти века господствовавшей в стране, было марксистское определение: право – это инструмент власти, или право – это воля господствующего класса, выраженная в форме законов. Это не право! Сейчас этот принцип действует самым отвратительно выразительным способом.

Я думаю, что главная политическая идея, которая вдохновит будущую революцию, состоит в том, что право – это границы власти, а отнюдь не ее инструментарий.

Мой последний тезис такой. Я мечтаю о том, что, по примеру наших западных соседей-поляков, когда-нибудь состоится круглый стол представителей, условно говоря, «Солидарности», а таковая непременно родится в результате того давления власти, которое та планомерно оказывает на гражданское общество, – так вот, эта новая русская «Солидарность» сядет с властью за один круглый стол.

Сергей Ковалев

И не будет искаться никакой компромисс. Предмет мирных переговоров будет следующий: мы готовы обсуждать с вами условия вашей мирной капитуляции. Пойдите вон. Это и есть то единственное, о чем с этой властью можно говорить. Все остальное – за пределами возможностей диалога, в котором одна сторона – приличный человек. Неприлично говорить с этой властью на какие-то другие темы. (*Аплодисменты*)

Александр Даниэль.

– Это было историческое выступление. В учебнике, который напишут ученики учеников Никиты Соколова, обязательно будет главка, в которой об этом будет сказано так: это выступление, в котором Сергей Ковалев впервые произнес слово «революция». (*Смех*)

Валентин Гефтер, *исполнительный директор Института прав человека, член совета Правозащитного центра «Мемориал».*

– Вот что меня немножко не устроило в уровне сегодняшнего разговора. Интересно, конечно, говорить о каких-то явлениях, не очень договорившись о терминах и понятиях. В некоторых случаях это выявилось легко.

В двух случаях, когда употреблялся термин «идеология», оказывалось, что одни имели в виду марксистскую идеологию, а другие – идею власти. Это не одно и то же, но тут легко уточнить, о чем речь.

Но когда речь зашла о каких-то уже серьезных схемах, а это было для меня наиболее интересным в сегодняшнем разговоре, то я понял, что мы все время работали в карамзинской парадигме истории России. К сожалению, да. Власть – и все мы в зависимости от нее.

И меня оценки сталинистского периода истории России и десталинизации не устроили именно потому, что касались того, что происходило во власти, в номенклатуре.

На самом деле, надо было договориться, что такое вообще «сталинский период» нашей истории. С моей точки зрения, это период если не с 29-го года, то с 34-го точно – по 53-й. Все остальное – совсем другое.

Некоторые действующие политики нам пытались объяснить, что переворот 17-го года – это чуть ли не сталинский переворот и он чуть ли не до сих пор еще работает, и, честно говоря, меня такой антиисторизм удивил.

То же самое касается термина «система». Когда описывают нашу жизнь в терминах «системы», то это применимо только к сталинскому периоду, когда жизнь страны практически исчерпывалась системой и винтиками, которые вкручивались или выпадали из этой системы.

А все остальные периоды советской истории не сводятся только к существованию и функционированию системы, как бы сильна она ни была, – если еще можно говорить о единой системе, а не о конгломерате разных систем. Очень трудно было следить за разными людьми, потому что они говорили по-разному и о разном.

Но главное для меня еще другое. За пределами разговора осталось (только немного Борис Дубин об этом говорил) то, что не относится к системам, элитам и власти, – жизнь людей.

Ведь стихийная десталинизация происходила даже при Сталине, например, во время войны, и уж тем более по нарастающей шла после 53-го года. Это почти неописываемо нами сегодня и в разговоре, и, возможно, в понимании. Почему?

У меня такое соображение: потому что это совсем, может быть, разные и инструментарии, и подходы, и основы – описание политической системы, о которой мы много сегодня говорили, и описание той стихийной реальной жизни, которой мы все с вами живем.

Если там можно применять какие-то схемы – Дмитрия Фурмана или Александра Аузана, или я мог бы применить еще какую-то одну схему, но это относится к совсем другому.

Там другая шкала времен, точек перелома, бифуркации, самых разных моментов нашей внутренней, человеческой (хотите, называйте ее социально-психологической) истории людей, живших в этой стране в XX веке. Она очень часто никак не совпадает с тем, чем жили эти верхние номенклатуры или элиты, и это почти неописываемо здесь.

Поэтому та десталинизация, которая произошла в нас, – она почти окончательная на сегодня! – другая по сравнению с той незавершенной, а может, и с возвратами происходящей, которая происходила там, вверху.

Поэтому мы все время перескакивали сегодня из одного слоя в другой. И сегодня вообще нет никакой схемы истории, применимой уже к нам, а не только к властным группировкам, будь она прямолинейная, прогрессистская, или циклическая и т. д.

В нашей с вами жизни нет таких логических, геометрических или механистических схем. Как это описывать? Гораздо сложнее. Социология описывает, но она всегда описывает данный момент. А у нас их нет.

Но то, что мы, конечно, самим фактом наших собраний живем в другой стране, которая во многом глубинно, не институционально, давно не сталинская, – безусловный факт.

Применительно к нам с вами говорить о десталинизации неправильно, нужно говорить о совсем других явлениях. Мы другие и по-другому должны быть описываемы, это, по-моему, факт, и поэтому надо немножечко отталкиваться и от этого, иначе мы в какой-то дурной круг все время сами себя возвращаем.

Валентин Гефтер

Александр Даниэль. Мы хотели позвать сюда Елену Зубкову, она бы говорила об этом самом. Но она сейчас в Тюбингене.

Меня поразила формула Бориса Дубина: «синдром нерасколдованного прошлого». Мы понимаем, что процессы десталинизации то ли еще не завершены, то ли идут вспять, но ведь был момент в нашей жизни, когда казалось, что осиновый кол приставлен к груди и мы уже начали по нему стучать. Это было в конце 80-х годов.

Даже Михаил Гефтер сказал: «Сталин умер вчера». Вчера, но умер. Ан нет. Что же произошло? Огромная часть общественных страстей конца 80-х касалась исторической проблематики, осмысления и расчета с прошлым.

Вспомните по публикациям! Даже не знаю, было ли в истории какого-то другого народа, чтобы так весь народ, во всяком случае, образованный, начинает говорить о проблемах истории? Когда самым массовым общественным движением было движение, провозгласившее восстановление исторической памяти своей целью? Ведь «Мемориал» тогда был массовым движением! И все это кончилось в один день, точнее, в одну ночь – в ночь с 21 на 22 августа.

Когда страна проснулась и поняла: да какая история! Да никакой истории не было! Деньги надо делать! За власть надо бороться! После 24 октября 1917 года сразу наступило 22 августа 1991-го. В промежутке не было вообще ничего, во что нужно вглядываться, что нужно понимать, осваивать.

Разделите это слово: о-сваи-вать, делать своим. Всё, забыли про историю. И мемориальцы из массы тут же превратились в кучку энтузиастов. Мне кажется, все, что происходит сегодня, закладывалось не с 2000-го года, а на протяжении всех 90-х годов. Это возрождение призрака, которого мы так и не расколдовали. Мы перестали осваивать прошлое, и оно уже кое-где материализуется в виде статуй...

Подготовил Николай Гладких,
Международный «Мемориал»

Фото: НИЦ "Мемориал".

Заключенные распивают тайком пронесенную в зону бутылку водки за упокой души Сталина. Март 1953. Фотография из тетради А.В. Жукова. (ИТЛ, Хабаровский край). ("Сфотографировал нас нелегально воспитатель колонны с. лейтенант МВД, за что мы его очень и очень благодарили")

ЧЕРНО-БЕЛАЯ ВЕСНА

Константин ЭГГЕРТ мл.

Я нечасто беру в руки эту бумагу. Дата, номер, текст:

«Дело по обвинению ЭГГЕРТ Константина Владимировича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 25 августа 1956 года. Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 25 января 1941 года в отношении ЭГГЕРТА К.В. отменено, и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. ЭГГЕРТ К.В. реабилитирован посмертно».

Так для моей мамы Марии Константиновны и моей бабушки Анны Карловны начался тот период, который называют «хрущевской оттепелью».

Мой дед, известный режиссер и актер театра и кино, друг Вахтангова и Станиславского, этой бумаги никогда не увидел – он умер в ссылке в Новосибирске в 1955 году, перед этим «отмотав» свою «десятку» по 58-й статье.

А до 1941-го были еще три года заключения, сразу после ареста в феврале 1938-го. Моя мама помнит этот день в мельчайших подробностях: «Они вошли в квартиру прямо во время празднования дня рождения мамы, забрали его в несколько минут и опечатали кабинет».

Прорыв в новую жизнь

Мама вспоминает, что бабушке разрешили взять что-нибудь ценное из кабинета. Она зашла и вынесла семейный фотоальбом и зеркало. Почему она взяла именно зеркало, бабушка так и не смогла потом объяснить – видимо, просто была в шоке.

И зеркало, и альбом погибли во время немецкой бомбежки в 1941-м, в то время как дедушка отбывал срок под Ухтой.

После войны мама не смогла поступить в институт – как «дочери врага народа», ей просто отказали в приеме документов. Для нее и для бабушки та самая реабилитационная бумажка стала буквально прорывом в новую жизнь. Ей скоро исполнится восемьдесят два, но когда я спрашиваю ее, что она чувствовала в 1956-м, ее чувства также сильны, как и пятьдесят лет назад: «Мы впервые за 17 лет почувствовали себя не изгоями, а нормальными людьми».

«Стала ли «оттепель» началом конца советского коммунизма?» – спросил я маму и получил неожиданный ответ: «Нет. Демонтажем системы мы обязаны прежде всего Горбачеву».

Мне труднее дать однозначный ответ, а потому семейные споры продолжаются.

Дети оттепели

Стало банальностью говорить, что черно-белый надгробный памятник Никите Хрущеву на Новодевичьем кладбище в Москве отражает противоречивость личности усопшего первого секретаря. На самом деле скульптура Эрнста Неизвестного – памятник не только противоречивой личности, но и противоречивой эпохе.

С одной стороны, миллионы людей вышли на свободу. Впервые приподняли железный

Константин Владимирович Эггерт

Константин Эггерт – главный редактор Московского бюро Русской службы Би-би-си

Фото: Н. Лаврентьев

Андрей Вознесенский

Кадр из фильма «Я шагаю по Москве». Сценарий Г. Шпаликова, реж. Г. Данелия.

занавес и перевели соревнование с Западом из чисто военной в военно-политическую плоскость.

Колхозникам стали выдавать паспорта, а горожанам – строить отдельные квартиры. Оттепель стала последним периодом расцвета советской культуры. Аксенов, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Высоцкий, Андрей Тарковский. Хуциев, Петров, Данелия – все они дети оттепели.

В СССР узнали джаз, Хемингуэя и Ремарка. Дух оттепели, пожалуй, ярче других передает фильм «Я шагаю по Москве», с его юным, наивным оптимизмом и надеждой на лучшее.

С другой стороны, демонтаж ГУЛАГа начался вскоре после смерти Сталина, за три года до доклада Хрущева XX съезду партии.

Само выступление было частью политической борьбы внутри руководства КПСС, борьбы, которая завершилась победой Хрущева и поражением группировки Молотова, Кагановича и Маленкова.

Доклад был полусекретным, и хотя его потом распространяли в партийных организациях, для страны антисталинская речь Хрущева так и осталась чем-то недосказанным и полузапретным.

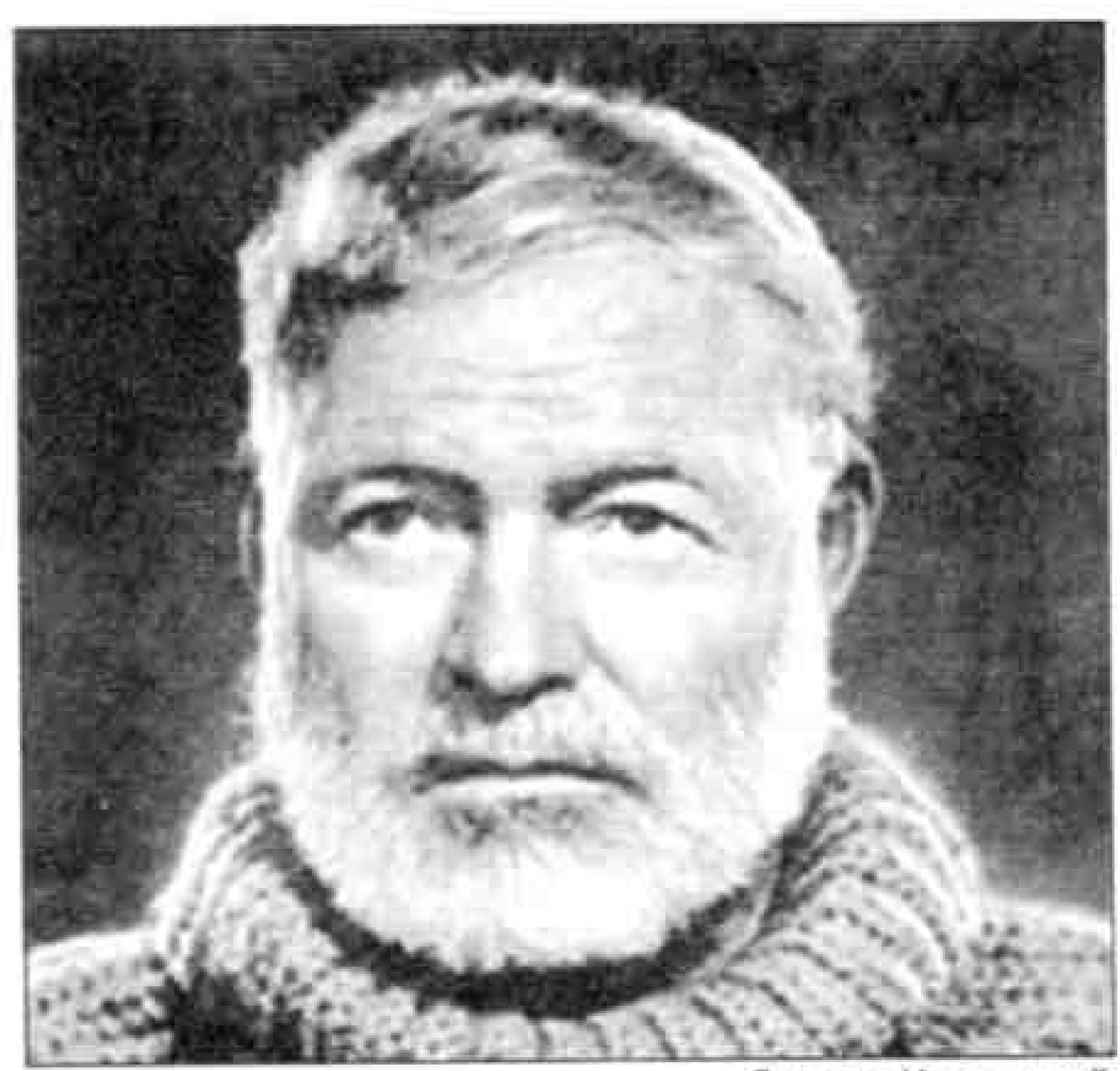
Наконец, несмотря на смену руководства в Москве, именно в годы оттепели мир дважды оказывался на грани большой войны – во время берлинского и карибского кризисов – в 1961-м и 1962-м.

Спустя несколько месяцев после XX съезда советские войска подавили венгерскую демократическую революцию. Наконец, именно в те годы расстреляли демонстрацию рабочих в Новочеркасске и провели жесточайшую антирелигиозную кампанию, приведшую к закрытию и уничтожению десятков, если не сотен, храмов.

Современные критики оттепели указывают «шестидесятникам» на их иллюзии по поводу «социализма с человеческим лицом», возможности «возвращения к ленинским нормам»

Фото: А.Капустянский

Концерт Булата Окуджавы в кафе «Артистическое». 1961 г.

Эрнест Хемингуэй

и поминают Окуджаве его «комиссаров в пыльных шлемах».

Симпатичные юноши и девушки из фильмов Данелии жили в стране с тысячами политзаключенных, при однопартийной диктатуре с всевластными ЦК и КГБ, напоминают они.

Оттепель отсрочила крах советской системы, считают скептики, и посеяла надежды на реформирование социализма, от которых общество избавлялось методом проб и ошибок уже в перестройку.

Прорыв для одних, разочарование – для других

Этот спор бесконечен. Оттепель стала тем, чем стала – прорывом для одних, разочарованием для других. И все же со своей мамой я, пожалуй, не соглашусь. Половинчатое хрущевское осуждение сталинизма не прошло бесследно.

Во-первых, оно нарушило идеологическую монолитность коммунистического государства, так как партия устами своего лидера признала себя небезгрешной по очень большому человеческому и политическому счету.

В силу специфики советской системы важнейшие решения партийных съездов невозможно было просто перечеркнуть. А потому даже при Брежневе, когда начались «заморозки», решения XX съезда оставались некоей последней чертой, которую воспрянувшие неосталинисты не смогли переступить.

Во-вторых, животный страх, сковывавший общество при сталинщине, ушел навсегда. Диссидентов преследовали, доводили до самоубийства, гноили в психушках, но все же это не были массовые репрессии. Политическая борьба в Кремле перестала быть «русской рулеткой». В конце концов, дача и посольская должность находились почти для всех.

А это, в свою очередь, способствовало разномыслию в высших эшелонах власти и дроблению советской элиты.

Уход в частную жизнь

Наконец, в-третьих, именно в оттепель советскому человеку разрешили быть частным лицом. Все те же герои «Я шагаю по Москве» – прежде всего обычные люди в обычных обстоятельствах. Исступленно кричать «Расстрелять как бешеных собак!» больше никто не требовал.

С конца 1950-х годов советский человек получил возможность уйти в частную жизнь и, несмотря на профкомы и парткомы, сохранять уголок неприкосновенного для советской власти бытия.

Полились разговоры на кухнях, появилось параллельное советской реальности житье. Оттепель, породив невиданный всплеск романтизма, неизбежно сменилась всеобщим конформизмом.

Когда в 1991 году рухнул Советский Союз, большинство населения, проголосовавшего всего за несколько месяцев до того за сохранение единого государства, пожало плечами и продолжало пить чай на кухне.

Впрочем, именно поэтому десоветизация России еще не закончена: конформизм подточил коммунистический режим, но у него не было энергии, чтобы поставить новые цели, создать и поддержать стремление к новой реальности.

Наследие XX съезда, кажется, так и обречено оставаться черно-белым.

Впервые опубликовано: BBC.com

Памятник Хрущеву работы Эрнста Неизвестного на Новодевичьем кладбище в Москве.

КРОВЬ УБИТЫХ УШЛА В ЗЕМЛЮ?

Мариэтта ЧУДАКОВА

И календарь он покупает,
И вдруг он видит:
Наступает
Вторая половина века.
Наступит...
Как она поступит?
(Леонид Мартынов, 1957)

Литератор Камил Икрамов, подростком дважды отсидевший за расстрелянного отца, описывал в романе-хронике «Дело моего отца», как летом 1956-го пожилая женщина, отсидевшая свое, в слезах рассказывала ему, что она – ближайшая подруга его матери (та из лагеря живой не вышла). И вспоминала, как летом 1937-го прибежала к ней после ареста мужа: «Что мне делать?» Та сказала: «Собирай вещи, забирай дочку – поедешь с нами». – «Но как бросить здесь мужа? Надо хлопотать, ведь он невиновен»... Она мне сказала: «Если его взяли – значит, он сволочь». Я тогда упала в обморок.

Мне стало стыдно за мать, а тетя Надя, увидев мою растерянность, добавила: «Нет. Ты не понимаешь. Я упала в обморок, потому что, когда в тридцать шестом арестовали моего главного редактора (я в издательстве работала), муж сказал: «Если его взяли, значит, он – сволочь». Те же самые слова. От этого я сознание потеряла».

Осужденный в 1948 году за организацию «Всесоюзной демократической партии» Александр Тарасов вспоминал, как его уже после освобождения поразила в Москве «ностальгическая любовь народа к Сталину. Люди вспоминали его грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывали даже восторг по поводу смертельной давки в толпе... С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас Божий, и понятней стало, что каждый народ достоин своего правительства».

Не знаю до сих пор, кто чего достоин, но давку – помню. Девятый класс; утром того дня, когда радио объявило о смерти, ко мне домой прибежали три одноклассницы. Я, кажется,

была простужена, а школьников тогда в растерянности распустили по домам. Мы сидели молча. Было смутное желание действовать. Тут по радио передали, что гроб установлен в Колонном зале, доступ трудящихся для прощания открыт, – и мы тут же выбежали из дома. Доехали до центра, нашли конец очереди, очень далеко от Колонного зала, – и стали пробираться на задворки тогдашней Пушкинской улицы. Во дворе, метрах в ста от Дома Союзов, вылезли на козырек одного из проходных подъездов, с высоты второго этажа спрыгнули на улицу в сугроб. В этом месте очередь уже двигалась почти не дыша, и нас не погнали, когда мы втерлись. Помню, как молча шаркали ногами понурые взрослые люди.

Увидели старого Сталина в гробу и с чувством сделанного дела (других эмоций не было) двинулись к дому. И вот у входа в метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды»), где открыта была только одна дверь, в которую втискивалась громадная толпа, услышали первые истошные крики. Значение их я узнала через полчаса уже дома, где меня встретили как вернувшуюся с того света. Уже известно было о ходынке и первых жертвах.

С каждым днем наступала весна – и действительно, в воздухе пахло оттепелью. Было ощущение, что все потихоньку тронулось и куда-то поплыло, – а до этого время стояло неподвижно, незыблемо. Апрельское сообщение о том, что врачи-убийцы – никакие не убийцы, а к ним применяли «недозволенные методы следствия» (страшно было даже думать о том, что это такое) упало с грохотом и звоном гигантской сосульки. Это уже было нечто действительно новое.

...В теперешнем феврале три дня назад я хоронила свою учительницу литературы Нелли Львовну Средникову и сказала своим одноклассницам, собравшимся у ее гроба: «Только теперь мы кончили школу...» «На каждый Ваш урок литературы я шла как на праздник!» – говорила я ей недавно. А в один из визитов

Мариэтта Чудакова – писатель, литературовед.

спросила: «Нелли Львовна, как это в нашей школе в разгар «дела врачей» не было ни малейших признаков какой-либо антисемитской кампании? Я это поняла много лет спустя, послушав рассказы ровесников о том, что творилось в некоторых московских школах. Вообще у нас в школе была такая доброжелательная, неказенная атмосфера».

И Нелли Львовна с волнением сказала: «А это я тебе точно расскажу, в чем тут дело. Это целиком заслуга благородной души нашего директора, Елены Федоровны Тихоновой. Ей, русской, написали донос двое наших учителей – членов партии: как же так, на будущий год в нашей школе первый выпуск (семилетка становилась десятилеткой), а четыре основных предмета – литературу, математику, историю и химию – у нас в выпускных классах преподают евреи? Елена Федоровна договорилась с инструктором райкома, собрали партсобрание. Она выступила и сказала, что все четверо – замечательные преподаватели и нет оснований что-либо менять. На том все и кончилось».

Шел февраль тогдашний – 1953 года. Вот почему одна из моих книг открывается такими словами: «Учителям 367-й московской школы послевоенного десятилетия посвящаю с благодарной памятью».

Это личное благородство, личные усилия – они существовали, спору нет. Но не они, к сожалению, определяли основной фон и сам воздух эпохи, особенно – сталинского тридцатилетия.

От марта 1953-го до марта 1956-го прорастала вторая половина века. В ней – прежде всего! – исчезал смертельный страх за себя и своих близких перед разверстой огнедышащей пастью. И не только это. Уже то одно, что доклад, прочитанный Хрущевым 25 февраля на закрытом (конечно!) заседании XX съезда КПСС и в течение марта ставший известным практически всему взрослому населению страны, вывел из обихода это постоянное талдычение на всех собраниях сталинских текстов. То одно, что перестали заучивать наизусть ложь и чушь «Краткого курса», изменило советский мир, а с ним и весь мир. Бесконечное цитирование его речей, рассчитанных на уровень умственно отсталого подростка.

«...вредительство составляло тогда своего рода моду. Они вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали

Титульный лист альбома фотографий о работе Дома ребенка Тавдинского УИТЛ.

нейтралитет, четвертые колебались между Советской властью и вредителями» (речь Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года). Горы, монбланы конспектов, рефератов... Сколько драгоценного жизненного времени – в самые плодотворные годы – убито было у людей на изучение этого «классового» бреда.

В оттаивавшие годы Твардовский уже старался своим поэтическим словом аннигилировать этот мертвый советский язык – в поэмах «За далью – даль» и «Теркин на том свете».

Не спеши с догадкой плоской,
Точно критик-грамотей,
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.
И с его лихой ухваткой
Подводить издалека -
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

***

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.

***

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток
Пережитка
Или тень на наш плетень?

После Сталина остались одни проблемы – и внутри страны, и вовне. Коллективный тупик коллективного хозяйства. Все больше отстающая от Запада (с его «лжекибернетикой» и вражеской генетикой) наука. Нищенский быт строителей коммунизма. (Предвижу непременную демагогию завсегдатаев форума – «Теперь живут еще хуже!!»). Что-то надо было делать с Югославией. Вместе с Тито и югославскими партизанами сражались в войну с Гитлером, а после войны, когда Сталин убедился, что Тито не хочет быть его сателлитом, пробует строить свой социализм самостоятельно, Югославия получила название «фашистского» государства, а ее глава – титул «кровавого палача Тито» (о кровавых процессах мнимых его агентов и приспешников во всех подчиненных после войны Сталину европейских странах нам уже приходилось писать). Чуть не в каждом номере «Правды» 1948 – начала 1953 гг. можно было видеть старательно изображенную Борисом Ефимовым фигурку толстенького Тито с воздетым топором, с которого капает кровь. Дети с интересом рассматривали повторявшуюся картинку; эта фигурка и сейчас стоит перед моими глазами во всех деталях.

Юрий Аксютин в своей книге «Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в

Дети заключенных – воспитанники старшей группы Дома ребенка Каргопольского УИТЛ

СССР в 1953-1964 гг». (М., 2004) пишет: «Резолюция Информбюро так и называлась: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Что делать – и с Югославией, и со всем остальным – обсуждают на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 года; тихая пока еще конфронтация идет главным образом с Молотовым (его улыбчивый внук Вячеслав Никонов, сказавший как-то, что такого деда пожелал бы любому, пишет теперь его трогательную биографию и обещает стойко держаться в Общественной палате). Автор книги цитирует по архивным документам слова Хрущева: «Корейскую войну мы начали... Это все знают...». «Кроме наших людей в нашей стране...», – поддакивает ему Микоян. «Вот, Вячеслав Михайлович, это надо иметь в виду. Войну мы начали. Теперь никак не расхлебаемся... Кому нужна была эта война?!»

(Полвека спустя – уверена! – снова найдутся те, кто не сомневается – войну начали американцы.)

Хрущеву становилось все яснее, что без обнаженно резкого поворота от Сталина не удастся разорвать паутину – внутреннюю и внешнюю.

Прекрасно помню трехчасовое чтение доклада на «партийно-комсомольском активе» филфака в марте 1956 года. Я на втором курсе. Поворотный момент в жизни. Когда через три года парторг в школе, где я уже преподаю, предлагает мне, 22-летней, вступить в партию – для меня, у которой дома три коммуниста, причем в их личной честности у меня нет (и до сего дня) сомнений, это уже совершенно исключено.

А еще через два года – XXII съезд (октябрь 1961-го), вынос Сталина из мавзолея, снос памятников по всей стране. Еще через год – мы с мужем бредем где-то по Преображенке, надеясь найти по не очень внятному адресу какую-то старушку, с которой можно задешево договориться, чтобы она два-три часа гуляла с нашей годовалой дочкой (мы оба уже аспиранты). И вдруг мой высокий муж останавливается перед забором как вкопанный: он разглядывает там что-то, чего я не вижу. Поднимает меня на плечи – и за забором открывается нечто непостижимое: сотни бюстов Сталина стоят на земле, гипсовыми рядами уходя вдаль...

Проходит сорок лет с небольшим – и в начале XXI века вдруг то там, то сям – в Красноярске, в Орле – возникает тоска по этим бюстам. Захотелось снова видеть их на площадях своих городов. Ведь кровь тех, кого пытали в Сухановке и Лефортове, кого убивали выстрелом в затылок и сваливали в безымянные могилы Бутова, уже впиталась в почву.

Сыновья и дочери расстрелянных давно выросли в приютах для детей врагов народа или в лагерных бараках для малолеток. А сотни тысяч трупов, навсегда оставшихся в вечной мерзлоте северных лагерей, не трогают, видно, совести тех, кто тоскует по памятникам. И что же – России придется снова ждать, когда наступит «вторая половина века»? И новое отрезвление?

Идеология «железной руки» и «костяной ноги» снова востребована?

Впервые опубликовано: Грани.ru

Давид и Феликс РАХЛИНЫ

РУКОПИСЬ

План неосуществлённых воспоминаний отца о тюрьме и лагере сталинских лет,
прокомментированный сыном

Предуведомление Феликса Рахлина

*Мой отец **Давид Моисеевич Рахлин** (4.11.1902, Белгород – 9.2. 1958, Харьков) – один из миллионов людей, подвергшихся массовым репрессиям в сталинские времена. Одновременно с ним была репрессирована и моя мать, Блюма Абрамовна Маргулис (1.8.1903, Житомир – 26.10.1964, Харьков). Всего среди их ближайшего родства было лишено свободы (не считая исключённых из коммунистической партии и уволенных с работы по политическим причинам) не менее 11 человек, из которых двое расстреляны.*

Жизненный путь моих родителей был характерен для людей их поколения и социальной среды: комсомол – участие, на стороне «красных», в гражданской войне и в ликвидации разрухи – вступление в коммунистическую партию (отец – в 1920, мать – в 1921) – учёба в так называемом «комвузе» (коммунистическом университете), затем – работа и служба: у отца – служба в Красной Армии, преподавательская деятельность в военно-учебных заведениях, вновь учёба, на этот раз – в Институте Красной Профессуры, участие в авторском коллективе, выпустившем двухтомный учебник политической экономии; у матери – партийная работа в районных и заводских партийных комитетах Ленинграда.

После 1 декабря 1934, когда был убит Киров, начался разгон актива непослушной сталинскому диктату Ленинградской парторганизации. Обоим всё чаще выказывалось недоверие в связи с числившимися в их партийных анкетах былыми «колебаниями в проведении генеральной линии партии», в которых неизменно и откровенно оба признавались при заполнении анкет и во время «партийных чисток». Наконец, в начале 1936 их переводят в Харьков, а при начавшемся обмене партбилетов исключают из ВКП(б) с огульными, клеветническими формулировками.

Прошло 14 лет. Окончилась война. Родителям моим – под 50. Мать во время войны перенесла тяжёлую язвенную болезнь, отец – онкологическую операцию, едва не стоившую ему жизни. Оба измотаны житейскими обстоятельствами и недугами, но продолжают интенсивно трудиться на своих скромных должностях: папу только что приняли на должность начальника планового отдела института «Облпроект», мама – бухгалтер Гипростали.

К этому времени становится известно о новой волне репрессий. В 1946 арестовывают и осуждают заочным решением «особого совещания» друга моей сестры молодого поэта Бориса Чичибабина, считавшегося её женихом. В 1948 в Москве вторично арестовывают двоюродного брата нашего отца – И. Д. Росмана, который в 1937 был осуждён якобы за попытку «военного заговора», отбыл 10-летний срок, вернулся и почти добился реабилитации... Но его вновь хватают и ссылают в дикое сибирское пошехонье. В 1949, также в Москве, арестован родной брат отца – Абрам, который в 1937 тоже был «вычищен» из партии без репрессивных последствий. Теперь эти последствия воспоследовали, родители не могут не беспокоиться о своей судьбе, но... деваться некуда.

8 августа 1950 года пришёл их черёд. Арест обоих был осуществлён в одно и то же время, но – врозь. Возвратиться им было суждено лишь через несколько лет: матери – в 1955, отцу – в 1956.

В заключении, в воркутинском особом «Речлаге», начал отец обдумывать будущие тюремно-лагерные записки. Даже набросок их плана сделать он там не решался, но когда уже в ходе хрущёвской «оттепели» разрешили свидания с находящимися на воле родными и я приехал к нему повидаться, он многое мне за 5 дней рассказал. Лишь через два года, в 1956, отпущенный из лагеря вследствие реабилитации, он отважился записать план своих мемуаров, сделав это в поезде Воркута – Москва, а потом, может быть, и в самой Москве.

Этот план записан в 12-листовой ученической тетрадке «в линейку» и хранит следы той основательности, которая была присуща Д. М. Рахлину в любой работе. Можно без труда восстановить ход составления плана: сначала намечены были тематические разделы (некоторые из них пронумерованы: от I до VIII), а затем многие из них автор детализировал, записывая названия или содержание различных эпизодов. Некоторые разделы остались, однако, почти или вовсе не разработанными. Через полгода по возвращении

Феликс Рахлин – журналист, поэт, публицист. Живет в Израиле.

Давид Рахлин в период учёбы в военно-политическом учебном заведении Конец двадцатых годов.

его поразил первый инсульт, а от второго, ещё через год с небольшим, наступила смерть. Во время долгой своей болезни он как-то раз показал мне эту тетрадь и с сожалением сказал, что вот, не пришлось осуществить замысел. Может быть, когда-нибудь после...

Но «после» – не было.

Много лет эта тетрадь хранилась у сестры, а я не то чтоб забыл о ней, но как-то не приходило в голову, что могу этот план прокомментировать и, если не опубликовать, то сдать в какой-нибудь архив. Всё глуше и глуше звучали упоминания о смрадной поре нашей отечественной истории... Правда, несмотря на это, под влиянием призыва Александра Солженицына я именно в эти годы «застоя» занялся собственными записками о пережитом, но мемуарные наброски отца оставались под спудом.

Их оживила весть о создании Мемориала памяти жертв сталинизма. Если будет создан историко-архивный исследовательский центр Мемориала, то я просто обязан отдать туда – пусть неоконченный, но кровью окроплённый труд моего отца. А поскольку о многих событиях он мне рассказывал, то всё, что только могу, я решил сопроводить своим комментарием, в добросовестность которого прошу поверить на слово – иного доказательства его правдивости у меня, пожалуй что, и нет. Впрочем, надеюсь, где-то есть «дело» моих родителей, протоколы их допросов, какие-нибудь бумаги об их пребывании в «местах»...

(Примечание 2004 г.: Через несколько лет после того, как были написаны эти строки, преемники бывшего ЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ открыли архивы, и оставшаяся в Харькове моя сестра получила возможность ознакомиться с «уголовными делами» родителей. А побывав у неё в гостях, и я прочёл выписки из этих «дел», хранившиеся в доме у моей коллеги по работе в Харьковском Мемориале Г. Ф. Коротаевой. От документов, однако, сохранились жалкие остатки: перед крахом Советского Союза хозяева Комитета Госбезопасности распорядились изъять и уничтожить наиболее существенные доказательства своей бандитской деятельности – в том числе, например, донесения и ябеды провокаторов и сексотов, протоколы допросов и т. д. Остались лишь маловыразительные «обвинительные заключения» и формулировки допросов, полностью совпадающие с текстом тех статей, под которые «подводились» репрессированные).

Название предполагавшихся записок отца «грязная История» (имеено так!) придумано не мной – оно значится на обложке тетради и содержит, как мне кажется, двойной смысл: с одной стороны, конкретную нравственную оценку тому (вот уж поистине уголовному!) преследованию, которому в течение двадцати лет подвергались и сам автор, и его жена, их близкие и родные, множество других людей, а с другой – в этих двух словах характеризуются «этические средства» самой истории человечества, которая, как таковая, существует и развивается вне всякой этики.

Вот это авторское ощущение себя одновременно и субъектом и объектом Истории придаёт замыслу отца, даже и в том неполном, чисто намёточном виде, определённый общественный интерес. Мне кажется очевидным, что он обдумывал их задолго до освобождения – во время своих тяжёлых лагерных досугов. Многие названные в плане эпизоды и положения мне известны: как упомянуто, он рассказывал мне о них во время нашего пятидневного свидания в июле 1954 года – мы сидели друг против друга в общей комнате наскоро выстроенного в лагере дома для свиданий, и с утра до вечера он выкладывал всё, что с ним произошло, начиная с момента ареста, – разлучались мы лишь на короткий ночлег. Ужасно то, что многого память моя не сохранила – или сохранила в отрывочном, полустёртом виде. Всё, что помню, комментирую так подробно, как могу и как подсказывает чувство меры.

Текст плана записок воспроизводится здесь полужирным курсивом, мои комментарии – прямым светлым шрифтом, после очередного раздела плана. Дописанные мной расшифровки авторских сокращений и предположительное прочтение малоразборчивых слов, а также прерванная автором и продолженная мною нумерация пунктов плана взяты в ломаные скобки, при этом сомнительное прочтение помечаю вопросительным знаком в ломаных скобках, а то, что не смог разобрать, оговорено пометкой «<нрзб>». На титульном листе – три даты: 1956, когда отец сделал свой набросок плана; 1990 – год написания моего комментария и 2004 – год перевода всего текста в виртуальный вид. Свою машинопись 1990 года я передал в архив Московского Мемори-

ала и в отдел редкой книги и рукописей Харьковской библиотеки им. В. Г. Короленко, где, по моим сведениям, её экземпляры бережно сохранены и доступны читателям. Подлинник тетради с планом воспоминаний хранится в Харьковском историческом музее. Орфография в тексте отца выправлена мною соответственно действующим ныне нормам. Отдельные отклонения от этого принципа оговариваются в тексте моих комментариев.

Может быть, в комментируемых мною записках отца нет чего-то нового в сравнении с уже опубликованными мемуарами подобного рода, однако его воспоминания – ещё одно свидетельство очевидца, всегда в чём-то своё, неповторимое – и уже этим ценное.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ

I. Предыстория. 1936 г. Исключение. Безработица. Работа до войны. Война. Мытарства с армией.<...>

«Предысторией» отец называет весь период 1934 – 1950г.г., предшествовавший катастрофе его и маминой жизни – аресту и лагерю.

В Ленинграде перед выездом в Харьков (т.е до конца 1935 или начала 1936) он работал преподавателем Военно-политической академии РККА имени Н. Г. Толмачёва («Толмачёвки»). По совместительству был около трёх лет научным сотрудником Института экономики Ленинградского отделения коммунистической академии. В Харькове стал преподавать политэкономию в Военно-хозяйственной академии РККА. Объявленный в 1936 обмен партдокументов послужил удобной формой избавления партийной верхушки от неугодных ей элементов – прежде всего от тех, кто имели или могли иметь собственное мнение. Родителей моих на новом для них месте – в Харькове – почти немедленно исключили из партии, просто отказав в выдаче партбилетов нового образца. Это ***исключение*** проходило одновременно с подобными акциями против их друзей и родственников, так что внутри одной и той же семьи многие оказались как бы повязанными сходной судьбой. Им как раз и «шили» такую «связь»: брату вменяли в вину, что его братья и сёстры «оказались оппозиционерами, троцкистами, врагами народа», а тех винили в «связях» с ним... Например, в те дни был арестован и осуждён родной брат отца – Лев Рахлин, после того как он, под влиянием призывов признаваться во всех ошибках, упомянул в анкете, что в 1923 году проголосовал за троцкистскую резолюцию, а кроме того – что имел какие-то внутренние колебания и сомнения по поводу партийной политики, о которых, правда, никогда никому не говорил, но вот сейчас в них признаётся, потому что не хочет ничего скрывать от родной партии! (Уже в Израиле сын Лёвы, мой двоюродный брат, ныне живущий в Хайфе, рассказал мне, со слов своих родителей, что предметом «колебаний» была бандитская практика коллективизации села).

Беднягу Лёву сейчас же исключили за неискренность перед партией (!) и немедленно арестовали, а вскоре судили три раза судом (!!), с прокурором и защитником (!!!), от раза до раза прибавляя срок, но потом засудили без суда – Особым совещанием – к 8 годам ИТЛ.

В это же время в Москве был исключён из партии младший брат отца – Абрам, в прошлом харьковский комсомолец, а к этому моменту – военный инженер. Ему вменялись в вину выступления в 1928 году по китайскому вопросу.

И в это же самое время исключили из партии маму. Приехав в Харьков, она встретила здесь друга комсомольской юности, киевского комсомольца Семёна («Сёмку») Белокриницкого, который работал директором котельно-механического завода, и поступила на этот завод – на низовую техническую работу. Тут её вызвали в Ленинград, где исключили из партии (почему так, то есть подробности партийного учёта, – не помню). Она обжаловала это решение и вскоре вновь была вызвана туда и при содействии лично знавших её влиятельных партработников (кажется, среди них был известный П. Смородин) восстановлена. Но вскоре опять исключена! Предлог был один: в 1926 году она во время выступлений «новой оппозиции» Г. Зиновьева училась в ленинградском коммунистическом университете имени того же Зиновьева. Ректором университета был Минин – сторонник этого видного соратника Ленина и оппонента Сталина. Небольшая группа коммунистов созвала партсобрание, но зиновьевцы потребовали его закрыть, так как оказались в меньшинстве. Поскольку собрание было, действительно, неправомочным, мама его покинула, и потом ей это засчитали как «колебание», да она и в самом деле «колебалась» и впоследствии испытывала некий комплекс вины. Этот эпизод, который она сама себе ставила в вину и отмечала в анкетах, и послужил основанием для её исключения из партии «за участие в оппозиции». Ей приписали ещё и «связь» с мужем-«оппозиционером» и с сестрой, которая была исключена из партии за то, что в 1928 на партсобрании выступила с критикой самого Сталина! От мамы в парторганизации потребовали, чтобы она отреклась от мужа – и тогда её, *может быть*, не исключат. А его убеждали отречься от жены... Оба с негодованием отвергли такой «выход», не отказались также и от подвергшейся преследованиям своей родни и друзей.

Два брата, жена и, возможно, её сестра тяжким грузом повисли на партийной репутации отца, который и сам имел в анкете «пятно»: в 1923-м

Братья Рахлины: Давид, Абрам, Лев.

I Предистория 1936 г. Исключение [illegible]
Безработица. Работа до [illegible]. [illegible]. [illegible]
Конфликт с Кр. [illegible] [illegible]

II. Накануне
Арам. Картошка. Эвакуация.
предчувствия [illegible]. Анкета в [illegible]. (Бунт)
Окружение доносчиками. ([illegible] с Савченко) (в семье [illegible])

III Поездка в Петровское.
Ленцман. Там. Всего! а [illegible]?
Дом МГБ в [illegible].

III Арест.
1 „Вами интересуется МГБ"
2. Путь к дому. „Знаете ли Вы этого человека"?
3 Мадленочка встречает гостей
4 Обыск „мы люди [illegible]"
5 Мама вспоминает погром.
6. Соседи
7. Светка
8 Разговоры с Мадленочкой. „Мама не придет!"
9 Подарок Феликсу
10 „Только не устраивайте шум!"
11 Мы прощаемся.
12. Девочка из спецчасти [illegible].
13. первый шмон.
14 В камере не на чем сесть. Я сажусь на [illegible] железная кровать. Я засыпаю как убитая.
Утро — первый завтрак: горбушка. [illegible]

IV. Следствие

1 Одиночка. Первые дни. (что с Бумочкой)
Наружные шумы. Что такие странные шумы?
Первый завтрак (горбушка) — сильный аппетит.
Нет передачи. Что это значит? Как дети?
Беспокойство за Марленочку.

2 Первые допросы — Самарин
обстановка в [illegible], третье. Конвоирование ночью по переходам.
Самарин. Первый допрос — Биография.
Второй. Обвинение. „Там нет ни одного слова правды!" Что же было?
Изложение 23 г. протокол.: Почему нет ничего о борьбе с [illegible]? Потом допишем подробнее
В дальнейшем мы вернемся к вам. К р. т. [illegible] после 24 г., а как рассказ о том
Я говорю правду. Я считаю что я имею дело с честными чекистами — сов. людьми и т. д.

Ефимов — [illegible] гр-т!
О его надписи на книге.

Отпечатки пальцев, [illegible] на теле!
Адрес жены? Черновик....

Вы знаете Касьянову?
Я знаю Касьянова гл. архитектора; нет её?
Я вспомнил Машу. Думы о том, что она что-либо сказала на допросе
Вы знаете Алика .... ?
Ваше мнение о нем.
При каких обстоят. познакомились?

Давид Рахлин и Блюма Рахлина-Маргулис. Ленинград, 1928 г.

выступил на партсобрании с частичной поддержкой троцкистской резолюции. Вот так их скатали, спутали в один клубок, и выпутаться из него родители мои, сколько ни пытались, не могли – вплоть до XX съезда партии.

Отца немедленно уволили из армии, с весьма неблагоприятной формулировкой. В обязательной, при определении на любую работу, анкете «Личный листок по учёту кадров» имелись вопросы типа: «были ли колебания в проведении генеральной линии партии?», «состояли ли ранее в ВКП(б) и если да, то за что исключены?», «есть ли среди близких родственников лица, репрессированные советской властью?» и т. д. С «запятнанной» анкетой поступить на работу было очень трудно. У родителей начался длительный период ***безработицы***. Сбережений у них не было, жить стало не на что, немного помогали родственники. Оба очутились перед необходимостью срочно устраивать жизнь семьи заново. Мама, окончив курсы счётных работников, стала бухгалтером (всё-таки взяли на один из заводов). Отец несколько месяцев работал грузчиком. Но в июне 1937 его вызвали в военкомат и там выдали направление на работу по гражданской специальности и в гражданское учреждение. Так отец попал на должность инженера-экономиста в проектный институт Наркомчермета «Гипросталь», где проработал до 1947.

Война... Её, как неотвратимого несчастья, ждала вся страна. Но у отца с нею были связаны особые надежды: он считал, что вот тут-то и сумеет доказать свою преданность партии и делу коммунизма (по военной специальности он был артиллеристом, имел право командовать батареей).

И действительно, на рассвете 23 июня 1941 ему принесли повестку из райвоенкомата о мобилизации. Он был глубоко удовлетворён: значит, всё-таки доверяют!

Но всё-таки – не доверяли! Продержав три дня на сборном пункте в 13-й школе (возле Южного вокзала), отправили не на фронт, а в тыловую тогда Керчь, оттуда откомандировали в Симферополь, чтобы там в штабе округа с ним разобрались. Но и там разбираться не стали: отправили – откуда явился. Так папа в конце августа был возвращён в распоряжение Харьковского облвоенкомата....

Вот это и были ***«мытарства с армией»***. На «троцкисте» словно пробовали формулу Троцкого «ни мира, ни войны». Война шла – страшная, кровавая, но ему воевать не доверялось.

А фашисты наступали. Отец рвался доказать свою благонадёжность, просился в бой... Но назначения – не было. Отправив нас в эвакуацию, остался в Харькове: отмечаться, просить, ждать...

Где-то 10 октября, когда до сдачи города оставалось всего две недели, военком зазвал его к себе в кабинет и сказал:

– Рахлин, мне вас жалко. Не имею права вам раскрывать секрет, но в отношении таких, как вы (то есть «бывших троцкистов») есть чёткое указание: в армию не брать. Вы всё ходите, проситесь на фронт, но ничего не добьётесь, только дождётесь прихода немцев. Назовите мне любой тыловой военкомат, и я вас направлю в его распоряжение. Это самое большее, что я могу для вас сделать. Здесь вам оставаться, поверьте, столь же бессмысленно, сколь и опасно.

Отец назвал адрес: посёлок Свеча Кировской области. В Свечинском районе с начала войны жила эвакуированная с семьёй из Ленинграда мамина сестра Этя – та, что когда-то покритиковала Сталина. Между родителями было условлено, что это место будет адресом для связи на случай любой превратности военного времени. Там мы и в самом деле встретились чуть позже: папа – после ***«мытарств с армией»***, мы трое – после нашей полуторамесячной беженской эпопеи.

II. НАКАНУНЕ...

Абрам. Предчувствия Бу<моч>ки.
Анкета в Гипростали (Бума).
Окружение доносчиками. <...>

В этом разделе отец предполагал рассказать о времени с 1949 по август 1950 – по момент ареста. ***«Накануне»*** и значит: накануне ареста, то есть в предшествовавший аресту год.

Абрам. Родной младший брат отца, живший в Москве, был арестован в 1949 году и вскоре осуждён на 10 лет ИТЛ «особым совещанием». Он был отправлен по этапу на восток, доехал до Петропавловска (Казахстанского) – и вдруг был срочно возвращён в Москву: видно, в какой-то гулаговской конторе углядели, что он – высококвалифицированный специалист по автоматике и телемеханике. Абрама направили в «шарагу» – спецучреждение ГУЛага.

Арест Абраши больно задел родителей не только потому, что они переживали за него. Это событие показало им их собственную незащищённость, уязвимость или даже обречённость.

Правда, между родственниками шёл разговор, что он «сам виноват: зачем сдружился с каким-то болгарином, принимал его в своём доме»... Но родители не верили, что причиной ареста – эта неосторожная дружба.

Ведь не только Абрашу забрали – вторично были репрессированы папин двоюродный брат Илья Росман, мамин дядя Эзра Моргулис (позднее ставший одним из видных московских сионистов)... Было ясно: забирают людей, которым не хотят забыть их прошлых «грехов».

Предчувствие Бумочки. «Бума» – домашнее имя моей матери, которую звали Блюма, что в переводе с идиша означает «цветок».

Предчувствие не могло не волновать маму. Вещи, которые она прежде привычно списывала по

статье «перегибы», всё больше смущали её душу. Не могла она не думать о возможном аресте, о судьбе своих детей. Но что было делать: не спрячешься же всей семьёй, не снимешься же с места ни с того ни с сего. А вдруг пронесёт?

Не пронесло. За несколько дней до ареста её вызвали в спецчасть Гипростали, дали заполнить какую-то длиннейшую анкету. Она знала: такая же процедура предшествовала аресту Абрама. Попробуй тут не иметь ***предчувствий***!

Родителей этот случай очень встревожил. Вот что таится под словами: ***Анкета в Гипростали (Бума).***

Окружение доносчиками. В те годы взаимная подозрительность культивировалась обстоятельствами. Кто знает, может, и нас, и моих родных и близких кто-то не шутя подозревал в стукачестве. Возникали подозрения и в нашей семье относительно каких-то бывавших у нас в доме людей.

Правы ли мы оказались в своих подозрениях? Не знаю. Архивы тех гнойных лет в самой своей наиболее компрометантной части, как уже известно, уничтожены, и теперь даже наши дальние потомки не узнают, кто из нас был грешен, кто свят. В самых дружных семьях сеяла эта криводушная, безнравственная власть, эта приманчивая, гнусная идеология ядовитые зёрна взаимного подозрения, недоверия, раздора.

III. АРЕСТ

1. «Вами интересуется МГБ».
2. Путь к дому. «Знаете ли вы этого человека?»
3. Марленочка встречает гостей.
4. Обыск. «Мы люди бедные».
5. Мама вспоминает погром.
6. Соседи. 7. Светка.
8. Разговоры с Марленой. «Мама не придёт!»
9. <...>
10. «Только не устраивайте шум!»
11. Мы прощаемся.
12. <...>
13. Первый шмон.
14. В камере не на чем сесть. Я сажусь на пол. Железная кровать. Я засыпаю как убитый.

Накануне ареста, вечером, отцу нездоровилось. Болела поясница – последствие оперированной опухоли мочевого пузыря.

8 августа 1950 года он отправился на работу, мама тоже. Я в тот день сдавал один из вступительных экзаменов в пединститут, а потом пошёл с девочкой в кино и, увлёкшись (не фильмом, разумеется!), проводил её, долго стоял с нею у её подъезда, любезничая и заигрывая, и к себе домой попал лишь под вечер.

Сестра в эти дни, отработав первый год «по распределению» в деревенской школе, была в отпуске и сидела дома. Бабушка ушла в магазин – как она говорила на своём чудовищном русско-еврейско-украинском, «ув очэрэдь»...

Где-то около полудня отца вызвали не то к начальству, не то в спецчасть: ***«Вами интересуется МГБ».*** Несколько человек в штатском предъявили ордер на арест и обыск и отправились вместе с арестованным к нашему дому пешком – это было совсем рядом: отец работал в Госпроме (так называют одно из крупнейших административных зданий Харькова), а мы жили в ведомственном доме Минчермета – так называемом «Красном промышленнике». Это 100 – 200 метров от Госпрома.

Путь к дому. «Знаете ли вы этого человека?» Вопрос касался совсем незнакомого встречного. Может быть, оперативникам полагалось, по каким-то там их спецкатехизисам, задать его арестованному, а возможно, то была одна из очередных психологических уловок, имевших целью создать в его душе тревожное чувство, предрасположить к предстоящему «потрошению».

Марленочка встречает гостей. Сестра в молодости была необыкновенно хороша. Нет, речь не о красоте, броской и «правильной», – чего не было, того не было. Но заряд молодости, доверчивости, обаяния, женственности – в сочетании с духовной культурой, неиссякаемым жизнелюбием, был так притягателен, что за нею толпой ходили поклонники – преимущественно молодые поэты. Эта «публика» соответствовала её интересам, как и она импонировала им и своей одержимостью поэзией, и юной пригожестью. Один из романов её молодости – с Борисом Чичибабиным, другой – с Юлием Даниэлем... Одному (впоследствии очень известному) поэту она отвесила однажды оплеуху – и, возможно, поделом, так как он не протестовал...

И вот, открыв на стук пришедших дверь нашей квартиры, она встретила отца и его конвоиров лучистым взглядом своих голубых, широко распахнутых глаз, приветливой, гостеприимной улыбкой. Папа и мама обычно приходили к полудню на перерыв домой пообедать. Ей подумалось, что папа пришёл с сотрудниками... Для отца эта беспечность и доверчивость, которые, как он знал, в следующую секунду сменятся ужасным прозрением, были источником дополнительной душевной муки.

Обыск. «Мы люди бедные». Начиная обыск, всегда требовали предъявить золото и ценные вещи. Единственным напоминающим о золоте предметом за все годы существования нашей семьи были мамины наручные часы в золочёном (но, может быть, даже и золотом?) корпусе, которые в свою и мамину безработицу 1937-го отец благополучно «загнал», да ещё – золотое «вечное» перо, разделившее участь часов в тот же критический год нашей семейной и отечественной истории.

Вот почему, отвечая на стандартное требование, отец ответил: «Ничего ценного у нас в доме нет – мы люди бедные». Были, конечно, в этом горечь и надрыв безвинно преследуемого человека, никогда не гнавшегося за наживой, посвятившего жизнь альтруистической идее – и потерпевшего страшный крах в итоге своего пути.

Обыск вели с исключительной бесцеремонностью: книги швыряли на пол и вскоре устлали его многослойным «ковром». Оперативники бесцеремонно рылись в белье, в ящиках, шкафах. Книги изымались по совершенно непонятному признаку: так, «Хрестоматия по истории Октябрьской революции» С. Пионтковского, сколько помнится, была нам оставлена (или возвращена позже, с частью изъятых книг), хотя в неё входили тексты речей Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева и т.п. А вот роман А. Н. Толстого «Пётр Первый» – забрали и так и не вернули. На каждой из отобранных книг отец

На этой фотографии – Харьковский Дом Госпромышленности (в обиходе – Госпром), – административное здание на площади Дзержинского, построенное в 1-й пятилетке и получившее прозвище «Первый советский небоскрёб». Фасадом глядит в сторону ул. Сумской (с ударением на «о») – харьковского аналога Тверской, Невского, Дерибасовской и т. п. Один из классических образцов советского конструктивизма. Архитектурная эмблема Харькова. Сразу за Госпромом – дом «Красный промышленник», в котором мы жили.

Именно здесь, в Госпроме, в своих проектных учреждениях 8 августа 1950г. в первой половине рабочего дня были арестованы мои родители: мать – бухгалтер Гипростали и отец – нач. планового отдела «Облпроекта».

«Мне до боли близок вид Госпрома,
шорох шин по ласковой Сумской...»
(Из моих юношеских стихов, 1949)

Харьковский Дворец культуры железнодорожников им. И. В. Сталина на ул. Котлова. Почти напротив, в доме по той же улице (прежнее название - Большая Панасовская) с 1909г. жила семья моего отца. Там до 1941 оставались жить его мать и старшая сестра с семьёй. Это была пыльная улица старого Харькова, и ДК железнодорожников представлял собой как бы выплеск новой, железобетонной жизни.

Давид Рахлин с детьми. Ленинград, 1 сентября 1932 г.

должен был пометить: «Изъято у меня при обыске» и расписаться. Он нервно чёркал своим размашистым почерком, применяя (впрочем, и ошибочно) орфографию 20-х годов – с апострофом: «Из'ято у меня при об'ыске. 8/VIII-50 г. Д. Рахлин».

Мама вспоминает погром. В разгар обыска явилась бабушка. Войдя в комнату и увидев невероятный «раскордаш» и чужих мужчин, роющихся в книгах (любимое занятие Карла Маркса!), маленькая седая еврейка всплеснула руками и воскликнула первое, что пришло ей на ум:

– Ой, пугром!!! (т. е. «погром», но бабушка выговаривала это слово с еврейско-житомирским акцентом).

– Что вы болтаете?! Что вы там несёте?! – напустился на неё идеологически бдительный опер. – Вы отдаёте себе отчёт в том, что сказали? – И , обращаясь к сестре: – Успокойте старуху!

– Как же её успокоишь? Она насмотрелась в жизни еврейских погромов, вот их и вспомнила, – дерзко ответила сестра.

Урезонила... Гражданин начальник приказал старухе сесть и не выходить из комнаты. Обыск продолжался.

Соседи. Наша семья в квартире занимала две маленькие смежные комнаты, а в третьей, большой, жила сотрудница Гипростали Фаня Белостоцкая с маленьким сыном Борей и родителями – пожилыми религиозными евреями. Вот этих-то стариков, Моисея Марковича и Геню Исааковну, оперативники пригласили в понятые. Старуха вела себя индифферентно, а вот муж её своим поведением раздражал моего, вообще-то, очень терпимого к людям и обстоятельствам отца. Старик Белостоцкий, стоя рядом с арестованным и наблюдая за ведущими обыск, всё время улыбался и тихонько приговаривал, как бы даже с восхищением:

– Ви только подумайте, как они всё ищут, всё смотрат! Ах, как они, как они...

И словно приглашал арестованного разделить этот его восторг...

Светка. В это время случился такой эпизод. Перешедшая в последний – десятый – класс наша двоюродная сестра Света Сазонова явилась, как было раньше условлено, к Марлене заниматься по русскому языку: через год предстояло сдавать экзамены и на аттестат зрелости, и вступительные – на физмат университета. (Впоследствии, получив серебряную медаль, от вступительных она была избавлена). Как только она вошла в нашу комнату, оперативники приказали ей сесть и не выпустили до конца своего пребывания в квартире. Вскоре к нам домой, к Марлене, явился директор её сельской школы – в недавнем прошлом житель Харькова, за некоторые чисто бытовые грехи выжитый с поста директора одной из городских школ. Он был женат, имел детей, но учительница, с которой у него сложились романтические отношения, вскоре, когда не оправдались некоторые её надежды, на него пожаловалась в партийную организацию, и он, спасаясь сразу и от жены, и от любовницы, уехал в сельскую глубинку. Мужик был видный, красивый, даже обольстительный и, надо отдать ему справедливость, неглупый. Как знакомый (и начальник) сестры он к ней захаживал во время летних каникул – вот и теперь пришёл. Ему открыла сестра, в сопровождении одного из оперативников, который, однако, не показывался гостю, прячась у входа спиной к стене. Сестра сказала гостю:

– Арестовали отца!

– Моего? – спросил Семён Исаакович.

– Нет, моего, – ответила она. И попросила сообщить о случившемся тёте Тамаре – сестре отца. Семён Исаакович в нашу квартиру не вошёл, вместо этого он, спустившись с нашего 6-го этажа, пошёл к жившим в соседнем с нами доме нашим родственникам Сазоновым (с ними он был знаком) и сказал тёте Тамаре (папиной родной сестре) о случившемся. Тамара запаниковала: старший брат, Лёва, чудом остался жив после пребывания в лагере, младший уже год сидел в «шараге», теперь забрали третьего, а тут ещё и её дочка встряла в историю...

Отец знал о пытавшемся войти Семёне, но Марлене трудно было при «гостях» объяснить, почему он не вошёл, и то, что его отпустили, а других, входивших во время обыска, – нет, впоследствии послужило источником подозрений: почему тот явился именно в этот момент, почему отпустили его одного и т. д.? Но развитие событий впоследствии никак не подтвердило этих подозрений. Семён в нашей семейной истории был лицом совершенно нейтральным, хотя и сыгравшим некую, так сказать, побочную роль. Светка же просидела у нас в квартире до самого конца обыска – несколько часов. Когда уже папу увели, она вернулась домой и застала мать буквально в истерике. Через некоторое время, по дороге домой, ничего не зная о случившемся, я забежал к ним – и был встречен тирадой Тамариных восклицаний, жалоб, каких-то непонятных объяснений, извинений и просьб... «Представляешь, она всё не возвращается, всё не возвращается... – кричала Тамара сквозь слёзы, – я чуть с ума не сошла!» Потом подошла ко мне и выложила напрямик: «Фелинька, деточка, там, кажется, папу арестовали, насчёт мамы ничего не известно, но ты, золотко, на всякий случай к нам теперь не ходи и не звони, я боюсь за Шуру...» Шура, её муж, бывший ректор Харьковского университета, заведовал кафедрой одного из вузов, а в это время отдыхал на курорте...

Я побежал домой, единым махом, как мне показалось, преодолел 113 ступенек, ведущих на шестой этаж – к нашей квартире, заплаканная Марленка открыла мне дверь, мы молча обнялись... Всё, что я здесь рассказал об аресте, знаю с её, бабушкиных и папиных слов.

После Отечественной войны, в 40-е–50-е гг. (может быть, и позже) в этом здании находился Харьковский Дворец пионеров.

Довоенный Дворец пионеров – первый в стране – сгорел в огне бомбёжек. Он размещался в здании бывшего Дворянского собрания, где после революции находился ВУЦИК, а с перенесением столицы Украины в Киев по инициативе, как говорили, Постышева там открылся Дворец пионеров, и я ещё успел там позаниматься. Это была сказка: «зимний сад» с пальмами и бассейном, где плавали золотые рыбки, большой театральный зал и более 100 комнат для кружковых занятий.

Это «Стеклянная струя» (теперь её чаще именуют «Зеркальная струя») – фонтан, получивший сразу после его сооружения прозвище «Бахчичурайский». Виктор Михайлович Чураев был вскоре после освобождения города в течение нескольких лет первым секретарём обкома. Я хорошо знал его родную сестру Антонину Михайловну, завпеда Дворца пионеров, очень была симпатичная, улыбчивая, приветливая. А он... Я его видел в президиумах: тучный, вельможный, при аплодисментах в честь «Великого Сталина» он встаёт – все встают, и не сядут, пока не сядет он. Говорили, что идея сооружения фонтана через год после Победы, когда весь город ещё лежал в руинах, – его идея. Потому и фонтан назвали «Бахчичурайским».

А мне в 1950, после ареста родителей, приснился сон: будто как раз там, со стороны Сумской, где стекает «стеклянная струя» (она на снимке не видна), по другой стороне улицы идёт... товарищ Сталин! А я, с этой стороны, от струи, кричу-кричу ему (в надежде пожаловаться на несправедливость), но он меня не слышит... Если б услыхал – вся жизнь иначе пошла бы...

До ареста родителей – меньше года. Харьков. 1949 г.

Разговоры с Марленой. «Мама не придёт!». Сестра надеялась, что мама явится домой на обеденный перерыв или вернётся после рабочего дня. Отец, более трезво понимавший обстановку и события, сказал ей решительно:

– Марленочка, не жди маму – она не придёт!

Уверенность эта созрела в нём потому, что стал ясен системный характер арестов. Уже можно было понять, что началась «вторая волна», если первой считать «ежовщину» – небывало массовую посадочную кампанию середины 30-х годов. И в самом деле, маму арестовали одновременно с ним, только не повели домой, а отвезли на Чернышевскую, 23-А – во внутреннюю тюрьму МВД-МГБ: нашу харьковскую «Лубянку».

«Только не устраивайте шум». Мы прощаемся.

Первая фраза – это прямая речь: предупреждение, исходившее от оперативников. Видимо, берегли свои нервы и заботились о том, «чтобы всё было хорошо». Сцену прощания опускаю, так как представляю её себе слишком ясно и именно *потому* описывать не берусь.

Первый шмон. Достойно быть отмеченным уже это словоупотребление: набросок плана принадлежит матёрому зэку с почти шестилетним лагерным опытом, а в тюрьму попал интеллигент, относившийся к русскому языку в значительной мере, как щепетильный пурист. Сейчас, благодаря широкому распространению лагерной литературы, интеллигенция не хуже харьковских «раклов» и «сявок» овладела «феней» (сленгом уголовников), и каждый знает, что «шмон» – это обыск. Но я это слово впервые услышал от отца – в первую минуту нашего свидания, после досмотра, которому меня подверг один из надзирателей. «Он тебе делал шмон?» – спросил папа сквозь набежавшие слёзы волнения и радости. «Делал – что?» – спросил я...

Папе «первый шмон» был произведён со всеми унизительными (и особенно унизительными, потому что – первый!) процедурами: выворачиванием карманов, заглядыванием во все естественные отверстия в теле и т.д. «Обшмонав» и унизив, забрали ремень и повели в камеру.

В камере не на чем сесть. Я сажусь на пол. Железная кровать. Я засыпаю как убитый.

Камера, конечно, была одиночная. Банальный приём подготовки к следствию: пусть узник сильнее страдает от неизвестности, от того, что ни поделиться, ни посоветоваться не с кем...

Измученный и потрясённый, отец не имел сил стоять, тем более, что давила грыжа (возможно, и бандаж отняли?), и уселся на голый пол. Конечно, сразу же последовал окрик заглянувшего в глазок надзирателя:

– Сидеть на полу не положено! Встать!

Не знаю, через какое время внесли в камеру железную койку с голой сеткой, без постели. Отец рухнул на неё – и сразу уснул как убитый. Его не подняли, не будили: пытка бессонницей ещё не была поставлена в повестку дня... и ночи.

IV. СЛЕДСТВИЕ

Одиночка. Первые дни (что с Бумочкой?)... Как дети? Беспокойство за Марленочку.

Тяжким было пробуждение отца. Осознать, что это не бред, не кошмар, а жестокая реальность; что ты находишься в заключении; что арестована жена; что дети и старуха тёща остались одни – почти без средств к существованию... Это ужасно.

«Что с Бумочкой? Как дети?» – такова была главная печаль отца в эти первые дни заключения, – такой она оставалась и во все последующие шесть лет неволи.

Мне было ДЕВЯТНАДЦАТЬ лет. За год перед тем окончил школу, пытался поступить в медицинский институт, но из-за полученной на экзамене по физике тройки (все остальные оценки – только «5») не прошёл по конкурсу. Под давлением родственников отнёс документы в химико-технологический институт, был принят, проболтался там несколько месяцев, но остаться не пожелал, решил в следующем году поступить в педагогический – на филфак. А пока что устроился на работу: старшим пионервожатым в школу. Летом подал заявление на филфак пединститута и как раз в разгар вступительных экзаменов стал сыном «врагов народа».

Но отец особенно беспокоился о Марлене – на то были серьёзные основания. Дело в том, что сестра неоднократно в предшествовавшие годы подвергалась идеологическим нападкам со стороны властей и официозной «общественности» за свои стихи, якобы «безыдейные», «упадочные» и ещё там какие... В 1946 году её обвинили в поклонении Ахматовой (она и в самом деле увлекалась стихами великой поэтессы), хотели заставить на комсомольском собрании публично покаяться, но она почти демонстративно это собрание покинула, и я не знаю, что помешало выученикам товарища Жданова расправиться с непокорной девчонкой. Тем более, что с лета 1946 года появилось для этого особенно веское «основание»: МГБ посадило в тюрьму её друга и в то время уже признанного жениха Бориса Чичибабина, он получил пятилетний лагерный срок за «антисоветские стихи»... Позже судьба их развела, хотя сестра, презрев уговоры старших, ТРИЖДЫ ездила к возлюбленному на свидания в г. Кай, где находился «Вятлаг». Отец не мог сомневаться в

том, что всё это известно гебэшникам и что поэтому его дочери могут приписать всё, что угодно.

Он был прав: её клевали, как могли, перемывая косточки в различных идеологических докладах, вставляя «примеры» о ней в выступления и статьи. Например, третий секретарь обкома партии Румянцев, характеризуя одно из её стихотворений, утверждал, что «автор стремится уйти от жизни куда угодно – даже в гарем».

Примерно в 1948 году на районной комсомольской конференции рядом с невежественным «термином» *ахматовщина* прозвучало глупейшее словечко *рахлинизм*, образованное от фамилии сестры. Что ж, если в Москве есть Черёмушки, то и в Одессе без них не могли обойтись...

После сказанного беспокойство отца напрасным не покажется.

Первый допрос – Самаркин. Обстановка во вн<утренней> тюрьме <МГБ>.
Конвоирование ночью по переходам.
Самарин. Первый допрос – биография.
Второй <допрос>. Обвинение.
«Там нет ни одного слова правды!»
Что же было?
«В дальнейшем мы вернёмся к вашей к<онтрреволюционной> т<роцкистской> деятельности, а пока расскажите о жене».
«Я говорю правду. Я считаю, что имею дело с честными чекистами, сов<етскими> орган<ами>» и т. п.

> ***Отпечатки пальцев, анкета.***
> ***Пятно на теле?***
> ***Адрес жены? Черныш<евская, 23>***

После длительной «выдержки»: без допросов, без каких-либо объяснений, в полном одиночестве – наступил, наконец, день... нет, не день, а ночь! – когда за ним пришёл конвоир.

За несколько лет до этого сестра привезла от Бориса Чичибабина множество написанных им в лагере стихов (ему посчастливилось попасть не в «режимный» лагерь, а в обычный, и там у него появилась возможность сочинять и записывать стихи). Среди них были и ставшие потом знаменитыми «Красные помидоры» – с такими строчками:

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.
Лестницы. Коридоры.
Хитрые письмена.
Красные помидоры
кушайте без меня.

Думаю, эти стихи хорошо передают первые ощущения узника. И даже время года, сезон созревания овощей совпал...

В ту ночь отец познакомился со своим первым следователем ***Самариным***, которого он пренебрежительно называл про себя ***«Самаркиным»***.

На новичка произвёл неизгладимое впечатление порядок конвоирования на допрос. Следствен-

Феликс и Марлена Рахлины с отцом. 1949 г.

ный отдел МГБ помещался тогда в трёхэтажном сером здании на углу улиц Чернышевской и Гиршмана. Внутренняя тюрьма и сейчас видна с улицы во дворе огромного здания МВД – КГБ. Правда, её почти прикрыл собою «Дом связи», окна которого сплошь застеклены специальным матовым стеклом. В этом доме, построенном уже в 60 – 70 гг., разместили аппаратуру «прослушки» телефонных разговоров, и в передачи расположившегося напротив Харьковского облрадио иногда стали врываться случайно наведённые индукцией реплики абонентов (знаю от коллег – радиожурналистов...). Так вот, между «Домом связи» и въездными воротами ещё можно лицезреть во всей его поганой «красе» четырёхэтажное здание тюрьмы, на окнах которой до сих пор железные «мешки» (чтобы узник видел лишь клочок неба). Не знаю как внутри, а снаружи никаких изменений по сравнению со сталинскими временами этот «следственный изолятор» не претерпел *(писано в 80-е гг.)*.

От тюрьмы по двору к дому следотдела был выгорожен двумя глухими параллельными заборами узкий коридор, по которому и вели подследственных на допросы. Может быть, его имел в виду отец, а возможно, и внутри тюрьмы и следственного дома хватало всяческих ***переходов***. Согласно правилам конвоирования, когда заключённого вели, он должен был держать руки за спиной и не оглядываться. Вот так приходилось шествовать каждый вечер и утро моему отцу, человеку высокой чести, честности и доброты, мухи не обидевшему на своём веку. Так водили и маму... Допросы велись, как правило, ночью, а утром после 6 часов спать не полагалось – надзиратели безжалостно будили. Это была пытка бессонницей, позволявшая сломить волю подследственного, помогавшая заставлять его в полубессознательном состоянии подписывать любые протоколы.

Первый допрос был, в основном, посвящён выяснению биографических подробностей анкеты подследственного, а вот на втором предъявили и ***обвинение***, в котором вся его сознательная жизнь, начиная с вступления в комсомол и кончая поездкой в командировку для чтения лекций в дальнем селе Петровское, изображалась как сплошная цепь антисоветских козней.

Самарин спросил, признаёт ли подследственный предъявленное обвинение.

– Там нет ни одного слова правды, – решительно ответил отец.

Блюма Маргулис в год исключения из партии – 1937-й.

Открыв перед отцом почти пустую папку его «дела», следователь показал вшитую в неё бумажку: ОРДЕР НА АРЕСТ РАХЛИНА Д. М., ВЫПИСАННЫЙ В 1937!!!

– Вот видите, с какого времени мы вас ждём, – издевательски промурлыкал Самарин.

Все последующие допросы заключались в том, что подследственный упорно не признавал себя антисоветчиком, а Самарин упорно пытался навязать ему это обвинение.

Отца не били (если верить тому, что он мне говорил, но ведь он мог меня щадить и не рассказывать всей правды). Не били – а «только» держали кулак над головой смертельно усталого, загнанного человека: «Подпиши! Подпиши! У нас *есть средства* заставить тебя признаться!», но подписывал он лишь то, что считал возможным подписать.

Однако в арсенале следователей были способы и приёмы гораздо более безошибочные, чем пытки и побои: это подлог, а также имитация законности. Например, отвечая на вопрос следователя, отец основательно, уверенно и подробно освещает своё поведение во время партийных дискуссий после 1923. Но в протоколе допроса соответствующих записей нет.

– Я не подпишу такой протокол, – заявляет отец решительно.

– Да бросьте упрямиться – потом допишем, – уговаривает следователь. – Подписывайте!

Отец читает дальше – и видит в протоколе такую фразу: ***«В дальнейшем мы вернёмся к вашей контрреволюционной деятельности, а пока расскажите о жене».***

– Но выходит, будто я только что рассказывал о своей «контрреволюционной» деятельности, а ведь это не так! – возражает подследственный.

– Не усложняйте, это у нас просто *порядок* такой, утверждённая форма протокола, – юлит следователь. И предельно измотанный тенденциозным допросом, измученный бессонницей, человек (все допросы проходят ночью, а днём спать в камере не дают надзиратели) позволяет себя уговорить: осталось часа полтора до подъёма, может, хоть немного удастся поспать...

Не спрашивал у Бориса Алексеевича Чичибабина, но думаю, что под «хитрыми письменами» он имел в виду именно протоколы допросов. По словам же отца, все эти хитрости были направлены на то, чтобы имитировать допрос «подлинного контрреволюционера», создать вид, проформу, которой будет достаточно для Особого совещания в Москве. Ведь оно в суть не вникало, лишь штамповало приговоры, а для этого вполне было достаточно, чтобы бумаги «дела» выглядели законообразно, содержали некий суррогат достоверности.

Попытки затравленного арестанта выразить «доверие» следствию, его слова о ***«честных чекистах»*** вызваны, конечно, тем, что вокруг «органов» был намеренно создан ореол «непогрешимости». Говорить об ошибках ГПУ-НКГБ-МГБ было запрещено. С середины 30-х годов в обиход была запущена сакраментальная фраза: «Чекисты не ошибаются». Усомниться в такой «аксиоме» было равносильно проявлению антисоветских настроений.

Несколько строк плана отец обвел рамкой.

На формальный вопрос об ***адресе жены*** полагалось, конечно, назвать её д о м а ш н и й адрес – ведь анкета была стандартной формы, у большинства заключённых жёны оставались на воле. Но отец, ошеломлённый процессом дактилоскопии и поисками на его теле «особых примет», понял вопрос буквально и ответил: ***«Чернышевская, 23»***, то есть назвал адрес тюрьмы, чем и вызвал неудовольствие и даже раздражение тюремщиков, принявших его простодушие за насмешку...

Между тем ночные допросы продолжались.

Кто из молодёжи бывал у вас?
Что вы можете сказать о их
к<онтрреволюционной> деят<ельности>?

Отец высказывал мнение (и я его разделяю), что первоначально следователь хотел завязать его в один большой узел с молодёжной компанией – должно быть, включая Марлену. Уж очень было соблазнительно «разоблачить контрреволюционный заговор»: тут пришёлся бы кстати и её роман с Борисом Чичибабиным – автором «антисоветских» стихов, и её поездки к нему в лагерь... Кроме него, у нас в доме за годы её учёбы в университете бывали Юлик Даниэль, Лариса Богораз, Марк Богославский, Юрий Финкельштейн, Станислав Славич-Приступа, Марк Айзенштадт (Азов), Иосиф Гольденберг, Юлий Кривых, Владимир Баштан, в литобъединении сестра общалась с Владленом Бахновым, Григорием Поженяном ... Современный читатель узнает в этом неполном перечне ряд имён, впоследствии получивших широкую, даже мировую известность. Некоторые позже изведали-таки судьбу узников ГУЛага (Даниэль, Лара Богораз), другие испытали пристальный интерес со стороны «органов»... Но в то время все были вполне безвестны. Повернись, однако, судьба иначе, эти люди вполне могли бы стать жертвами оговора, неправого суда или, точнее, бессудной расправы. Отец с гордостью мне говорил, что, несмотря на все хитросплетения

следствия, ни о ком из этой молодёжи не дал отрицательного отзыва.

С дальнейшим течением следствия вопросы о молодёжи вовсе отпали. Уже в Израиле до меня дошли сведения, проливающие некоторый свет на причины такой смены настроения следователей. Дело в том, что примерно в это время МГБ стало вызывать отдельных студентов университета, «шить» им антисоветчину. Это дошло до ушей тогдашнего ректора университета – проф. Ивана Буланкина. Между тем, всего лишь через 5 лет предстоял громкий юбилей Харьковского университета – третьего по возрасту в стране. И вот, будто бы, влиятельный ректор по каким-то каналам ходатайствовал о том, чтобы чекисты умерили свой пыл: скандальные «разоблачения» могли помешать благостному международному звучанию юбилея. Так что моим родителям повезло – по крайней мере, в вопросе о «связях с контрреволюционной молодёжью».

Что в тюрьме на I месте? 1. Сон. 2.Прогулка. 3. Передача.

Сон на первом месте потому, что допрашивали ночью, а с шести утра спать не давали, следили в глазок; уснёшь – будили. Так что, если выдастся возможность уснуть, это – самое главное, самое вожделенное занятие...

По поводу ***прогулок*** не помню никаких рассказов. А вот о ***передачах*** могу рассказать немало, но мой взгляд – с э т о й стороны! А с т о й... можно лишь понять, что для заключённого получение передачи было едва ли не единственным источником информации о близких, о воле. Только по нашей описи содержимого мог доведаться узник о том, кто прислал ему передачу. А уж раз прислал – значит сам на свободе.

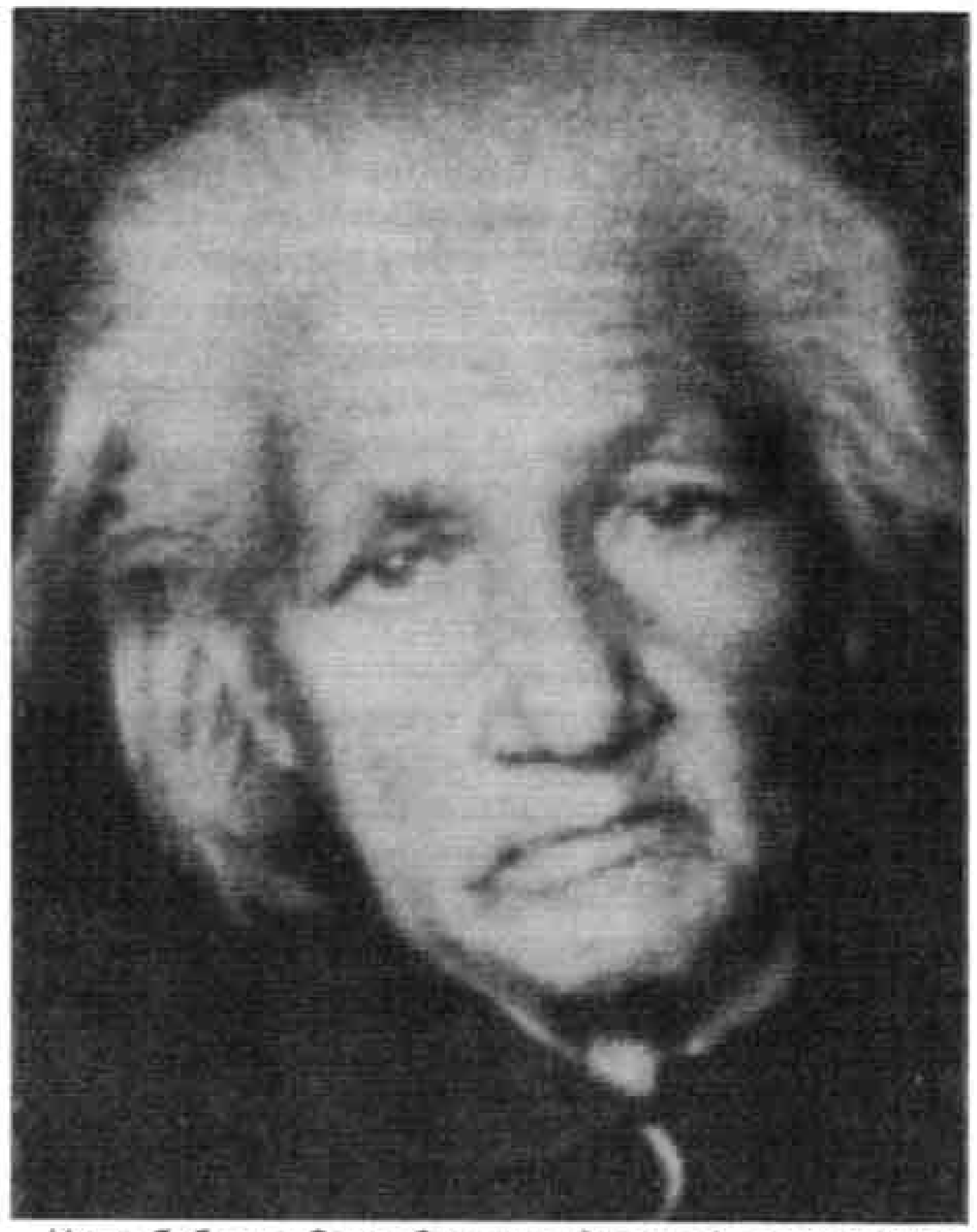
Сестра работала в дальнем – Красноградском – районе нашей области, километрах в двухстах от Харькова, и, чтобы родители не беспокоились о её судьбе, мы чередовали описи содержимого передач то написанные моей рукой, то – её, для чего она несколько штук таких бумажек оставила мне впрок – благо передавали мы, в основном, одно и то же.

Однажды я, сидя в этом домике для передач, особенно остро почувствовал стыд за тот страх, в котором пребывал народ. Не буду уверять, что осмыслил ещё тогда весь позор этого страха, но речь здесь не о понимании, а об ощущении.

Передачи принимал старший сержант войск МВД Гурфинкель, пожилой, невоенного вида, мешковатый человек.

Обычно, идя в тюрьму с передачей, я брал с собой какую-нибудь книжку. Забавно, что на первых порах это была только что вышедшая из печати брошюра Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Мне, как завтрашнему студенту-филологу,было понятно, что с её изучения начнётся учебный год, и я заранее спешил ознакомиться с её содержанием. Однако как-то раз я забыл взять с собой это или любое другое чтиво, а сидеть без дела было нудно.

Вспомнив игру в бирюльки, заключавшуюся в том, что на столе рассыпают палочки и одной из них стараются оттащить в сторонку все остальные, каждый раз пытаясь стронуть с места только одну,

Наша бабушка Сара. Снимок сделан 13 апреля 1951 года. Свою дочь ей так в жизни и не удалось больше повидать: умерла незадолго до ее возвращения.

чтобы другие даже не пошевелить, – я вытащил из кармана коробку спичек и воспользовался ими как бирюльками. Рассыпав спички горкой перед собой на поверхности большого стола, за которым сидели ещё и другие ожидавшие Гурфинкеля люди, стал играть сам с собой...

Вдруг сидевшая рядом старушка тихо шепнула мне на ухо:

– Перестаньте! Что вы делаете?!

Я взглянул на неё с изумлением.

– Не надо так играть! – объяснила она мне всё так же шёпотом. – Мало ли как это могут истолковать?..

Ну, как можно «истолковать» игру в бирюльки? Я пожал плечами. Но спички собрал и спрятал обратно в коробку...

Передачу принесла бабушка.

Удивительны причуды памяти. Комментарий, раскрывающий содержание этой строки в первом, черновом варианте книги, оставленном мною перед эмиграцией из СССР в 1990-м московскому «Мемориалу» и Харьковской библиотеке им. Короленко, неполон и неточен: четырнадцать лет назад я не помнил всех подробностей, хотя тогда был отделён от событий 35-летним промежутком времени. А теперь, через 54 года, вдруг вспомнил...

Узнав от прокурора Маршева об окончании следствия, я решил поехать в Москву, чтобы лично подать жалобу в Прокуратуру СССР. К этому времени меня уже выгнали с должности старшего пионервожатого 132-й школы (поделился с добрым завучем своим семейным несчастьем под честное слово, что всё останется между нами, а он немедленно рассказал директору, и она потребовала от райко-

ма комсомола, чтобы меня от работы освободили...). Мне было легко отлучиться на несколько дней (в институте я что-то наплёл), а деньгами на поездку снабдила родня. Но было одно препятствие: как раз на предполагаемые дни поездки выпал срок очередной передачи. Сестра работала далеко в деревне, а бабушка, старенькая, крошечная и слабосильная, не способна была притащить в тюрьму две корзинки. Тогда я обратился к одному из школьных друзей – Жене Брону. И он согласился помочь. Благополучно пронёс от нашего «Загоспромья» через «Профсад» (Сад Шевченко) по ул. Гиршмана к тюрьме на Чернышевскую обе плетёные из прутьев большие корзинки, а уж бабушка их благополучно сдала полные и получила назад порожние. Памятно мне и ещё одно одолжение, сделанное мне Женей. Я был плохо одет, не было у меня приличного зимнего пальто, а в Москве надо выглядеть пристойно. И я взял у друга «московку» (или «москвичку») – полупальто, что-то вроде полушубка... Одолжение, скажете, небольшое? Значит, вы или не жили в ту пору, или не побывали в подобных обстоятельствах.

Евгений Яковлевич Брон живёт ныне под Хайфой, в городке Тират а-Кармель, мы с ним по-прежнему друзья, я недавно гулял у него на золотой свадьбе, читал посвящённые ему и его жене Лиде шуточные стихи, но в них об этой истории нет ни слова. Ну, и правильно: кто бы понял, отчего сейчас у меня, когда пишу на компьютере эти строки, слёзы наворачиваются на глаза?..

С первых недель моего «соломенного сиротства» стал регулярно давать деньги на передачи Шура Сазонов. Когда родителей арестовали, он отдыхал на южном курорте. Тамара, испугавшись за мужа, попросила меня к ним не приходить, чтобы, как говорится, «не дразнить гусей». Вернувшись, он подтвердил правильность её опасений, сказав: «*Пока* приходить не надо», но сам со мной встречался, назначая время через свою дочь Свету. Я стал регулярно в тёмное, вечернее время ходить к нему на свидание в садик за Госпромом, на проспекте «Правды». Шура меня обстоятельно расспрашивал и неизменно раз в десять дней выдавал рублей по 100 – 200 на передачи.

В Харьков, специально чтобы наставить меня относительно содержания передач, приехал из Сталино (Донецка) муж папиной сестры Сони – Иосиф Моисеевич Злотоябко («дядя Ёня»), работавший в шахтостроительном тресте начальником отдела технического снабжения. Назначив мне встречу где-то на улице, он продиктовал примерный список продуктовых передач, а также рассказал, какие надо передать вещи в предвидении отправки родителей в лагерь (в том, что отправят, бывалый Йоня не сомневался).

Позже заботу о посылках родителям в лагерь взяла на себя также и мамина сестра Гита, участвовали материально в этом и папин брат Лёва с женой. До сих пор испытываю благодарность к этим давно ушедшим из жизни людям. Говорят, родственники и должны помогать... На практике так бывало, увы, далеко не всегда.

А поначалу, во время следствия, передачи собирал (с помощью тех же лиц, а иногда и приезжавшей из деревни сестры), в основном, я, и в тюрьму относил тоже я – часто в сопровождении бабушки, которая помогала чисто технически: когда мне надо было уйти или отлучиться, она ожидала разрешения, передавала Гурфинкелю полные корзинки, приходила потом получить их опорожнёнными. Я нёс в тюрьму по корзинке в каждой руке, переваливаясь из стороны в сторону от их ощутимой тяжести, и бабушка, неунывающая лицедейка, потом очень смешно показывала, как это у меня выходит. В тот раз, когда я уехал, наверное, пришлось кого-то попросить составить от имени бабушки опись и заявление, вот отец и обеспокоился тем, что ***передачу принесла бабушка***, – и всполошился, не случилось ли что-нибудь с детьми...

V. ХОЛОДНАЯ ГОРА

Переезд на Х<олодную> Г<ору>. Встреча с Бумочкой в коридоре. Упрёк начальнику тюрьмы. Разговор в «воронке». Странное спокойствие. Разговор по пути (во дворе тюрьмы), в канцелярии.
<u>На другой день</u>
Чтение приговора. Кироп рад. Мы ошеломлены. На что я рассчитывал. Бумочка утешает меня: «Это не так страшно». Предположения Бумы. «Что они от нас хотят». Я высказываю предположение: режимный лагерь! Мои попутчики (3 чел.) В большой камере. <...> Уголовники. Грабёж продуктов. <...>
Как сорвалось свидание на Х<олодной> Горе.

В Харькове в то время было известно три тюрьмы: 1. – Внутренняя (следственная) тюрьма УМВД, 2.– Пересыльная – на ул. Оружейной (бывшей Тюремной) – недалеко от Южного вокзала и 3.– Холодногорская.

Эта последняя – самая крупная из трёх – расположена в западном районе города – на так называемой ***Холодной Горе***. Горы, собственно, нет, а есть возвышенность – Харьков ведь расположен на нескольких крупных, но довольно плоских холмах. Холодная Гора, Лысая Гора – в их числе. По распространённой народно-топонимической версии, название «Холодная» произошло якобы от особого микроклимата, присущего данному району. Но это абсолютная чепуха. Харьковчане знают, что там ничуть не холоднее, чем в центре города, в посёлке ХТЗ или где-либо на Журавлёвке, на Салтовке или на Ивановке. Всего вероятнее другая этимология: с давних пор именно тут, на крутом холме, было построено в XIX веке (а, возможно, и раньше) городское узилище, – такое в старину принято было именовать «холодная» (см., например, в пьесах А. Н. Островского) Причина очевидна: тюрьма плохо или же совсем не отапливалась... Вот эту-то «гору», где находилась «холодная», и стали называть Холодной Горой... Этимология совершенно прозрачная, но... совершенно неудобная властям! Гораздо практичнее иметь сотни таких «холодных» по всей стране, чем правдиво объяснить происхождение топонима.

В 1980 через Харьков пролегла трасса олимпийского огня. На самом краю крутого откоса над улицей Свердлова (бывш. Екатеринославская, а

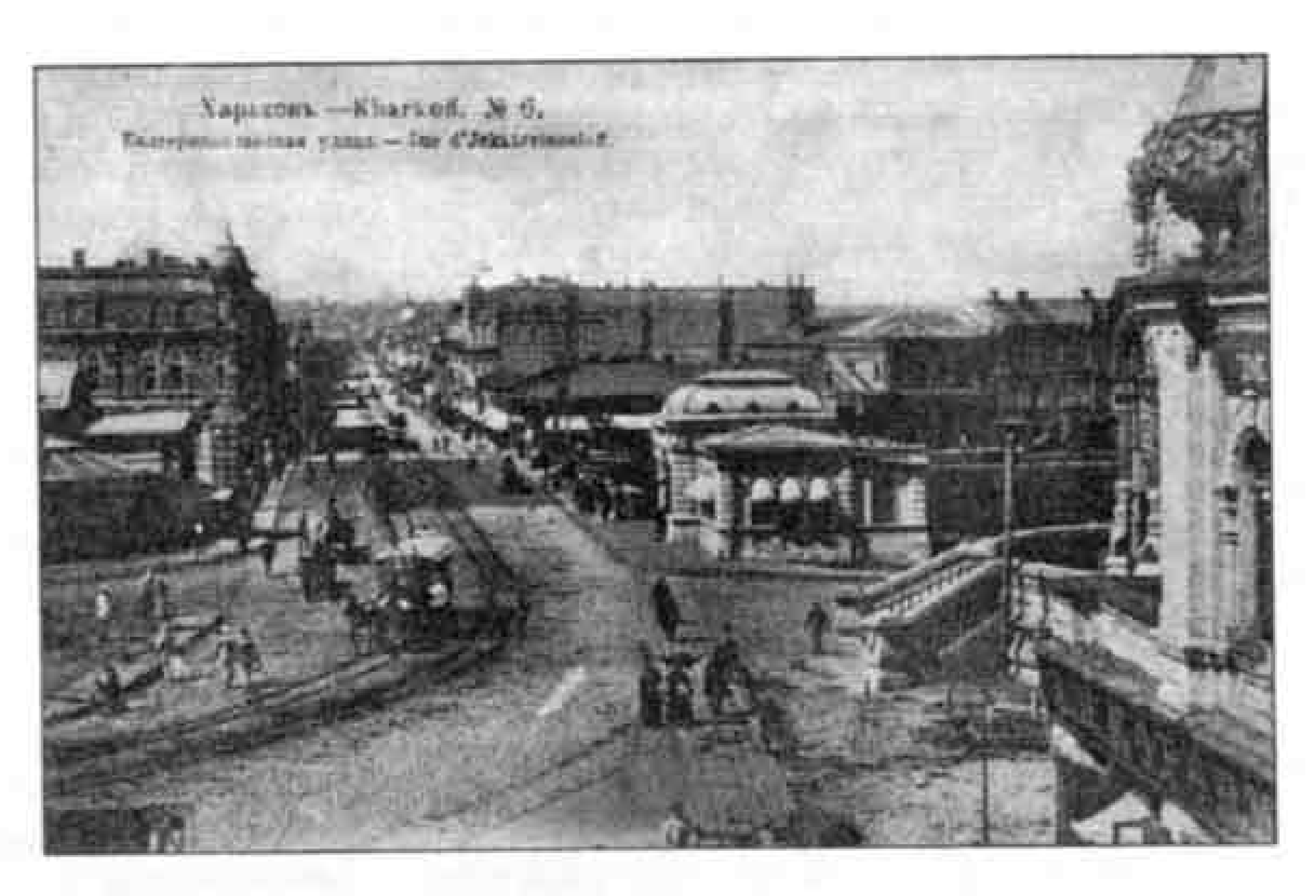

Харьковский Южный вокзал.

Одна из первых новостроек послевоенного Харькова. Построен на месте старого вокзала, разрушенного войной.

Существовала легенда, будто в одно из первых послевоенных лет проезжавший на южный курорт Сталин вышел на платформу из вагона, подошёл к торговке овощами и спросил: «Пачом памидори?» И будто она от неожиданности чуть не отдала концы. И будто потом вождь спросил у кого-то из встречавших его «отцов города»: «Пачиму вокзал не восстановили?» И будто сразу заработали все конторы...

Не знаю, что здесь правда, но основная часть вокзала была построена, действительно, быстро.

Таков был старый Харьков, который хорошо помнил Давид Рахлин, – он ведь и жил недалеко отсюда: на Большой Панасовке (в советские времена – улице имени большевика Котлова), по старой привычке называл площадь Тевелева – Николаевской, Пролетарскую площадь (со стороны которой сделан снимок) – Сергиевской, площадь Розы Люксембург (тоже отсюда недалеко) – Павловской... А улицу Свердлова, изображённую на снимке, – Екатеринославской, теперь – Полтавский Шлях. Действительно, здесь начинается путь из Харькова на Запад – на Полтаву. Но по дороге есть ещё Холодная гора... И это с нее начинался путь Давида и Блюмы – увы, отнюдь не на Запад, а на Крайний Север. Я же после их ареста и изгнания с идеологической должности старшего пионервожатого именно по этим дворам собирал утиль.

На стр. 73–81 помещены фотографии из фотобуклета «Харьков», выпущенного к 300-летию воссоединения Украины с Россией. 12 кадров. Харьков, фотофабрика треста «УКРФОТО», 1954 г. и фотография с сайта «Харьков транспортный».

ныне её название – Полтавский шлях) высится один из корпусов нашей харьковской главной кутузки. Глухая – без окон – стена не оставляет сомнений в характере и назначении здания или, по меньшей мере, наводит на подозрения. Чтобы избавить наших иностранных друзей от лишних мыслей, в порядке предолимпийского мероприятия на стене тюрьмы намалевали окна и даже маленькие балкончики, – издали получилось красиво и даже очень симпатично. Конечно, для наших земляков, неторопливо идущих по улице, фальшивость этих размалёвок была очевидна, но кто там будет считаться с этой тупой, серой массой?.. А на бегу или из сопровождающих олимпийский факел машин дуракам-иностранцам, неискушённым в наших отечественных хитростях, «потёмкинских деревнях», ничего не бросилось в глаза, что и требовалось.

Именно отсюда, с Холодной Горы, начинался, как правило, скорбный путь харьковских новобранцев ГУЛага.

Совсем вне очереди хочу здесь пояснить последнюю фразу V-го раздела папиного плана записок: ***«Как сорвалось свидание на Холодной Горе»***. Об этом он во время нашего свидания в Воркуте узнал от меня.

Я упоминал уже о том, что раз в неделю посещал областную прокуратуру, чтобы справиться там у прокурора по спецделам Маршева о ходе «спецдела» родителей. Сперва стерёг момент, когда окончится следствие. Это мне удалось, потому что между следствием и заочным приговором должно было пройти немалое время. Но потом мне надо было поймать момент, когда, после получения московского приговора, родителей переведут из предварительной Внутренней на «Холодрайку». Но как это могло мне удаться? Чаще, чем раз в декаду, обращаться к чинуше было нельзя, попросить его известить о чём-либо меня – нереально, хотя я, кажется, просил... Передачи тоже не принимали чаще, чем раз в десять дней.

Вот так и случилось, что однажды – видимо, в начале февраля 1951 – принеся очередную передачу, я вдруг услыхал от «Графинкина» (прозвище, которое дали Гурфинкелю его сослуживцы-тюремщики):

– Рахлин – Маргулис выбыли!

«Куда?» Отвечать на такие вопросы было не в его компетенции, да он мог и не знать. Я опрометью кинулся в пересыльную – там их не оказалось. Благо Холодная Гора неподалёку... Но там мне сообщили ужаснувшую меня весть: оба отправлены по этапу.– «Когда?» – Буквально накануне. – «Боже мой, но куда?» – На этот вопрос мне не ответили...

Надежда на свидание рухнула. Вообще-то здесь, на Холодной, свидания давали всем, невзирая на статью. Ясно было, что тюремщики намеренно лишили нас этой возможности. Им не нужны были излишние заботы. График передач был известен. Получив приговор ОСО и сформировав на бумаге списочный состав этапа, мне дали возможность принести передачи и буквально на другой-третий день перевели наших родителей в Холодногорскую тюрьму. Ясно было, что раньше чем через десять дней после предыдущей передачи я об их переводе не узнаю. Вот этого-то промежутка вполне хватило, чтобы спровадить их на этап, не дав встретиться с

Давид Рахлин. Тюремная фотография.

детьми и матерью. Всё, что только может быть бесчеловечного и безнравственного, представители МВД – КГБ проделывали с особой изобретательностью и удовольствием. ***«Врагов не убеждают»*** (записанная отцом фраза следователя), а уж тем более не жалеют! Только позже, из рассказа отца, я узнал, как драматически встретились в тюрьме мои родители. «По-порядочному» и им можно было бы дать свидание. Но кому они были нужны с их старомодной человечностью и любовью, с неизбывной своей тоской. Они повстречались случайно – в коридоре внутренней тюрьмы, под конвоем «вертухаев», перед транспортировкой на Холодную Гору. Кто из них ***упрекнул*** начальника Внутренней и в чём? Может быть, он обещал дать им свидание – и не сдержал слова? ***Встреча*** вышла случайной – вероятно, помогло то, что они носили разные фамилии и не все в тюрьме знали, что это – муж и жена... А могло ведь и не быть этой встречи... Повезло!

Не ездил я, слава Богу, в ***«воронке»*** (арестантском автофургоне) и не представляю, как можно было там переговариваться – видимо, сидели в соседних кабинках... Но, возможно, там и не было деления на кабинки, а были общие лавки. Отца поразило ***странное спокойствие*** жены. Потом оказалось, что таково следствие страшного потрясения. ***Во дворе*** Холодногорской ***тюрьмы***, а потом в канцелярии, где проходила их «сдача-приёмка», ***разговор*** был продолжен. Мама высказала ***предположение***: арест, следствие, приговор – это какая-то проверка на верность идеям партии, во всей этой бессмыслице должен ведь заключаться какой-то смысл. Для чего-то важного понадобилось, должно быть, партии и руководству обвинить в политической неверности своих самых преданных сторонников. Не знаю, как объяснить этот бред с точки зрения психологии. По-моему, тут имела место какая-то компенсация, какое-то вытеснение, эмоциональный, а может быть, и психический сдвиг. Примириться с бессмыслицей или, может быть, с расчётливым уничтожением преданных кадров можно было только ценой какого-то не менее бессмысленного предположения.

На другой день их (в составе группы заключённых) отконвоировали в тюремную канцелярию, где были зачитаны приговоры – точнее, имевшие силу судебных приговоров постановления ОСО при министре. (Министру этому – впрочем, как и его Особому совещанию – оставалось быть в своём

Блюма Маргулис-Рахлина. Тюремная фотография.

качестве всего лишь два года, и слава Богу, но ведь об этом никто не знал...)

В постановлении ОСО от 27 января 1951г. было сказано (о каждом в отдельности), что они приговариваются к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Что касается наших родителей, то сказано было: за преступления, предусмотренные статьёй 58, пункты 10 и 11 Уголовного кодекса РСФСР (аналог – ст. 54 УК УССР), то есть за антисоветскую агитацию и принадлежность к контрреволюционной организации. Конкретное содержание преступления (то есть, в чём состояла агитация, какая была организация) НЕ РАСКРЫВАЛОСЬ, да и зачем бы это раскрывать? Но на что ж ты, папа, рассчитывал: неужели на справедливость «Особки» во главе с Меркуловым или Кабуловым?

Видя его потрясение, мама, как всегда бывало у них в критических случаях жизни, начала утешать мужа, приуменьшать размер несчастья: ничего, ведь ***«это не так страшно»***...А сама тоже потрясена и всё продолжает напряжённо искать тайный, скрытый смысл явной бессмыслицы: ***«Что они от нас хотят?*** Может быть, испытывают нашу преданность делу коммунизма?»

Пересказывая мне эти невероятные мамины предположения, отец подчёркивал, что они могли быть только результатом психического шока. Он и не пытался её разубедить. Его ***предположения*** носили более заземлённый, прагматический характер: куда пошлют? Отец высказал мысль, что, всего вероятнее, в ***режимный лагерь***. И оказался прав.

Режимные лагеря (ещё они официально назывались «особыми») были созданы на основе лагерей каторжных и предназначены специально для «врагов советской власти». К этому времени отошли в прошлое смешанные женско-мужские лагпункты. Заключённых строго разделили по половому признаку. Но для подавляющей массы «58-й статьи» создали ещё и лагеря особые – режимные...

О ***попутчиках*** почти ничего сказать не могу. Но с одним из них позже я познакомился и близко общался. Это Давид Кваша, или, как его звали домашние, Даня, – в то время молодой инженер, а впоследствии активный изобретатель.

Даня совершил страшное преступление перед советской родиной: он похвалил американский станок, а об отечественном сказал, что это – говно. Простое русское слово, которым пользовался даже основатель коммунистической партии и советского государства В. И. Ленин, называвший им интеллигенцию, суд оценил в 10 лет лагеря, и Даня поехал тоже в Воркуту. Даня Кваша умер несколько лет назад. Он рассказал мне о том эпизоде ***в большой камере***, когда уголовники устроили ***грабёж продуктов.*** Как раз перед отбытием из Внутренней на Холодную наши родители получили последнюю передачу. Уголовники, с которыми отец столкнулся чуть ли не впервые в жизни (если не считать уголовников-следователей), конечно, накинулись на его провиант. Ободрали его как липку.

«Кироп рад». Кироп, сокамерник отца, был осуждён за истинную измену Родине: попав в плен, он согласился служить оккупантам, притом в гестаповской части. Разумеется, он радовался, что не расстреляли. А дали ровно столько же, сколько «троцкисту». Но из заключения гестаповец вернулся РАНЬШЕ, чем «троцкист»!

VI. ЭТАП.

Поездка в «воронке» до вокзала. Б<умоч>ка аттестует мне попутчицу (религиозн<ицу>).
Я помогаю Б<умоч>ке при посадке. «Усы».
Разговор с Бумочкой путём рассказа товарищам. Она спрашивает, я отвечаю.
Как набит «столыпин».
(Температура, воздух – вода, еда).
Горький, «лауреатская» тюрьма. <...>
Бумочку отправляют раньше...
Письмо из Горького.
Из Горького на Воркуту.

Об этапе отец вспоминал как о тяжелейшем из испытаний, которые ему пришлось вынести в жизни. Заключённые боялись этапа пуще карцера. По счастью, отцу пришлось его перенести лишь раз, но вот на мамину долю он выпал дважды.

Однако на этот первый этап их отправили вместе, и суждено им было ехать в одном вагоне, но – не видеться друг с другом. Наступало последнее свидание перед долгой разлукой, но они ещё не знали об этом. Вряд ли, впрочем, можно назвать свиданием эти случайные, непредусмотренные встречи двух подконвойных зэков, чьи стражники просто упустили из виду, что это муж и жена, которым встречаться категорически воспрещается.

Господи! Я сейчас живу тогдашними юношескими представлениями о них как о пожилых людях, почти старичках, а ведь им в те дни и пятидесяти не было! И вот вдруг такая жестокая, несправедливая разлука, такое издевательство!

Но не будем строги к судьбе: какая радость – встретить подругу жизни при посадке в арестантскую машину! И конвоиры попались либеральные: не препятствовали мужу подсадить жену в «воронок», поднести и подать ей вещи.

– Усы! Не могу их видеть! – сказала мама, взглянув на него. В самом деле, он никогда ни усов, ни бороды не носил и вид имел, наверное, диковатый – вовсе ей непривычный. Мама познакомила его с подружкой – может быть, иеговисткой или евангелисткой... Преследование за религиозные убеждения не было редкостью в советские годы, таких заключённых называли «религиозниками».

На вокзале, точнее – на станции Харьков – Сортировочный, где-то у дальних путей, их выгрузили и, отделив женщин от мужчин, двумя группами заставили присесть на корточки: так стеречь *безопаснее*. Ждали то ли подачи арестантского вагона, то ли прибытия других партий этапируемых, то ли того и другого вместе. Муж и жена видели друг друга, но тут уж общаться им никак не разрешалось. Выбирая моменты, когда конвоир не смотрит в его сторону, отец, не привставая с корточек, постепенно переместился ближе к группе женщин, а таким образом и к маме.

В каждой из этих двух групп заключённые тихонько переговаривались друг с другом – на это конвой смотрел сквозь пальцы. И вот, оценив и поняв усилия мужа быть поближе к ней, мама стала задавать ему вопросы, делая вид, что обращается к своим спутницам. А он отвечал ей, делая вид, что разговаривает с товарищами. Так удалось им поговорить. Разговор шёл о «деле», о здоровье, они просили друг друга «поберечь себя», пытались приободрить один другого.

Но в вагоне их опять разлучили. От папы я впервые узнал, что вагон называется «столыпин» в честь «великого реформатора» России: в годы его восхождения к власти была «усовершенствована» перевозка арестантов по железной дороге. Внутреннее устройство и особенности путешествия узников в «столыпинском» вагоне описаны у многих мемуаристов, но для меня при нашем свидании явились новостью.

Не забавно ли, не жутко ли, что с тех пор и до начала XXI века «столыпин» в принципе остаётся прежним по своей конструкции и используется по назначению.

Как рассказывал отец, это клетушки, в которые арестанты набиты как селёдки в бочке. Дверь каждой клетушки решётчатая. Решётки и на окнах, а стёкла – матовые. Узник лишён, таким образом, и того невинного развлечения, которое в охотку любому вольному путнику: коротая время, смотреть в окошко на российские просторы.

То фабрика кирпичная – высокая труба,
то хата побелённая, то в поле молотьба...
Любимая, знакомая, широкая, зелёная, -
земля родная, родина, привольное житьё!
(Сергей Васильев)

Нет, перед зэком одни только распостылые физиономии товарищей (или врагов) по несчастью да фигура вертухая в проходе напротив зарешеченной дверцы секции. ***Воздух*** – спёртый, пропитанный миазмами из клозетов, испарениями давно немытых тел. ***Еда*** – отвратная, да и то редко. Все, кто рассказывал об этапе (мой отец – не исключение), всегда упоминали о селёдке как почти единственной пище в пути и об увеличенной ею жажде, утолить которую нечем...

В Горьком их отправили в тамошнюю тюрьму. Он мне объяснил ещё при свидании в Воркуте: «лауреатской» она называлась потому, что за проект этого «кичмана» авторы получили... Сталинскую премию!

Заявление о свидании, конечно, было просьбой о свидании с женой. В принципе, они с мамой получили свои «срока» каждый по своему делу, и могли бы им разрешить встретиться, если рассуждать по-человечески. Но вишь, чего захотел! Впрочем, заявление подействовало, и весьма ощутимо: маму ***отправили раньше***! Машина террора действовала жестоко и безжалостно.

Видимо, здесь, в Горьком, отец ухитрился написать ***письмо*** домой, которое отправил потом самым авантюрным образом: просто выбросив на дорогу. Но об этом чуть ниже

Вслед за женой его этапировали вскоре в Воркутинский особый, режимный лагерь.

VII. «ПЕРЕСЫЛКА» В ВОРКУТЕ

Утром ведут с вокзала, уже светло (конец марта). Я бросаю письмо на снег.
Предупреждение: сдавайте ценные вещи.
Входим в барак. Надзиратель: «Сдавайте, пойдёмте». Я остаюсь в калошах. Одевают в тот же день.
Атака блатных. Я «а ид». Ночные «шмоны». Цыгане. Карт<ёжная игра> . Драки. Женщины. Я встречаю «Семена». Узнаю о Буме, пишу письмо. Её отправили в день моего приезда. Знакомство с киевлянином (имеет 2-й срок). Рассказывает о Буме. Она не захотела знакомиться. Отправляю письмо с адресом 40-й шахты – последствия этого.
Томительные дни на пересылке. Блатные нас больше не трогают – (есть новые).
Побоище в первых числах апреля <19>51 г.

Всё скупее и скупее могу я комментировать записки отца – и потому-то всё пространнее цитаты из них... Многое из его рассказов бесповоротно утрачено памятью.

Месяц или полтора – может, даже более двух месяцев, продолжался тот страшный этап. Достойно увенчала его воркутинская «Пересылка».

Ценными вещами для узника были, безусловно, те вещи, которые помогали ему не мёрзнуть в зимнее время. Для папы это были кожушок и валенки, переданные через меня дядей Ёней, – их принимали на хранение, чтобы не разграбили блатные, а пока давали лагерную экипировку: спецовку, ватник... ***Блатные*** отнимали всё, что можно было содрать с человека и что их самих могло интересовать.

Одно обстоятельство делало отца особенно уязвимым для атак и издевательств со стороны блатных: он ведь был «а ид», что в переводе с еврейского-идиш означает – *еврей*.

Как показывают наброски отца, блатным, т. е. уголовникам, ворам в законе, жилось здесь весьма вольготно: ***карты, драки, женщины***... Использование уголовников в терроре против политических (или считающихся таковыми) заключённых составляло важную часть политического террора сталинского режима.

Повстречав здесь, в бараке воркутинской «Пересылки», ***«Сэмэна»*** – своего знакомого по харьковской тюрьме, а затем и горьковской «лауреатской», папа узнал от него о маме. Случайно ли, что её отправили на стационарный лагерный пункт как раз перед самым приездом мужа в «Пересыльную»? Очень возможно, что намеренно «позаботились»: зачем начальству семейные идиллии или сцены?

«Узнаю о Буме, пишу письмо». Думаю, это письмо было адресовано ей: он узнал, на какой лагпункт её отправили, и попытался ей написать туда, переслав с оказией: ведь на все лагпункты отправляли отсюда людей. А то письмо, в котором, в качестве обратного адреса значился «лагпункт 40-й шахты», было написано, скорее всего, ещё в Горьком, а здесь, в Воркуте, выброшено на снег, когда его, вместе с другими заключёнными, прибывшими по этапу, вели с вокзала в Воркутинскую пересыльную тюрьму.

Это был свёрнутый треугольником маленький листок. Адрес был написан карандашом. Нам принесла его женщина-почтальон, ещё когда мы с бабушкой жили на прежней квартире, в доме «Красный промышленник». Почтальон мне сказала: «Вам – доплатное». Уплатив рубль, я получил этот крошечный треугольник – и сердце забилось: узнал почерк отца. Вот примерное содержание письма: «Дорогие! Мы с мамой осуждены Особым совещанием при МГБ СССР от 21 января 1951 г. на срок 10 лет ИТЛ по статье 58, пп. 10 и 11, УК РСФСР. Едем вместе в г. Воркуту, в один и тот же лагерь – ОЛП шахты 40...».

По-видимому, в момент, когда отец писал эти строки, ему было известно только, что они с мамой едут «в один лагерь», а также он знал место назначения – «ОЛП шахты 40», но что это такое, конкретно не представлял. Он полагал, что они будут вместе или, по меньшей мере, получат возможность видеться, и решил порадовать этим детей и близких. Как же он ошибся, а вслед за ним и мы. Ведь каждый ОЛП (отдельный лагерный пункт) уже несколько лет был профилирован по половому признаку: или мужской, или женский. А один ОЛП от другого в одном и том же лагере мог отстоять на десятки километров – и даже на сотни, если это лагерь где-нибудь на Дальнем Востоке или в Сибири. Но и в Воркуте они были далеко друг от друга: одно дело – шахта 40, а другое – 8 или 32...

Если папа этого не знал, то и мы – тем более. Не задумываясь о последствиях, поспешил я ему ответить и, даже не понимая, что же такое – ОЛП, послал письмо по указанному адресу: «Коми АССР, г. Воркута, ОЛП шахты 40, Рахлину Д.М.». Откуда было мне знать, что каждый ОЛП имеет свой зашифрованный адрес: «почтовый ящик № такой-то»...

Вот так, по молодой своей глупости, я выдал отца, раскрыв перед его новым начальством прегрешение свежего зэка. Вскоре по прибытии на шахту он был вызван к начальнику лагпункта, который, вместе с начальником режима, принялся распекать нарушителя за нелегальную отправку письма и пригрозил наказанием. Впрочем, дальнейших последствий дело не имело.

Но нельзя не восхититься бесперебойностью «народной почты», неистребимости простого и великого чувства человеческого участия и солидарности. Подумать только: в одном из центров ГУЛага, в городе, напичканном соглядатаями и поднадзорными, кто-то, найдя бумажку, «треугольник полевой», на тропинке, протоптанной в снегу только что прошедшим строем заключённых, – не проходит мимо, не помыкает чужой трагедией, а (должно быть, трижды оглянувшись) поднимает письмо, несёт к почтовому ящику и отправляет, пренебрегая опасностью быть обвинённым в «пособничестве преступнику»... Спасибо тебе, безвестная душа, мир тебе и благословение!

Сидя в «Пересыльной», отец познакомился с киевлянином, имевшим 2-й срок. Тот рассказал, что видел здесь маму, но она с ним не пожелала знакомиться (должно быть, остерегалась, напуганная всем происшедшим). После этой записи – зачёркнутые слова: ***«Узнаём от нарядчика о ней»***. Речь о нарядчике, отправлявшем зэков по лагпунктам. Вот откуда папа узнал о том, на какой лагпункт она отправлена, и, должно быть, написал ей туда письмо.

Томительные дни на пересылке... Да, ведь ждать и догонять – распоследнее дело. Скорее бы хоть какая-то определённость! А дни проходят совсем без событий: даже блатные больше не цепляются – обобранные люди для них совсем не интересны, особенно если прибывают новые, свеженькие...

Здесь отец узнаёт о знаменитом воркутинском восстании заключённых, которое произошло... ***«В первых числа апреля 1951 г.»*** , – указывает он, видимо, сделав ошибку на год. Именно от него потом узнал я об этом восстании, о котором и ему стало известно понаслышке, – из уст тех, кто в это время там находился.

Это было настоящее восстание рабов: с захватом власти, с расправой над наиболее бесчеловечными надсмотрщиками-начальниками. Отец уверял, что повстанцы имели связь с заграницей, но, возможно, он воспринял официальную последующую версию администрации Лагерное начальство называло восстание «волынкой», «бунтом». Подавляли этот бунт с применением пулемётов и даже авиации, с обеих сторон были жертвы. Зачинщики и активисты восстания были наказаны с беспримерной жестокостью.

VIII. ПЕРЕХОД НА 40-ю –

мимо стадиона, через рудник, посёлок 40-й шахты. Приходим <-> уже темно. Процедура передачи: и<мя>, ф<амилия>, о<тчество>, г<од> р<ождения>, статья, срок, конец срока .

Этот путь – мимо стадиона, через рудник – и я проделал потом несколько раз к месту нашего свидания. По дороге – запомнилось мне – не раз возникали колючие ограды, вышки, часовые...

Легко представить себе процедуру передачи новой партии «лагерной пыли» тюремным конвоем в ведение лагерной администрации... В темноте или в чуть обозначившихся полярных сумерках раздаётся слабый голос нового раба:

– Рахлин Давид Моисеевич, 1902-го года рождения, статья 58 – 10 и 11 УК РСФСР, 10 лет ИТЛ, конец срока – 8 августа 1960-го года!

...8 августа 1960 года моего отца уже два с половиной года не будет в живых! Но конец срока истечёт для него на четыре с лишним года раньше предусмотренного.

Можно понять, с каким чувством произносил он ту дату в первый свой лагерный вечер. Предстояло около десяти лет мучений – и ни малейшей надежды, никакого просвета!

< IX >. ЛАГЕРЬ НА 40-Й

<...>

<IX-3.> 1-й ПЕРИОД, НА ОБЩИХ РАБОТАХ.

(Май <19>51 – февраль <19>52 года). На воздухе. Аппетит. Мороз и пурга. Что значит выходной день.

Итак, автор песни студентов коммунистического университета «Нам, артёмовцам, учиться революцию творить», научившись творить революцию, начал отрабатывать социалистическую каторгу за своё юношеское выступление «в поддержку т. Троцкого по организационному вопросу». Работы были, в основном, под открытым полярным небом, на северных свирепых ветрах, в убогой лагерной одежде. Усиленные затраты энергии требовали восполнения. ***«Аппетит»***, – интеллигентно формулирует он, а надо бы сказать – мучил голод! Морозы и пурга, долгая полярная ночь, окрики и понукания, животная грубость, духовное одиночество, дикая тоска – таковы были каждодневные будни. А в ***выходной*** опять находилась работа: по уборке барака, расчистке снеговых заносов, а то и приведению в порядок собственных вещей и постели после очередного бессмысленного «шмона».

Перечень выполнявшихся им работ, которые он приводит ниже, почти не нуждаются в комментариях:

<IX-4.> ЧТО Я ДЕЛАЛ:

погрузка-разгрузка (лес, цемент, уголь, мука, металл, кирпич, известь). Ж<елезная> дорога (снегоборьба, «вагон забурился»). На строительстве («обратно» кирпич, шлак, засыпка, раствор, дранка, малярные <работы>). Уборка территории. 1 (один?) дневальный».

Примечание – единственное: ***вагон забурился*** – значит сошёл с рельсов, и надо его поднимать: ломиками, домкратами – чем придётся. По состоянию здоровья отец был отнесён к категории ЛИТ: «Лёгкий Индивидуальный Труд» – как лучшее средство для лечения грыжи и всех прочих болезней. Какой он «лёгкий», какой «индивидуальный» – ясно из приведённого перечня.

IX-5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ В БРИГАДЕ

Я первый из бригады получаю письмо. «Через кого вы передали письмо?»
Предупреждение.
Деньги через 3 мес<яца>. Письмо от Ф<елик>са, а от М<арле>ны не дал. Я прошу передать письмо Бумочке (2 раза!). Обещают, но...
Посылки.
Письма: отправка и получение.

Почему отец получил ***письмо первым*** среди прибывших в одной с ним партии зэков, я уже объяснял. Адрес «ОЛП шахты 40», полученный в брошенном им на дорогу письме, я поспешил сообщить сестре в деревню, где она работала. Для оперуполномоченного на ОЛПе получение заключённым писем с незашифрованным адресом было поводом для расследования. «На первый раз» отца простили, но строго ***предупредили***, чтобы больше режим отсидки не нарушал. Опер вручил ему моё письмо, а Марленино почему-то не отдал.

«Нарушителя» строго предупредили, пригрозили, но дело было сделано! Благодаря этому, он знал теперь, что мы живы, не растерялись, что он не одинок.

Писать домой в особых, режимных лагерях разрешалось ДВА РАЗА В ГОД. Правда, нас, оставшихся на воле, в переписке не ограничивали, и письма наши отдавали адресатам чаще, чем дважды в год. И получалось, что в смысле переписки наказаны были в большей степени члены семьи, нежели сами осуждённые. Им приходилось порой, чтобы подать признаки жизни домашним, пускаться на всяческие ухищрения. Однажды, например, где-то году в 1952-53 вдруг получаю вызов в горуправление МВД, помещавшееся тогда на Сумской, напротив улицы Данилевского. Там мне вручают присланную мамой доверенность на моё имя для получения мною в кассе взаимопомощи Гипростали оставшихся на её счету денег. Я пошёл в Гипросталь – и вызвал там немалый переполох: председатель кассы взаимопомощи, милейший Соколов, принялся мне показывать всякие бумажки, из которых следовало, что маме не положено из кассы ни гроша... Хорошо, что я понял: доверенность была для мамы благовидной формой материнского привета детям... Впоследствии это полностью подтвердилось.

Более регулярным способом удостовериться, что *ваш* зэк жив, была отправка ему посылки или денежного перевода – на них, сверх «плана», он имел право ответить открыткой (почтовой карточкой).

Через три месяца после прибытия в лагерь папа получил от нас первый денежный перевод. Но ларька в лагере в то время не было. Не на что было и потратить эти, пусть небольшие, деньги.

Если с волей, с домашними связь, хоть редкая, но была, то переписка между заключёнными запрещалась вовсе. Дважды отец просил разрешения написать письмо жене, находившейся в том же лагере, но в другом лагпункте. Здесь не надо было даже прибегать к услугам обычной почты. Дважды отцу пообещали передать такое письмо, но оба раза обманули.

Процедура отправки и получения письма была чрезвычайно затруднена. Всю почту в каждом лагпункте читал специальный цензор – офицер, сотрудник охраны.

Когда после свидания с отцом я поехал к маме, то мне пришлось там заночевать в «ленкомнате» надзирателей, которая была в одноэтажном домике, где жил и некий молодой офицер – лейтенант войск МВД. Вечером в поисках огонька для курева зашёл я к нему, мы разговорились, я начал было рассказывать что-то о себе, но этот парень меня перебил:

– Да я всё знаю!

Я удивился: откуда бы?! Ведь мы только что познакомились... Но он не стал меня заинтриговывать, а попросту объяснил, что служит цензором, а значит, читает все письма: мамы – ко мне и мои – к маме. Стало быть, он в курсе всей моей нехитрой жизни. Без малейшей наглости, а просто чтобы

Кто из Монастыря бывал у Вас?
Что Вы можете сказать о них + про. [illegible]?
Общие недоразумения. о П. и Духе
Об [illegible]

Кто может дать о Вас отзыв:
Роза, Зина Мира, Жушман . С. Алекс
(не упоминай Петю Ф-ш)

„Теоретик". Знание о над. составе.
О том что такие тр-м в 1923 г.
Спор о диалектике.
Вы судите обо всем по Кр. курсу.

Я вами довольн....
Но тема ведет себя вызывающе - говорить дерзости.
Передайте табак и папиросы
Как её здоровье.
Что в тюрьме на 1 месте? 1. Сон, 2 Прогулка 3. Передача

Несчастие нервов в допросах....
Рыбальченко... начинает сначала.
„Как ни отрицайтесь, нам все известно.
~~Не убеждайте ли~~ Вы меня не убедите
Врагов не убеждают

продемонстрировать полноту своей осведомлённости, рассказал он мне историю моего неудачного романа, потом – удачного, завершившегося женитьбой. Чувствовалось, что мои письма доставили ему удовольствие и развлечение. «Интересно пишешь», – похвалил он меня.

Когда я писал письма маме, то, конечно, знал, что они проходят цензуру, но ни на минуту не задумался о личных качествах цензоров, о том, что это, вообще, не какие-то бесплотные фигуры, а вполне конкретные люди. Теперь я был буквально потрясён. Этот молодой человек, мой сверстник, пожалуй, даже симпатичный, – какое право он имеет проникать в святая святых моего сердца?!

Но ведь имел же...

Вот так, причудливым и впечатляющим образом, отлились мне и моей маме слёзки тех неведомых поднадзорных ЧК, письма которых мама читала – и из которых обязана была делать определённые выписки по долгу своей службы как штатный перлюстратор ведомства интеллигентного Феликса Дзержинского в незабываемом 1919-м, когда ей было 16 лет...

<IX-6>. ГРЫЖА РАСТЁТ.

Я решаюсь на операцию: хорош<ий> хирург, а где я буду через год?
Стационар: месяц поправка.
Операция. Бредя, хочу умереть, но... вспоминаю Бумочку.

За некоторое время до ареста у отца обнаружилась односторонняя паховая грыжа, и он, не решаясь на операцию, стал носить бандаж. Это варварское приспособление, обременительное даже в спокойной, не требующей физических напряжений обстановке. От ежедневного непосильного грубого труда грыжа увеличивалась.

Хирург в лагерной больнице был еврей. Врач он был очень хороший, но – тоже заключённый, а потому дрожал за своё место, боялся, что его *спишут на общие* – и потому с отцом поступил круто: чтоб не сказали, что «*своему* даёт поблажку», выписал из стационара не через месяц, который тогда отводили на поправку после такой операции, а буквально через считанные дни...

По его совету отец согласился на двустороннюю операцию, чтоб уж заодно избавиться от повторения в будущем такой же неприятности. Послеоперационный период был очень тяжёл – вызвал горячку и бред. Любовь и жалость к жене помогли ему в борьбе с болезнью и с упадком духа.

<IX-10>. РАБОТА НА КОТЛОВАНЕ

Дружба с казахом. Дружба с Ибрагимом.
Драка с вором.

Это был последний этап пребывания отца на тяжёлой работе. Бригада копала котлован под какое-то здание или сооружение. Прошу не забывать, что речь идёт о вечной мерзлоте, поэтому даже летом приходилось работать ломом, киркой, долбить промёрзшую насквозь, ледовитую землю.

«Казах» и «Ибрагим» – возможно, одно и то же лицо, слово дружба могло быть повторено ошибочно. Не тот ли это Ибрагим Балтануков (Балтанунов? Балтинунов? – запись не вполне разборчива), который был упомянут выше... Во всяком случае, очень характерно, что дружба ломала межнациональные перегородки даже в сталинском лагере, что шла она рядом с враждой... Драка с вором возникла прямо в котловане – вор (очевидно, уголовник, имевший «по совокупности», и 58-ю статью, а потому попавший в лагерь к «политическим»,), за что-то придравшись, назвал отца «жидовской мордой», дрались лопатами. Слава Богу, их развели.

Следующая запись подводит итог пребыванию на «общих работах»:

Устроиться не на физ<ической> работе не мог из-за нац<ионально>сти, из-за нежелания и неумения подмазать.
Но ввели денежную оплату: это первый сдвиг в положении общем. Потребовались люди...

Запись чрезвычайно интересная: она фиксирует тот факт, что сталинская система подневольного труда ещё при жизни её вдохновителя и создателя потеряла способность существовать без реформ, без введения хотя бы подобия товарно-денежных отношений.

Зэки в возрасте отца (около 50 лет), если имели хоть какую-то интеллектуальную специальность, стремились убежать от мороза и пурги, от непосильных нагрузок каторжного, неоплачиваемого труда в любую возможную конторскую щель.

Но если это был еврей, то такое намерение чаще всего относили на счёт его национальных особенностей («не хочет вкалывать!») – причём так думали и заключённые, и начальники: уж в этом-то они были едины! И те и другие, если не могли препятствовать, то и не старались способствовать исполнению таких планов.

Конечно, немало евреев (как и неевреев) устраивалось на такие должности. Возможно, евреев (в процентном отношении к общему числу лиц своей национальности) было среди них больше: 4000-летняя «книжность» выработала у них всеобщее почтение к умственному труду – и вот, между прочим, один из «секретов» того, что после Октября, отменившего и «процентную норму» и все другие многочисленные национальные ущемления, в первую очередь касавшиеся евреев, именно они, как изголодавшиеся – на еду, набросились на науки и стали их «грызть и глотать» – между прочим, не без великой пользы для всех народов.

Разумеется, не только евреи! Но именно о них Ленин писал как о самом угнетённом народе царской России. И приводил цифры: количества правовых лишений, выпавших на их долю, не знал ни один из народов страны-тюрьмы.

Вот в чём (а вовсе не в мифическом «презрении к физическому труду», якобы воспитанном Ветхим Заветом) состоит подлинная причина популярности умственного труда в еврейской среде. Между прочим, Ветхий Завет входит в канон и христианской религии, и Господне проклятие: «В поте лица будете возделывать хлеб свой» относится в равной мере как к евреям, так и к христианам.

Евреи страшатся «пота лица» ничуть не больше, чем любые другие народы. Там, где господствующая нация не поставила перед ними преграды для определённых занятий, массы евреев заняты в течение столетий преимущественно физическим трудом: греческие евреи – садоводством, горские и

грузинские евреи – овцеводством, и т. д. В современном Израиле далеко не всё население – программисты или математические лингвисты; здесь евреи работают на полях кибуцев и мошавов.

Но на большей части территории Европы в течение столетий евреям не разрешалось владеть землёй, были закрыты перед ними и многие другие виды деятельности. Оставлены лишь наименее почтенные, – среди них торговля, ремесло, ростовщичество. Мудрено ли, что если евреи преуспели на каком-либо поприще, то именно на том, которое им было предоставлено.

При этом оказалось, что в роли торгашей и процентщиков они вызывают раздражение, презрение и ненависть народов, среди которых живут. Но могло ли быть иначе? Это обстоятельство подпитывало традиционную религиозную юдофобию, заложенную в евангельской притче о распятии Христа. Игнорируя то обстоятельство, что Христос и сам был евреем и что евреями написано Евангелие, поколения христиан веками лелеяли в себе ненависть и презрение к «народу иуд», «лицемеров», «корыстолюбцев», «христопродавцев». В новейшее время ко всем этим ярлыкам присоединили представление о евреях как о «чистоплюях», «интеллигопах», которые не прочь поездить верхом «на нашем русском Иване». При этом начисто игнорируется тот факт, что ещё два поколения назад подавляющее большинство российских евреев занималось, в той или иной разновидности, именно физическим трудом. Речь обо всех этих кузнецах и балагулах (ломовых извозчиках), жестянщиках и кровельщиках, шорниках, портных и сапожниках, составлявших огромную часть населения еврейской «черты». О моём деде – рабочем на дрожжевом заводе в Житомире. О моей бабке – горемыке-подёнщице, которая обстирывала и русских и украинских, и «своих», еврейских хозяев.

Как сто лет назад «благородное» негодование погромщиков было направлено против «еврейского засилья» в ссудном капитале и промышленности, так на пороге 80-х – 90-х годов XX века неофашисты и русопятская «Память» возмущены «засильем 0,68 процента населения» в науке, культуре и чуть ли не в политическом руководстве (хотя усилием последнего поколения коммунистических идеологов уж из этой-то области представители данного процента были давно удалены...).

Комментируя строки отца о том, что существенно сократило ему жизнь (а в том, что год на общих работах был губительным для здоровья пожилого, больного, истощённого человека, сомнения нет), я не мог обойтись без столь пространного отступления. Вернёмся теперь к дальнейшим событиям его жизни.

Конечно, немало людей устраивалось на должности, которые на лагерном жаргоне назывались «придурочными». Но за это, чаще всего, приходилось платить: содержанием посылки, какой-нибудь вещью, услугами либо пайкой, а нередко и совестью: например, можно было стать «стукачом», за это начальство определит тебя на тёплое местечко.

Но всё это надо было уметь и хотеть делать. А он и не умел, и не хотел. И, конечно, умер бы гораздо раньше, чем это случилось, если бы в 1952 году не произошла действительно эпохальная реформа в ГУЛАГе: заключённым стали платить зарплату! До того времени труд был полностью рабским. Раб-зэк работал «за пайку», не выработаешь норму – не получишь пайка в полном размере. А норма выработки была непомерно высокая. Поэтому, не желая гробиться, зэки всячески манкировали работой, создавая различные приписки. Когда такой возможности не было – ну, уж тут ничего не поделаешь: гробились... Всё это описано Солженицыным.

Такая система могла бы устраивать рабовладельцев древности, но в двадцатом веке оказалась совершенно негодной. Введение денежной оплаты явилось попыткой создать материальную заинтересованность, а значит – повысить производительность труда. Естественно, понадобилось создать подразделения плановые, нормировочные, бухгалтерские и т. д. Без квалифицированных учётчиков, расчётчиков, счетоводов, бухгалтеров, плановиков-экономистов обойтись стало невозможно. ***«Потребовались люди»***, то есть специалисты. И среди них – наш отец.

Далее несколько пунктов его плана предполагали обобщённый очерк некоторых сторон лагерной экономики, «культуры», быта и нравов.

<XI.> ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Экономика (до <19>53 г.). Что было в <19>45 – <19>48 гг.
Замкнутое хозяйство. Пайка – святое дело. Блат в столовой и кухне. Питание придурков и блатных.
Ларёк: принуд<ительный> ассортим<ент> – талоны.
Лицевые счета и переводы. Деньги наличные (?!) Шмоны.
Обмен и торговля продуктами с рук.
Посылки и комбинации с ними.
Лагерные цены на продукты и вещи.
Покупка вещей у новичков.

Как специалист, отец испытывал острый интерес к тому экономическому монстру, который представляла собой лагерная система и лагерное хозяйство. Особенно до 1953 – до «оттепельных» послаблений и реформ. И даже того раньше: до введения денежной оплаты труда заключённых. Многое в намётках папиных воспоминаний перекликается с Солженицыным – читатель, однако, должен иметь в виду, что они составлялись задолго до появления его уникального «художественного исследования».

Использование рабского труда в советских лагерях в течение долгих лет возмущало весь цивилизованный мир. Люди старшего поколения помнят, что после войны в магазинах образовались запасы крабовых консервов, название которых неосведомлённое большинство читало по-русски: «Снатка», тогда как написано было по-английски: «chatka», т. е. «чатка» (усечённое «Камчатка») – именно под таким товарным именем продукт ещё с начала XX века экспортировался за рубеж. Но теперь мировое сообщество отказалось от его закупок, так как считало (и, скорее всего, не без оснований), что на консервных заводах применяется труд заключённых.

Поскольку денег з/к не зарабатывал, то единственным источником существования был лагерный паёк, или – «пайка». Отсюда – повсеместно бытовав-

Лагерная жизнь

Экономика (до 53 г.). Что было в 45–48 гг.
[illegible] х-во. Пайка — святое дело.
Блатные в столовой и кухне. Питание придурков и блатных.
Ларек: [illegible] ассортим. — талоны.
Лицевые счета и переводы. Деньги наличные (?) Шмоны
Общение и торговля продуктами с рук.
Посылки и комбинации с ними.
Лагерные цены на продукты и вещи.
Покупка вещей у новичков.

Политика (до 53 г.)
Два лагеря и болото.
Основные группировки и [illegible] круж.
Вопросы междун. политики. О войне.
Вопросы внутренней политики

Так уж сложилось, что я увидел отсканированные страницы рукописи отца лишь спустя 16 лет после того, как последний раз держал в руках потрепанную тетрадку с планом воспоминаний...

Я от всей души благодарю тех людей, которые все эти годы бережно хранили столь дорогие для меня свидетельства испытаний, выпавших на долю нашей семьи, и тех, кто помогал в подготовке документов для этой публикации:
И. Лосиевского (Харьковская научная библиотека им. В. Г. Короленко),
Н. Лапчинскую (Управление культуры Харьковской обладминистрации),
В. Булычову (Харьковский исторический музей),
Е. Захарова и В. Каплуна (Харьковская правозащитная группа).

шая в лагерях пословица: «Пайка – святое дело». Ради обеспечения этого «прожиточного минимума» членам своих коллективов бригадиры шли на приписки и другие хитрости, которые, накапливаясь, приводили к хозяйственной неразберихе, неизбежным и нескончаемым списаниям, необходимости дотаций «сверху» – короче, к массовому шитью национальной русской одежды: «Тришкина кафтана». С другой же стороны, сосредоточенная в руках начальства, от зэка-бригадира до лагерного «генералитета», колоссальная власть давала в руки этой камарильи возможность управлять зэками, держать в руках их несчастную судьбу по принципу: за строптивость лишу пайка, за угодливость получишь награду...

Отец с увлечением рассказывал о замкнутом хозяйстве лагеря: товарооборот совершался там внутри одного и того же лагпункта. Предприимчивые люди, умельцы, делали «на продажу» тапочки из тряпья и каких-то отходов. Товар находил сбыт внутри лагпункта. Но наличные деньги заключённым иметь было запрещено. В качестве расчётного эквивалента использовались взаимные услуги. Зэки («зыки», как говорили в Воркуте, где вошло в пословицу: «Наше население – коми, зыки и вохры»!), работавшие в столовой, на кухне, могли, как уже говорилось, за счёт других подлить добавки за изготовленную вещь или за какой-то продукт из посылки. А имеющие власть и влияние за «блатовые» подношения отплачивали предоставлением «придурочных» должностей.

«Придурками», как теперь широко известно, во всём ГУЛАГе называли зэков, работавших не на «общих» работах, а на должностях, главным образом, конторских или же в обслуживании – например, медицинском, то есть, с точки зрения большинства заключённых, на «тёплых местечках» – в том числе и на складах. Зачастую такие должности были не просто удобными, но и хлебными, так как давали возможность торговать различными благами. Или, наоборот, шантажировать угрозой неприятностей и таким способом что-либо вымогать...

Скажем, от какой-то конторской пешки зависит – сплавить вас на этап или же не сплавить, и вы, если располагаете какой-либо возможностью откупиться, конечно, пойдёте на это. Может быть, вы сами занимаете какую-то «придурочную» должность, или получаете посылки, или шьёте тапочки, – да вы в лепёшку расшибётесь, лишь бы вас не включили в роковой список.

Таким образом, над рядовым трудящимся зэком, «не умеющим и не желающим подмазать» (как писал о себе отец), громоздилась свора своих же «братьев» – грабителей, усиленно помогавших палачу всех времён и народов в уничтожении самых честных, самых преданных стране – и уже поэтому самых неприспособленных.

Селекция, таким образом, и тут содействовала, если не процветанию, то, по крайней мере, выживанию проходимцев. Поэтому скудная пайка для людей, не умеющих жить, становилась ещё скуднее, и они переходили в разряд доходяг, подъедал, собирателей объедков. Отец не стал таким, может быть, лишь благодаря тому, что по прихоти судьбы довольно рано сделался «придурком»: попал в бухгалтерию. А, кроме того, всё же ему, хотя и не слишком часто, но систематически высылались посылки.

Но, думаю, мы с сестрой не слишком ясно понимали, какое огромное, поистине спасительное значение имеют они в жизни наших родителей. Можно было посылать и деньги, их зачисляли на лицевой счёт адресата, которым он мог пользоваться, приобретая в лагерном ларьке то, что там имелось.

Как и во всей советской, обильной дефицитом, торговле, в ларьках сбывался принудительный ассортимент: хочешь купить нужное – покупай заодно ненужное! Для пользования ларьком выдавались специальные талоны. Хождение наличных денег запрещалось. Но неисповедимыми путями они всё же проникали в зону. Поскольку денежная масса была здесь крайне ограниченна и пользование ею преследовалось, то курс рубля внутри лагеря фантастически завышался. Три рубля (рассказывал мне отец) в лагере означали целое состояние. Из-за такого причудливого масштаба цен лагерный рубль был поистине неразменным! Отца как специалиста, прекрасно разбиравшегося в теории товарно-денежного обращения, этот феномен весьма занимал.

Конечно, содержание посылок тоже становилось предметом обмена. Если бы мы это понимали, то не делали бы, верно, досадных промахов при комплектовании посылок. Помню, однажды я послал отцу огромную – в несколько килограммов – банку сгущённого молока. Она создала ему массу неудобств и хлопот: хранить – негде, реализовывать по частям – затруднительно, съесть в один-два приёма – невозможно... Снисходительно улыбаясь по поводу моей неопытности, папа мне об этом рассказал на свидании. Мне было не то чтобы стыдно, но очень конфузно...

Зато удачей нашей оказался шоколад, который мне удалось, благодаря знакомой, покупать в слитках у одной воровки, таскавшей его с кондитерской фабрики. Пусть простится мне этот грех: я так и не попробовал ни крошки этой удешевлённой драгоценности.

Фантастичные, как уже было отмечено, внутрилагерные цены складывались под воздействием сугубо местных условий. «Товарную массу» пополняли своими вещами новенькие, из неосведомлённости которых старались извлечь свою выгоду наиболее предприимчивые и бессовестные из «зэков-ветеранов».

<XVII.> МАССА И НАЧАЛЬСТВО

(надзор и пр.)

О лагерном начальстве он говорил с отвращением и беспредельным удивлением. Он был поражён темнотой, невежеством, нравственной низостью этих людей. Рассказывал о повальном, гомерическом пьянстве и разврате. Привёл мне в пример сценку, свидетелем которой был: встречаются два лагерные туза, один из них – с женщиной. Другой тут же, указывая на неё, спрашивает у первого:

– А это кто с тобой: жена или блядь?

<...>

Надзор в лагере был повседневный, ежесекундный. Кроме штатных надзирателей, этим занима-

лись стукачи, в которых пытались вербовать практически каждого – и отца в том числе. Сложно было изворачиваться, чтобы не ступить на эту стезю, и это не всем удавалось.

<XVIII.> ПОБЕГИ

В общих чертах помню рассказ отца на эту тему, изобиловавший яркими и страшными подробностями.

Побеги, хотя и редко, но всё-таки случались. За всё время существования лагпункта не было достоверно известно ни об одном удавшемся побеге с его территории. Как правило, беглецов легко отлавливали в тундре – далеко ли там уйдёшь?! Ведь и спрятаться негде: ни лесинки, ни пригорочка. Летом – круглосуточный день и каждая движущаяся точка на местности видна с самолёта или вертолёта (они уже были в то время). А зимой – вьюга, кромешная тьма, лютый мороз, волки, – ну, куда бежать?

И всё-таки с отчаяния такие попытки предпринимались. Пойманного в обязательном порядке привозили именно туда, откуда он пытался бежать, здесь и судили (как правило, приговаривали к смертной казни), здесь и расстреливали. Если же убивали раньше (например, при подлинной или мнимой – кто там разберёт, какая она была! – попытке сопротивления), то привозили в тот же лагерь труп погибшего.

Убит ли, расстрелян ли, но тело бросали на несколько дней посреди лагпункта – и никто не имел права его убрать, пока начальство не распорядится.

И был, по его словам, да и то основанным на слухах, один лишь случай, когда бежавших найти не смогли. Но вряд ли, считал отец, это означало, что побег удался. Могли утонуть, могли быть съедены зверями...

<XIX.> «ЛАГЕРНОЕ ИСКУССТВО»

Клуб. Матер<иальная> основа самодеятельности. Типы «деятелей».
Библиотека. Полит<ическая> литература. Книжные посылки. Журналы. Газеты. Книжный фонд у отд<ельных> лиц для обмена.

Уже то, что отец заключает «деятелей» лагерной культуры в кавычки, подчёркивает его к ним отрицательное отношение. К тому же, как видно из предыдущего, они («культорги») принадлежали к паразитической лагерной «аристократии».

О порядках и правилах в лагерных КВЧ («культурно-воспитательных частях») достаточно ярко расскажет следующий эпизод.

Когда (после смерти Сталина) начались благие изменения в лагерной системе и разрешили посылать туда книги, папа попросил прислать ему его любимого «Кандида». Просьбу мы выполнили: вложили в посылку «Философские повести» Вольтера. После реабилитации папа привёз книгу домой, она и сейчас в нашей семейной библиотеке.

Известно, что книги Вольтера в течение веков подвергались преследованиям, ауто-да-фе, различным гонениям и запретам. В СССР, естественно, эти запреты не действовали. Но лагерному надзирателю над культурой до этого дела не было. На титульном листе вольтеровского однотомника он начертал резолюцию:

«Разрешаю. Начальник КВЧ (подпись)».

Так в середине XX века начальник культурно-воспитательной части сталинского лагпункта изволил «разрешить» старика Вольтера. А ведь мог бы и запретить.

<XX.> ЛАГЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ («Параши»)

Парашенштрассе (Парашстрит). Немецкие параши. Параши сверху и снизу. Обстановка, порождающая параши. Весенние надежды.

«Параши» – общелагерное, всесоюзно употребляемое слово, вошедшее в блатной жаргон, всего вероятнее, из иврита: пэраш – толковать, комментировать. Знатоков древнееврейского языка было немало в уголовной среде ещё с XVIII – XIX веков. И не так из уголовников еврейского происхождения, как из бывших семинаристов и бурсаков. Ведь в духовных училищах, наряду с древнегреческим и латынью, изучался и древнееврейский... Вообще-то, парашей в тюрьме ещё называют бочку или ведро для нечистот, отхожее место, и употребление этого слова в переносном смысле метафорически обозначает дурно пахнущую информацию. Впрочем, что в этих этимологических предположениях можно считать первичным, а что – вторичным, это ещё вопрос, который мне разрешить не под силу...

Главное то, что основная лагерная информация распространялась в виде «параш» – то есть слухов. Потому-то главная «магистраль» лагеря, от барака до столовой, – дорожка, где зэки ходили без конвоя и могли, таким образом, обмениваться новостями, – именовалась в шутку ***«Парашстрит»*** – на английский лад, или ***«Парашенштрассе»*** – на немецкий. ***«Немецкими»*** считались параши, исходящие от заключённых-немцев. Те всё же имели более или менее регулярное сношение со своей родиной по сравнению с «нашими» и становились обладателями некоторых сведений. Это всё были параши ***«снизу»***, то есть исходящие от рядовых людей. Но бывали и ***«сверху»***: от начальства, и не обязательно официальные. Отдельные зэки работали в управлении лагеря или лагпункта на всяческих служебных должностях или были там уборщиками. Порой они слышали, а иногда и читали какие-то обрывки новостей, служебные документы, были невольными свидетелями разговоров начальства и увиденное, услышанное, прочитанное разносили «по секрету – всему свету», а «всем светом» был для них собственный лагпункт. Парадоксально, однако факт: в каких-то вопросах жизни государства заключённые оказывались более осведомлёнными, чем их родные и друзья, оставшиеся на воле.

Когда я приехал, отец накинулся на меня с расспросами, ожидая обнадёживающих сообщений о социальных процессах, которые, с лёгкой руки Эренбурга, стали позже называть «оттепелью». Однако, хотя я и был «с воли», но оказался гораздо менее информированным, чем мой отец – заключённый.

Столкнувшись с этим, он сообщил мне кучу слухов, которые впоследствии большей частью подтвердились. В том числе рассказал удивительно точно о поездке «Никиты» (Н. С. Хрущёва) в Ленинград, о разоблачении фальсифицированного «ленинградского дела» и реабилитации казнённых руководителей ленинградской партийно-советской

Давид и Блюма Рахлины. Воркута, осень 1955 г.

верхушки 40-х годов (Попков, Кузнецов, братья Вознесенские и др.). Конечно, под влиянием таких слухов рождались поистине ***весенние надежды***!

<XXI.> ВЕСНА И ЛЕТО <19>53 ГОДА

1.Как срывали номера, снимали замки и решётки.

2.Второй этап: свидания, новое положение, воспит<ательная> работа, переписка и т. д..

Именно от отца я узнал о постановлении ЦК КПСС по поводу перестройки в работе «исправительно-трудовых» учреждений МВД. Этим постановлением в особых (режимных) лагерях уничтожались особенно одиозные принципы режима, роднившие их с фашистскими концлагерями.

Раньше у зэков особлага были нашиты на одежду и головной убор их личные номера: на шапке спереди, на телогрейке и спереди и сзади, на брюках, на куртках... Не мелкие номерки, какие нашивают в прачечной, чтобы не перепутать бельё, а большие заплаты с огромными цифрами.

Теперь пришёл приказ: номера спороть, решётки внутри лагеря с окон бараков содрать, бараки с вечера на ночь на замки снаружи не запирать. Для узников осуществление этого указания вылилось в целый праздник. Вскоре были разрешены свидания, которых раньше заключённым режимного лагеря не предоставляли вовсе. Спешно была сооружена при вахте небольшая пристройка, состоявшая из коридора и нескольких комнат. К мужьям стали приезжать жёны, к сыновьям – матери, к родителям – дети. Люди почувствовали себя людьми. Переписка, раньше ограниченная двумя письмами в год, теперь приняла регулярный и практически неограниченный характер.

Тогда же была усилена и «воспитательная работа»: запрещено было грубо бранить заключённых, унижая их человеческое достоинство (особенно порицалась с этого момента политическая брань, ранее вошедшая в обыкновение: «антисоветчики!», «контры!», «фашисты!» и т. п.), были расширены штаты и материальные возможности культурно-воспитательных частей, чаще стали демонстрироваться кинофильмы и т. д.

<XXII.> ЛАГЕРЬ НА 32-Й

Речь идёт о лагпункте при 32-й шахте Воркуты, где отец пробыл последний год вплоть до освобождения. Здесь, на 32-й, отца посетила мама. Её в начале 1955 года, после неоднократных наших и отца обращений в правительство и прокуратуру, а также к отдельным влиятельным лицам, освободили по амнистии. Десятилетний срок, по представлению Генпрокуратуры СССР, был ей заменён на пятилетний – специально для того, чтобы освободить по Закону об амнистии от 1953 (эту амнистию в народе называли то «ворошиловской», то «бериевской»). Амнистировались почти исключительно уголовники, а из осуждённых по 58-й статье – лишь те, чей срок не превышал пяти лет. Таких было совсем мало: по этой статье с конца 40-х меньше десяти лет давали очень редко. Но теперь, когда постепенно, но неуклонно стали лагеря «разгружать», мамино «дело» пересмотрели. И «десятку», которую она получила, с точки зрения юридической, буквально ни за что, заменили «пятёркой», – этот срок ей назначили тоже без малейших оснований. Облегчая судьбу заключённой, учли плачевное состояние её здоровья. Это был благовидный способ освободить без оправдания.

Вернувшись в Харьков, мама принялась за активные хлопоты об освобождении мужа, о его и о своей реабилитации. Но дело вначале шло с великим скрипом. Непогрешимое государство отказывалось признавать свои грехи. Пока что мама решила съездить к отцу повидаться – и в сентябре 1955 поездка состоялась. К этому времени отец был уже расконвоирован, свободно ходил по Воркуте. Они зашли в фотографию, сфотографировались, – это их последний совместный снимок.

Отцу оставалось томиться в неволе ещё долгих семь месяцев.

«ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ» О СТИХАХ

ТЮРЕМНОЕ

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам...
А. С. Пушкин

Узнают империялистов по воинственным речам.
Узнают господ нацистов
по закрученным крестам.
Узнают «космополистов» по горбатым их носам
Да по чёрным, подозрительно курчавым волосам...
Узнают всегда троцкистов
по анкетным их листам.
Я ж тюремных эмгебистов узнаю по матюкам,
А больших специалистов – по тяжёлым кулакам!

Это стихотворение отец тихонько, когда никто нас не видел и не слышал, продиктовал мне во время нашего свидания в Воркуте. Я записал его одному мне понятными значками, используя сокращения или только буквы, так, чтобы лишь мне самому оказалось под силу расшифровать эту тайнопись. Точно так же «закодировал» и другое продиктованное им стихотворение – «Лагерное», которое он сочинил также не записывая, а лишь запоминая придуманные строки, здесь, в лагерной неволе. Отец, очень заботившийся о «конспирации», проверил – и остался доволен. Сам он впервые записал эти свои стихи только после освобождения, но работал над ними и после нашего свидания (в том числе учёл и мои критические замечания – среди них и излишние...) Привожу здесь третью редакцию, записанную автором в отдельной тетрадке после «Тюремного».

Д. Рахлин – заключённый концлагеря после расформирования «особого» лагеря Речлаг. 1955-56 г.г.

ЛАГЕРНОЕ
(Не совсем по Пушкину)

Тексту стихотворения предшествуют, в виде эпиграфов, обширные выписки из стихотворений Пушкина: «Дорожные жалобы» – от «Долго ль мне гулять на свете...» до «Где-нибудь в карантине...») и последние четыре строки; «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» – от «День каждый, каждую годину...» до «Мой примет охладелый прах...»; и, наконец, из «Телеги жизни» – от «Хоть тяжело подчас в ней бремя...» до «Везёт, не слезет с облучка...»

Затем идёт следующее авторское предуведомление:

Вот какие творения А. С. Пушкина приходили мне всегда на память, когда я, стоя на одном из возвышенных мест шахты № 40 в районе благословенной Воркуты, смотрел на виднеющееся невдалеке лагерное кладбище, в точности напоминавшее описанную Серафимовичем в одноименном рассказе «сопку с крестами».

И тогда сами собою слагались пародийные строчки, воспроизводившие богатейшие возможности и способы отправления на тот свет, которые едва ли мог себе вообразить Ал<ексан>др Сергеевич Пушкин.

Долго ль мне гулять на свете
Под конвоем и с мешком,
В «воронке» – автокарете,
В спецвагоне иль пешком?

По этапам, карантинам,
«хитрым домикам» – тюрьмАм,
За тройным колючим тыном,
По режимным лагерям?

Не в кругу друзей на воле,
Не в седой столетний срок –
За решёткой, знать, в неволе,
Околеть судил мне рок.

На сугробе подле вахты,
В топкой тундре, на торфу,
У ствола ли новой шахты,
На породе или в шурфу.

Иль цинга меня подцепит,
Иль пурга закроет мир,
Или в лоб мне пулю влепит
Сверхпроворный конвоир.

Иль блатной в кровавой свалке
Саданёт мне в сердце нож;
На штрафной ли на централке
Пропаду я ни за грош.

Иль по воле демиурга
Доконает злой недуг,
И под скальпелем хирурга
Испущу я грешный дух.

Иль нерусский чёрт дневальный
Мой услышит смертный стон...
На погрузке ли «случайно»
Попаду я под вагон.

Полудикий ли «бандера»
Размозжит мою башку
Иль по знаку изувера
Живо вздёрнут на суку.

Или в схватке рукопашной
Я паду с меньшевиком,
Иль внезапный взрыв парашный *
Поразит меня, как гром.

Где мне смерть пошлёт судьбина?
На лагпункте иль в тюрьме?
На допросе, в карантине
Где-нибудь на Колыме?

В Магадане или Бийске?
В Темниках или Ухте?
В Красноярске иль в Норильске?
В Салехарде иль в Инте?

И увижу ль в час кончины
Я Алтая горный склон?
Казахстанские равнины?
Воркутинский террикон?

Есть везде с крестами сопка,
Там забвенья жданый рай...
Эй, ямщик лихой – Особка,
Ну, пошел же, погоняй!

---

*т.е. неудержимый понос – Ф.Р.

Последняя строфа в варианте стихотворения, который я записал «тайнописью» при свидании с отцом, читалась несколько иначе:

Где-то ждёт меня угробка,
Но зато за гробом – рай...
Эй, ямщик лихой – Особка!
То ли дело погоняй!

Непритязательные эти стихи кажутся мне интересными не только самим (не столь уж редким) фактом обращения узника к поэзии, а именно подходом к теме ГУЛага, так полно и впечатляюще развитой впоследствии гением Солженицына. Дописанное в последней редакции перечисление «Островов архипелага» свидетельствует о том, насколько актуальным был солженицынский замысел, в той или иной мере возникавший и в сознании многих зэков. А перечня возможных способов лагерной «угробки» я в опубликованных образцах лагерной поэзии и вовсе не встречал.

<XXIII.> ЧЕРНИЛЬНАЯ БОРЬБА (ЗАЯВЛЕНИЯ)

Заявление из тюрьмы (1951 г.)
1-е заявление в августе (1952 г. – после 2 лет). 2-е – май 1954. Телеграмма Марлены (весна 1954 г.) Мистификация Гиты. 3-е заявление – ноябрь 1954 г.
Ряд заявлений о Бум<оч>ке.
Заявление о разрешении жить за зоной.
Освобождение Бумочки. Новые надежды.
Отказ летом 1955 г. Новое заявление. Новые отказы.

Заявления в прокуратуру с просьбой о пересмотре дела можно было писать через определённые промежутки времени. Так, первое (впрочем, оно было адресовано, как мы видели, не прокуратуре, а непосредственно Особому совещанию при министре госбезопасности СССР) отец отослал сразу по завершении «следствия». Оно не возымело ровным счётом никакого действия. Второе (но из адресованных в прокуратуру – первое) было направлено через два года после ареста, следующее – ещё через почти два года... В наступивший период либерализации режима частота обращений в «органы законности и правопорядка» стала допускаться иная – большая. Но результат ещё долго оставался прежним: на все вопли о помощи следовал ответ сколь равнодушный, столь же и лживый: «Вы осуждены правильно, оснований для пересмотра Вашего дела нет».

Мы, родственники, могли писать свои ходатайства без счёта, но результат всегда был тот же. Но пока партия и правительство не указали своим «органам» на необходимость иметь совесть и соблюдать законность (будто сами всё это имели и соблюдали!), они о том и не думали... После XX съезда партии всё переменилось, да и то не сразу.

Несколько раньше, обнадёженные имевшимися уже фактами реабилитации подобных узников, мы в письмах стали выражать чрезмерные надежды, а отец истолковывал это как предвестие скорого освобождения! Да и как было ему истолковать иначе такие слова в телеграмме моей сестры: «Надеюсь на скорую встречу»! Что-то в этом роде написала и Гита (мамина сестра)...

Эти переходы от надежд к отчаянию сильно измотали его. А напоследок случилась уж совсем нелепая, но такая «наша», отечественная, история!

23 марта отец был реабилитирован Президиумом Харьковского областного суда. В прокуратуре области или в аппарате этого суда маме сказали, что немедленно вышлют в Воркуту спецпочтой документ, на основании которого он будет немедленно освобождён. Мать поздравила мужа телеграммой, разослала поздравительные телеграммы всей родне (в том числе и мне в армию), друзьям, последовали ответные ликующие телеграммы-поздравления, в том числе и самому освобождаемому узнику...

Но неделя шла за неделей, а документ о реабилитации в лагерь, где находился отец, всё не поступал. Последовал новый обмен телеграммами, мама отправилась опять в суд и прокуратуру – там её заверили: всё в порядке, бумага выслана, ждите! Но на месте, в лагере её всё не было и не было. От папы пришла отчаянная телеграмма: точно зная, что реабилитирован, он продолжал оставаться на положении заключённого! Мама опять поехала в канцелярию облсуда, или прокуратуры, или облуправления МВД и там, наконец, узнала, что девочка, которая сидит на пересылке спецпочты, ЗАБЫЛА отправить документ!

Только 28 апреля – более чем через месяц после реабилитации – отец был, наконец, освобождён. То есть больше месяца он находился в лагере уже не как оболганный, а как ОПРАВДАННЫЙ!

Ну, в какой ещё солнечной стране такое возможно?!

СПРАВКА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ
СССР Форма А
Министерство Внутренних Дел
ИТЛ СПРАВКА АХ I 086034 / н
«Ж»
28 апреля 1956 г.
Выдана гражданину ***Рахлин Давид Моисеевич***
год рождения ***1902*** национальность ***Еврей***
уроженцу ***гор. Белгород Курской области*** в том что он содержался в местах заключения МВД с ***8 августа 1950 г.*** по ***28 апреля 1956 г.***, откуда освобождён по ***постановлению Президиума Харьковского областного суда от 23.III. за прекращением дела.***
Следует ***к месту жительства гор. Харьков, Харьковской обл.***
Начальник лагеря (колонии, тюрьмы)
(подпись)
(печать)
Начальник отдела (части)
(подпись)
фотокарточка
Выдано денег на питание в пути... Выдан билет на проезд до ст. .... железной дороги стоимостью ..... руб. или деньги на билет в сумме ....
Начальник финчасти ....
Подпись освобождённого ....

Заметки исчерпаны, а с ними и мой комментарий. Прошу прощения у читателей за его неполноту или, напротив, излишние длинноты и невольные повторы. К сожалению, у меня не хватило ума записать всё по свежим следам. Многое забыто.

Но пусть и то, что сохранилось, послужит делу создания истинной истории неслыханных в мире расправ. Только возможность полного знания всей этой истории способна, по моему глубокому убеждению, предохранить мир от рецидивов подобной беды.

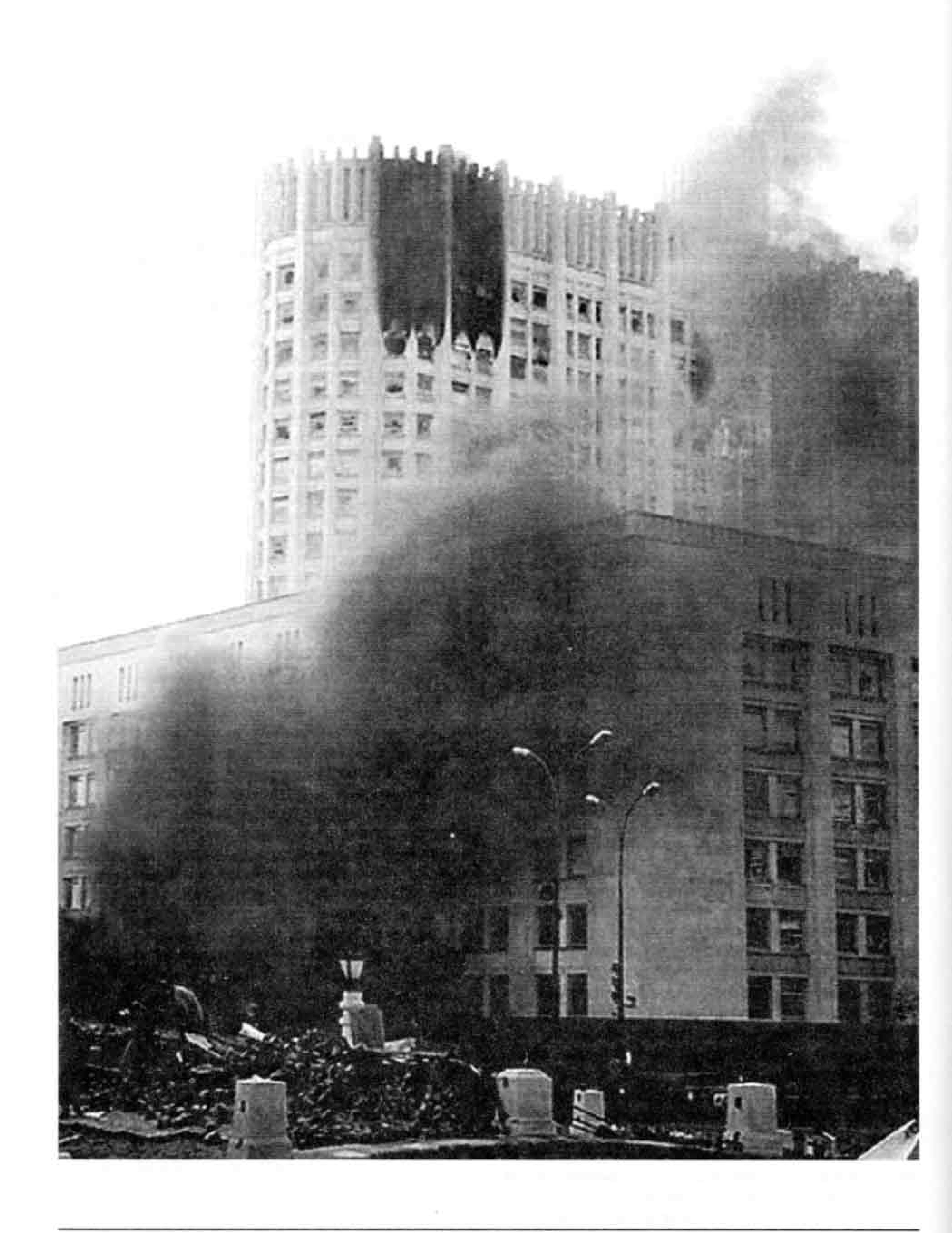
В своих комментариях я позволил себе и критические выпады против поколения отцов. Дети всегда судьи своим родителям, даже если не отдают в этом себе отчёта. Пусть и нас строго судит поколение наших детей – и суд этот будет тем мягче, чем меньше останется иллюзий в отношении прошлого. Если я сужу своих дорогих родителей, то с любовью и болью.

...А теперь, папа, нам опять предстоит разлука.

Конец

1956, 1990, 2005 Воркута – Харьков – Афула

Публикуется в авторизованном сокращенном варианте.

ДЛИННЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ НАКАНУНЕ

«МАЛАЯ ГРАЖДАНСКАЯ». МОСКВА. ОКТЯБРЬ 1993

Михаилу Яковлевичу Гефтеру

Александр ЧЕРКАСОВ

Течение времени неумолимо – двенадцать лет прошло, полный цикл восточного календаря. Оказывается, успело вырасти поколение, которому нужно объяснять, что это такое – «октябрь 1993-го».

А ведь было время, когда пояснений не требовало само слово «октябрь», с непременным прилагательным «великий» и однозначным числительным – «1917-го». Теперь такая память – удел тех, кто доживает ушедшую на рубеже девяностых эпоху. Впрочем, на эту самую позапрошлую эпоху возможен и иной взгляд, пример тому – работа «Мемориала». Возможен – вот только нужен ли?

4 октября 1993 года выстрелы танков по Белому Дому на Краснопресненской набережной, вырывающееся из окон пламя, и пересекающий небо по диагонали дым над зданием парламента, и полтораста оборванных жизней придали знакомому слову новое звучание, цвет и смысл. К сожалению, прежде всего – для тех же «вечно вчерашних»: оставшиеся шесть лет правления Бориса Ельцина те события припоминали как едва ли не главный грех первого президента России и «демократов» вообще. А последние, похоже, так и не осознали, что «чёрный октябрь» был их трагедией. Так что «мемориальский» взгляд на те две осенние недели не менее уместен, чем на советское прошлое...

Однако вернёмся к предыстории – хотя это изложение на паре страниц будет заведомо упрощённым и схематичным.

Весной 1990 года был избран Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в котором «демократы» сумели не только образовать внушительную фракцию, но и добиться избрания председателем своего лидера, Бориса Ельцина. Впрочем, это была победа на пределе возможностей. В Верховном Совете были почти равны силы «демократов» и коммунистов, на глазах расстригавшихся из интернационализма и впадавших в националистическую ересь.

Но и само слово «демократы» было весьма широким и расплывчатым: «против» объединяться легче, чем «за». Впрочем, объединяло ещё что-то. Или не «что», а «как».

Демократы были «за правду» («Мемориал», самое массовое движение того времени, был «за историческую правду»). «Грязные технологии» использовали их властные оппоненты, что, в общем, прежде всего их, оппонентов, и пачкало.

«Демократы» были «за право». Слово «правозащитник» тогда воспринималось вполне положительно. Их оппоненты, напротив, нарушали собственные же законы и сами же на этом проигрывали.

Наконец, «демократическое движение» было ненасильственным. Человеческую кровь проливала власть, тем самым эту власть теряя.

Весной 1991 года Борис Ельцин был избран Президентом России. На выборах с ним в паре кандидатом в вице-президенты шёл Александр Руцкой – лётчик, ветеран Афганистана, герой России. Этот «коммунист-демократ-патриот» должен был принести Ельцину дополнительные голоса. После того, как Ельцин ушёл из спикеров в президенты, его место занял профессор Руслан Хасбулатов.

Звёздный час «демократов» – 19-21 августа 1991 года, путч ГКЧП[1]), противостояние этому путчу. Невнятные речи и трясущиеся перед телекамерами руки лжецов-путчистов. Десятки тысяч человек, вставших «живым кольцом» у Белого Дома: не быть там – по крайней мере, сожалеть, что не стоишь вместе с ними, – это тогда было естественно. Всенародные похороны троих погибших на Садовом кольце – казалось, что эта последняя жертва России при расставании с прошлым...

Но с первых часов проявились трения между законодательной и исполнительной ветвями власти: например, кто будет контролировать отряды «защитников Белого Дома»? Буквально на следующий день начался делёж советского наследства – Ельцин со товарищи подбирали власть, «лежавшую на земле». А волшебные Кольца, как известно, сами выбирают себе хозяев и порою очень сильно их изменяют...

Александр Черкасов – член правления Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»

Власть стала из символа реальностью, и проступили противоречия в государственном устройстве России: всё-таки парламентская республика или президентская? – требовали разрешения, принятия новой Конституции.

Вскоре этот скрытый конфликт получил реальную основу. Президент выступил инициатором радикальных экономических реформ, а вокруг парламента сосредоточилась оппозиция. Спор об этих реформах до сего дня не окончен, но на поверхности, помимо вполне содержательного вопроса «о судьбах России», были и иные оппозиции – скорее, идеологические.

Август 1991-го не был тогда же, в первые несколько месяцев, закреплён в правовом и политическом устройстве России. Извлекать уроки из истории прошлых поколений никто не хотел: беспрецедентный интерес к нескольким десятилетиям жизни собственной страны куда-то исчез, – такое ощущение, что «после 24 октября 1917 года сразу же наступило 22 августа 1991-го»[2]. Коммунистическая партия и её «вооружённый отряд» не были объявлены преступными организациями. Генералитет органов госбезопасности был подтверждён и утверждён в своих званиях. «Дело КПСС» увязло в Конституционном суде. Не была проведена люстрация. Не знаю, нужно ли было всё это делать, не знаю, помогло бы это – но все мы точно знаем, что бывает, когда такой гигиеной пренебрегают. Забвение прошлого до добра не доводит.

Потерпевшие поражение в августе – коммунисты, сторонники восстановления СССР, а также «национал-патриоты» – успешно перегруппировались. С февраля 1992 года начались массовые выступления этой новой оппозиции. Они сплотились вокруг парламента, где сохраняли значительное представительство. Таким образом, спикер Руслан Хасбулатов обретал, казалось бы, реальную силу. Александр Руцкой, не желая быть символической фигурой при Ельцине, также тяготел к Верховному Совету. Последний также был заинтересован в Руцком – ведь в случае отстранения Ельцина от власти «вице-» автоматически становился президентом.

Тем временем доавгустовские «демократы» расходились по разным лагерям – дружить «за» оказалось куда сложнее, чем дружить «против».

В этом противостоянии исполнительная власть уже, казалось, забыла о его причине, о «реформах». Проводивший их вице-премьер по экономике Егор Гайдар был отставлен в конце 1992 года.

Тогда же из Останкино убрали его тёзку Егора Яковлева, олицетворявшего честную «перестроечную» журналистику. Конфронтация в борьбе за власть стала самоцелью. Главный ельцинский пропагандист Михаил Полторанин, партийный публицист со стажем (и, как позднее выяснилось, зоологический антисемит), использовал в борьбе с парламентом знакомую схему: мишенью был «плохой чеченец» Хасбулатов. Та первая «информационная война» 1992-1993 годов лишила новую власть преимущества правды.

Основной опорой в близящемся противостоянии президент видел доставшиеся по наследству и теперь подчинённые ему силовые структуры: «зачем уничтожать Кольцо, когда его можно использовать?» Правда, тут ещё вопрос, кто кого использует... Но вот о «преимуществе ненасилия» и вообще об «идеалах августа», теперь лучше было не вспоминать.

Впрочем, оппоненты Ельцина такими тонкими материями особенно не задавались. Насилие было заранее объявлено ими неизбежным и оправданным. Надеялась парламентская сторона и на поддержку консервативного офицерства, а через него – на «силовые структуры» всех изводов, и нельзя сказать, что совсем безосновательно. А ещё – не меньше, чем сторона президентская – вовсю использовала процедуру, существовавшие тогда правовые механизмы. Впрочем, и те, и другие следовали праву и процедуре весьма избирательно, выковыривая, каждый для себя, «изюм из булки».

В новом назревавшем противостоянии исполнительная власть – те, кого по привычке после августа называли «демократами», уже не имели ни одного из тогдашних однозначных преимуществ[3]. Тем, кто поддержал их тогда, теперь было всё труднее объяснить себе свой выбор. Разве что потому, что тех, других, поддерживать было решительно невозможно.

Так Россия пришла к осени 1993 года.

Готовился ли тогда «красными» и «коричневыми» силовой реванш – вопрос отдельный и важный, но теперь уже чисто теоретический. Потому что первый ход сделал Борис Ельцин, обнародовав 21 сентября указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», распускавший парламент, назначавший новые выборы и референдум по новой Конституции.

К Белому Дому на Краснопресненской набережной тут же начали стекаться противники Ельцина и сторонники Верховного Совета, а в самом здании начал работу Десятый съезд народных депутатов. Своим отходом от правил игры Ельцин дал парламенту формальный повод для формального же отстранения от власти – президентом «по версии Белого Дома» стал Руцкой. Началось противостояние, разрешившееся 4 октября...

А потом были референдум и выборы 12 декабря. Россия получила Кольцо всевластья –

«суперпрезидентскую» Конституцию, «прелести» которой мы познаём до сего дня. Нынешняя «вертикаль власти» произросла именно из той Конституции. Не меньше значила и история её принятия, пренебрежение правом вроде бы во имя права. Как обычно бывает, цель не оправдала средства, но изменилась сама.

Ведь «вопрос о реформах» так и не был решён: выбранная Дума вновь оказалась «коммуно-патриотической» и вновь оппозиционной президенту. Зато для борьбы с этим злом теперь уж точно было «всё разрешено», поскольку Октябрь походя доказал: можно безнаказанно использовать силу, опираясь на людей в камуфляже, а не на право или на народное волеизъявление.

И «маленькая победоносная война» казалась теперь лёгким решением внезапно возникших электоральных проблем, лучшим способом поднять упавший рейтинг. Так из октябрьской Москвы 1993-го танки вошли в Грозный 31 декабря 1994-го. Это оказалось тем более легко, что, как выяснилось, психологически к чеченской войне подготовились на пути к Октябрю: извлекли из ножен ржавое оружие ненависти, а после победы над одним «злым чеченом» можно было без напряжения обратиться к остальным – к Дудаеву… и – далее везде, вплоть до идущей седьмой год «контртеррористической операции».

Так уже тогда, в 1993-м, был нарисован отчётливый пунктир в наше сегодня. Маятник истории уже начал своё неотвратимое возвратное движение.

Но до сего дня остаются вопросы без ответа. Почему противостояние перешло в кровопролитие? Возможно ли было его избежать? Был ли это хладнокровно исполненный план или же самопроизвольное развитие событий, лавина случайностей?

Есть и ещё один вопрос, не менее важный, хотя почти что и незадаваемый. Где на самом деле были мы – «демократы», какова была наша роль в октябре 1993-го? Вопрос тяжёлый. Ведь президент действовал от их (нашего) имени. И многие из нас если и не были, то считали себя стороною в этом конфликте. После 4 октября не задумываться было если не лучше, то легче. Именно это нежелание переосмыслить и переоценить своё место в происшедшем, наверное, мешало озаботиться и самою сутью тех событий, другими их хитросплетениями и загадками. А отказавшись от определения себя – от само-определения, неизбежно перестаёшь быть субъектом событий и превращаешься в объект чужих манипуляций. Так «демократы» сами определили свою роль в отведённые им годы: роль «кушать подано», если не шестого стражника без реплик.

Отказываясь от осознанного выбора, всегда отдаёшь право выбора другому. И забвение собственного, прижизненного прошлого – штука тоже небезобидная.

В этом смысле наша попытка независимого расследования происходившего в октябре 93-го также была неуспешна, поскольку не дала видимый миру результат вовремя. Вовремя – то есть так, чтобы дать пищу для размышлений людям, пока они ещё могут влиять на события.

Автор всё же рискнул предложить читателю ответы на поставленные вопросы, не зная, впрочем, лучше ли это «поздно», чем вообще «никогда».

В поисках ответа автор обращается не к понедельнику 4 октября 1993 года, а к воскресенью 3 октября – длинному, холодному, ясному, солнечному дню. На самом деле, всё случилось уже тогда, до рассвета. И именно там нужно искать ответы.

«Тайна события»

Поражённый случившимся в первых числах октября 1993-го, историк и философ Михаил Яковлевич Гефтер[4] писал:

«Один вопрос перетекает в другой, а все они – в тайну события. Все увиденное, все услышанное от очевидцев не упраздняет тайны, напротив – усиливает ее. Тайна эта – не в том ли она, как назвать это событие? ... Что это? Мятеж призраков вчерашнего и даже позавчерашнего дня? Или восстание новых, рыночной поры, изгоев и париев? Либо еще и причудливая, чудовищная смесь безвластия и всевластия, безвластие во всевластии, которое вовлекло в себя тысячи и тысячи душ и оказалось способным довести их едва ли не до всеобщего помешательства? Или также необдуманная, но преднамеренная провокация – этот сообщающийся сосуд, заставляющий вспомнить о 9 января, о Георгии Гапоне, а за ним – шеренгу лиц от обер-полицмейстера до персонажей куда более сиятельных? А может, все это соединилось в непредусмотренном раскладе? Нет нужных слов...».

Слов этих, похоже, нет и по сей день.

В первые годы о событиях осени 1993-го «в приличном обществе», то есть во власти и в околовластной тусовке, говорить было не принято, но в это время вышли несколько книг изрядного объёма. К десятилетию времена изменились и по центральным каналам прошли несколько телевизионных фильмов. Но всё это отнюдь не прибавило понимания.

Почему?

Отчасти, наверное, потому, что нынешний российский режим парадоксальным образом

является наследием обеих сторон того конфликта. Сегодняшний Кремль открыто демонстрирует преемственность Белого Дома образца октября 1993-го... или же Кремля августа 1991-го. Но, расширяя границы власти, президент Путин до настоящего времени, по преимуществу, реализует возможности, заложенные в «суперпрезидентской» Конституции 1993 года, как утверждали той осенью, – основном предмете спора между ветвями власти. Но в не меньшей степени нынешний режим идейно связан с такими «защитниками демократии», как воевавшие в Останкино спецназовцы из «Витязя». Этот «плюрализм мнений в одной голове» оказалось легче скрыть, чем проговорить и осмыслить.

Возникшая за двенадцать лет литература о «чёрном Октябре» зафиксировала, по преимуществу, позицию одной стороны – проигравшей. Октябрь в российском общественном сознании затмил Август. И это, если вдуматься, естественно.

Августовские годовщины и раньше не очень-то любили вспоминать, а теперь-то подавно. Участники событий 1991-го были (и, надеюсь, остаются) людьми непафосными. Когда пришло время «раздачи слонов», они пачками отказывались от памятных знаков, полагавшихся «защитникам Белого Дома». Зачем? Настоящая память – та, что внутри. А получать цацки от власти, простите, нехорошо. Ну и, наконец, «защищать демократию» – это не профессия! Нельзя всё время либо героически стоять в «живом кольце», либо об этом вспоминать.

У одних было своё дело жизни, оставлять которое больше чем на трое суток никак нельзя. Другие, наоборот, обрели «дело жизни» после Августа – так им, по крайней мере, казалось. «Бойцы» пошли во власть, и у них тут же появились занятия поважнее, чем «вспоминать минувшие дни». Новые баталии – теперь в кабинетах и коридорах власти – не терпели отвлечений. И оглядываться тоже было нельзя: сожрут... Одних, неопытных, «скушали», другие набрались опыта аппаратной интриги и поспешили позабыть о «единении с народом». В итоге по прошествии пятнадцати лет утвердилось мнение, что 1991-й был отнюдь не массовым народным движением, но лишь «сменой элит». Вспоминать, в общем, не о чем.

Иные процессы происходили «на земле», среди «простых» участников стояния у Белого Дома. Уже к первой годовщине в разнообразных союзах и объединениях «защитников» остались люди, для которых дни 19-21 августа были существенно более значимы, чем для большинства участников событий.

Массовое протестное движение конца восьмидесятых – антикоммунистическое и антисоветское – закончилось как раз «там и тогда». Дальше этим людям пришлось бы не протестовать против власти, а поддерживать оную, что было для них непривычно и неестественно. Разве уж – если «отечество в опасности» или открылась «угроза коммунистического реванша». Но необходимость «выйти на площадь» была для них отнюдь не столь очевидна уже осенью 1993-го. А весною 1996-го призыв «голосуй, или проиграешь» был и вовсе неприличен. Стало совсем очевидно, что «в критические дни власть использует прослойку», – участь незавидная и воспоминания недостойная.

Для большинства же «советских людей» из числа интеллигенции – по преимуществу служащих, служивших опорой режиму, но одновременно источавших сомнение и крамолу, – нелюбовь к власти, как выяснилось, была вынужденной. Никак невозможно было заставить себя ту власть любить, разве что путём лоботомии... Но после августа 1991-го мучительное наследие коммунизма – уродливая шкура режима была сброшена (вторая линька состоялась как раз в 1993-м). Теперь ничто не мешало тихо и спокойно проявлять свои чувства к власти, «одобрять» которую можно было внутренне, без внешних движений и проявлений: *«ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!»*. Память о протесте была им просто не нужна. Вот ещё одна причина скорого забвения Августа.

«Горячий», то есть активный и протестный, слой теперь составляли по преимуществу совсем другие люди. Для большинства из них 19 и 21 августа значили совсем иное.

К первой годовщине вышли несколько книжек. «Дела» КПСС и ГКЧП событиями не стали. Первое, слушавшееся в Конституционном суде, закончилось пшиком, поскольку не дало прошлому никаких оценок, не то что принятых, но хотя бы услышанных обществом. Завершение второго подверстали под амнистию участникам событий 1993-го.

Будущий археолог неизбежно столкнётся с загадкой: событие имело место... А где же «культурный слой»? И что, собственно, надлежит копать? И, главное: насколько взятое, поднятое из раскопа, может представлять эпоху?

А потом настала иная эпоха, новые события затмили прошлые, их обильные отложения перекрыли тощие подстилающие слои.

*****

Теперь, если завести разговор о «защите Белого Дома», собеседник, скорее всего, решит, что речь идёт именно об октябре 1993-го. Символы обрели новых хозяев.

Отчасти – поскольку прежние обладатели ими брезговали. Отчасти потому, что новые ак-

тёры действовали по старому сценарию. Вопреки сложившемуся мнению, люди весьма склонны использовать прошлый опыт – свой ли, чужой, но редко ссылаются на источники.

Ведь и в августе 1991-го пришедшие на Краснопресненскую набережную люди неосознанно копировали литовцев, встававших ранее «живым кольцом» вокруг парламента в Вильнюсе. И там, и там люди защищали демократически избранную власть, которую считали своей.

И коммунистическая оппозиция затем не раз воплощала эту модель. 1 мая 1993-го, после столкновений с милицией на площади Гагарина, часть демонстрантов отступила к Дому Советов и принялась возводить баррикадки подле одного из подъездов – тогда это казалось смешным. У них тоже были основания считать эту власть своей. Вплоть до октября в здании заседали те же депутаты, а вокруг него было немало «дважды защитников», чьи мотивы были прежними: охранить власть, которую полагали легитимной, от незаконных посягательств.

*****

В 1991-м, намереваясь применить силу, старая власть колебалась. Весь предыдущий опыт насилия – от «большого террора», через Будапешт и Прагу, вплоть до Тбилиси, Баку, Вильнюса и Риги – был обществом осуждён (казалось – однозначно и навеки). А люди в форме понимали: в случае кровопролития политики и генералы их «сдадут», сделают «крайними». Генералы же сами колебались, прикидывая: чья возьмёт? Гибель трёх человек в трагическом и нелепом столкновении на Садовом кольце в ночь на 21 августа казалась тогда для общества чрезмерной ценою победы.

Новая власть оказалась способна на то, перед чем дрогнули их предшественники. Пришедшие бескровно, они, казалось, не знали цену человеческой крови. После 1993-го уже было очевидно, что опора власти – не «демократы», а «силовики»: Грачёв, Коржаков, выводок генералов внутренних войск. Впереди же была Чечня... Недолог был послеавгустовский мир, а начиная с Октября мы живём в воюющей стране. Спецназ госбезопасности, не пошедший на штурм в августе, в октябре таки бросили вперёд, но те не проявили должной кровожадности и в итоге были практически расформированы.

Впрочем, чаши весов колебались и в 91-м, и в 93-м. Кровопролитие 3-4 октября могло бы случиться и 21 августа. Тогда ведь люди были готовы к «полной гибели всерьёз» и их мужество никто не может поставить под сомнение. Они были готовы умереть, но – не убивать.

И в этой установке на ненасилие было их сущностное различие с властью, которая поначалу была «своей».

*****

Тем меньше было для власти оснований после Октября вспоминать об Августе...

А вот у «защитников Дома Советов» осени 1993-го не было ни победы, ни удовлетворённости победой, ни последующих властных забот, ни дележа этой власти, ни, наконец, горького похмелья. Ничего, кроме памяти. Этот «культурный слой», сцементированный запекшейся кровью, перекрыл память о 1991 годе.

В итоге получилось как раз то, о чём предупреждал в 1993-м Михаил Гефтер: «*... Сегодня страстная односторонность естественна. Раскол, породивший кровь, еще живуч. Но если кто-то попытается насильно сделать немым этот раскол, обезголосить эту распрю, то это будет страшный промах и даже хуже – преступление. Ибо это означало бы – первый спазм гражданской войны превратить в перманентное, скрытое ожидание ее, в готовность к ней...*».

С осени 1993 года мы живём в воюющей стране. Кто-то заметил это год спустя, когда танки из октябрьской Москвы вошли прямиком в предновогодний Грозный. Кто-то осознал на половине двенадцатилетнего цикла, в 1999-м. И это наше заточение в циклическом времени в немалой степени связано с этой неразгаданной «тайной события».

*****

Тогда, октябре 1993 года, Михаил Гефтер выступил с идеей общественного расследования событий. Работа, в которой участвовали «мемориальцы»[5], так и не была доведена до конца: начавшаяся год спустя чеченская война забрала все наши силы, а зимою 1995-го умер Михаил Яковлевич...

Настоящего расследования «событий Октября» за эти годы так и не случилось. Не считать же таковым мемуары Александра Руцкого[6] и Руслана Хасбулатова[7], анонимную «Анафему»[8] и другие тексты, в сумме представлявшие «версию защиты» проигравшей стороны? Версия победителей[9] – прежде всего команды генералов внутренних войск, сделавших после Октября большую карьеру[10], – также была неубедительна. Чувствовалось во всех этих текстах нечто общее – в версиях, пусть даже и противоположных друг другу, присутствовала логика, события подчинялись чьей-то воле. Воле, по преимуществу, злой – ведь чуть ли не на следующий день, без гефтеровских вопросительных знаков и сослагательных наклонений, было произнесено волшебное слово «провокация», а месяц спустя под таким заголовком вышла первая реконструкция[11], уверенно пре-

тендовавшая на раскрытие «тайны события». Наконец, следствие, проводившееся прокуратурой, не только не было доведено до суда по причине амнистии 23 февраля 1994 года, но кое-где вошло в тяжкое противоречие с реальностью.

Достаточно быстро были написаны и изданы «моноверсии», отражавшие точки зрения «воюющих сторон». Это не были итоги осмысления и переосмысления трагедии. В основном, они всеми силами подтверждали и оправдывали сказанное и сделанное участниками в ходе самих событий. Поскольку «моноверсии» складывались параллельно, в них нашлось место спору друг с другом – явному или скрытому. Вдобавок ко всему, версия побежденных полемизировала с обвинениями, содержавшимися в уголовном деле.

Разумеется, каждая сторона доказывала свою собственную правоту и виновность противника. Для доказательства преступных намерений, высказываний, действий оппонента (и чистоты намерений собственных) в ход шло все: свидетельства, официальные документы, видеозаписи, радиоперехваты. Изо всех этих источников, естественно, отбирались только «пользительные» фрагменты, остальное отбрасывалось. Чтобы приспособить их к делу, в ход шли разные документы, пристрастные толкования, домыслы и прямые фальсификации[12]. Дело завершал некритический подход новейших «хронистов» к отбору фактов и свидетельств. Впрочем, так же было по всему бывшему Советскому Союзу, во всех конфликтных зонах при попытках воюющих сторон написать их историю.

*****

Можно ли сегодня ответить с уверенностью ответить хоть на какие-то из числа «проклятых вопросов» октября 1993-го? Возможно ли было не допустить «малую гражданскую»? И какие вообще «развилки» мы стремительно проскочили в те дни и часы? Кто и с кем воевал в те часы и дни? Что защищали и что ненавидели «люди Октября»? Как удалось безоружной толпе стремительным рывком деблокировать Белый Дом? Куда делась милиция с московских улиц? Что произошло в Останкино?

Возможно, материалы, которые автор запоздало предлагает читателю, помогут в поиске ответа.

Закрытая дверь

1993 год, 1-3 октября: переговорный процесс

Был ли тогда, в начале октября 1993 года, другой выход из противостояния – без кровопролития?

«Ну разумеется!» – скажут одни. – «Был такой вариант: белодомовские сидельцы должны были осознать свою неправоту и выйти с белым флагом – тогда всё было бы в порядке...»

Или наоборот, скажут другие: увидав на улицах возмущённые толпы с красными знамёнами, осознать, покаяться и уйти должен был Борис Николаевич!

Но речь-то идёт отнюдь не о капитуляции одной из сторон.

Вопрос в том, могли ли обе стороны, осознав гибельность конфронтации – уличной, силовой, вооружённой, – сознательно сделать шаг назад и вернуть действие в плоскость переговоров, в рамки политики?

Ведь было ясно: тупик. «Выигрышных» ходов нет, любой открывает путь к поражению. Сделавший его первым – обречён.

3 октября это наглядно показали сторонники парламента, нанесшие, как им казалось, победный первый удар.

Это нехитрое правило можно было уяснить гораздо раньше. Поход лидера «Союза офицеров» Терехова со товарищи 23 сентября на штаб Объёдинённых вооружённых сил СНГ оправдал установленную на следующий день блокаду Белого Дома. А эта блокада с ежедневными потасовками по периметру кольца оцепления наглядно показывала неправоту стороны президентской.

Не надо было анализировать расстановку фигур на доске, чтобы понять: цугцванг. Каждый следующий ход будет вынужденным, предопределённым.

А ведь выбор, совершаемый сегодня, по возможности, не должен означать отказ от возможности выбора в будущем, не должен сокращать «пространство свободы». Разумеется, на самом деле это «сегодня» неизбежно влияет на «завтра». Но если вот так, по доброй воле загонять себя в коридор с сужающимися стенками, неизбежно окажешься в тупике.

Именно это имел в виду Михаил Яковлевич Гефтер, говоря об альтернативах, скрытых в октябрьских днях 1993-го.

Фото: Д. Борко

Лидеры конфликта: председатель Верховного совета Руслан Хасбулатов (в центре).

Лидеры конфликта: Президент РФ Борис Ельцин: «Придется ввести войска...».

Но лидеры не смогли или же не захотели договориться и тем самым предопределили кровопролитие.

Это обвинение звучало в милицейском эфире в те короткие часы 3 октября, когда ещё не пролилась большая кровь[13]: *«Руцкой, что ты за спины людей-то спрятался? Что ты сам не вышел к народу, не остановил их?... Ни ты, ни Хасбулатов, ни Ельцин, надоели вы, кровопийцы вы...».*

Действительно, почему лидеры не пытались остановить насилие со стороны «своих» или же защитить этих «своих» от насилия? Почему обе стороны так стремились перевести позиционное противостояние в комбинационную игру с разменом фигур?

*****

На самом деле, за несколько дней до развязки была предпринята попытка выйти из тупика силовой конфронтации. Под эгидой патриарха Алексия II начались переговоры в Свято-Даниловом монастыре[14]. Но в те же дни продолжалась и блокада Белого Дома силами «президентской» стороны, и взаимные обвинения политиков с обеих сторон, и уличное противостояние, порою весьма бурное.

Возможно, именно здесь была «развилка», а эти переговоры под эгидой Русской православной церкви были «упущенной возможностью», выходом, которым не воспользовались.

*****

29 сентября 1993 года, среда. За пять дней до...

Несколько тысяч сторонников парламента, блокированных в Белом Доме, были отключены ото всех коммуникаций. Формальным предлогом было присутствие там, как теперь бы сказали, «незаконных вооружённых формирований». Как потом писал об этом Борис Ельцин[15], *«...изъять оружие – это была главная на тот момент цель. После совещания с Черномырдиным, Грачевым, Ериным и Голушко приняли решение дать заговорщикам последний срок сдачи оружия – 4 октября. Если они не выполнят наше требование, тогда будем рассматривать более жесткие варианты давления на заговорщиков».*

Но в тот же день, 29 сентября, обозначились возможности мирного выхода из кризиса. Было распространено воззвание Патриарха Алексия II: не допустить кровопролития, перейти к диалогу. Кроме того, парламентской стороной были назначены представители для участия в переговорном процессе с правительством: Рамазан Абдулатипов и Вениамин Соколов.

30 сентября 1993 года, четверг. За четыре дня до...

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II выступил с предложением о посредничестве между Борисом Ельциным и сторонниками парламента.

С обеих сторон ещё были люди, понимавшие: события начинают развиваться по собственной внутренней логике, их ход всё меньше определяется рациональными соображениями. Эти соображения куда лучше воспринимаются политиками за столом переговоров, чем манифестантами на площади или же «силовиками» любого извода. Необходимо было сначала остановиться. Затем – отвести фигуры на один ход назад: *«просто сесть и не связываться никакими условиями»*. Два сюжета – «блокада» и «оружие» – могли стать предметом первого этапа переговоров.

И посредничество, предложенное Патриархом, – «переговорная площадка» в Свято-Даниловом монастыре – оказалось как нельзя кстати.

Лидеры конфликта: вице-президент РФ Александр Руцкой у Белого Дома.

Но у переговоров были противники.

Противники очевидные – «непримиримые» внутри БД. Очевидные, потому что на виду: продолжавшиеся заседания Съезда народных депутатов давали им трибуну. Любой находившийся там политик в той или иной степени становился заложником «непримиримых» – тем более, что обстановка и логика событий определяли дальнейшую радикализацию большинства.

Был в Белом Доме и второй очевидный эшелон «непримиримых», чьё положение определялось напряжённостью ситуации, – разного рода «человеки с ружьём», от рядовых до генералов: любой политический процесс очевидным образом снижал их статус.

Считать политические решения с их неизбежными компромиссами чем-то неприемлемым, постыдным и уж во всяком случае второстепенным – профессиональное заболевание многих «силовиков», и не только отечественных. Если им доводится принимать решения или влиять на их исполнение, они, похоже, вспоминаются слова Полевого устава: «*заслуживает самого сурового осуждения тот, кто не использовал все имеющиеся у него средства...*», а для чего – уже, кажется, и не важно. «Все средства» – это и подача информации «наверх», лицам, принимающим решения, таким образом, что любые переговоры кажутся неприемлемыми. Это и комментарии по ходу переговорного процесса – такие, что сразу ставят процесс под вопрос. Это, при возможности, срыв самого процесса. Мы теперь хорошо знаем по Чечне, что, с точки зрения генералов, умеют политики: они, проклятые, разве что могут украсть уже «почти одержанную» победу... А если учесть, что представители этой «школы» были по обе стороны октябрьских баррикад, то их разрушительная деятельность взаимно дополнялась.

Гражданская московская власть сразу прокомментировала сообщение о возможном начале переговоров: единственный желательный итог – капитуляция противной стороны: «*Для мирного исхода необходима добровольная сдача оружия и организованный выход из Дома Советов и прилегающих территорий. При выполнении этих условий блокада будет снята*».

Спецпропагандисты профессионально нагнетали ситуацию: «*...говорят, что есть «стингер». Это точно не установлено, но возможно...*». Политики, не делая скидок на источник, ситуацию упрощали. Вот слова Виктора Черномырдина: «*Там пять бандитских группировок. Там находятся ракеты «земля – воздух». Хасбулатов и Руцкой не контролируют ситуацию, они ... заложники*» – очевидно, использованы сведения МВД, позднее оглашённые генералом Огородниковым.

Когда политик смотрит на ситуацию глазами «силовиков», он теряет адекватность. Какие, в самом деле, тут могут быть переговоры?

1 октября 1993 года, пятница. За три дня до...

До 3:00 на переговорах в гостинице «Мир» делегациями сторон подписано соглашение, согласно которому на первом этапе, с одной стороны, оружие в БД сдаётся на централизованное хранение, а с другой – ослабляется блокада БД, подключается связь, теплоснабжение и прочие коммуникации. В ходе переговоров выход из ситуации с оружием был найден просто: «*...табельное ... остается под контролем Управления охраны, а та часть, которая есть у боевых формирований, полностью будет складироваться под двумя печатями – ГУВД и Управления охраны*».

Рамазан Абдулатипов и Вениамин Соколов, представлявшие на переговорах парламентскую сторону, около 0:30 заручились предварительным согласием Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова.

Но переговоры – штука деликатная. Соглашение – это всегда компромисс. И с каждой стороны есть противники любого компромисса,

Лидеры конфликта: генерал Тарасов.

Фото: Д. Борко

Лидеры конфликта: депутат В. Аксючиц.

Фото: Д. Борко

желающие получить «всё и сразу». В таких условиях очень легко всё испортить, особенно – неуместным педалированием одних сторон достигнутых договорённостей и замалчиванием других. А дальше «непримиримые» сами всё разрушат: гласность – вещь тоже хорошая, но к месту и ко времени.

С другой стороны, если «процесс пошёл», то его можно попытаться возглавить, отстранив прежних переговорщиков за мягкотелость и «гнилые компромиссы». Сами переговоры можно превратить в хорошую трибуну для честолюбивого политика – если вовремя организовывать «утечки» информации.

Разумеется, успеху общего дела это не способствует...

После достижения договорённости, но до её визирования руководством парламентской стороны стоявший в кольце оцепления пропагандистский БТР, прозванный «Желтым Геббельсом», начал транслировать текст подписанного протокола через громкоговорители.

С половины шестого утра 1 октября начались работы по подключению Белого Дома к коммуникациям, но...

До утра договорённости были дезавуированы, формально – потому что были подписаны Соколовым и Абдулатиповым *«без предварительного согласования со съездом»* и *«предварительно не были выработаны условия вхождения в конституционное поле в соответствии с решением X съезда»*. Протокол об этом, за подписями силовой «тройки» – Ачалова, Баранникова и Дунаева, министров обороны, безопасности и внутренних дел «по версии парламента», – требовал в качестве предварительного условия выполнения всех этих решений, включая *«вступление в должность министров, назначенных съездом»*, то есть этой самой троицы. А *«Постановка вопроса о нештатном оружии ... неправомочна, так как все имеющиеся оружие – штатное...»*

«Всё и сразу»: отрицалась сама возможность переговоров «шаг за шагом». Это вполне благовидный камуфляж позиции, обозначенной выше: единственно приемлемое политическое решение есть капитуляция оппонента.

И тут выяснилось, что предварительное, около 0:30, визирование договорённостей Руцким и Хасбулатовым ничего не значило. Более того, оба они ушли от ответственности и не стали отстаивать подписанный ночью протокол перед съездом. Хасбулатов не стал спорить с радикалами. Оказалось, что апелляция к большинству – ход вроде бы демократический – делает ничтожными полномочия не только переговорщиков, но и формальных лидеров.

Но теперь сами переговоры могли стать хорошим местом для для демонстрации собственной бескомпромиссности, а делегация – одним из центров власти. Оказалось, что можно, оставаясь непримиримым, возглавлять делегацию. При этом, правда, становился почти невозможным компромисс – цель любых переговоров.

«Демократия и гласность» были отнюдь не единственными способами торпедировать переговорный процесс, а противники у соглашений были не только внутри кольца блокады.

Характерны слова начальника Московского ГУВД Панкратова, выступавшего на переговорах, – о том, что-де солдат, перебежавших на сторону Белого Дома, и их родителей взяли в заложники: *«Они сказали, что если мы выйдем отсюда, то и нас убьют, и родителей – как предателей»*. Методы «чёрной пропаганды» силовиков не менялись потом и в ходе чеченских войн: советская школа...

Лидеры конфликта: депутаты Константинов и Бабурин.

Фото: М. Скурихина

Лидеры конфликта: депутат Алкснис.

Фото: Д. Борко

Заседания в Белом Доме шли почти круглосуточно.

Фото: Д. Борко

Боевики РНЕ у Белого Дома.

Закрытые для внешнего наблюдателя структуры исполнительной власти давали «непримиримым» ничуть не меньше возможностей для манипулирования политиками – особенно если этому своими действиями помогала противная сторона.

В 15:00 Ельцин обвинил парламентскую сторону в невыполнении протокола – увы, вполне справедливо.

А руководство МВД тут же провело пресс-конференцию, где вновь старалось перевести противостояние с переговорного уровня на силовой: *«Достигнутые договоренности полностью аннулированы... депутаты практически потеряли контроль над ситуацией, а управляют ею... полевые командиры»*. И далее перечисляется захватывающий список якобы находящегося у осаждённых оружия, включая «Стингеры».

В 15:20 была ужесточена блокада Белого Дома: *«Распоряжение «Памира»* [Киселёв, зам. начальника ГУВД]: *ввести жесткий режим, никого не пропускать, не пропускать корреспондентов!»*

Информационная блокада – ещё одна деталь, знакомая нам по первой и второй чеченским войнам и по всем крупным терактам. В любом конфликте «силовики», «особисты» и радикалы с обеих сторон журналистов не любят. Но не всегда эта фобия перерастает в действие. А тогда вдруг стало можно. Можно до сего дня...

Исполнительная власть ещё и «комментировала» переговоры. По словам Алексия II, *«...в двадцать часов было сказано в «Вестях» о том, что снова состоялась встреча Патриарха с Президентом Борисом Николаевичем Ельциным. ...все вы свидетели, что я не уезжал никуда, такой встречи не было. Это дает одностороннее ... представление, как будто бы мы получаем все время инструкции с одной стороны, а не занимаем свою примиренческую позицию»*.

Переговоры стали жертвой не только фальсификаций, но и замалчивания. Патриарх сетовал, что пресс-конференция, прошедшая в 14:00 1 октября, *«ни единым словом не была упомянута»* в российском телеэфире. Впору удивиться: что тут странного, в стране идёт информационная война, «перо приравнено к штыку».

2 октября 1993 года, суббота. За два дня до...

Переговорный процесс с самого начала, с утра первого дня, застыл на месте. На второй день Патриарх сетовал: *«...у нас нет совмест-*

Формирование отрядов «Трудовой России» и РНЕ.

У сторонников Белого Дома появилось оружие.

ного графика. Уже три часа. Мы думали, что в три часа получим от совместной экспертной группы график осуществления всех мероприятий, которые мы запланировали...».

Конечно, была ещё надежда на работу «экспертов». Но без политической воли руководства сторон это мало что значило. Не защитив первого октября Соколова от генералов и депутатов, Хасбулатов и Руцкой тем самым лишили свободы маневра не только белодомовскую делегацию на переговорах, но и самих себя. В ночь на 3 октября Белый Дом посетил митрополит Ювеналий. Вернувшись, он сообщил: позиция Руцкого и Хасбулатова – вначале, как предварительное условие, *«дать политическую оценку»*. Опять: «всё и сразу».

К полуночи 2 октября переговорный процесс уже катастрофически отставал от событий. Патриарх говорит: *«Так, короткий протокол... Принять предложение экспертных комиссий для проработки мероприятий по регулированию обстановки вокруг БД... от четвертого... а, четыре двадцать второго октября девяносто третьего года... Это те шесть пунктов, которые подписаны с четырех сторон. ... составить двухстороннюю комиссию экспертов и поручить ей представить к 16 часам 3 октября 1993 года информацию о проделанной работе».*

Но этого времени уже нет – в назначенное время центр Москвы уже будет охвачен столкновениями. Переговоры не влияли на активность «улицы», не сопровождались прекращением массовых акций, и «улица» сама вмешалась в процесс. Во второй половине дня 2 октября митингующие захватили участок Садового кольца у Смоленской площади, и вскоре на переговоры пожаловали представители «городских партизан». Из милицейских радиопереговоров: *«Сейчас представители Анпилова подойдут и поведете их в Даниловский монастырь»*.

3 октября 1993 года, воскресенье.

Теперь уже парламентская сторона «комментирует» переговоры. Хасбулатов говорит, что *«Пытаются использовать миротворческую миссию Патриарха в своих злодейских, интриганских интересах»*, и представляющая парламент Домнина на переговорах вынуждена оправдываться: *«...интервью я не видела, Хасбулатов, наоборот, подчеркнул, что та миссия, с которой выступила Церковь... Мы ни в коем случае не должны эти переговоры прекращать... Надо сделать все, чтобы здесь найти какие-то...».*

Но это всё уже бессмысленно. Даже радиообмен между милиционерами, отслеживающими и обеспечивающими передвижения делегаций, приобретает оттенок абсурда. Около 8:30.

– «Памир» – *«Юган-5»* [один из заместителей начальнику УООП] – *«Памиру». **Икону из Третьяковки надо везти не в Белый Дом, а в Елоховский. ...*** – 09:15. *«Памир», «Омск»* [Кононов, зам. начальника ГУВД]. ***Патриарх заблудился, заблудился. Они его послали совсем в другую сторону.***

Около 16:00, когда толпа уже прорвалась к Белому Дому, отмитинговала перед балконом и получила напутствие – идти на мэрию и в Останкино, «переговорный процесс» продолжался. Его шестерёнки как бы крутились в пустоте.

Около 15:55. Формирование отрядов «Трудовой России» и РНЕ.

– «Михнево» [начальник УВД Центрального административного округа] – *7-1, я «Михнево».* – 71-й [командир одного из нарядов] – *На приеме.* – «Михнево» – *Вы где?* – 71-й – *По центру, на своем месте. Прибывают, строются в колонны и штурмовать мэрию. ... Площадь у меня вся заполнена там.* <...> 61-й [командир одного из милицейских нарядов в кольце блокирования] – *«Дунай»* [КП шт.ООП ГУВД] – *61-му.* – «Дунай» – *«61-й, «Дунаю».* – 61-й – *Выезжает из Белого Дома Воронин на переговоры на Краснопресненскую набережную в сторону ГМЦ. Выпускаем?* – «Дунай» – *Разберемся.* – 61-й – *Они*

Лидер РНЕ Баркашов и его боевик у Белого Дома.

говорят, что торопятся, ждут». <...> 61-й – *«Дунай»* – *61-му.* – «Дунай» – *«На связи «Дунай».* – 61-й – *Ну что в отношении четырех машин на переговоры?* – «Дунай» – *Дают добро.* <...> – *...мы в тяжелом...* – «Памир» – *Как обстановка?* «Михнево» – *Очень сложная. Атакуют штаб.* **...** Руцкой – *...частей дивизии Дзержинского, к вам обращается генерал-майор Руцкой ... Командиры дивизии...*

Между тем переговоры продолжаются. Только спустя значительное время (по стенограмме – десять страниц!) случайно становится известно о событиях у Белого Дома: *«Митрополит Кирилл:*

– Во время выступления Лужкова Воронин обронил фразу, что мэрия захвачена. Это что такое? Воронин:

– Только что мне... Абдулатипов звонил, якобы с другой стороны демонстранты подошли к мэрии и вошли в здание. ...» И, после недолгого обсуждения, *«в связи с событиями, происходящими в Москве, принято решение прервать переговоры до 20 часов».*

За полчаса до истечения этого срока начнётся кровопролитие в Останкино.

Московские шахматы

Москва, время – к полуночи со 2 на 3 октября 1993 года. Последняя ночь **«до событий»**.

Через пятнадцать часов начнётся. Демонстранты соберутся на Калужской, сиречь Октябрьской площади, двинутся к Белому Дому и, не встретив серьёзного сопротивления, сходу прорвут его блокаду.

Собственно, именно с того времени, «с начала», начинается в самом лучшем случае описание **октябрьских событий**. Редко кто задаётся вопросом «как это стало возможно?» А вопрос «почему?» вообще повисает в воздухе.

Небольшая, минут пять, остановка на Крымском мосту, у построенной из щитов милицейской «черепахи». Короткая рукопашная схватка, рывок вперёд. Запах «черёмухи» на Зубовской площади. Сомкнутые цепочки на Смоленской, струя по толпе из пожарной машины, вода кончилась сразу (ещё одно «почему?»), второй прорыв. Неразбериха у поворота на Калининский – колонна машин с солдатами въезжает в толпу демонстрантов (или уже – «повстанцев?» «Городских партизан?» Кем они себя ощущали в тот момент?). Стрельба у мэрии, бывшего СЭВа, и вновь почти мгновенный прорыв. Потом ещё был молниеносный штурм мэрии, откуда бежали военные и милиционеры, общий драп «стражей правопорядка» и бросок на Останкино, куда внутренние войска тоже пропустили колонну от Белого Дома.

А в Останкино – через двадцать часов, и спустя пять часов после **начала – начнётся** по-настоящему: бой, бойня...

Отсюда и естественный в наших широтах вопрос, ответ на который едва ли не утвердился в смятенных умах сограждан: а не было ли это всё грандиозным спектаклем? Провокацией? Предлогом к заранее назначенной дате?

Ведь и в воспоминаниях Ельцина значится еще 29 сентября: «... *После совещания с Черномырдиным, Грачевым, Ериным и Голушко приняли решение дать заговорщикам последний срок сдачи оружия – 4 октября. Если они не выполнят наше требование, тогда будем рассматривать более жесткие варианты давления на заговорщиков».*

За вопросом о «провокации» скрывается другой вопрос – об ответственности. О том, за кем **на самом деле** был первый ход? Ведь именно та сторона и несёт, по идее, ответственность за дальнейшее кровопролитие.

События «между Крымским мостом и Останкино» будут в общих чертах разобраны ниже, и автор надеется показать: всё случившееся имеет объяснения вполне рациональные, не требующие использования такого сильного и универсального средства, как «теория заговора».

Действия сил МВД и внутренних войск были сиюминутно объяснимы, диктовались знанием обстановки на улицах города и пониманием этой обстановки, может быть, не всегда правильным. Эти выводы основаны на материалах перехвата радиообмена на милицейских частотах, записанного в те дни в одном из штабов, оппозиционных исполнительной власти. Эти материалы содержат рапорты начальству о сложившейся ситуации, приказы командиров подчинённым, объяснения перед вышестоящим начальством: «что вижу, что делаю, как понимаю» – субъективное понимание обстановки участниками событий с одной из сторон.

Забегая вперёд, можно сказать: 3 октября к 14:30 фигуры на московской шахматной доске были расставлены таким образом, что для «красного ферзя» была открыта диагональ – Садовое кольцо. Шах, шах, шах, победа близка – и вот ферзь оказывается в останкинской ловушке... Но почему к моменту перехода из позиционной в комбинационную стадию игры сложилась именно такая комбинация? Случайно? Или это был сознательный ход какого-то мастера шахматной композиции?

Чтобы ответить на этот вопрос, проследим пятнадцать часов, начиная с позднего вечера 2 октября 1993 года.

Радиопереговоры – множество перемешанных реплик из разных разговоров и перекличек

Сторонники Белого Дома на Октябрьской площади. Фото: Д. Борко

Фото: В. Сорокин

Фото: Д. Борко

Оцепление на Смоленской площади.

– для удобства чтения развёрстаны в диалоги, а диалоги подобраны по месту действия; бо́льшая часть расшифровки, разумеется, опущена. В квадратных скобках – комментарии автора.

По этому каналу – одному из десяти, имевшемуся у милицейской рации, – говорили друг с другом многочисленные абоненты на самые разные темы. Сплошная расшифровка радиопереговоров более всего похожа на абсурдную пьесу. Поэтому я позволю себе вычленять и оставлять отдельные диалоги, существенные для понимания событий. Впрочем, без информации с остальных девяти каналов картина всё равно фрагментарна.

Москва, центр, 23:20 2 октября – 11:40 3 октября

Ночь со 2 на 3 октября 1993 года почти не отличалось от десяти прошлых ночей.

23:20 – солдат из оцепления Белого Дома перебежал на сторону Верховного Совета.

В городе продолжается «обычная» жизнь, милиция озабочена дорожной аварией со смертельным исходом: *«Погиб один не сразу, через несколько часов. BMW с машиной ГАИ».*

До глубокой ночи следственная группа работает на участке Садового кольца, который сторонники Верховного Совета на несколько часов захватили днём 2 сентября и откуда ушли, ощущая себя победителями.

Разъезжает по городу начальство. Идут переговоры в Свято-Даниловом монастыре. Около часа делегация оттуда возвращается в Белый Дом.

К двум ночи всё вошло в норму – в норму безумия, царившего в Москве те две недели: *«Зачистка на Садовом кольце сделана, восстанавливаем движение транспорта».*

Блокада Белого Дома – на грани паранойи. 2:36 – по доносу бдительных женщин задерживают аполитично распивающих по соседству граждан. 3:25 – задержан студент университета, пытавшийся пройти к Белому Дому. Слова дежурного из штаба – 04:06.

– «Дунай» – Ужесточаем режим. Напоминаю – жесточайший режим.

– не расходились с делом. 6:30 – длинные переговоры – женщина привезла с огорода урожай картошки, пропускать ли и с каким сопровождением?

Но если «гражданское население» с его заготовками на зиму ещё встречало какое-то понимание, то «коварному врагу» пощады не было. 6:57 – не пускают начальника Управления по эксплуатации Белого Дома, подвалы которого тем временем затапливает прорвавшаяся канализация.

С утра заметно оживление.

7:15 – готовятся развозить и встречать делегации на новом раунде переговоров в Свято-Даниловом монастыре.

Казалось, воскресенье будет просто ещё одним днём недели, – днём, за которым наступит вечер. 07:45.

– Руководители прибывают на инструктаж, наряды в том же составе в том же вооружении в полной экипировке на те же самые участки. В 21:30 всех вас рад буду видеть.

Никаких признаков ослабления кордонов в ночь со 2 на 3 октября вокруг Белого Дома не было, и руководство было намерено провести в том же безумном режиме и следующую ночь.

*****

Около 8:00 проходит инструктаж командиров нарядов. Милиционеры и внутренние войска готовятся к новому трудовому дню, главными событиями которого должны были стать массовый митинг на Калужской (Октябрьской) площади и последующее шествие в сторону Площади Ильича, одновременно идёт смена личного состава в нарядах, пропускают участников переговоров к Белому Дому и обратно – короче, деловитая неразбериха.

8:40 – у Белого Дома накапливаются журналисты – оказывается, отсутствует ответственный за их пропуск офицер. Но журналистов

много, они будут ждать ещё долго, а сантехник – один, и в 8:52, наконец, пропускают многострадальную группу для ремонта канализации в Белом Доме.

С утра идёт формирование мобильных нарядов, которые будут перебрасываться в «горячие точки» города в течение дня. 08:49.

– 75-й Борис, на связь». – «300 человек.

75-й «Б» («Борис») – это один из резервов, который должен будет действовать в случае весьма возможных осложнений. Обычные заботы обычного дня продолжатся у Белого Дома вплоть до самого момента прорыва милицейского оцепления манифестантами.

*****

Основные силы милиции и внутренних войск, как видим, плотно блокировали Белый Дом. Значительная часть их должна была быть отвлечена днём для «обеспечения» митинга на Октябрьской площади. Но у оппозиции были ещё и другие «мероприятия», требовавшие присутствия милицейских сил.

Наибольшее внимание милиции было обращено на Смоленскую площадь, куда вчерашние «победители» обещали вернуться около 12:00. Во-первых, «генералы всегда готовятся к прошлой войне». Во-вторых, не допустить повторения вчерашнего теперь было для милицейского начальства «делом чести» (или позора).

Впрочем, тем же самым вчерашним днём, событиями на Смоленской жили обе стороны. 11:40, рапорт:

– У Мавзолея Ленина – человек 100, «Трудовая Россия», кричат о том, что «мы вчера им дали».

Смоленская площадь, 11:40 – 12:30

На Смоленской собираются до полутораста человек демонстрантов, на что следует немедленная и не совсем адекватная реакция.

Туда отряжают 200 человек от 75-го наряда (сектора, блокирующие Белый Дом, и мобильные наряды обозначены числами), 100 человек от 68-го, 76-й, ему от внутренних войск 50 человек усиления, 69-й, 60 человек от «Клина» (ОМОН ГУВД) – с указанием действовать жёстко, *«а не как вчера»*.

Однако на Смоленской все эти силы оказались в гордом одиночестве – точнее, наедине с журналистами. Тех, кого надлежит разгонять, они просто не могут найти. Цепочки людей в форме, касках и со щитами, как на плацу, на тренировке, делают странные маневры, отсекают и выдавливают... пустоту. В эфире – радиообмен об этой увлекательной шагистике.

Это абсурдное представление противоречило обстановке, но вполне соответствовало необычайно нервному и жёсткому, вплоть до неадекватности, стилю руководства ГУВД в тот день. В этом месте и в это время милиции оказалось не в разы, а на порядок больше, чем их оппонентов. Конечно, готовность «не отдать врагу ни пяди московского асфальта» была объяснима – но это всё равно, что двинуть все фигуры в один угол шахматной доски.

Ввиду отсутствия противника милицейские и войсковые наряды разъезжаются со Смоленской площади, оставляют человек 80. Однако всё не так просто, ждите продолжения...

Белорусский вокзал, 11:55 – 14:20

11:55 – дополнительные наряды милиции, в том числе сотня от 75-го, отправляются на площадь Белорусского вокзала – там ещё один небольшой митинг. 12:25 – ещё часть сил милиции, сотню 66-го, от Белого Дома направляют к Белорусскому вокзалу, но тут же отзывают назад. Всего с 9:00 до 13:40 там «повязали» около пятидесяти человек – то ли митингующих, то ли тех, кто на электричках прибывал из Московской области на «большой» митинг на Октябрьской площади – и не всегда «просто так». Около 14:19.

– ... задержали какого-то Каторгина, с наганом. Разрешение какого-то МВД Исполкома Краснопресненского райсовета...

Фото: Д. Борко

Г. Явлинский пытался выступить посредником в переговорах.

Фото: Д. Борко

Октябрьская площадь, 12:30 – 13:00

На третьем канале милицейской рации идут переговоры между подразделениями, расставленными в районе Октябрьской площади, не оставляющие сомнений в решительности их намерений. 12:35.

– ...сколько у тебя автозаков? – И загружайте наиболее таких... упорных.

К Октябрьской площади направляются дополнительные силы от Белого Дома – 250 человек, по полсотни от 61-го, 62-го, 63-го, 65-го и 69-го нарядов.

После вчерашнего поражения милиция была настроена действовать жёстко:

– Никакого накопления: появилось 10 человек – предупреждаете, берете, доставляете в отделение милиции. ... – Что и делаю. *– продублируйте команду... по отделениям [милиции], что туда будут сейчас доставляться группы людей. А то они сейчас будут отбрыкиваться... – Малейшее сопротивление – выдергивайте и уводите.*

12:55.

– Вот, я смотрю, ***там уже имеются любители подискутировать. У вас транспорт есть – за счет приданных сил и свой немножко – прям сразу выдергивай и увози ... главное – не накопить вот этих... закоперщиков – а все остальное не проблема.***

Смоленская площадь, около 13:00 – 13:45

Меж тем на четвёртом канале разыгрывался очередной акт действа на Смоленской площади – здесь «повстанцам» удалось перекрыть улицу сначала живой цепочкой, с использованием строительного мусора: его кидали на проезжую часть, под колёса, машины останавливались и разворачивались, после чего туда выходила толпа – завязалась драка с милицией.

Опять то же самое, что и вчера, – металлические детали трибун и строительный мусор! Но ситуацию удаётся взять под контроль в течение нескольких минут. В записи радиопереговоров это не отражено, но автор присутствовал на месте и может это засвидетельствовать: если бы наряды милиции действовали так накануне, противостояние на Смоленской 2 октября просто не возникло бы.

В этих столкновениях получили травмы, по крайней мере, двое гражданских лиц и двое сотрудников МВД.

К месту столкновений брошен резерв, 66-й, но он запоздал. На Смоленскую опять двинуты силы милиции, но кроме них и журналистов здесь опять никого нет.

После второго перекрытия Смоленской площади до милицейского начальства наконец дошло, что мусор нужно не сгребать к тротуару до следующего раза, а убирать и вывозить.

Техника для уборки проезжей части запаздывает – восстановить движение удаётся только где-то к 13:45. С того момента, как наряды милиции прогнали с проезжей части перекрывших её манифестантов, прошло сорок пять минут. Конечно, строительная техника – не военные грузовики, но организация и управление движением – те же. С момента прорыва на Крымском мосту и до начала прорыва оцепления у Белого Дома пройдёт около двадцати пяти минут. Каково же было потребное время реакции для того, чтобы успеть перекрыть Садовое кольцо?

Примерно в 13:35 на Смоленской появляется полковник-депутат Виталий Уражцев, бывший «демократ», а ныне «патриот», руководивший художествами «городских партизан» в последние дни. Но переданное по рации указание задержать его запоздало. Судьбу полковника пытались препоручить УВД по охране метрополитена, но также безуспешно. Интересно, а если бы его схватили – как бы дальше развивались события? Ведь час спустя именно Уражцев будет одним из руководителей прорыва на Крымском мосту.

К двум часам пополудни обстановка на Смоленской площади нормализовалась, и было принято решение убрать отсюда почти все силы,

Фото: Г. Баксичев

в последние пару часов достигавшие численности нескольких сот человек. После недолгих раздумий всё же оставляют 80 милиционеров. Когда «события» уже готовы начаться, на пути прорыва манифестантов присутствовали только они.

Советская площадь, 13:00 – 13:45

Около часа пополудни собирается митинг на Советской площади, человек 100-120, на его разгон также бросают милицейские наряды, но ОМОН воздерживается от применения силы, и примерно к 13:45 все расходятся.

«Омск» (зам начальника ГУВД Кононов) буквально принуждает наряды к применению силы, и только поразительно уравновешенный 930-й, командир наряда, сдерживает ситуацию! Может быть, поэтому в результате на Тверской улице напротив Моссовета не было ничего подобного событиям тех же часов и минут на Смоленской площади.

Тут существенны два обстоятельства.

Во-первых, ***звучащие как рефрен призывы руководства к применению силы***. Впрочем, подобные указания были даны и нарядам, расположенным на Смоленской и Октябрьской площадях. Очевидно, после того, как накануне инсургентам дали развернуться на Садовом кольце, разговор на утреннем (ночном?) «разборе полётов» и инструктаже был весьма жёстким: «давить в зародыше!» Никто не вспомнил, что накануне именно жесткий разгон микроскопического митинга коммунистов в устье Старого Арбата привёл к тому самому вчерашнему событию, вполне макроскопическому.

Во-вторых, для властей митинг на Советской площади был явным сюрпризом – вообще, 930-й узнал о «плане мероприятий» оппозиции только из «Правды», которую раздавали митингующие. Этим планом он тут же поделился с начальством.

Площадь Ильича, 14:00 – 14:20

Заявленный маршрут большого воскресного шествия оппозиционеров – от Октябрьской площади до площади Ильича – требовал переброски сил милиции в эти глухие восточные районы столицы. Это было ноу-хау организаторов: раньше никто с красными знамёнами в ту сторону не шествовал – обычно всё же в центр или по Ленинскому проспекту. Непонятно также, чего боялась милиция – неужели захвата завода «Серп и молот» и начала оккупационной забастовки?

Около 14:00 в заявленной конечной точке шествия появились люди. Сочтя, видимо, обстановку в центре города контролируемой, руководство ГУВД перебрасывает силы на маршрут движения демонстрантов – от Октябрьской площади до площади Ильича. 14:19. Туда же, в сторону площади Ильича, перебрасывают и 66-й наряд. Силы, стоявшие ранее в оцеплении у Белого Дома, выдвинутые частично к Белорусскому вокзалу, затем – к Смоленской площади, теперь перебрасываются в дальний конец города. Митингующие до площади Ильича так и не дошли, зато там, на другом краю Москвы, оказались милицейские резервы.

Октябрьская площадь, начиная с 14:00

К митингу на Октябрьской площади и последующему шествию готовились обстоятельно. Туда продолжалась переброска сил, в обычном режиме задействованных в блокировании Белого Дома. Около 13:00.

– 62-й – *69-й, я 62-й. Скажите, мы через Смоленку проедем на Октябрьскую...* – 13:18

... [63-й резерв] – *К Крымскому мосту прибыл, с руководителем связался.*

Таким образом, всё меньше мобильных резервов оставалось на левом берегу Москвы-реки. Перебрасывать их обратно было бы сложно: во-первых, долго, во-вторых, только по мостам. Прямой путь такого возвращения лежал через Крымский мост и по Садовому кольцу.

Конечно, оставались ещё мобильные резервы и на левом берегу. Но они уже успели поучаствовать в действе на Смоленской площади и в других местах. К двум пополудни, когда и должна была начаться основная «работа» и

Фото: Г. Баксичев

основное напряжение сил, настроение уже было не то:

– 69-й Б – 69-му – *У 69-го Б обед, может быть?*

– 13:45 – 75-й – «Дунаю» – *75-й остался у Баррикадной, на связи* [то есть вернулся в место временной дислокации].

Начальник ГУВД ещё раз повторяет общее указание – действовать жёстко:

«Крым» [Панкратов] – «Юган-7» – ***Вчера вы задачу выполнили плохо. Потому что дожидались, когда соберется толпа. Сейчас, получив задачу, выезжаете на исполнение немедленно и сразу разворачиваете наряды для задержания. Как поняли, прием.*** – «Юган-7» – *Вас понял.* – 14:07...

Но эта жёсткость лишь означает: «действовать превосходящими силами, пока демонстранты немногочисленны», и неэффективна против тысяч, а тем более против десятков тысяч человек. А по свидетельству участников событий, манифестантов раздражало в тот день именно демонстративное поведение милиции.

Между тем они уже начинают накапливаться на Октябрьской площади:

– «Памир» – *Очень большой поток с метро в нашу сторону. Неужели тротуар Ленинский, 4 не перекрыли?..* – «Омск» – *Большой поток с метро. Ленинский перекрыт. Я так понял.*

14:13 – «Памир» – «Омску». – *Ленинский проспект, дом 4. Со всех дворов выходят примерно около 2000. ...*

Ещё продолжается «переговорный процесс» в Свято-Даниловом монастыре, едут какие-то делегации. 14:21.

– «Омск» – *...от правительства, для въезда в Белый Дом. Ее не пустили. Почему нет доклада о том, что она прибыла туда?»* – *«Я сейчас разберусь, но я первый раз слышу эту информацию. Сейчас разберусь».* – «Омск» – *Ваши люди должны вам докладывать о всех автомобилях, которые к вам подъезжают, пытаются въехать туда. Чтоб они вам постоянно докладывали, а вы запрашивайте меня, и мы принимаем совместно решение.*

– ... 68-й – *68-й. Я запросил своих, свои подразделения – машина не приезжала. Кто их не пускает?» «Омск» – Докладывают, что машина у вас была и вы ее вернули назад. Она вернулась опять».* – 68-й – *«Понял, понял».* «Омск» – *«У вас должен быть автомобиль, автомобиль 5222 ММБ, «Волга».*

Но фигуры на московской шахматной доске уже расставлены. Значительные силы милиции и внутренних войск сосредоточены вокруг Октябрьской площади, на Якиманке, возле выставочного зала ЦДХ. Часть сил переброшена или готова к переброске на площадь Ильича.

И только незначительный отряд – 80 человек – находится на Смоленской площади, между Крымским мостом и Калининским проспектом. Конечно, бо́льшая часть сил – и милиционеров, и войск – по-прежнему находится в оцеплении вокруг Белого Дома. Но мобильность их оставляет желать лучшего: резервы, в основном, брошены кто куда. Партия переходит из позиционной в комбинационную стадию.

Через двадцать минут демонстранты прорвут цепочки солдат на Крымском мосту и двинутся в сторону Белого Дома.

Почему всё сложилось именно так?

Тут же слышится голос: «заговор!» Только чей? Вышеизложенного достаточно, чтобы с уверенностью исключить «заговор» сил МВД, «специально» допустивших прорыв повстанцев к Белому Дому. Что называется, «это вряд ли». Руководители ГУВД затем делали всё, что могли, чтобы остановить продвижение манифестантов. Но безуспешно: перед этим они же сами расставили свои силы таким образом, что не осталось почти никаких резервов.

Сами – или?.. Это – второй вопрос. В какой степени расположение сил МВД на левом берегу Москвы-реки, так, что при блокировании Крымского моста исключался их маневр на прикрытие Белого Дома, было просто неудачным решением, а в какой – вынужденным?

Заявив маршрут от Октябрьской площади до площади Ильича, оппозиционеры с большой

Фото: Д. Борко

вероятностью предопределили именно такую расстановку сил милиции. Но предполагали ли они использовать сложившуюся возможность? Иначе говоря: было ли движение в сторону Белого Дома экспромтом или же – подготовленным ходом?

Не все организаторы митинга предполагали такой поворот. Для большинства «центров силы» внутри Белого Дома деблокирование также стало неожиданностью.

Так кто мог знать, кто мог планировать?

Виталий Уражцев, на которого так озлилась милиция? Но тот был человеком, скорее, случайным – вчерашний «демократ», переметнувшийся к «патриотам». Да, он отметился в уличных столкновениях, но скорее в силу профессиональных навыков и темперамента – всё ж таки полковник, хоть и политработник.

Кто же мог задумать и осуществить рывок 3 октября? Главное: кто мог сохранить это в секрете до последнего момента – иначе утечки были бы неизбежны – и вовремя направить толпу на мост?

Рискну предположить: радикальные коммунисты, а конкретно – Анатолий Крючков. Разумеется, это только предположение, основанное на проговорках, оговорках и намёках, а также на их роли в других столкновениях тех дней. Сам Крючков это уже не подтвердит и не опровергнет – он умер весной 2005 года.

Но если мои предположения верны, то это – один из самых крупных успехов «городских партизан» последнего десятилетия XX века. Успех, впрочем, продлившийся всего пять часов – до начала боя в Останкино...

Но был в тех событиях ещё один несомненный «субъективный фактор». Слова «Крыма» – Панкратова, начальника ГУВД:

– Вчера вы задачу выполнили плохо. Потому что дожидались, когда соберется толпа. ...получив задачу, выезжаете на исполнение немедленно и сразу разворачиваете наряды для задержания,

указания других офицеров:

– Никакого накопления: появилось 10 человек – предупреждаете, берете, доставляете в отделение милиции ... главное – не накопить вот этих... закоперщиков – а все остальное не проблема,

– очевидно, есть результат некоего совещания, «разбора полётов» по итогам 2 октября. Избранная тактика – максимально, демонстративно жёсткая – оказалась контрпродуктивна. Речь даже не о том, что подобная «демонстрация силы» озлобляла манифестантов, которых вдобавок воодушевляли вчерашние успехи на Смоленской.

Попытка установить в городе «тотальный контроль» привела к полной потере управляемости. Все силы перебрасывались, например, на Смоленскую площадь, хотя нужды в том не было. Резервы без толку гоняли туда-сюда. Конечно, были отдельные успехи: например, блестящее молниеносное деблокирование Садового кольца на Смоленской площади около 13:00. Но ведь, согласитесь, не меньший успех – стоическое терпение 930-го, не допустившего эскалацию на Советской площади. Но в целом получилось так, что силы были либо с избытком брошены туда, где не пригодились, но потеряли мобильность, либо из-за постоянной напряжённой готовности эту самую готовность утратили.

Действовать жёстко – значит действовать скованно. Напряжение нужно только в месте удара и в момент удара. А в остальное время надлежит быть мягким и расслабленным – только это даст возможность своевременно сконцентрироваться. Это вам любой боец скажет...

А шахматист добавит, что негоже сгонять все фигуры в один угол, оставляя доску пустой, а диагональ – открытой для ферзя. За ним-то и будет следующий ход...

*****

В 14:22 стало очевидно, что собравшиеся на Октябрьской площади демонстранты двинулись не на площадь Ильича, а в сторону Крымского моста – кто бы мог подумать! Руководство ГУВД оказалось к этому не готово, но немедленно оценило серьёзность ситуации. Чтобы остановить толпу, надо изыскать силы и выбрать рубеж их развёртывания.

– «Памир» [Киселёв, зам. начальника ГУВД] *– «Памир» на приеме.* – «Омск» [Кононов, зам. начальника ГУВД] *– На приеме, «Омск». «Памир».* – «Памир» *– «Омск» – «Памиру». Колонна повернула на сторону Крымского моста. Как поняли?* – «Омск» *– Я понял так, что движение началось на Крымский мост.* – «Памир» *– Да.* – «Омск» *– Намерения какие? «Памир», какие намерения? Куда они хотят идти? ... «Памир», «Омск». Куда они направляются? И они активно идут сюда, к нам?* – 14:24. «Памир» – «Омску» *– Да, активное движение в сторону Крымского моста.* – «Омск» *– А цепочки, которые стояли здесь, они были или нет?* – «Памир» *– Они собрались на Ленинском проспекте. Активно идут туда.* – «Омск» *– Где находится голова?* – «Памир» *– Сейчас пока не вижу.* – «Омск» – «Памиру» – ***Надо производить передислокацию ваших сил. Определить рубеж, определить где нам их останавливать.*** *Их нельзя сюда пускать.*

Счёт времени пошёл на минуты. Но инерция процесса велика, а инерция сознания – ещё больше. Новое понимание событий уже, вроде бы, наступило, а действие идёт «по заранее намеченному плану». На площади Ильича разворачивается ОМОН. 14:26.

– 930-й – *На связи 930-й.* – «Юган-7» – *Приготовились в полной экипировке. Как меня поняли?* – 930-й – *Понял, такая команда уже прошла. Мои готовы.* – 14:28. «Юган-7» – 930-му – *Ко мне.* – 930-й – *Есть.* – «Юган-7» – *«Омск», я «Юган-7».*

14:28. «Памир» (Киселёв) перекрыл Крымский мост силами резерва и вместе с «Омском» (Кононовым) принял решение: останавливать демонстрантов на рубеже Зубовской площади, использовать все имеющиеся силы, перебрасывая их от Октябрьской площади через центр, по Большому Каменному мосту.

– «Омск» – *«Памир», «Памир», я «Омск».* – «Памир» – *На приеме, «Памир».* – «Омск» – *Какие ваши предложения?* – «Памир» – «Омску» – *Резерв сейчас я бросил на Крымский. Но если они пойдут – прорвут.* – «Омск» – *Так* ***зачем резервы? Надо не резервы, а снимать ваши наряды основные, перебрасывать, искать рубеж и останавливать.*** *В машину ГАИ вперед и применять «черемуху», больше мы ничего не сделаем с вами, они все поломают.* 14:29. «Памир» – *К сожалению, сейчас наряд не сможет пройти туда.* – «Омск» – *Почему они не могут пройти?* ***Они могут пройти по улице Димитрова, через Большой Каменный мост, и с левым поворотом уйти. На Кропоткинскую бывшую, на Остоженку,*** *и выйти вот сюда. Мы, вы здесь успеете их обогнать намного.* – «Памир» – *«Омск», есть информация, что к Белому Дому.* – «Омск» – *Это мы понимаем, что они к Белому Дому идут.* ***У вас сил очень много, и все они остались без дела.*** – «Памир» – *Хорошо...* – «Омск» – *Давайте* ***быстро на передислокацию.*** *Значит, ориентировочно направляйте силы на Зубовскую площадь. На Зубовскую площадь.*

Фото: Д. Борко

Сторонники Белого Дома.

В 14:30 ОМОН начал разгон на площади Ильича – но народу здесь на удивление немного.

– «Юган-7» – «Омску» – *Начал работу.* – «Омск» – *Численность большая у них?* – «Юган-7» – *Нет, не большая. В пределах 70-ти человек.* – «Омск» – *Сила вам нужна?* – «Юган-7» – *Нет. Больше не нужно.* – «Омск» – *Не нужно. Хорошо.*

14:31. Немедленно дана команда всем резервам, 66-му и 75-му, двигаться на Зубовскую площадь и там попытаться остановить демонстрантов. Резервов этих, на поверку, оказывается 400 человек 75-го, находящихся у Баррикадной, и, по частям, 250 человек 66-го.

Фото: Д. Борко

Водомет для разгона демонстрантов.

– «Омск» – *75-й, 75-й – «Омск».* – 75-й – *На приеме, 75-й.* – 14:31. «Омск» – *Подготовить к выезду весь ваш резерв. 400 единиц. 400 единиц, со спецсредствами и со всем вооружением. Значит исходный рубеж – Зубовская площадь. Зубовская площадь. Вести по Садовому кольцу. Как понял?* – 75-й – *Понял. По Садовому кольцу. Плохо прошел.* – «Омск» – *Понял или плохо прошел. Понял, Зубовская площадь. 400 единиц. О готовности к выезду доложить.* – 75-й – *Понял, понял.*

«Омск» – *66-й, 66-й. «Омск».* – 66-й – *На связи 66-й.* – «Омск» – *Значит, направляете 100 единиц тоже к Зубовской площади. Зубовская площадь. И готовите еще 100 единиц туда же. Как поняли? Берите войска с собой. Сотню берите войска. Сколько у вас войск.* – 66-й – *50.* – «Омск» – *50? Берите 50. Ноль. О выезде второй. Первый сейчас выезжает. Вторая сотня – докладывайте.* – 66-й – «Омску» – *Дайте только команду, «Омск». А то они без команды не едут, войска.* – «Омск» – *Дают команду, дают команду войсковые. Дают.* – «Омск». – *75-я, 66-й! Поступаете в распоряжение «Югана».* – 66-й – *Понял вас.*

«Омск» – *«Памир», «Омск». «Памир», «Омск». Принято решение. Рубеж – Зубовская площадь. Перебрасывайте резервы. Перебрасывайте туда резервы. «Памир», «Омск». «Памир». Ответьте «Омску».* – «Памир». – *«Памир» на связи.*

«Омск» – *«Диксон», «Диксон», я «Омск». Направьте в район Зубовской площади навстречу движущейся колонне машину ГАИ. Передавайте нам постоянно о движении, о движении, то есть как идут.* – «Диксон» – *Я вас понял.* – «Омск» – *Может, ближе есть какая-то машина. Информируй все время.* – «Диксон» – *Понял, Понял.*

На площади Ильича ещё что-то происходит. 14:35.

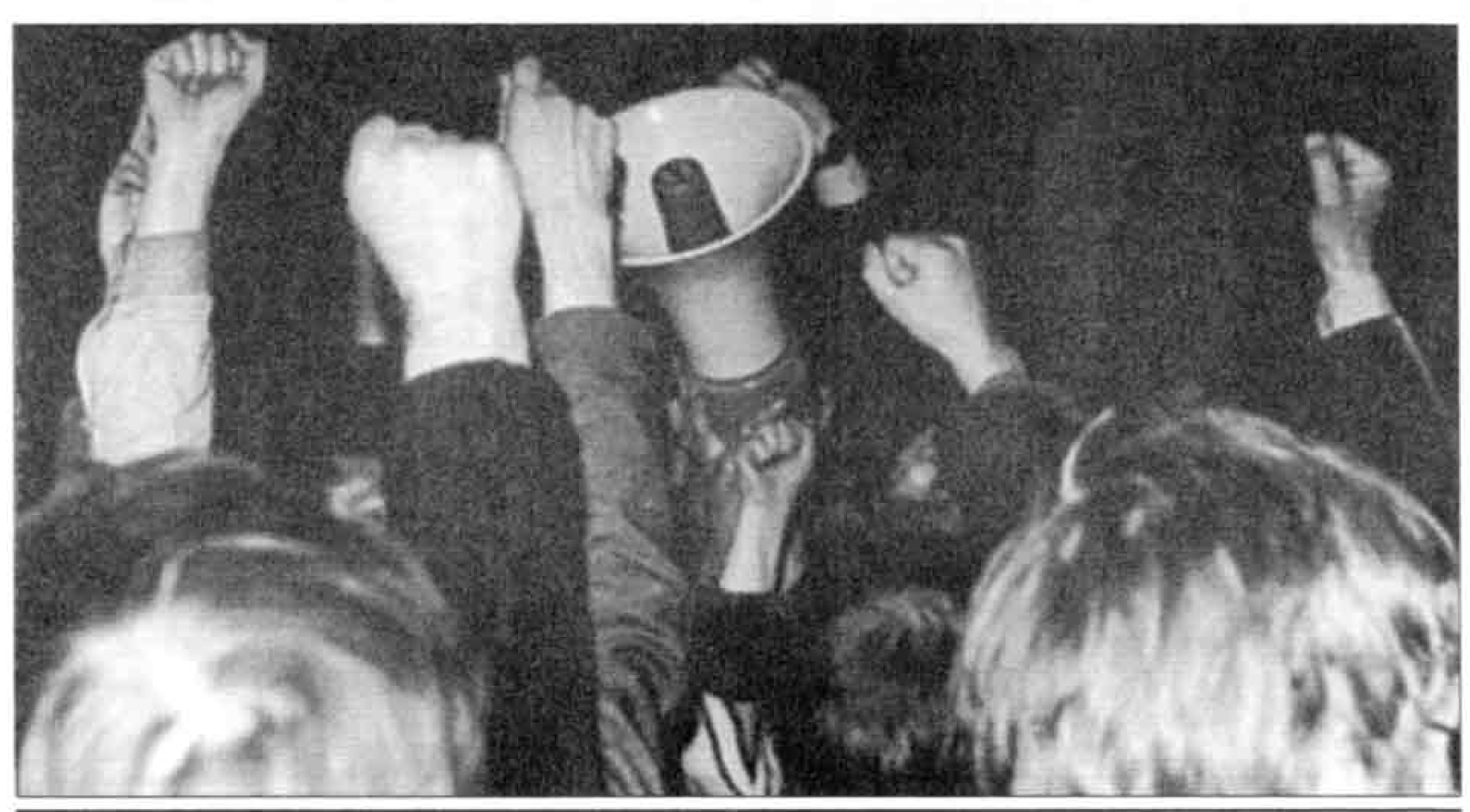
– «Омск» – *«Омск», «Югану-7». На приеме. У вас там где-то Анпилов появится, камни где-то собирает. Есть такая информация.* – «Юган-7» – *Понял, понял.*

14:35. Закончилось первое движение фигуры, изменившее всю партию. Демонстранты, собравшиеся на Октябрьской площади и неожиданно для «силовиков» двинувшиеся не в сторону площади Ильича (где их ждали) и не в сторону центра города (чего, похоже, опасались), а в направлении Белого Дома, на несколько минут встали в начале Крымского моста.

– «Диксон» [начальник Управления ГАИ ГУВД] – *«Омск», «Диксон». «Омск», «Диксон». ... «Омск», «Диксон». «Омск», я «Диксон». ... «Омск». Ответить «Диксону».* – Омск – *«Диксон», «Диксон», «Омск».* – «Диксон» – *Колонна остановлена службой охраны общественного порядка посредине моста. Движение сняли на Комсомольский проспект.* – «Омск» – *00. [«00» означает «конец связи». – Ред.]*

14:36. Попытки «Памира» (Киселёва) скоординировать действия резервов, перекрывающих или могущих перекрыть Крымский мост, похоже, успеха не имеют:

– «Памир» – *Ответьте «Памиру». «Клин» – «Памир».* – «Клин» [командир ОМОН ГУВД] – *«Клин» на приеме.* – «Памир» – *У меня ваши наряды на связь не выходят. Ни 502-й: вызываю – не выходит, ни «Воскресенск».* – «Клин» – *«Клин 6-й»* [Сергеев М. Н., один из командиров подразделений ОМОН ГУВД], *должен*

быть с вами. «Клин6-й». «Клин 6-й», я «Клин». Ну 502-й у толпы – там он сейчас разворачивается. – «Памир» – *Давай там, давай.*

14:37. А в это время «Омск» (Кононов) выясняет, как идёт выдвижение резервов на Зубовскую, – те пока что только собираются, сказывается полдня ожидания и «работы»:

– «Омск» – *75-й – «Омск». 75-й – «Омск».* – 75-й – *На приеме, 75-й.* – «Омск» – *Вы выдвигаетесь?* – 75-й – *Собираем людей.* «Омск» – *Понял. Понял, понял. 66-й, выехали ваши?* – 66-й – *Солдаты побежали за щитами.* – «Омск» – *Вы высылайте сотню-то первую. Она у вас должна быть готова на площадь Ильича. Она должна выехать уже на Зубовскую площадь.* – 66-й – *Сейчас выезжаем.* – «Омск» – *Сам не выезжай, тех пошли, остальных соберешь, догонишь. Как понял?* – 66-й – *У меня здесь некому. Пусть зам по работе с составом останется здесь. Потому, что там не справятся они. У меня зам по службе болен и начальник там, исполняющий обязанности, зам по отделу.* – «Омск» – *Высылайте первую сотню без себя, а остальных соберешь. Я вам давал команду уже сколько. Еще сотню. И с той сотней догонишь остальных. Иначе они долго у тебя будут собираться очень. 200 единиц возглавишь сам. А здесь останется твой заместитель.* – «Омск» – *Добро.* – 66-й – *00.*

14:38. Меж тем «Юган-7» (Фекличев) рассеял немногочисленных собравшихся на площади Ильича, но к основному действу это отношения не имело, на Садовое кольцо он успеть уже не мог. 14:38.

– «Юган-7» – *«Омск», «Югану-7».* – «Омск» – *На приеме.* – «Юган-7» – *На Ильича все чисто.* – «Омск» – *Спасибо.*

14:39. Находившийся на Крымском мосту «Амур» (Егоров) меняет общую оценку ситуации руководством ГУВД. Оказывается, демонстрантов можно было останавливать на Крымском мосту, поскольку он перекрыт в самом начале, на уровне ведущих вниз лестниц. Если толпа встанет здесь, в случае давки люди не полетят в воду с большой высоты:

–«Амур» – *«Омск», «Омск». Я «Амур». Прошу на связь.* – «Омск» – *«Амур», «Амур», «Омск».* – «Амур» – *Распределите силы, прикройте Крымский мост со второй стороны. Чтобы не было захода в тыл цепочке 63-го... 64-го.* – «Омск» – *Я вас не понял. Какому в тыл, куда в тыл? Вот здесь у Белого Дома или там?* – «Амур» – *Я нахожусь на Крымском мосту. Нужно еще силы, чтобы не было доступа в тыл нашим со стороны ... оттуда, с Зубовской площади.* – «Омск» – *Я понял, я понял. Я направляю наряды на Зубовскую площадь, но на мосту их нельзя останавливать. Там могут быть неприятности. Их нельзя там останавливать. Их можно немножко придержать просто, попытаться уговорить.* – «Амур» – *К ним заходят в тыл со стороны Зубовской площади, со стороны потока, они сейчас окажутся в кольце.*

14:39.

– «Амур» – *«Омск», колонна остановлена в начале моста, ближе к парку Горького.* – «Омск» – *Понял, понял, если вы их придержите, мы послали в вашем направлении силы. 66-й, 66-й, «Омск».* – 66-й – *Да, «Омск», я на связи, 66-й.* – «Омск» – *Я жду от тебя быстро, слышал, информацию? К «Амуру» туда, не на Зубовскую, а, если они не начали движение, по ходу не начнут – перекрой мост и...*

14:40. Резервам было дана команда выдвигаться не на Зубовский бульвар, а на Крымский мост – но было уже поздно.

Демонстранты прорвали цепочки на Крымском мосту и ринулись к Зубовской площади. В 14:45, поняв серьезность ситуации, отсюда затребовали колючую проволоку и водометы, но успели использовать только «Черемуху». Это не дало эффекта, через несколько минут толпа двинулась дальше. Демонстрантами был захвачен грузовик. Войскам была дана команда на применение оружия, но еще три четверти часа они не открывали огонь. Здесь впервые выясняется, что милицейскую волну в Белом Доме слушает Александр Руцкой.

– 75-й, разворачиваемся, отступайте. Применяйте спецсредства. Стреляйте из спецсредств, к вам идет еще 300 единиц. – **Руцкой: – Хоть один погибнет, я тебя, сука, повешу.** – *75-й – «Омску» – ... прорвались. Ситуация ... они разделились и берут инициативу в свои руки. Нужны люди.*

Следующим рубежом могла стать Смоленская площадь, место столкновений демонстрантов с милицией 2 октября. В управление силами МВД вмешивается начальник московского главка, генерал-лейтенант Панкратов:

– *«Памир», я «Крым»* [Панкратов, начальник Московского ГУВД]: – *Вы должны совершить обходной маневр по параллельным улицам и отсекать, и задерживать.*

Именно на Смоленскую площадь начали перебрасывать силы по параллельным Садовому кольцу улицам. Туда удалось подогнать пару водометов и выстроить поперёк проезжей части жидкие цепочки солдат. В 15:10 толпа, вооруженная камнями и досками, прорвала ее с ходу. Пожарные машины, по нашему обычному русскому раздолбайству, оказались не заправлены водой.

Милиция отступает. Фото: Д. Борко

Время: 15:10.

– *«Юган»* [начальник управления охраны общественного порядка (УООП) ГУВД], *я «Днепр»* [Балагура, еще один замначальника ГУВД]: *– «Днепр», Макарова быстро к «Югану». – <...> – «Омск», я «Михнево»* [начальник УВД Центрального административного округа]: *– Поставьте цепочку милиции, остановить людей. Мне надо зацепиться. Должен быть 67-й у вас. Выдвигайте его к Смоленской площади. – <...> – «Днепр», я «Крым». Аксаков не может овладеть ситуацией. Захарова нет, они идут по переулкам. Голова колонны спускается в туннель. Подходит к Калининскому голова колонны.*

В 15:15 голова колонны вышла к Калининскому проспекту – и в этот момент по тоннелю со стороны площади Восстания подошла колонна машин с подкреплением. Они оказались в толпе и тут же были захвачены. Солдаты разбегались в переулки. Одна машина смогла вырваться – демонстрант, пытавшийся остановить водителя, был сброшен с подножки, его нога была буквально перемолота задними колесами тяжелого армейского грузовика. Его – живого! – шедшие сзади накрыли красным знаменем и двигались дальше.

В 15:30 раздались выстрелы у здания СЭВ (нынешней мэрии), начался прорыв кольца блокирования Белого Дома.

Цепочка милиционеров была выстроена на Новоарбатском мосту через Москву-реку – но что они могли теперь сделать?

За час и десять минут демонстранты прошли от Октябрьской площади до Дома Советов. При этом они прорвали три рубежа, организованных силами МВД, – те просто не успевали перебросить достаточные для удержания толпы силы. Это было почти что предопределено дислокацией сил и средств, определенной на 3 октября руководством ГУВД Москвы и командованием Внутренних войск МВД, – организаторы антиельцинского сопротивления их просто перехитрили.

Спрашивается: можно ли было ожидать беспристрастного (неважно, ведомственного или прокурорского) расследования происшедшего?

3 октября, 14:00 – 15:30. Прорыв.

Через пару минут цепочка солдат будет прорвана, и демонстранты устремятся к Зубовской площади. Там их попытаются рассеять гранатами со слезоточивым газом, но – «слишком поздно и слишком мало».

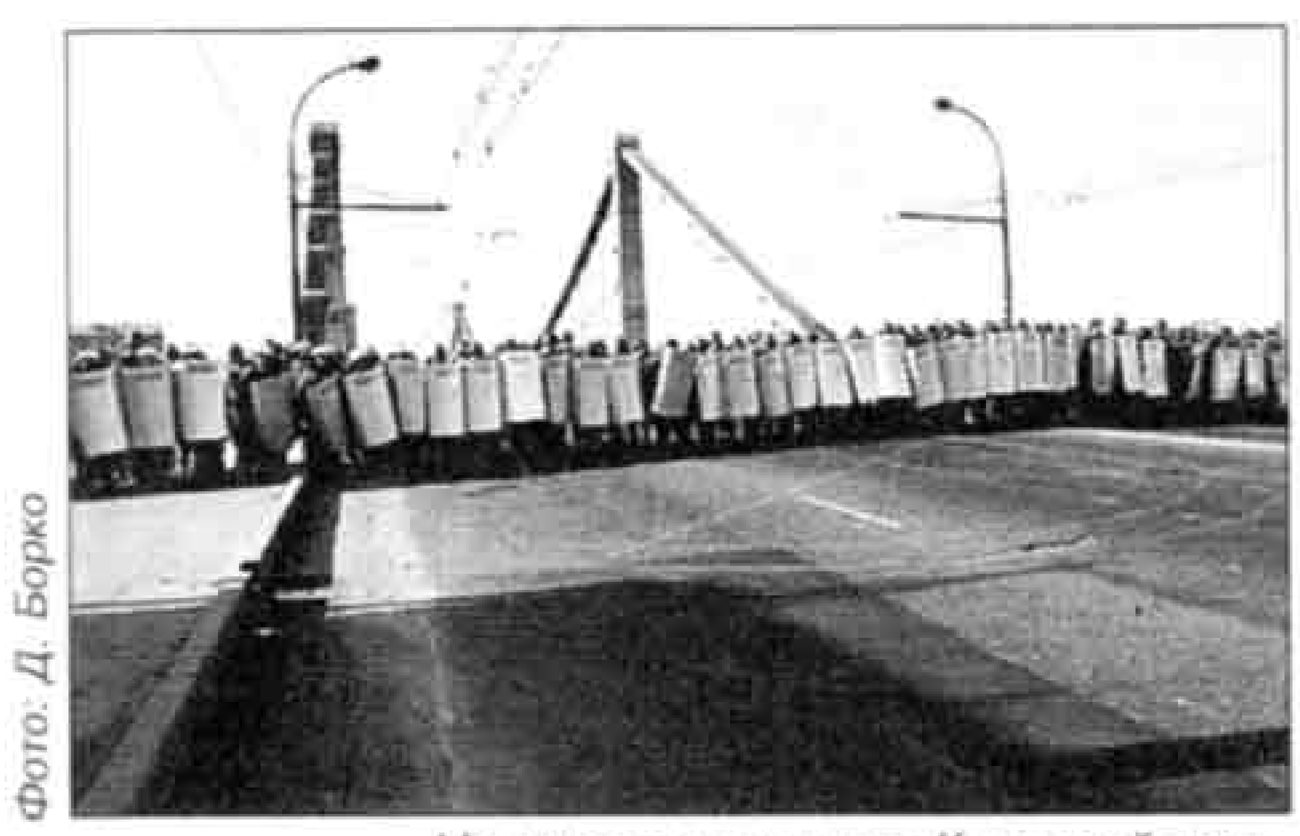
Цепочки, выстроенные у Смоленской площади, также не устояли. Захваченный повстанцами КамАЗ пробивал их. Пожарные машины, как на грех, оказались не заправлены водой и в водомёты не годились.

Подошедшая из Калининского тоннеля колонна грузовиков с резервом оказалась в гуще толпы и была ею захвачена.

Таким образом, примерно через 50 минут после прорыва на Крымском мосту было прорвано оцепление Белого Дома.

Фото: Г. Баксичев

Фото: Д. Борко

Милиция перекрывает Крымский мост.

Фото: Д. Борко

Против дубинок шли в ход камни и бутылки.

Как демонстрантам удалось пройти эти несколько километров в городе, переполненном войсками и милицией?

В фильме «Черный октябрь» об этом сказано: *«Третьего октября сторонникам Верховного Совета разрешили провести митинг на Октябрьской площади. Когда их собралось больше десяти тысяч, ОМОНовцы начали избивать демонстрантов. Разъяренная толпа вступила в потасовку, милицейское оцепление дрогнуло и расступилось, колонна сторонников парламента двинулась к Белому Дому»*.

Все просто и быстро – но в эти несколько строк вместилось более часа драматичных событий.

Сразу же отмечу, чего не было – побоища на Октябрьской площади, первые столкновения произошли на Крымском мосту.

Шествие было заявлено организаторами от Октябрьской площади до площади Ильича. Наряды ОМОНа и внутренних войск были сгруппированы для контроля именно этого маршрута. Было бы впору задуматься – но, видимо, такого человека в руководстве московской милиции и внутренних войск не нашлось.

Замысел Анатолия Крючкова и других руководителей белодомовских «боевых дружин» не был ни распознан противниками, ни разглашен сторонниками парламента. Причина проста: «отвлекающий маневр» хранили в секрете от своих, – а в Белом доме и за его пределами было до дюжины «штабов» антиельцинского сопротивления. Но эта множественность центров принятия решений топила любой частный план и «заговор» в хаосе, а события развивались по своей внутренней логике.

Следуя за авангардом, демонстранты продолжали двигаться от Октябрьской площади по Садовому кольцу. Спускаясь по Калининскому проспекту и обходя здание мэрии, они пополняли митинг на площади Свободной России. И здесь с балкона им были названы следующие цели – мэрия и гостиница «Мир», где находился штаб сил МВД, и телецентр «Останкино».

3 октября, 15:30 – 16:15. Бегство.

Демонстранты прорвали проход в кольце милиции и войск, которым был блокирован Белый Дом. Почему это кольцо не замкнулось? Более того, как удалось взять штурмом мэрию и гостиницу «Мир» и обратить в бегство милицию и внутренние войска?

«Конспирологическая» версия изложена в телевизионном фильме «Черный октябрь»:

офицер Софринской бригады внутренних войск МВД: *«В конце сентября, числа 28-го, нас уже готовили к штурму Белого Дома* [отметим на будущее: 4 октября не было един-

Фото: Д. Борко

Раненого милиционера выносят с Крымского моста к Центральному дому художника

Фото: Д. Борко

Милиция вытеснена демонстрантами.

ственной планировавшейся датой штурма, но, по крайней мере, – одной из многих!].

В 15:30 прозвучали такие слова [на самом деле – в 15:50]:

– Я, командир Софринской бригады, обращаюсь ко всем и заявляю, что бригада переходит на сторону Верховного Совета, на сторону народа, и предлагаю всем присоединиться к нашему решению.»

Диктор: *«И вот когда пошла вторая рота, в спину солдатам стали стрелять с парапета от мэрии. После этого только был дан приказ отрядам защитников Белого Дома – штурмовать мэрию. То есть первые выстрелы прозвучали не со стороны Верховного Совета, а со стороны власти. Мэрия была взята на удивление легко, создается такое впечатление, что мэрию просто сдали и сдали сознательно. То есть там не было ни серьезной стрельбы, ни серьезного сопротивления, мэрию захватили, можно сказать, одним порывом.»*

В этом рассказе присутствуют несколько аберраций. Во время прорыва оцепления, около 15:30, в течение двух-трех минут стрельба раздавалась на участке 68-го наряда, милиционеры отошли в мэрию.

110-й [сотрудник МВД в штатском, находившийся в рядах демонстрантов]: *– Демонстранты прорвались со стороны набережной... ...и смяты цепочки между мэрией по улице и Белым Домом...*

Демонстранты вливались на площадь Свободной России у Белого Дома, проходя по Калининскому проспекту и направо, огибая мэрию. Некоторые потом удивлялись и даже усматривали провокацию в том, что это «бутылочное горлышко» не было тут же перекрыто. На самом деле такие попытки контратаки со стороны Калининского моста все же предпринимались:

110-й: – Демонстранты, которые не прошли к Белому Дому, частично рассеяны.

Реляция сия была преждевременна, далее 110-й сообщал только о продолжении беспрепятственного притока демонстрантов. Приказы «прекратить» успеха не имели. 15:43.

– «Памир» – «Михнево», «Михнево», «Памиру». «Михнево»: – На связи «Михнево. «Памир»: – Соберите, что у вас осталось, и на помощь по мосту, как поняли? «Михнево»: – Сейчас у меня у самого...

На площади перед Белым Домом в это время проходил митинг, вот слова Александра Руцкого: ***«Молодежь, боеспособные мужчины вот здесь в левой части строятся, формируются отряды, и надо сегодня взять мэрию и Останкино.»***

Тем временем возле мэрии и гостиницы «Мир», где находился штаб блокировавших Белый Дом сил, продолжалась неразбериха. Не дожидаясь приказов, люди – и проведшие в кольце блокады несколько дней, и пришедшие демонстранты – подбирались к мэрии и гостинице «Мир», пытались даже голыми руками захватить стоявшие там бронетранспортеры.

Кроме того, около 15:45 шедшие по Садовому кольцу демонстранты нашли еще один путь прохода к Белому Дому – Большой Девятинский переулок, между американским посольством и жилым кварталом. Немедленно начался захват стоявших там грузовых машин. В ответ военные применили «Черемуху», затем раздалась стрельба.

В этой неразберихе переброшенный к месту нового прорыва резерв – 350 безоружных солдат 21-й Софринской бригады внутренних войск – попал под «дружественный огонь», один из милиционеров очередью ранил нескольких военнослужащих. Пытаясь защитить своих солдат, командир бригады, полковник Васильев, безуспешно пытался связаться по рации с кем-то из штаба и, наконец, выдал в эфир:

– «Радон-22» [Васильев] *говорит. Слушать всем. В результате применения оружия убито 2 моих солдата в бригаде. Предупреждаю, если позволите еще себе стрельбу, уничтожу любого в штабе. Предупреждаю еще раз...*

Фото: Д. Борко

Генерал А. Макашов собирает отряд для захвата мэрии.

Отряд Макашова и РНЕ.

И затем:

– Руцкой, Александр Владимирович. Обращается командир бригады Софринской Васильев. Бригада перешла на сторону Белого Дома.

Этот тактический ход Васильева неожиданно серьезно был воспринят командованием обеих воюющих сторон. Руцкой тут же принялся командовать:

– Бригада Софрино, Васильев, командир, я тебя прошу в сторону гостиницы «Мир», открыть огонь по верхним этажам мэрии и гостиницы «Мир».

Павел Васильевич Голубец (позывной «Утес»), старший офицер в зоне Белого Дома, заместитель Командующего Внутренними войсками МВД РФ Анатолия Сергеевича Куликова (позывной «Пион»), решил, подобно герою «Капитанской дочки», «предпринять действия отступательные»:

– «Пион», «Пион». Я – «Утёс», я – «Утёс». В гостинице [«Мир»] *никого не осталось. Софринцы перешли на сторону Белого Дома. Был открыт со стороны защитников Белого Дома огонь, открыта стрельба. Наши безоружные все. Спецназ только прибыл, и я принял решение вывести людей из зоны огня. Прием.*

В следующие минуты все остававшиеся в мэрии сотрудники МВД покинули здание, разбив витринные стекла цокольного этажа. Они пересекли Калининский проспект – благо, напротив мэрии был промежуток между двумя группами демонстрантов, подтягивавшихся к Белому Дому, – и скрылись в переулках.

А в это время отряды, сформированные после призыва Руцкого, изготовившиеся было для атаки на мэрию, залегли после первого неудачного броска. Они загнали на пандус армейский грузовик, начали было (как потом в Останкино) таранить вход, но после нескольких автоматных очередей из здания отошли и вжались в «складки местности». Они пропустили самое интересное – бегство милиции под командой Голубца. Ситуация для залегших бойцов Макашова казалась безвыходной..., пока следующая группа ничего не подозревающих демонстрантов, идущих от Садового кольца к Белому Дому, решила чуть «срезать» дорогу. Демонстранты поднимались на площадку перед мэрией и проходили перед изумленными глазами прижавшихся к асфальту вояк. Те вскоре поняли, что опасность чудесным образом миновала, и вошли в уже опустевшее здание.

И в этом тоже потом усматривали провокацию: мэрию-де сдали, чтобы заманить в Останкино и там расстрелять.

А между тем в милицейском эфире продолжался переполох. Теперь уже командиры всех спецподразделений знали, что случилась катастрофа. Драп Голубца был воспринят ими как приказ: «Делай, как я!»

Выходит, ***спровоцировал ретираду замкомандующего ВВ***. Неужели этот эпизод мог стать предметом расследования?

16:15 – 18:00 – проклятые вопросы

На первый взгляд, после 15:30 – после прорыва демонстрантов к Белому Дому – в московском милицейском «закрытом эфире» наступил хаос. Как было отмечено в одной из публикаций тех радиопереговоров, *«на милицейских волнах не прослушивалось никаких уверенных инструкций – все высокое начальство куда-то подевалось из эфира. Наступило некое затишье, нарушаемое обрывочными выходами позывных милицейских начальников среднего пошиба, уточнявших местонахождение друг друга»* («Новая газета» № 73 / 2004, Александр Меленберг).

При этом на улицах реальной Москвы также происходило нечто труднообъяснимое.

Милиционеры покидали центр города. Войсковые наряды, блокировавшие Белый Дом, оставляли свои позиции и спешно отступали. Шеренга солдат, перекрывшая было около 16:00 площадь Восстания, также свернулась.

Фото: Д. Борко

В захваченной мэрии.

Фото: Д. Борко

Отряд Макашова в мэрии.

Фото: Д. Борко

Сторонники Белого Дома ворвались в мэрию.

Действительно ли это лишь «*некое затишье, нарушаемое обрывочными выходами позывных милицейских начальников среднего пошиба, уточнявших местонахождение друг друга*»? Этот вывод ошибочен – на поверку те часы были наполнены содержанием. Хорошо, конечно, уже то, что этот источник живет и используется. Но в работе с ним есть некоторые сложности, которые не были учтены автором той статьи. Кроме того, основой для публикации в «Новой газете», вероятно, послужил черновой материал с «рабочего стола», который не только не был детально откомментирован, но не прошел сверку и уточнение расставленных временных меток.

На самом же деле всё было значительно сложнее. Но этот великий драп, при всей его внешней беспорядочности, имел конкретную задачу – отойти и перегруппироваться.

Да, «*высокое начальство куда-то подевалось*». А куда? Вот вам указание на ответ.

15:43. – *Следующая... следующая, значит...* ***ты – на третьем, я – на четвертом****, понял?* – *Понятно.* 16:05. «Волхов-1»: – *«Камышин-2», «Камышин-2», «Волхов-1»* – *«Камышин-2»* ***на третьем работает****.* Около 16:30. «Арзамас»: – *«Загорск», «Загорск», я «Арзамас». Как слышно? Прием. «Загорск», «Загорск», я «Арзамас». Как слышно. Прием.* – «Загорск»: – *На связи, на связи «Загорск».* ***Первый канал ваш.*** Около 16:43. – «**3 5 3 5**».

«Три – пять, три – пять» – это команда смены рабочей частоты: с третьего из десяти каналов милицейской рации всем абонентам перейти на пятый канал. Куда ушли милицейские начальники, понятно – с частоты, на которой противник мог их прослушивать и даже вмешиваться в их переговоры, на другие каналы.

Куда еще? Кто-то из руководства московского ГУВД покидает здание на Петровке, 38.

– «Онега-1 А» – *«Михнево». Подождите здесь пять минут, чтоб мы дозаправились. Как поняли?* – «Михнево» – *Давай, будь тут же. Только знаешь откуда подъедь, подъедь со стороны автобазы, со стороны Колобовского. Там стой.*

Даже по обрывкам содержательных переговоров можно понять, что силы МВД восстанавливали расстроенные боевые порядки. Выясняли местоположение войсковых нарядов:

– *205-й, 205-й. Я 905-й. Якиманская набережная, дом 2, находимся мы.*

Центр Москвы, район Белого Дома был во власти демонстрантов, и нужно было избежать смешения военных и милиции с толпой. Ранее 18:00, Валдай:

– *«Амур-1», «Амур-1», я «Валдай». Отводите войска от столкновений. Отводите войска от столкновений. Прием.* – «Амур» – *«Вас понял, «Валдай», понял, понял.*

Отряды милиции и войсковые наряды уводили от Белого Дома. Они получают приказы и рапортуют (возможно, об отбытии на место постоянной дислокации). Примерно 17:25.

– *На связи 124-й. – Когда будете в расположении? Когда будете в расположении?* – 124-й: – *Минут через 10.*

На Садовом кольце было два основных рубежа для отхода и сосредоточения.

Первый из них – площадь Восстания. Около 16:00.

– *205-й «Михнево». – На связи 205-й. – Местонахождение и численность? – Пока не определил еще, доложу дополнительно.* – «Михнево» – ***На площадь Восстания.*** – 205-й: – *Понял.* ... Около 16:25. – *«Судак», я «Неман». Прошу на связь. – Я «Судак», слушаю Вас.* – ***... на площадь Восстания.*** *... как понял?* – «Судак»: – *Понял.*

Второй – площадь Маяковского.16:18.

– *204-й, 205-й на связь. Я «Михнево». – 205-й на связи. – Теперь подъезжайте.* – 205-й: – *Куда подъезжать?* – «Михнево» – ***На Бронную, на перекресток Бронной и ...*** ... Около 16:43. – *...-1, где вы находитесь?* – ***Напротив гостиницы «Пекин»****. ...*

17:20, «Неман»: – *...экипаж. Я – «Неман», на связь. «Судак». Экипаж ко мне с Фрунзенской* **на площадь Маяковского.** *Как понятно?*
– «Судак»: – *Понял.* ***Я на Зубовской площади.*** *Прием.*

Этот радиообмен даёт представление о том, что в технике называется «управление аварией».

*****

Попытка одного из антиельцинских штабов воспользоваться неразберихой и усугубить ситуацию не удалась:

– «Крым», «Крым», я – «Воскресенск», как слышишь меня? Прием, «Крым». ... «Крым», ответь «Воскресенску». Мы перешли на сторону народа. «Крым», «Крым», ни в коем случае не применяйте оружие против народа! Как меня понял? ... Ко всем! «Ротан» [ошибка говорящего], *«Памир», «Крым», говорит «Воскресенск»! Мы перешли на сторону народа. Не применяйте оружие против мирного населения! Как понял меня? Прием.*

После некоторого замешательства:

*– Предатель, козел вонючий! ... – Не торопитесь! Может, это подставили специально? ... – Кто такой «Воскресенск»? ... – е**рь-террорист...*

...в эфире прошло разъяснение:

– По «Воскресенску» – дезинформация.

В неразберихе комбриг Васильев также сумел вывести своих солдат из этой мясокрутки без новых потерь. Правда, подошедшим от Белого Дома демонстрантам достались грузовики «софринцев» прямо с ключами зажигания. А что могли сделать безоружные солдаты?

*****

Но вот дальше происходит нечто, вновь наталкивающее на мысль о возможности умышленной провокации. От Белого Дома отходят колонны в Останкино. Кто-то едет на захваченных грузовиках, большинство движется пешком. Достигнув площади Маяковского, авангард повстанцев вновь встречается со старыми знакомыми – с сосредоточившимися там силами милиции и внутренних войск.

Но, во-первых, на некоторых из машин видны красные знамёна. Кроме того, техника пододвигается, чтобы открыть белодомовской колонне въезд в тоннель, то есть дорогу на Останкино.

И то, и другое имеет рациональные объяснения.

Выходя к месту сосредоточения, машины с милиционерами и солдатами были вынуждены медленно проезжать сквозь толпы демонстрантов, тянувшиеся по Садовому кольцу от Октябрьской площади к Белому Дому. Демонстранты вешали свою атрибутику на машины, а «силовикам» было недосуг её снимать.

А при появлении на площади Маяковского колонны, шедшей «брать Останкино», МВДшные генералы ещё не знали, какова её цель. Последовал резонный приказ: пропустить, но проследить за маршрутом движения. А когда стала ясна цель – телецентр, спецназ на БТРах обогнал белодомовские трофейные грузовики и устремился на улицу Академика Королёва.

*****

Но запись переговоров тех двух часов действительно необычна. Она содержит мало донесений и приказов, которые позволили бы восстановить развитие оперативной обстановки в Москве. Но обычно источники подобного рода ничего не могут сообщить о мотивах поведения людей, об их мыслях и чувствах. Неподходящее место. Об этих вещах молчат, а если говорят, то при выключенной рации. Но когда почти все разговоры «по делу» ушли с этой частоты, с этого канала на другие, тут-то и началась беседа о главных вопросах. Этакое подобие форума или чата – со всеми присущими этому жанру издержками.

Это были часы неопределенности – пожалуй, для всех участников «малой гражданской войны», кроме Александра Руцкого. И абонен-

Фото: Д. Борко

Фото: Д. Борко

Нападение на мэрию.

Фото: Д. Борко

Сторонники Белого Дома.

тов, беседующих далее с Руцким, «терзали смутные сомнения» о том, кто же берёт верх в создавшейся неразберихе.

*****

Разумеется, был поднят главный вопрос – **о народе**.

Чаще всего о нем говорит Александр Руцкой, ссылаясь на «народ» как на источник своей легитимности. 16:14.

– Я обращаюсь к вам от имени народа. – ... переходите на сторону народа... – ...захвату и аресту преступников, выступивших против народа.

Его собеседники говорили на другом языке, только мнимый «Воскресенск» использовал эту лексику – *«мы перешли на сторону народа»*, реальный же комбриг Васильев так не изъяснялся. О «народе», тем не менее, говорили. Около 16:42.

– Народ весь дома сидит.

Около 16:43.

– Ты предал народ, собака.

После 16:45.

– Дайте народу спокойно жить, скоты.

И где-то после 17:20, после очередного настойчивого предложения Руцкого *«перейти на сторону народа»*, звучат фразы:

– Да это что, народ что ли? – Так, так, хорошо. А что в твоем понимании народ, что в твоем понимании народ?

Ответ был дан незамедлительно. *Руцкой:*

– Народ – это те, кого ограбили... <...> ...демократы, гайдары...

И вскоре ему следует вполне серьезный вопрос:

*– Руцкой, **что ты за спины людей-то спрятался**? Что ты сам не вышел к народу, не остановил их?... – Что молчишь? – Ребята, тихо, пускай ответит.*

Действительно, почему лидер (на самом деле, лидеры обеих противоборствующих сторон) не пытался остановить насилие со стороны «своих» или же защитить этих «своих» от насилия? Почему обе стороны так стремились перевести позиционное противостояние в комбинационную игру с разменом фигур...

*****

И вот он – второй вопрос: **неизбежность трагической развязки**, с пока что неясным исходом.

Около 16:42.

– Мужики, главное, чтоб никто не открыл огонь, это самое главное. Руцкой: *– Правильно, правильно. Никому не открывать огонь. Тот, кто одумался, гарантирую защиту закона.*

Можно подумать, что они говорят о разных вещах, один – о недопустимости кровопролития, другой – о капитуляции. Но...

После 17:20.

– Руцкой – на связь. Руцкой: *– Отвечаю. – Так, Руцкой, как, всех, кто против был, всю твою оппозицию расстреливать будем?* – Руцкой: *– Ну, никто не собирается никого расстреливать. Проснись и одумайся, что ты говоришь? Во-первых, еще раз говорю: я гарантирую всем, кто перешел на сторону народа, всем – защиту законов. – Как утверждения насчет виселиц и всего остального?* – Руцкой: *– А это вот потом разберемся, кто стрелял по людям». <...>*

Неопределенность и порожденная ею неуверенность милиционеров вызывали к жизни двусмысленные диалоги:

– Александр Владимирович? – Руцкой: *– Да, отвечаю, слушаю, на приеме. – Вы владеете ситуацией в городе?* – 17:25, Руцкой: *– Да, владею, да, владею – со мной вместе министр внутренних дел, министр безопасности и министр обороны.*

Между тем развязка приближалась – ближе к шести пополудни вооруженные отряды обеих сторон появились в Останкино. А в эфире скорее всего, еще не зная об этом, обсуждали главный русский вопрос того дня:

– Значит война? Это война или нет? Руцкой, дай ответ: война это или нет? – Руцкой: *– Нет, дорогой, это наведение элементарного*

порядка согласно Конституции и закона Российской Федерации». – С оружием-то в руках? – Руцкой: *– Надо думать, для чего оружие-то дается. – М***кам не дается. <...> Там ведь надо будет стрелять не такими, не холостыми, а боевыми.*

*****

Непонятно теперь – да никто правду и не скажет – чего здесь было больше: желания ли получить ответы на «главные русские вопросы», оговорить ли условия капитуляции, или просто вести неторопливую беседу, удерживая Руцкого от перехода с этой частоты, где почти уже не велся оперативный радиообмен, на другие, куда уже ушли основные абоненты. В пользу последней версии – обильный мат в эфире (этакий флэйм на форуме), окончательно восторжествовавший в ночи. Но то после, а в эти часы: *«... просто хочется послушать политику».*

Но собственно политические определения и ярлыки используются как простые ругательства:

*– Урод – Руцкой – путчист. – Пошел на *** <...> – Руцкой, ты авантюрист, авантюрист, твое дело прогорело... <...> – Это красная чума.*

– Так же осмысленно дед Щукарь применял свое знание «Словаря иностранных слов».

Политика как таковая офицеров милиции интересует не очень. Хотя кампания по дискредитации Руцкого, история с «трастовым договором», раскрученная летом 1993 года, дала результат:

*– ****ить не надо было и воровать не надо было, тогда бы перешли.*

Но «кто у кого украл», милиционеры так и не поняли:

– Якубовскому [адвокату, действовавшему в ходе коррупционного скандала против Руцкого] *скажи эту команду.*

Отношение к лидерам обеих сторон определенно негативное:

– Ни ты, ни Хасбулатов, ни Ельцин, надоели вы, кровопийцы вы. *<...> – Что с Ельциным делать? –* ***Преступник ты и Ельцин, оба.***

Можно подумать, что речь идет об ответственности за кровопролитие:

– Руцкой, а ***за кровь кто ответит?*** – Руцкой: *– Господин Ельцин и тот, кто отдавал приказы стрелять по мирным людям. – Ты сам отдавал приказ стрелять. <...> Ты ж сам ... пулеметы ... на афганцев.* – Руцкой: *– Ты не путай, не путай, дорогой. – Чего тут путать?..*

Действительно, чего тут путать?

Есть чего: оказывается, речь идет об эпизоде – неважно, вымышленном или подлинном – со «своими» афганцами:

– Руцкой, ответь на вопрос. Кто на Смоленской площади расстрелял ***афганцев в милицейской форме****? Ответь мне на этот вопрос. Я жду, когда ты ответишь. <...> Уст-*

Фото: Д. Борко

роим Афган, сука. <...> Афганцы тебе этого не простят, запомни это раз и навсегда...

Здесь, собственно, и проявляется истинная принадлежность одной из «воюющих сторон» в российской «малой гражданской войне». «Вторая сила» действовала не столько «за» («за демократию» или «за президента»), сколько «против» – против тех, кто против них. Они, впрочем, чутко прислушиваются к тому, в чью сторону склоняются чаши весов, подозревают друг друга в переходе на «другую» сторону. Значит, похоже, считают подобный переход вполне возможным. Они – «держава», которая достаётся победителю. «Силовики» выступают, по сути, автономно, как отдельная сторона в конфликте. Для них главный и непростительный грех Руцкого – то, что его сторонники применили против них силу, пролили первую милицейскую кровь:

– ...за что участкового убил? <...> – Не надо было людей натравливать на милицию. А то натравил, а теперь воешь тут... – Козел, зачем ты туда людей направлял, а? <...> ***Кого ты столкнул, серую массу, лбами. За что? За ваши кресла, чтоб мы сражались...***

Русский дневной разговор

Прежде всего, должен предупредить читателя, что предлагаемый текст не просто содержит нецензурные слова и выражения, но, по преимуществу, именно из них состоит. И поделать с этим решительно ничего нельзя: любая, даже самая аккуратная цензура делает чтение затруднительным, если вообще возможным. Что делать – русский человек матом не ругается, русский человек матом разговаривает...

В расшифровке аудиозаписи радиопереговоров в московском эфире на милицейских частотах днем 3 октября 1993 года, между 15:30 и 18:00, лакуны заполнены по записям в журнале. Исключены лишь некоторые неинтерпретируемые и неатрибутируемые реплики, затрудняющие чтение – например, состоящие лишь из позывных (таковые, впрочем, составляли четверть объема исходного текста). Обычным шрифтом даны переговоры абонентов, *курсивом* – «обмен мнениями» между сторонами. ***Полужирный курсив*** – реплики лидеров и активистов парламентской стороны. **Полужирный шрифт** – важные для понимания ситуации реплики.

15:30.

[Слышны частые автоматные очереди от Дома Советов.]

15:33.

– «Михнево» на связи. ... **находится четверо с огнестрельными ранениями.** На Смоленскую вызывают «скорую». 68-й вызывает.

Руцкой: – Обращаюсь к министру МВД... Это тоже касается...

15:43.

– Следующая... следующая, значит... ты – на третьем, я – на четвертом, понял ? – Понятно.

Руцкой – ...преступных приказов...

–71-й – **Наши сохраняют спокойствие. На передней стоят с пиками, с пиками, с пиками. Мы одни здесь. Больше никого нет, по сути дела ни сзади, ни с боков. Доложите. ... ... Виктор Анпилов призывает к дубине, к оружию. Как понял, прием.**

15:53.

– Не понял. – Уши мой, бдь, не понял... Говорю, это самое, строй в колонну, в конец колонны. – Ко мне сюда бегом, еть твою мать. – Понял. – 123-й на четвертый перейди.**

[переход на 4-й канал рации] **«Утес» – «Пион», я – «Утес», ответьте, «Пион», я – «Утес»...**

– 7-1, я «Михнево». – 71-й – **На приеме.** – «Михнево» – **Вы где?** – 71-й – **По центру, на своем месте. Прибывают, строятся в колонны и штурмовать мэрию.** – «Михнево» – **Добро.** – 71-й – **Площадь у меня вся заполнена там.** – «Михнево» – **Выйди со своими нарядами в Девятинский, не в Девятинский, а в...** – «Памир» – «Михнево» – «Памиру». – «Михнево» – На связи. – «Памир» – Контактируйте с ...комплексом. **Сами решения не принимайте.** – «Михнево» – **Я сам решения не принимаю.** – «Памир» – **Куда вам укажут, туда и направлять наряды. – Так и делаю.** – 61-й – «Дунай» – 61-му. – «Дунай» – 61-й, «Дунаю». – 61-й – **Выезжает из Белого Дома Воронин на переговоры на Краснопресненскую набережную в сторону ГМЦ. Выпускаем?** – «Дунай» – **Разберемся.** – 61-й – **Они говорят, что торопятся, ждут.** – «Михнево» – 205-й «Михнево». – 205-й – На связи 205-й. – «Михнево» – Местонахождение и численность? – 205-й – Пока не определил еще, доложу дополнительно. «Михнево» – **На площадь Восстания.** – 205-й – Понял. – 61-й – «Дунай» – 61-му. – «Дунай» – На связи «Дунай». – 61-й – **Ну что в отношении четырех машин на переговоры? – Дунай – Дают добро. – ...мы в тяжелом...**

16:05.

– «Волхов-1» – «Камышин-2», «Камышин-2», «Волхов-1». – «Камышин-2» на третьем работает. – «Памир» – «Михнево» – «Памиру». – «Памир» – **Как обстановка?** – «Михнево» – **Очень сложная. Атакуют штаб.** – «Камышин-2». – «Памир» – **Срочно в штаб. Очень срочно.** – «Михнево» – **Выполняю.** – «Памир» – **Понял.**

Фото: Д. Борко

Раненый демонстрант.

Руцкой – ...Частей дивизии Дзержинского, к вам обращается генерал-майор Руцкой,... вам ... (глуш.) ***... Командиры дивизии... ...Не стреляйте в нас. Не стреляйте в людей...*** – *Оставь Руцкого в жопу. – Совершено вот именно.* – ***Руцкой – Офицеры дивизии Дзержинского, к вам обращается генерал-майор Руцкой, захватить штаб в гостинице «Мир», где сосредоточены банда Ерина и Ельцина. Я обращаюсь к вам от имени народа. Схватить преступников. ... Офицеры из состава дивизии Дзержинского, к вам обращается генерал-майор Руцкой, ... в гостинице «Мир» ... их...*** – *Эй, кто там поближе к Руцкому, скажите, пусть *** сосет, б**дь, этот ефрейтор, б**дь.*

16:14.

Руцкой – ...Частей дивизии Дзержинского, я ген ... (глуш.)***... Я обращаюсь к вам, отдайте приказ прекратить стрелять по людям, суки, я вам еще раз говорю, отдайте приказ прекратить стрелять по людям...*** – *Это ты, козел, стреляешь по людям. – Смотри, что, сука ...* – ***Руцкой – ...офицерам частей... обращаюсь к командирам частей... батальонов, рот дивизии Дзержинского... к вам обращается генерал-майор Руцкой...*** *– Алименты своему сыну сначала заплати.* – ***Руцкой – ...по людям открывают огонь из боевого оружия, я еще раз обращаюсь к вам, командиры рот и батальонов дивизии имени Дзержинского, захватить гостиницу «Мир».*** (глуш.) ***Командиры рот, батальонов и частей дивизии Дзержинского, я обращаюсь к вам, генерал-майор Руцкой, я прошу ...вать преступников в гостинице «Мир»...***

«Утес» – «Пион», я «Утес». «Пион», я «Утес».

Руцкой – Не делайте «9 января»... *– Дерьмо.* – ***Руцкой – Приказ. Командиры частей дивизии Дзержинского, немедленно захватить гостиницу «Мир». Там сосредоточилась банда Ерина-Ельцина.*** *– Сам бандит с большой дороги.* – ***Руцкой – ...преступные приказы. Командиры частей, я обращаюсь к вам, командиры, кому дороги честь офицера... гостиницу «Мир»..*** – *Козел.* – ***Руцкой – Я тебя предупреждаю, даю на раздумья десять минут. ...Даю на раздумья десять минут... если не прекратят стрелять по людям – открою огонь ... переходите на сторону народа...*** – *...ить не надо было и воровать не надо было – тогда бы перешли.* – ***Руцкой – Я обращаюсь к органам правопорядка. Я гарантирую защ...*** – – *...за что участкового убил?* – ***Руцкой – ...банду преступников...*** – *...преступник: ты убил ...* – ***Руцкой – Десять минут на раздумья, после чего открываю огонь на по... гостинице «Мир» и по сборищу...*** – *...сно станет!* – ***Руцкой – Еще раз обращаюсь к командирам дивизии Дзержинского. ... Вы носите славное имя легендарного человека, не позорьте погоны...*** – *Не надо было людей натравливать на милицию. А то натравил, а теперь воешь тут, как козел, б**дь.* – ***Руцкой – Командирам рот, командирам батальонов, вам приказывает генерал-майор Руцкой.*** – *Какой ты генерал-майор...* – ***Руцкой – ...банду преступников в гостинице "Мир"...*** – *В*

Фото: А. Зимин

Строительство баррикад.

Белом Доме банда преступников, точнее адрес надо давать. – Руцкой, Руцкой, вспомни историю, все самозванцы кончали смертью. ***– Руцкой – Я еще не умираю, готовьтесь, б**ди.*** *– Козел. – О-о, наконец-то заговорил истинным языком, в зоне тоже так все говорят. Так что готовься. –* ***Руцкой – ...готовься!*** *– Ты, п*дор, Руцкой, б**дь. – Руцкой – чмо. –... языком заговорил... –* ***Руцкой – ...батальонов, взводов. ... Что делает вашими руками банда преступников. Я вас убедительно прошу...*** *– П*дор Руцкой, ты – козел **аный –* ***Руцкой – Дорога честь.***

«Михнево» – 205-й, я «Михнево», 210-й, 204-й на связь.

Руцкой – ...Там сосредоточена банда преступников, которые... *– Руцкой – чмо. –* ***Руцкой – ...огня.***

16:18.

«Михнево» **– 204-й, 205-й на связь. Я «Михнево».** – 205-й **– 205-й на связи.** – «Михнево» **– Теперь подъезжайте.** – 205-й **– Куда подъезжать?** – «Михнево» **– На Бронную, на перекресток Бронной и ...**

*– Как ты пришел к власти? – Сколько ты сейчас людей ухлопал, и .. – Сейчас я врублю помехи, тут, понимаешь, попасть надо. – Руцкой – чмо. – П*дор ты, Руцкой, козел, ты м*дак, х*ров б**дь, ты... – Ладно, ребят, потом, прекратить разговоры в эфире.* ***Руцкой – К вам обращается генерал...*** *– ...его кончать... –* ***Руцкой – ...Исполняющий обязанности Президента...*** *– Помолчи ты. –* ***Руцкой – ...Со своего командного пункта. ... Ну что, слышишь, сволочь, что делают твои ублюдки, запомни это...***

Васильев – Руцкой, Александр Владимирович. Обращается командир бригады Софринской Васильев. Бригада перешла на сторону Белого Дома.

Руцкой – Васильев, двигайся в сторону и возьми гостиницу «Мир», положи этих сук, я тебя жду, я тебя прошу открыть огонь по верхним этажам гостиницы «Мир» и мэрии. Захватить этих сук, я тебя прошу, милый, дорогой, я тебя прошу, я тебя умоляю, прошу. *– Псих. На что ты толкаешь? – Ублюдок. –* ***Руцкой – Васильев, я тебя прошу, умоляю. На сторону... ...того этажа.*** *– ...х*й. –* ***Руцкой – Они стреляют по мирным людям. Выбить эту банду, захватить их немедленно. Как понял.*** *– ...страну, козел ты **учий, *ля. – Якубовскому скажи эту команду. –* ***Руцкой – Как понял, Васильев, я к тебе обращаюсь. ...открыть огонь по верхним этажам, захватить преступников. Они ведут огонь по мирным людям. Как понял? ... Бригада Софрино, Васильев, командир, я тебя прошу в сторону гостиницы «Мир», открыть огонь по верхним эта-***

жам мэрии и гостиницы «Мир». *– Дурак, ты. – Чмо. – Это точно.* ***– Руцкой – Бригада Софрино. Кто слышит меня...*** *– Чмыри, бригада Софрино, чмыри. – Пошел на х*й, козел, «бригаду Софрино».* ***– Руцкой – ...мэрии, оттуда ведут огонь по мирным демонстрантам.*** *– Что ты врешь-то, а?* ***– Руцкой – ...уши заткнуты ватой. Козел, посмотри в окно, что делают из мэрии.*** *– Козел, посмотри из своего окна, откуда – из твоих окон стреляют. – Козел, зачем ты туда людей направлял, а? Чмошник ты. Кого ты столкнул, серую массу, лбами. За что? За ваши кресла, чтоб мы сражались, м*дак ты. – Руцкой сними, сука, свои погоны, б**дь. – П***рас.* ***– Краснов – Краснов говорит. Александр Владимирович, может быть действительно на мэрию не надо лезть. Действительно, очень сложная обстановка. Мы трогаем ребят, которые не виноваты в этом деле. Александр Владимирович, а? Краснов говорит, председатель райсовета Краснопресненского. – Руцкой – Не трогать... гостиницу «Мир»... Постарайтесь без крови. Взять их живьем, этих всех подонков. – Краснов – Александр Владимирович. Александр Владимирович. Потом разберемся, потом разберемся. Краснов беспокоит, потом разберемся. Не надо крови, не надо крови. ... убедительно прошу вас. Не виноваты ребята, которых поставили здесь на охране, они ж не виноваты. Не надо кровь пускать из-за этого п*дораса. – Руцкой – Немедленно взять.***

«Неман» – «Судак», я «Неман». Прошу на связь. «Судак» – Я «Судак», слушаю вас. – «Неман» **– ... на площадь Восстания.** – ... как понял? – «Судак» – Понял.

Руцкой – Васильев, Васильев, на связь. Я тебя прошу – гостиницу «Мир» ... блокировать гостиницу «Мир», потом их возьмем оттудова. *– Руцкой, гнида, на тебе не только кровь не только ... убитых афганцев.* ***– Краснов – Александр Владимирович, Краснов говорит. Спасибо Вам большое. Давайте блокируем. Давайте не будем воевать. Они сами выйдут. Нет проблем. Там нормальные ребята, они все понимают. Они сами блокируют. – Руцкой – Я согласен блокировать гостиницу «Мир».***

16:26.

Васильев – Я полковник Васильев. Обращаюсь к генерал-майору Руцкому. Прошу хладнокровия, не стрелять. Убиты мои два солдата. (выстрел). **За все ответит, кто виноват. Я не могу подступиться с безоружными солдатами против своры скотов, которые открыли мой ... огонь. Я знаю, откуда стреляли, я сам с ними сейчас разберусь.**

Руцкой – Потом рассчитаемся. Блокируй гостиницу «Мир», блокируй гостиницу «Мир». Там все это осиное гнездо. – Краснов – Александр Владимирович, они сами блокируют, они согласны блокировать. Это Краснов говорит, они согласны блокировать сами, только не бросайте туда людей безоружных. Убедительно прошу Вас. – Руцкой – Понял тебя, понял тебя. Давай вместе с ним, с бригадой Софрино на блокировку гостиницы «Мир». – Краснов – Спасибо. Ребята, милиция, так сказать, никто вас не тронет, гарантии от Руцкого, никто вас не тронет. Блокируйте гостиницу, чтоб не было передвижения там, чтоб люди спокойно выходили оттуда. Спасибо вам за службу.

«Арзамас» – «Загорск», «Загорск», я «Арзамас». Как слышно. Прием. «Загорск», «Загорск», я «Арзамас». Как слышно. Прием. – Загорск – На связи, на связи «Загорск». **Первый канал ваш.**

Руцкой – Краснов, Васильев. Прошу бригадой блокировать гостиницу «Мир», прошу бригадой, прошу бригадой блокировать гостиницу «Мир». *– Чмо Руцкой.* ***– Краснов – Александр Владимирович, они оттуда уже ушли, руководители. – Руцкой – Взять тех, кто вел радиообмен, кто командовал открыть огонь. ... я обращаюсь к командирам взводов, рот, батальонов и частей дивизии Дзержинского. Я обращаюсь к вам, дорогие. Вы видели, что происходило. Били из пулеметов по мирным людям. Ваша задача – постараться без крови блокировать мэрию и гостиницу ... блокировать полностью гостиницу «Мир» и ..*** *– Что ты врешь, п*дор **аный, б**дь.*

Васильев – Александр Владимирович, говорит полковник Васильев, солдаты... толпа... проливается кровь. У здания штаба. – Передай, пять тысяч, 5000 Крымский мост, Анпилов ведет, как понял, прием. 5000 единиц. – Понял, понял вас. Вы будьте осторожны, подтягивайтесь к Петровке. Как поняли?

– Где находишься, 65-й? – 65-й – **Против гостиницы «Пекин»**. – Понял.

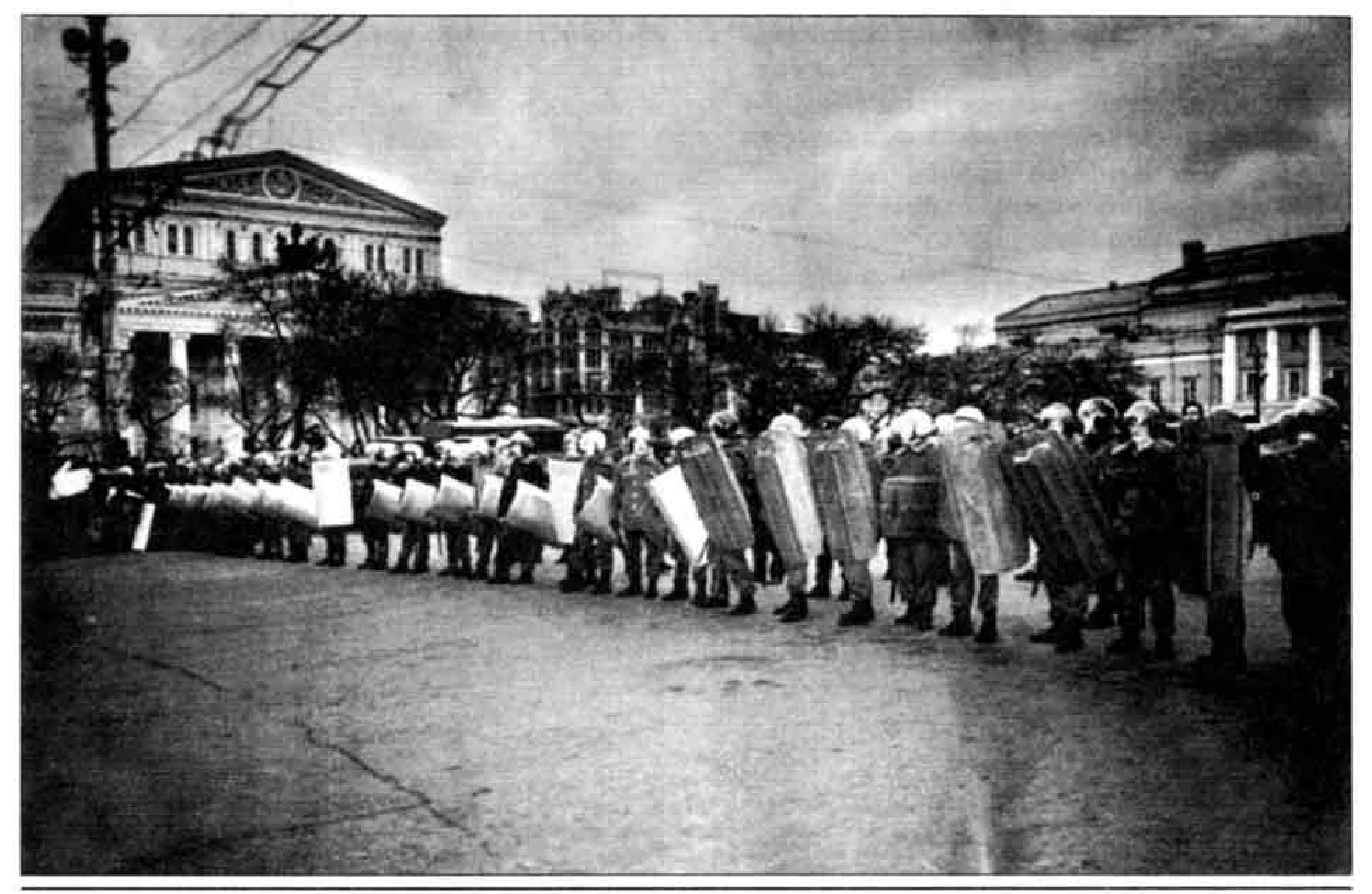
Руцкой – Всем постам милиции, всем постам милиции. Обращается генерал-майор Руцкой, исполняющий обязанности Президента. *– Не х*й.* ***– Руцкой – ...гостиница «Мир»... прошу перейти на сторону, убедительно прошу перейти на сторону народа.*** *– Рас**здяй ты. – Ни ты, ни Хасбулатов, ни Ельцин, надоели вы, кровопийцы вы. – Козел.*

– **Руцкой – ...к частям, частям дивизии Дзержинского. ...Переходите на сторону народа...** – *П***рас ты.* – **Руцкой – ...Гарантирую Вам защиту закона.** – *Руцкой п*дор.* – **Руцкой – Я обращаюсь к постам милиции, я обращаюсь к ОМОНу, я обращаюсь к частям дивизии Дзержинского. Гостиница «Мир» блокирована Софринской бригадой, мэрия сдалась, переходите на сторону народа. Арестовывайте тех, кто отдавал вам преступные приказы, я гарантирую вам защиту закона.**

16:40:

Руцкой – Я обращаюсь ... милиции ... частям ОМОНа, к батальонам дивизии Дзержинского, мэрия и гостиница «Мир» со штабом блокированы..., гарантируем вам защиту законов. – *Пошел ты на х*й.* – **Руцкой – Я еще раз обращаюсь к правоохранительным органам..., ОМОНу, к частям дивизии Дзержинского, обращается генерал-майор Руцкой, исполняющий обязанности Президента России. Переходите на сторону народа, мэрия сдалась, гостиница «Мир» со штабом блокирована. Я гарантирую вам защиту закона. Арестовывайте тех, кто давал вам преступные приказы.** – *Козел, понял, на х*й. – Урод. — Руцкой – путчист. – Пошел на х*й, козел, м*дак **аный.* –**Руцкой – Я обращаюсь... к тем, кто слушает эфир, гостиница «Мир» блокирована ...** – *Уймись, Руцкой.* – **Руцкой – ...преступные приказы.** – *Уймись, уймись. – ...будут указания?* – **Руцкой – ...указание идти сюда к Дому Советов, к Дому Советов.** – *А х*й ты не...* – **Руцкой – ...приказы... – Я обращаюсь к «Судаку», обращаюсь к 121-му, 123-му идти сюда к Дому Советов. Гостиница «Мир» блокирована Софринской бригадой, арестовывайте тех, кто отдавал преступные приказы. Я гарантирую...** – *З**упа тебе.* – **Руцкой – ...защиту законов. Это говорил исполняющий обязанности Президента России Руцкой. –**

... – Прекратить засорение эфира и ругаться нецензурно матом! – Что с Ельциным делать? **Руцкой – ...командиров частей дивизии Дзержинского и командиров милицейских групп. Сбор у меня в 21 час для создания штаба ... по захвату и аресту преступников, выступивших против народа.** – *Да пошел ты на х*й. – Что с Ельциным делать? – Преступник ты и Ельцин, оба.* – **Руцкой – Все командиры частей, которые перешли на сторону народа, выдвигаться к мэрии, выдвигаться к гостинице «Мир», мэрия пала, мэрия сдалась, гостиница «Мир» блокирована. Изымать оружие у тех, кто отдавал преступные приказы. Арестовывать всех тех, кто стоял на стороне и отдавал приказы...** (глуш.) – *Не обращайте внимания. – Народ весь дома сидит. – Не обращайте внимания.* – **Руцкой – ...софринцы... ...молодцы, софринцы! Слава вам, ребята. Взять**

гостиницу «Мир», арестовать всех преступников, которые выполняли преступные приказы Ерина. *– Тебя первого козла арестовать надо.* ***– Руцкой – Разберемся, дорогой, спокойно, спокойно.*** *– Мужики, главное, чтоб никто не открыл огонь, это самое главное.* ***– Руцкой – Правильно, правильно. Никому не открывать огонь. Тот, кто одумался, гарантирую защиту закона.*** *– Вы за**али. – Руцкой, ты смертник! – Руцкой, будь ты трижды распроклят, таракан усатый.* ***– Руцкой – Парень, я тебе прощаю, я понимаю тебя. Тебя одурачили до такой степени, что ты вообще ничего не понимаешь, что ты творишь.*** *– Ты сам не понимаешь, что творишь. Убийца. Чмо. – Вот это правильно. – Иди выйди в лес и застрелись! – Молодцы. – Руцкой – убийца. – Так держать. – Ты предал народ, собака. – Руцкой – козел. – Петух гамбургский. – ... понял, Руцкой. – Руцкой, ты авантюрист, авантюрист, твое дело прогорело... не ерепенься, ну-ка сматывайся, пока не поздно, пока мы тебя не достали, мразь. – Может хватит вам эти песни? Давайте послушаем. – Х*ли его слушать, козла **аного. – Прекратите галдеж! – Так пусть нас тоже послушает, п*дор.*

– ...-1, где вы находитесь? – Напротив гостиницы «Пекин». – 3 5 3 5 [команда смены рабочей частоты].

Краснов – Ребята, говорит председатель Красной Пресни. Убедительная просьба – спокойствие. Я понимаю, что вы нервничаете. Но спокойнее, так сказать, не деритесь сейчас, не стреляйте ни в кого, не надо стрелять, давайте мы спокойно разберемся политическими методами. Не ругайтесь, все успокоится... *–Да, крови уже ...* ***– Краснов – Не стреляйте друг в друга.*** *– Да всю эту дресню перестрелять!*

69-й В – 69-й «Борис», ответь 69-му «Валентине». – 69-й Б – На связи 69-й «Борис». – 69-й В – А где 69-й? Что нам здесь – находиться? – 69-й Б – Стоять. **Приказа не было отступать.** – 69-й В (упавшим голосом) – **Есть...** ***«Воскресенск» (?) – «Крым», «Крым», я – «Воскресенск», как слышишь меня? Прием, «Крым». – «Крым», ответь «Воскресенску». Мы перешли на сторону народа. «Крым», «Крым», ни в коем случае не применяйте оружие против народа! Как меня понял? – Ко всем! «Ротан» (?), «Памир», «Крым», говорит «Воскресенск»! Мы перешли на сторону народа. Не применяйте оружие против мирного населения! Как понял меня? Прием.*** *– Предатель, козел вонючий! – Не торопитесь! Может, это подставили специально? – Кто такой «Воскресенск»? – **арь-террорист.* ***– «Воскресенск» (?) – Я – «Воскресенск»! Я – «Воскресенск»! ...*** *– Назови себя! Назови себя!* ***– «Воскресенск»(?) – ... обращаюсь к вам, обращаюсь к вам! Мы перешли на сторону народа! Обращаюсь к вам, «Ротан» (?), «Памир», «Крым», переходите на сторону народа, ребята, мы же все вместе, мы все – сотрудники милиции, мы все на стороне народа, складывайте оружие, как поняли меня?*** *– «Воскресенск», назови свою фамилию. – Героем номер один будешь. – Козел! – Мало сказать, что козел.* ***– Руцкой – Он не козел, он молодец. Молодец. Он – офицер настоящий. ...*** *– А тебе паяльник в ж**у надо засунуть ... – Если он настоящий офицер – пусть фамилию свою назовет.* ***– Руцкой – ... я обращаюсь ко всем, к частям дивизии Дзержинского, к подразделениям ОМОНа и милиции, переходите на сторону народа, гостиница «Мир» блокирована, мэрия сдалась, ...*** (глуш.) ***... преступные приказы ... обращался генерал-майор Руцкой.*** *– Я слышу ... проклят ... за горло, понял, *ля, **ндон, *ля? – ... информации, кто такой «Воскресенск»? –* ***Руцкой – ... частям дивизии Дзержинского, командирам подразделений ОМОНа ... и***

Фото: А. Зимин

Фото: И. Питалев

частей милиции. Обращается генерал-майор Руцкой, гостиница блокирована... *– За*-*ал ты.* – ***Руцкой – ... сдалась, разоружаем. Переходите на сторону народа. Я гарантирую вам защиту закона. Гарантирую защиту закона...*** *– ...Руцкой!* – ***Руцкой – ...преступные приказы...*** *– Иди ты на х*й, *ля!* – ***Руцкой – ...в 21:00.*** *– ... он нет, он сейчас говорил, чтобы в 21 час командиры подразделений, там, ну, частей, ну, в общем, как там, решили, что дальше делать.* – ***Руцкой – Что дальше делать? Тем, кто перешел на сторону народа, выдвигаться к Дому Советов, выдвигаться к Дому Советов, .. -*** *– ... ты и подохнешь...*

16:45.

Руцкой – Командиры частей ... Дзержинского ... милиции ... блокир... переходите на сторону народа ... частей сбор у меня в 21:00.

205-й – 123-й, прошу 205-му на связь! – Кто такой «Воскресенск»? – ... третий, по-моему. – 123-й – **205-й, я – 123-й.** – 205-й – **Где находитесь вообще?** – 123-й – **...это не наш...**– По «Воскресенску» – дезинформация. **– 123-й не прошел к Якиманской набережной.**

Руцкой – Командирам частей Дзержинского, командирам подразделений ОМОН и милиции. К вам обращается генерал-майор Руцкой, исполняющий обязанности Президента России. Мэрия сдалась, гостиница «Мир» со штабом блокирована. Мэрия сдалась, гостиница «Мир» со штабом блокирована. ... Том ... Выдвигаться на Краснопресненскую набережную, выдвигаться на Краснопресненскую набережную. Сбор у меня в 21 00. Арестовывайте тех, кто давал приказ стрелять по людям. *– Дайте народу спокойно жить, скоты. – Рекламная пауза. – Прекратите лишние разговоры по радиостанции. Ума вам это не дает.*

– 205-й, 205-й. Я 905-й. Якиманская набережная, дом 2, находимся мы.

Руцкой – ... сотрудникам милиции, частям дивизии Дзержинского. Арестовать... (глуш.) *– Точно. – Заткни пасть, сука. – Не засоряй эфир.* – ***Руцкой – ... Дзержинского ... командирам подразделений...*** (глуш.) ***... Подумайте, что вы делаете.*** *– Да х*ли он психует.* – ***Руцкой – ...Восточного округа Москвы. Он давал приказ на поражение людей из огнестрельного оружия. Немедленно арестовать.*** *– Усы сбрей.* – ***Руцкой – ...генерал-майор Руцкой. Я обращаюсь к вам...*** *– ... – Не засоряйте эфир всякой х**ней!* – ***Руцкой – ... Я обращаюсь к вам... Обращаюсь к вам, генерал-майор Руцкой. Прекратите это все безобразие. На вашей совести...*** *– ...глотку. Пошел на х*й. – Ты смотри куда пошел.* – ***Руцкой – ...исполняющий обязанности Президента...*** (помехи) – ***Руцкой – Командиры частей дивизии Дзержинского, командиры подразделений ОМОН, к вам обращается генерал-майор Руцкой, арестовать Панкратова, арестовать начальника УВД Восточного округа Москвы. Они давали приказ на ведение огня по людям. Все, кто перешел на сторону народа – сбор у меня командиров частей в*** 21:00 (глуш.).

17:00 или чуть позднее:

[радиопередача, новости] – **...бутылки с зажигательной смесью. Органами правопорядка использованы спецсредства, в том числе слезоточивый газ.**

– Руцкой, стреляйся, гад. – ...или я тебя пристрелю, зараза. – ***Руцкой – Арестовать позывную «Артем». Генерал-майора Панкратова.*** *– Я тя арестую, я тя арестую, гад, **ядь, усатый.* – ***Руцкой – ...командиры частей дивизии Дзержинского...***

«Онега-1 А» — «Михнево», ответьте на связь. «Онега-1 Анна». «Михнево» – «Онега-1 Анна». «Михнево» на связи. – «Онега-1 А» – «Михнево». Подождите здесь пять минут, чтоб мы дозаправились. Как поняли. – «Михнево» – Давай, будь тут же. Только знаешь откуда подъедь, подъедь со стороны автобазы, **со стороны Колобовского**. Там стой. «Онега-1 А».

– Президент, да говори ... соскучились ... – ***Руцкой – Соскучился? Передаю еще раз. Командирам частей дивизии Дзержинского, командирам подразделений...*** (глуш.) – *Ну, Руцкой, ты мне попадешься. – Точно, сука.* – ***Руцкой – Готовься, готовься, дорогой, спокойно, без мата главное.*** *– Руцкой, ты меня слы-ышишь?* ***Руцкой – ...начальника УВД.*** (глуш.) *– Понятно, понятно ... – Руцкой ... еще попадешься ...* – ***Руцкой – Давай подумай, подумай. Потом напишешь письменно. ... Хватит заниматься ерундой. Ты что – не понял, что эти гады уже пали?*** *– Никто не пал!* – ***Руцкой – Я доберусь до тебя. До утра не придется ждать.*** *– Попугай, не засоряй эфир. Дай... команду-то. – Руцкой, таракан усатый, будь ты проклят, три раза, три раза, будь ты проклят, скотина!*

– 86-й, на связь. – «Неман» – Экипаж. Я – «Неман», на связь. «Судак». – **Экипаж ко мне с Фрунзенской на площадь Маяковского.** Как понятно? – «Судак» – Понял. **Я на Зубовской площади.** Прием.

17:20.

[«Открытое радио» передало в эфир, что колонна в 5000 человек, которая шла от Зубовской, сейчас на площади Восстания, идут в Останкино, милиции нет. Корреспондент опасается расстрела.]

Руцкой – Что, ребята, обкакались? Я тут из Белого Дома работаю. *– Деловой. – Очень страшно. – Не трави, не трави людей-то. Не зли. – Подожди, еще тебе достанется. – Рано радуешься, Руцкой. – Руцкой – на связь.* ***– Руцкой – Отвечаю.*** *– Так, Руцкой, как, всех, кто против был, всю твою оппозицию расстреливать будем?* ***– Руцкой – Ну, никто не собирается никого расстреливать. Проснись и одумайся, что ты говоришь? Во-первых, еще раз говорю: я гарантирую всем, кто перешел на сторону народа, всем – защиту законов.*** *– Как утверждения насчет виселиц и всего остального?* ***– Руцкой – А это вот потом разберемся, кто стрелял по людям.*** *– Да это что, народ что ли? – Козел, ***дь... – Так, так хорошо. А что в твоем понимании народ, что в твоем понимании народ?* ***– Руцкой – Народ – это те, кого ограбили...*** [глушат кабацкой музыкой] ***...демократы, гайдары...*** *– Ты сука, ***дь. – ... – ...высказывания; просто хочется послушать политику. – Вот успокойся и не мешай людям работать. – Вор и убийца...* ***– Руцкой – Ты не по адресу обращаешься, дорогой. Воры и убийцы – Ерин и Ельцин, поэтому не путай, пожалуйста, подумай головой, что ты делаешь. Так, кто запрашивал Руцкого – отвечаю.*** *– Я тебя в**бу, понял, *ля? – Александр Владимирович?* ***– Руцкой – Да, отвечаю, слушаю, на приеме.*** *– Вы владеете ситуацией в городе?*

17:25.

Руцкой – Да, владею, да, владею – со мной вместе министр внутренних дел, министр безопасности и министр обороны. *– Сука, вешайся. – Я тебя в**бу, понял, козел? – Прекратите матом-то ругаться!* ***– Руцкой – ...перешел. Сосредоточение, сосредоточение на Краснопресненской набережной. Сбоку...***

– Двигаться всем в сторону площади Пушкина. – 124-й – На связи 124-й. – Когда будете в расположении? Когда будете в расположении? – 124-й – Минут через 10. – ... «Воскресенск» – **не работник милиции. Он достал где-то радиостанцию и вышел на эту волну.**

Руцкой – Поэтому выходить сюда, на левый и правый берег реки в район Краснопресненской набережной, для сосредоточения и дальнейших действий. *– Спасибо. – Чума. – Уйди, я те сказал!* ***– Руцкой – Поэтому нам надо сосредотачиваться здесь, в районе Краснопресненской набережной, левый и правый берег реки Москвы у Дома Советов. Сбор у меня по прибытии.*** *– Значит война? – Это война или нет? – Нет, нет. – Я вопрос Руцкому задаю. — Руцкой, дай ответ: война это или нет?* ***– Руцкой – Нет, дорогой, это наведение элементарного порядка согласно Конституции и закона Российской Федерации.*** *– С оружием-то в руках? – Палач!* ***– Руцкой – Надо думать, для чего оружие-то дается.*** *– М*дакам не дается. – Там ведь надо будет стрелять не такими, не холостыми, а боевыми. – Без мата в эфире, пожалуйста, без мата! – Это красная чума. – Козел. – Да он трус, чего с ним разговаривать-то. – Зачем все это нужно? – Руцкой, а за кровь кто ответит? –* ***Руцкой – Господин Ельцин и тот, кто отдавал приказы стрелять по мирным людям.*** *– Ты сам отдавал приказ стрелять! – Ты ж сам ... пулеметы ... на афганцев. –* ***Руцкой – Ты не путай, не путай, дорогой.*** *– Чего тут путать? Попал в плен, а почему ты живым ушел-то оттуда?*

«Крым» – Прекратите лишний радиообмен в эфире. Кто говорит, с кем говорит? «Крым» говорит.

Фото: Д. Борко

Драка с ОМОНовцем.

Конная милиция в оцеплении.

– Руцкой, что ты за спины людей-то спрятался? Что ты сам не вышел к народу, не остановил их?... – Что молчишь? – Чмо поганое... – Подонок потому что, подонок. – Ребята тихо, пускай ответит. – ... таких опускают! – Что вы как базарные там бабы? – Прекратите базар в эфире! – ***Руцкой – Кого интересует, кто стрелял, так вот – стреляли из гостиницы «Мир», из мэрии, из здания СЭВ. А кто там находится, вы все знаете.*** *– Я там находился. Что ты врешь-то? Твои люди там и сидят. – Руцкой, нехорошо врать, что расстреляли из гостиницы «Мир». Нехорошо. Ложь!* – ***Руцкой – Ребята, прекратите вести радиообмен. Потом разберемся, кто стрелял, а кто давал команды. Я уже дал команду арестовать Огородникова, арестовать Панкратова.*** *– П***рас, тебя арестуют! – Лучше давайте посдержаннее, посдержаннее. – Какая ж сволочь матерится в эфире? – Руцкой, ответь на вопрос. Кто на Смоленской площади расстрелял афганцев в милицейской форме? Ответь мне на этот вопрос. – Я жду, когда ты ответишь.* – «Крым-1» – «Крым-1» в эфире. Разберемся. – ***Руцкой – Разберемся, ты там разберись среди своих. Тут...*** *– Устроим Афган, сука. – Афганцы тебе этого не простят, запомни это раз и навсегда.. – Точно, ребята, давайте, ну. – Вы помолчать можете немножко?! – Руцкого расстрелять надо... – Вы бы конкретные вопросы задавали и не матерились в эфире. – П**дец! – Не портите эфир! – Руцкой, война? – Козел! – Руцкой! – Александр Владимирович!* – ***Руцкой – Кто запрашивал Руцкого на приеме?*** *– Хасбулатов где?* – ***Руцкой – Рядом. ... Рядом.*** *– Еще не уехал?* – ***Руцкой – Не понял.*** *– А квартиру нам. – Вот бы голос-то его послушать.* ***Руцкой – Даю.*** *– Оставьте их в покое, пусть дрочат. – Ребята, ... – ...посмотрите BBC, там говорят правду. – ...это **йня. – И Руцкой тоже, все рядом. – Главари. ...– Кто перешел на сторону Руцкого. – Не может быть. – Никто не переходил. – Так держать, ребята. – Кто так сказал, а? – «Крым-1», мы перешли на сторону Руцкого. – Кто еще перешел? – А кто «мы»? – Кто «мы» перешел на сторону Руцкого? – Да п**дит кто-то, балуется. – ...илов перешел на сторону Руцкого. – Кто? – Анпилов, говорю. – А кто перешел на сторону? Повторите. – П*дики. – Анпилов!*

– «Памир», я «Кама». Доложите обстановку. – ***Сейчас я, ***дь, доложу.*** *– Александр Владимирович?* – ***Руцкой – Да.*** *– На **й пошел!!!* «Валдай» – **«Амур-1», «Амур-1», я «Валдай». Отводите войска от столкновений. Отводите войска от столкновений. Прием.** – «Амур» – **Вас понял, «Валдай», понял, понял.**

*– Веревочку мылит он, мылит, он ее размыливает. – Что творится-то. – Да, все то же. – Пять человек всего. Не материтесь в эфире! – Они мою мать... – Спокойно. – Палите, сейчас вас с вертолетов у**ячат.* – **Блокировано Краснопресненское РОВД, полностью. Прошу помощи.** *– Там самый петух. – ...я за тобой пойду, тебя там ****ут, понял, п*дор, *ля?* – до 18:00.

Первый выстрел и первая кровь

Москва, Останкино, 3 октября 1993 года, 19:30

Третье октября 1993 года наполнено событиями, на первый взгляд, необъяснимыми. Событиями, породившими массу вопросов. Или не вопросов даже, а – без какого-либо промежутка, – ответ, казавшийся естественным: провокация. Тысячи человек пропустили к телецентру, чтобы там начать методичный их расстрел.

Правда, остаётся главный вопрос: с чего же началось кровопролитие в Останкино?

Ответ был общеизвестен уже в первые часы: первый выстрел был сделан из гранатомёта, который держал боец «Группы Север», пришед-

Фото: Д. Борко

На захват Останкино.

ший туда вместе с Альбертом Макашовым: вот первый выстрел и первая кровь, с которой всё и началось. Значит, и ответственность за дальнейшее кровопролитие лежит на парламентской стороне?

*****

Разумеется, сама «парламентская сторона» это отрицала.

Оставим в стороне мемуаристов Руцкого и Хасбулатова. Их писания были «версией защиты» обвиняемых по уголовному делу. Кроме того, они оставались в Белом Доме и не присутствовали на месте событий.

Но есть и «свидетельства очевидцев» – порою весьма пространные, как анонимная «Анафема». Вот вкратце версия её автора, скрывшегося под псевдонимом «Иван Иванов»:

«<...> ...два незнакомых мне студента-демонстранта, на вид гуманитарии 2-3-го курса, пытаются понять, как собирается гранатомет. Спрашиваю, откуда он у них взялся. «гранатомет бросили солдаты» [его подбросили военнослужащие президентского полка ГУО РФ, где данный гранатомет и числился на учете. – И. И.] возле гостиницы «Мир». Более безопасного места для изучения гранатомета, чем под стволами спецназа, они не нашли. Молодые люди расположились справа от дверей. К Макашову подошел офицер и сказал, что с гранаты не снят колпачок – стрелять бесполезно. Макашов ответил, что стрелять никто и не собирается. Мы подтвердили, что это – чистой воды демонстрация. Мы стояли поодаль от студентов, слева от грузовика, ребята не слышали этот разговор. Похоже, им никто так ничего и не сказал. <...>»

Далее рассказчик вместе с Альбертом Макашовым сходил на переговоры со спецназовцами внутрь здания аппаратно-студийного комплекса АСК-3, и...

«<...> как только последний из нас вылез на улицу, раздался первый выстрел. Слева в метре от нас у центральной колонны с грохотом упал автомат, и без звука осел на асфальт знакомый киевлянин из Союза офицеров (Николай Николаевич К.[рестинкин, – тогда выжил, а погиб, по зловещему совпадению, 3 октября 2000 года]*), одетый в гражданскую одежду. Пуля снайпера попала ему в правую ногу, раздробив кость. Стреляли с крыши противоположного техцентру здания телецентра АСК-1. Николай стоял вплотную к гранатометчику у вывески «Государственная телерадиокомпания «Останкино» (если смотреть с крыши телецентра, они сливались воедино). Вероятно, плохо обученный снайпер хотел поразить именно парня с гранатометом, но промахнулся всего на 20-30 сантиметров. Возможно, это была неудачная попытка поразить надкалиберную реактивную гранату РПГ-7. Этот первый выстрел сняли на пленку и западные операторы, но большинство из них были убиты и ранены буквально через пару минут. Остальные ничего не успели понять – хлопок одиночного выстрела в шуме многолюдного митинга был практически не слышен, раненый не стонал, а падение Николая видели стоявшие рядом и медбратья. <...>*

С момента первого выстрела прошло не больше полутора-двух минут. Как только Макашов отошел на несколько шагов, на людей обрушился огневой шквал. Началось с хлопков подствольных гранатометов. В проем, из которого мы вылезли, спецназовцы отстрелили две или три гранаты. Они взорвались под ногами гранатометчика и толпы. Одновременно всех находившихся около входа людей стали с двух сторон сечь пулеметными и автоматными очередями.

С момента разговора о неснятом колпачке гранаты до начала расстрела прошло примерно 4 минуты. При первом огневом налете, не сделав ни одного выстрела, были убиты все, находившиеся рядом с гранатометчиком. Им не суждено было узнать, как следует обращаться с таким оружием.

Гранатометчика убивали неумело и непрофессионально. Его «второго номера» убили сразу. Его самого лишь второй очередью ранили в ногу, он был контужен разрывом гранаты из подствольника.

В 1993-1994 гг. следователи распространяли версию, что в момент падения раненого

гранатометчика [инженера в последнюю минуту подменил офицер МВД – капитан милиции М[ихаил] Смирнов. – И. И.] произошел непроизвольный выстрел из гранатомета, а осколок хвостового оперения ушедшей «в молоко» гранаты рикошетом перебил шейный позвонок рядовому Ситникову... Материалы осмотра «места происшествия» однозначно показывают, что не обнаружены следы применения ручного гранатомета и попадания гранаты.

Следствие давно для себя установило факт отсутствия применения 3 октября 1993 года ручного гранатомета у входа в АСК-3.

Факт: выстрела из ручного гранатомета у входа в АСК-3 не было! Были выстрелы из подствольных гранатометов по демонстрантам со стороны спецназовцев Лысюка [командира 6-го отряда спецназа «Витязь» внутренних войск МВД России]. <...>»

Не правда ли, убедительно?

Но ведь не один же «Иван Иванов» был третьего октября в Останкино!

Есть масса свидетелей.

Сам автор, правда, в тот первый момент находился в сотне метров, слева от входа, но смотрел в ту сторону и хорошо помнит две вспышки и два удара – сначала снаружи пламя выстрела, потом внутри здания – взрыв!

А перепутать выстрел из РПГ с чем-либо ещё, уверяю вас, весьма сложно. А мои товарищи из сандружины были рядом со входом и видели, как гранатомёт готовили к выстрелу, помнят и сам взрыв. Но чего стоят воспоминания?

Да, в толпе было немало фото– и тележурналистов. Они тоже фиксировали: сначала – непрофессиональное обращение с оружием и норовившую выпасть гранату, потом – вставшего наизготовку гранатомётчика. Но взрыв был неожиданным, объективы были устремлены в глубь здания или на Макашова, и что делал человек с гранатомётом в тот самый момент, на большинстве фотоснимков и видеозаписей зафиксировано не было.

Тем более, что во многих деталях «Иван Иванов» вполне точен. Был тот никем не услышанный в шуме толпы первый выстрел снайпера, был раненый в ногу, которого вынесли сандружинники.

Так что остаётся делать?

Остаётся расследование.

*****

Есть, например, следствие, проведённое прокуратурой, – материалы закрытого в сентябре 1995 года уголовного дела № 18/123669-93. Закрытого во всех смыслах – прекращённого, сданного в архив и недоступного.

Впрочем, эти материалы отчасти доступны уже семь лет – после того, как Леонид Прошкин – бывший следователь, работавший в бригаде по тому делу, опубликовал в газете «Совершенно секретно» (№9 за 1998 год) статью «Штурм, которого не было».

По его словам, *«на первом этапе следствия, еще до амнистии»*, Прошкин *«возглавлял группу, которая осматривала здание мэрии, – это заняло дней десять, и параллельно вел дела Макашова и его окружения. Потом до амнистии так и вел Макашова, его окружение и группу «Север» (при Макашове было 20 вооруженных человек,* «Газета», 2 октября 2003 г.).

Вот как представило «первый выстрел» в Останкино следствие:

«*<...> Не дождавшись «прямого эфира», Макашов в ультимативном тоне потребовал от охраны сдать оружие и открыть двери. ... Макашов заявил, что через три минуты начнет штурм.*

Привезенный гранатомет и одну гранату к нему взял один из подчиненных Макашова. Будучи сугубо гражданским человеком, он не смог привести гранатомет в положение, пригодное для стрельбы, или хотя бы зарядить гранату.

Видя гранатомет и манипуляции с ним, бойцы «Витязя», охранявшие здание, поднялись из вестибюля на первый этаж и укрылись за бетонным парапетом. Обстановку доло-

Фото: Д. Борко

Фото: Г. Баксичев

На штурм телецентра.

жили командиру части и получили команду в случае штурма оказать сопротивление. <...>

Работник милиции из Санкт-Петербурга, входивший в подразделение «альтернативного МВД» (из числа «штурмовавших»), демонстративно произвел манипуляции с гранатометом, свидетельствующие, что он может выстрелить.

В это время выстрелом из здания был ранен в ногу один из членов охраны Макашова. Добровольцы-медики на месте оказали раненому помощь, на носилках понесли к автотранспорту, чтобы доставить в больницу.

Тут же у пролома на месте дверей в АСК-3 раздался мощный взрыв (по словам многих очевидцев – два одновременных взрыва). Осколками были ранены стоящие рядом люди. Одновременно среди бойцов «Витязя» на первом этаже произошел взрыв неустановленного взрывного устройства, во время которого погиб рядовой Ситников Н.Ю. Этот взрыв был принят за разрыв гранаты, выстреленной из гранатомета со стороны нападавших. Однако следствием с достоверностью установлено, что выстрел во внутрь здания через главный вход тандемной гранатой кумулятивного действия ПГ-7 ВР из гранатомета, имевшегося у нападавших, не производился.

<...> Благодаря средствам массовой информации уже утром 4 октября до сведения общественности была доведена и всеми воспринята как истина версия, что первый выстрел в Останкине был сделан сторонниками Верховного Совета из гранатомета РПГ-7 В-1 тандемной гранатой кумулятивного действия ПГ-7 ВР и именно от этого выстрела в результате осколочного ранения погиб рядовой Ситников. Утверждению в общем мнении этой версии способствовало заключение экспертизы, проведенной в Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны РФ. В нем говорилось, что все телесные повреждения у Ситникова могли быть причинены одним выстрелом из оружия большой мощности, не исключено, что из гранатомета.

<...> эксперт не объяснил, почему в качестве оружия назвал гранатомет. <...> он не назвал, даже предположительно, системы гранатомета и использованной гранаты, которых имеется множество, разных по мощности и назначению. <...> Эксперт был допрошен и пояснил, что из средств массовой информации знал о гибели Ситникова от выстрела из гранатомета со стороны нападавших. По объективной картине ранений и, в частности, по диаметру раневого канала он определил боеприпас, который мог быть гранатой от подствольного гранатомета. Гранатомет РПГ-7 он даже не имел в виду.

Вместе с тем у сторонников Верховного Совета, находившихся в тот момент в Останкино, не было ни одного «подствольника».

<...> была назначена повторная комиссионная комплексная медико-криминалистическая экспертиза, к проведению которой наряду с судебно-медицинскими экспертами привлечены специалисты взрывотехники, баллисты, разработчики и пользователи гранатометов и средств индивидуальной защиты – бронежилетов.

Эксперты ознакомились с материалами уголовного дела, с видео- и фотоматериалами, побывали на месте происшествия. Тщательному исследованию были подвергнуты одежда погибшего и его бронежилет, собранный по частям из различных музеев. На полигоне внутренних войск был произведен следственный эксперимент с отстрелом из гранатомета РПГ-7 В-1 гранаты ПГ-7 ВР с имитацией условий места происшествия.

Результаты следственного эксперимента показали, что тандемная граната кумулятивного действия ПГ-7 ВР обладает огромной проникающей (прожигающей) мощностью и при «работе» внутри здания должна была оставить серьезные повреждения, каких в АСК-3 не было. Это же подтвердил ведущий специ-

Фото: Д. Борко

Фото: Д. Борко

На штурм Останкино.

алист по гранатометам Главного ракетно-артиллерийского управления Генштаба Вооруженных Сил РФ, который после изучения материалов дела, просмотра большого количества видео- и фотоматериалов, осмотра места происшествия категорически заявил, что граната ПГ-7 ВР в помещении, где погиб Ситников, не срабатывала.

Повторная экспертиза опровергла выводы первичной. В заключении указано, что Ситников в момент гибели находился в положении лежа за бетонным парапетом. <...> прямое попадание в него при выстреле со стороны нападавших исключалось. Телесные повреждения, полученные им, являются следствием разрыва в непосредственной близости от него неустановленного устройства (взрывной травмой). Эксперты категорически отвергли возможность ранения Ситникова выстрелом из гранатомета РПГ-7 либо из подствольного гранатомета. Они доказали, что на месте его гибели взрыва боевой части гранаты ПГ-7 ВР не было.

С учетом результатов экспертизы и иных доказательств, собранных по делу, мы сделали вывод, что <...> Ситников погиб не от выстрела из гранатомета со стороны стоявших перед входом в АСК-3 сторонников Верховного Совета, <...> а в результате взрыва какого-то устройства, находившегося внутри здания, то есть У ОБОРОНЯВШИХСЯ. Таким образом, была опровергнута версия руководителей «обороны» телецентра, что открытие огня на поражение явилось ответной мерой на выстрел из гранатомета и убийство военнослужащего внутренних войск. <...>».

Последовал ураганный огонь из здания по стоявшей перед входом толпе.

Статья прокурора казалась настолько убедительной, что с его подачи версия пошла гулять не только в патриотической, но и в «демократической» печати (например, «Общая газета» № 39 1998 г.).

Далее Прошкин излагает показания свидетелей. Так, свидетель А., фотокорреспондент, *«<...> рассказал, что с 17 часов 3 октября находился в Останкино, фотографируя происходящие события. Примерно в 19 часов 30 минут вооруженные люди генерала Макашова оттесняли от центрального входа журналистов и гражданских лиц. Вскоре у входа раздался взрыв, после которого из здания начался шквальный огонь по находившимся рядом людям. Огонь велся на поражение. Он и иностранный фотокорреспондент Пол Отто укрылись от пуль за бетонными клумбами. <...> Стрельба по ним трассирующими пулями продолжалась длительное время. А. видел, как американец Дункан вытащил из-под обстрела трех раненых. Эти моменты им были сфотографированы. Пол Отто и подползший Дункан неоднократно обращались к стрелявшим по ним военнослужащим «Витязя», кричали,*

Фото: Д. Борко

Дмитрий Борко: «Этот гранатометчик долго прилаживался у двери телецентра, собираясь выстрелить».

что они иностранные журналисты, просили не стрелять и дать возможность уйти из зоны обстрела. В ответ на обращение неслась нецензурная брань и усиливалась стрельба в их сторону. Во время таких «переговоров» кто-то из «Витязя» разрешил им уйти. А. перевел слова военнослужащего Полу Отто, который поднялся из-за клумбы и сразу же был ранен в живот выстрелом из здания АСК-3. Бойцы «Витязя» не давали возможности подползти к Полу Отто для оказания помощи, стреляя в каждого, кто пытался приблизиться к раненому. Дункан, находясь поблизости, словами подбадривал Пола Отто и разговаривал с ним, чтоб раненый не терял сознание. Так продолжалось длительное время, пока одной из автоматных очередей Дункан не был ранен. Он затих и больше не подавал голоса. А. видел, как несколько граждан вынесли из-под огня Пола Отто, который сообщил, что там же остался раненый Дункан. Один из этих людей трижды обращался к военнослужащим «Витязя», находившимся в АСК-3 и обстреливавшим данный район, уговаривая пропустить его и дать возможность вынести раненого иностранца. В ответ из здания раздавалась нецензурная брань. Тогда этот мужчина, махнув рукой, поднялся и направился к лежащему Дункану, но не дошел до него, так как был ранен в спину автоматной очередью из здания АСК-3. Упавшего за ноги вытащили из зоны обстрела и унесли. Момент его ранения в спину и выноса из-под огня А. сфотографировал, сделав два снимка. Следствием установлено, что убит был Михайлов Ю.Е. <...>

Потерпевший Пол Отто на допросе рассказал, что 3 октября снимал события у центрального входа АСК-3. Находился с правой стороны грузовика, разбившего стекла входа в здание. Примерно в 19 часов 30 минут с левой стороны грузовика раздался сильный взрыв. Через несколько секунд началась шквальная автоматная стрельба. Он сразу же упал и спрятался за цветочную клумбу. <...> Шквальная стрельба продолжалась минут десять. Наступило некоторое затишье, потом стрельба возобновилась. Пролежал за клумбой он около часа. Видел поблизости какого-то человека, открыто ходившего от раненого к раненому и вытащившего на себе трех-четырех пострадавших в безопасное место. Он подумал, что это какой-то сумасшедший – вытаскивает раненых под пулями и не боится. Этот человек открыто подошел к нему, спросил, куда он ранен. Он ответил, что не ранен. Они познакомились. Он с удивлением узнал, что это тоже американец, Дункан Терри Майкл. В то время стрельба усилилась, и Дункан также лег за цветочную клумбу. Минут десять они переговаривались, но его ранили в живот, о чем он сообщил Дункану, который пообещал вынести его, когда утихнет стрельба, в безопасное место. Чтобы он не потерял сознание, Дункан разговаривал с ним или называл цифры, а он продолжал счет. Примерно через 10 минут стрельба усилилась. Попали в голову Дункана, и он замолк. Самого Пола Отто через некоторое время вынесли какие-то люди и увезли в больницу. <...>».

Остаётся подтвердить правоту следователя в этом эпизоде. Автор хорошо запомнил Отто Пола, поскольку помогал его вытаскивать и перевязывать, а потом сопровождал в Склифоссовского. Это был последний раненый, которому мой коллега – врач Александр Соколов – смог тогда помочь. Вернувшись из больницы в Останкино, мы обнаружили, что подойти к телецентру невозможно: разъезжавшие по окрестным улицам БТРы охотились за людьми. У Отто Пола было пробито правое лёгкое, он потерял много крови, но вёл себя очень правильно: по дороге в «Склиф» всё повторял окружающим свои личные данные – в тогдашней неразберихе вполне можно было «пропасть без вести». Потом пришлось выбросить куртку – невозможно было отстирать пропитавшиеся его кровью рукава...

Фото: Д. Борко

У телецентра появляются настоящие боевики.

Фото: Д. Борко

На захваченных грузовиках штурмуют телецентр.

В следующий раз автор увидел Отто Пола осенью 1998 года на съёмках телепередачи «Так это было», посвящённой событиям 3 октября.

<...> *Олег Шкловский* [ведущий телепередачи]*:* *Я хочу, чтобы вы послушали человека, для которого все происшедшее стало кошмаром вдвойне. Он – американец, волею судьбы оказавшийся в самом эпицентре событий.*

Пол Отто, журналист: *Я лежал вот здесь, рядом с грузовиком. Смотрю, люди с автоматами. Ну, думаю, крутые кадры получатся. Стрельба шла из здания. И каждый раз, когда они били через окна, на меня дождем сыпались осколки стекол. На моих глазах несколько человек, лежащих рядом, были смертельно ранены и в течение получаса скончались. Потом очередь дошла и до меня. Одна из пуль зацепила голову, а вторая пробила правое легкое. Я потерял сознание.*

Шкловский: *Алексей, вы помните этого человека?*

Алексей Бойцов, фотокорреспондент АПН: *Да, мы лежали с ним вместе на асфальте перед этим зданием.*

Шкловский: *И все-таки, что там было?*

Бойцов: *Расстрел. Пытались подъехать машины «скорой помощи», но их просто отстреливали. Потом «водовозка» попыталась прорваться, забрать раненых. Но на нее обрушился такой шквальный огонь со второго этажа, что мы больше испугались рикошета от этой машины, чем прямой стрельбы. Какое-то время они просто никого не подпускали к нашей правой стороне, чтобы вынести людей. <...>.*

У большинства собравшихся в зале, как и у большинства россиян, сохранивших интерес к событиям десятилетней давности, не было сомнений в том, кто произвёл первый взрыв, после которого начался расстрел толпы:

<...> Лариса Ягудкова (из зала): *<...> Наемный провокатор из Санкт-Петербурга по фамилии, кажется, Смирнов. Он получил задание выстрелить из гранатомета, но в этот момент ему отказало умение. Выстрела не получилось. Болванка упала и никакого вреда никому не причинила. После этого спецназовцы сами внутри взорвали свето-шумовую гранату. Это и стало сигналом к стрельбе.*

<...> Олег Шкловский: *Значит, так называемый первый выстрел из гранатомета приписан некоему жителю Санкт-Петербурга Михаилу Смирнову. Мы приглашали его сюда, но он отказался. Правда, у нас есть запись телефонного разговора с ним. Давайте послушаем.*

Запись разговора. *Вопрос:* *Вас беспокоит телекомпания «ВИД». Прямой вопрос: вы стреляли из гранатомета?* ***Смирнов:*** *Первый выстрел был за ними. Все остальное есть в материалах дела.* ***ВИД:*** *Но дело-то закрыто.* ***Смирнов:*** *Тем не менее там все есть.* ***ВИД:*** *Но первый выстрел из гранатомета совершили не вы?* ***Смирнов:*** *Вообще первый выстрел был за ними.* ***ВИД:*** *А из чего он был сделан?* ***Смирнов:*** *Залпом огонь по людям. А потом началось.* **Конец записи.**

Шкловский: *Есть ли фотография первого выстрела?*

Бойцов: *Да. Я его снял и принес с собой. Перед этим кто-то выстрелил и ранил одного из приехавших с Макашовым человека, явно гражданского вида. Он явно не умел оружие держать в руках. И буквально через несколько секунд раздался взрыв. Я держал камеру наизготовку и, наверное, сработал рефлекс фотографа – тут же нажал на кнопку. Вот, виден сам взрыв и летящие на улицу осколки.*

Шкловский: *Давайте посмотрим.* [Оператор показывает фотографию крупным планом].

Бойцов: *Смотрите, в момент взрыва ЗДЕСЬ нет никого, несмотря на то, что у входа была вся толпа. А человек (справа замер мужчина в военном камуфляже), стоящий возле столба, к взрыву готов, потому что он скрывается за ним. Тут, по правилам ведения боя, и начался шквальный огонь. <...>.*

То есть, зрение и слух не обманывали ни меня, ни моих коллег. Был, был выстрел из гранатомёта!

Стало быть, прокуратура ошибается? Наверное, ей не хватило доказательной базы – свидетельских показаний и вещдоков? Но почему же прокуратура не допросила Бойцова, не затребовала его фотоснимки?

В том-то и дело, что его показания имеются в деле. И фотографии он передавал. «Фотокорреспондент А.» в статье Прошкина – это и есть Алексей Бойцов (до первой буквы его сократил автор, для драматического эффекта, а в тексте указаны фамилия и имя).

То есть прокуратура располагала всеми необходимыми материалами для того, чтобы выяснить, кто же стрелял. Как говорил в ходе той же передачи бывший Генеральный прокурор России Алексей Казанник: *«<...> У нас было доказано полностью (и видеосъемкой, и другими материалами), что первый выстрел из гранатомета произвел некий Штукатуров – один из боевиков, который был очень близок к генералу Макашову* [начальник его охраны]. *Потом произвел еще два выстрела, в результате которых погиб первый военнослужащий внутренних войск. И Штукатуров понес бы у нас ответственность, хотя это дело суда. Но мы бы предъявили ему обвинение не только*

за участие в массовых беспорядках, но и за убийство. <...>».

Однако в феврале 1994 года Госдума проголосовала за амнистию по делу о событиях 3-4 октября, а вскоре подал в отставку Казанник.

Что было дальше?

А дальше, по словам Прошкина, который *«фактически возглавил группу следователей (формально ею руководил Михаил Катышев, но у него были и другие дела)»*, они *«подчищали дело и готовили постановление о его прекращении»*.

Вот и «подчистили»...

Но как назвать такую «подчистку», при которой из уголовного дела исчезли показания свидетеля, видевшего выстрел из гранатомёта, и сделанные им фотографии? Скажите – если это не фальсификация, то что?

В результате версия обвинения превратилась в «версию защиты». Я не знаю, почему не отвечал на вопросы Михаил Смирнов. Я не знаю, каковы были мотивы Леонида Прошкина. Может быть, они – следователи и подследственные – прониклись взаимной симпатией. Возможно, это была, напротив, антипатия и не между людьми, но между ведомствами – прокуратурой и внутренними войсками. А может быть, следователь уже тогда готовился к новой профессии – десять лет спустя он уже работал адвокатом. Но это, во-первых, отдельная тема, а во-вторых, и не столь важно для ответа на наш главный вопрос.

Мы можем констатировать: из гранатомёта всё-таки стреляли.

Заодно замечу, что гранатомёт отнюдь не был «подброшен». Ещё днём третьего октября, во время повального драпа милиции и внутренних войск, автор, сопровождая врача, зашел в штаб МВД в гостинице «Мир», чтобы пополнить запасы перевязочных материалов. Мы тогда даже опередили штурмующих. Выходя, мы заметили, что власть переменилась – милиции уже нет, а двое ребят с гранатомётом с интересом изучают тандемный боеприпас к нему.

Но если стреляли из такого серьёзного оружия, то почему в здании телецентра не было следов? Дело даже не в том, что вестибюль АСК-3 быстро «зачистили». Вестибюль этот, обеспечивавший пропуск в здание персонала и посетителей, содержал тамбуры, «аквариумы» из стекла и металла, бордюры, парапеты, балкон и прочие излишества.

Штурмующие разбили грузовиком только наружные стёкла, а глубже в помещении было достаточно препятствий, при соприкосновении с которыми граната могла сработать. Образовавшаяся кумулятивная струя оставила бы характерные повреждения на стене, будь она расположена вплотную, но до стены оставался десяток метров.

Никто ведь и не утверждал, что боец Ситников был убит прямым попаданием гранаты: она взорвалась НАД НИМ. Осколок вошёл ему в голову сзади, под «полусферу», на стыке с бронежилетом. Защитное снаряжение прикрыло тело и голову Ситникова от других осколков, но взрыв был близкий, имело место также поражение ударной волной.

И ведь Прошкин подробно пишет, как выкручивали руки эксперту. Тот-де в гранатомётах не разбирается и определил, что «*по диаметру раневого канала*» это мог быть «подствольник». Далее повторная экспертиза заключает, что Ситников лежал за парапетом и «*прямое попадание в него при выстреле со стороны нападавших исключалось*», а кроме того, при прямом попадании гранаты из РПГ-7 с «*огромной проникающей (прожигающей) мощностью*» повреждения тела были бы куда серьёзнее.

Характер повреждений, приведших к гибели Ситникова, был известен практически сразу: не прямое попадание, а поражение осколками и взрывная травма. Следствие просто подменило вопрос к экспертам и добилось требуемого: «нет».

Согласитесь, приём этот куда более изящный, чем изъятие свидетельских показаний и вещественных доказательств. Результат, впрочем, был один: материалы такого «расследова-

Лимонов с соратниками у телецентра.

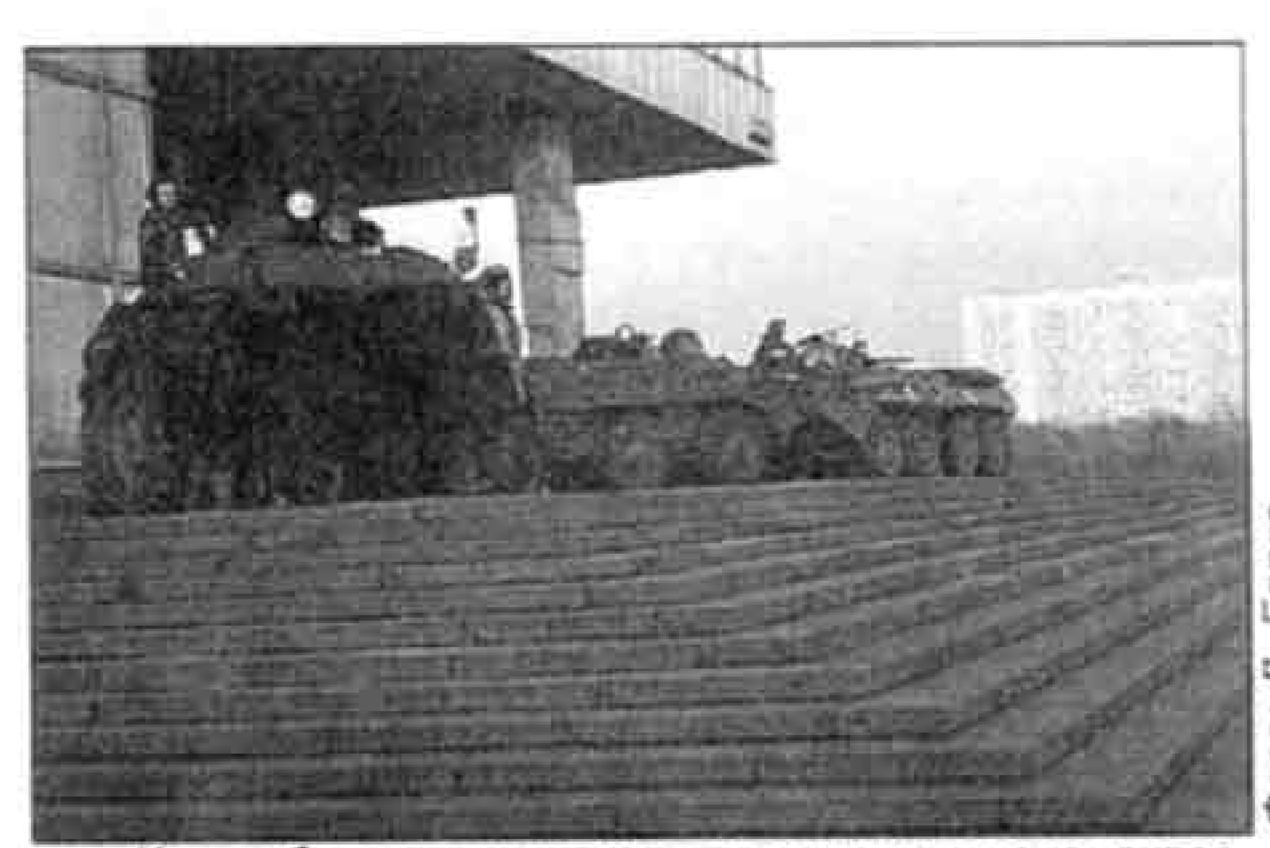

Фото: Д. Борко

К утру бронетехника заняла позиции у телецентра.

ния» подкрепили «оппозиционную» версию о «заговоре». Тут они смыкались – реальный Леонид Прошкин и аватара «Иван Иванов».

*****

Впрочем, оба они были абсолютно правдивы в другом: выстрел из гранатомёта отнюдь не был «первым». За несколько минут до этого был ранен Николай Крестинкин.

Стреляли спецназовцы. То ли, по большинству свидетельств, из АСК-2 – и это похоже на правду: выстрела никто не слышал, да и «выцеливать» его было проще с верхних этажей дальнего угла противостоящего здания. Впрочем, утверждают и противоположное: стреляли из АСК-3.

Другое дело, что за этим первым выстрелом не последовала немедленная эскалация. Толпа этого просто не заметила. И спецназовцы не присоединились к этому снайперу.

Это только в книжках в ярких обложках да в сериалах «стреляют» все повешенные на стены ружья и все цепочки причинно-следственных связей тянутся из прошлого в будущее. Многие причины так и остаются без последствий, ружья – не стреляют, и даже попавшие в цель выстрелы остаются неуслышанными.

Выстрел из гранатомёта в здание АСК-3 не был первым, но именно он спровоцировал шквальный огонь по толпе.

Что вовсе не снимает ответственность с офицеров и генералов внутренних войск, с присутствовавшего в Останкино заместителя командующего внутренними войсками Павла Васильевича Голубца и командира 6-го отряда спецназа «Витязь» Сергея Ивановича Лысюка.

Имея абсолютное превосходство над пришедшими в Останкино повстанцами, среди которых было лишь десятка два вооружённых людей, они действовали, выражаясь языком права, несоразмерно и неизбирательно.

Итог, по официальным сведениям, – сорок шесть убитых и 124 раненых.

Но это – тема отдельного расследования.

Разумеется, не того, внутреннего, что было проведено Главкоматом внутренних войск – там всё было обосновано. И численность противостоявших спецназу боевиков, их вооружение, и так далее – всё оправдывало действия Голубца и Лысюка.

Эта, вторая версия боя в Останкино, лишь на первый взгляд диаметрально противоположна первой, в которой не было выстрела из гранатомёта, а зато была грандиозная провокация.

Прошло двенадцать лет.

Алексей Бойцов работает в журнале «GEO», главный редактор фотоагентства «Русский взгляд». Леонид Прошкин ушёл из прокуратуры в 1996-м, последнее расследовавшееся им дело – «дело Собчака». Работал адвокатом.

Капитан третьего ранга Евгений Штукатуров после первых автоматных очередей из телецентра увёл, кого смог, в сквер к телебашне, нашёл и Макашова, с ним и был на следующий день арестован в Белом Доме. Вплоть до амнистии 23 февраля находился в тюрьме. А десять лет спустя возглавлял в Москве Центр военно-патриотического воспитания молодежи при МВД России и дружествовал с некоторыми из офицеров спецназа, находившихся в Останкино «по другую сторону».

Это сближение странно лишь на первый взгляд. Ведь и Александр Невзоров, делая какой-то запредельно патриотический репортаж из Чечни в «первую войну», узнал охранявшего съёмочную группу спецназовца – тот арестовывал Александра Глебыча в октябре 1993-го.

Две крайности, схлестнувшиеся в российской «малой гражданской войне», за прошедшую дюжину лет поняли друг друга и не хотят разбираться в давней распре. Нехитрый итог – но, впрочем, вполне достаточный для того, чтобы оправдать копания в тех давних событиях.

Русский потаённый разговор

Включённый на запись диктофон стоит в одной из комнат здания МВД на Житной площади. В комнате сидят дежурные офицеры, переговариваются между собой. Включены несколько раций, слышен радиообмен сразу на нескольких частотах. Работают радиоприёмник и телевизор. Всё это порою сливается в сплошной неразборчивый шум, порою – разбивается на реплики и диалоги.

День – 3 октября 1993 года, время – после 19:30. Уже прозвучал первый выстрел в Останкино, там идёт бой. По радио и телевизору – тревожные новости, официальные заявления, обращения политиков. На чём, однако, они основаны? На других сообщениях тех же СМИ, на телефонных звонках с улицы Королёва, на реляциях «силовиков». А на чём основывались «силовики»?

Предложенный читателю фрагмент расшифровки аудиозаписи как раз содержит это знание, эти субъективные ощущения. Это:

– во-первых, переговоры между офицерами и генералами внутренних войск, командующими боем в Останкино;

– во-вторых, донесения сотрудников, очевидно, в штатском, находящихся там же, в Останкино, в некий центр;

– переговоры между офицерами, находящимися в помещении, их оценка событий, комментарии услышанного по рации или по телефону;

– их телефонные переговоры – как со звонящими в МВД политиками, так и с сослуживцами.

Итак, бой в Останкино начался совсем недавно...

Диалоги ниже даны курсивом, важные, по мнению публикатора, реплики – жирным курсивом, комментарии – в квадратных скобках, либо жирным шрифтом.

Рассыпанные и перемешанные реплики для удобства чтения собраны в диалоги.

*****

[Голос диктора]: *«...столице России. Тысячи людей, случайных прохожих, не понимающих, что происходит, подвергаются смертельной опасности. Правительство Российской Федерации вынуждено прибегнуть к силе для обуздания распоясавшихся политических авантюристов. Правительство отдало необходимые распоряжения для решения..., оно делает все для того, чтобы остановить зачинщиков беспорядков, руки которых на данный момент уже обагрены кровью мирных граждан... Это было обращение Правительства Российской Федерации к москвичам и гражданам России».*

[Голос диктора]: *«...Белого Дома выступили Руслан Хасбулатов и Александр Руцкой ...на вопрос, как будет осуществляться... Сегодня же Хасбулатов и Руцкой распространили «Воззвание к народу», подписанное ими же... ...к бдительности и стойкости. Следующее сообщение, как...».*

В Останкино стих первый шквал огня из телецентра, последовавший за выстрелом из гранатомёта. Спецназ внутренних войск требует подкреплений, боеприпасов и поддержки огнём: [командиры частей, находящихся в Останкино]

– ... одну атаку отразили ... своих раненых отсюда. Требуется поддержка. Боеприпасов у нас осталось мало. – «Утес» [Павел Голубец, заместитель командующего внутренними войсками РФ, находится в Останкино, руководит боем] – *...у нас к этому подъезду три бронетранспортера. Горит автомобиль – видишь? – ЗИЛ-131-й, вот к нему подай три бронетранспортера.* ***Учти, 86-й, справа за клумбой – справа за клумбой – пятеро вооруженных.*** – 86-й [подкрепление на БТРах] – *Вас понял, вас понял! У меня 10 коробочек* [бронетранспортёров], *прием.* – «Утес» – *Вот три посылай туда.* ***Но когда будешь посылать, проинструктируй: справа за клумбой – пятеро вооруженных, прием.***

А у офицеров в здании МВД – заботы другого порядка:

[в комнате] – *Пьют чай? – ...весь личный состав вызвали* [сюда, на Житную], *так что все сожрут. А? Чего? ...*

Сюда звонят как их сослуживцы, так и разного рода политики:

[в комнате, телефонный разговор] – *...А? Ну, плохи там дела. Штурмуют со стрельбой Останкино. Жертв до хрена, из гранатометов стреляют, бронетранспортеры – в общем, ужас. ... Да. ... Ну, черт его знает – непонятно.* ***Вроде, там один этаж взяли.*** *... А? ... Ну, стреляют напропалую, направо-налево.*

Так по ходу выясняется, что в штабе МВД, оказывается, не знают, что инсургентам не удалось проникнуть в аппаратно-студийные комплексы Останкино!

Из другой рации, настроенной на другую частоту – не на ту, где идёт руководство боем! – поступают донесения от сотрудников в штатском, находящихся на месте событий:

«Горняк» [офицер в штабе, принимает донесение] – *Слушаю вас.* – 117-й [сотрудник в штатском, находящийся в Останкино] – *...белое здание... пошли. На штурм. АСК* [аппаратно-студийный комплекс]*-1.* – «Горняк» – *АСК-1?.. Понял.*

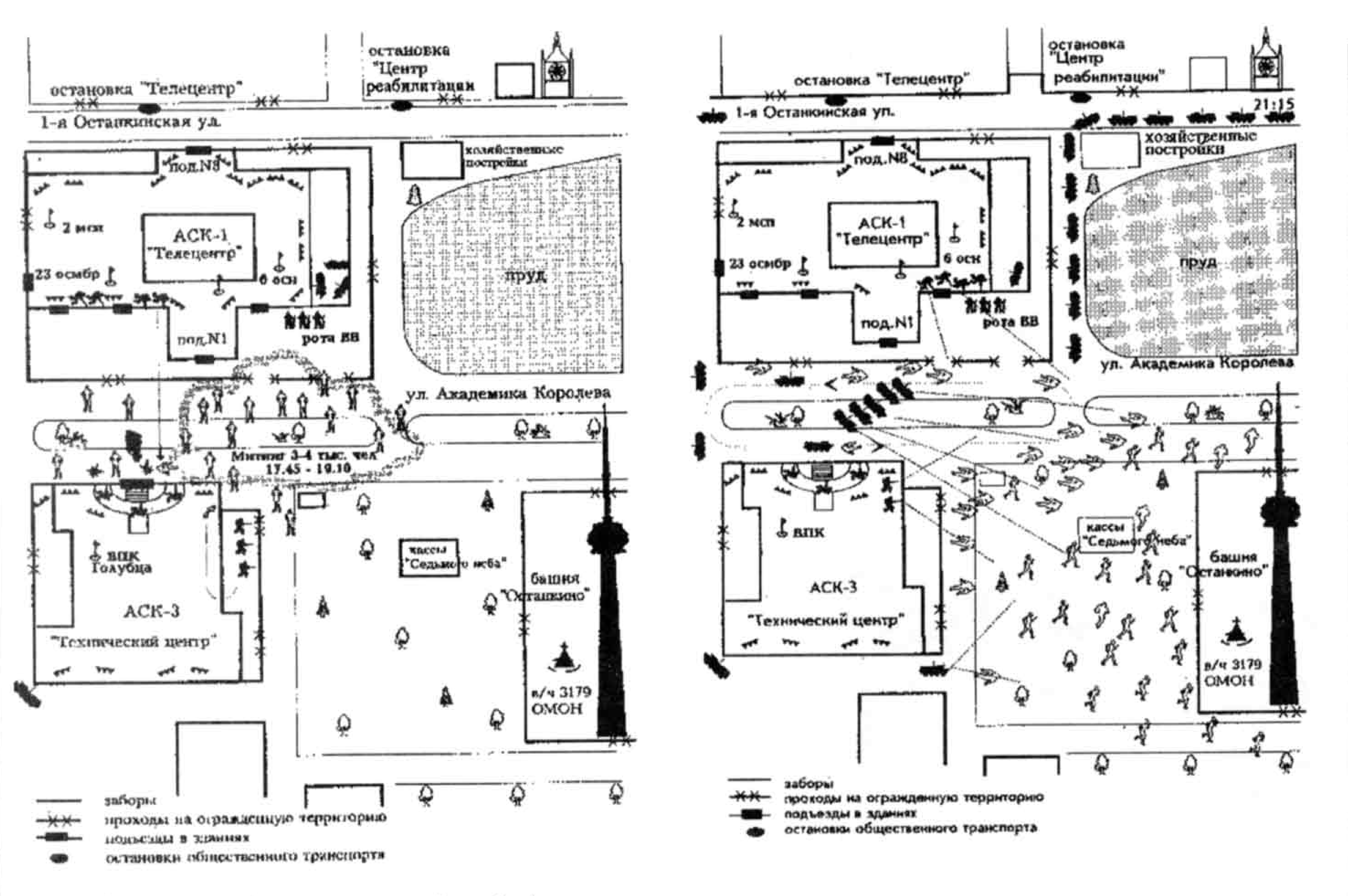
117-й – *БТРы ушли – собравшиеся начали опять группироваться. В кустах.*

«Браслет» [из Останкино] – *«Кольцо», «Кольцо», я «Браслет», ответь. ... Со стороны Шереметьевского дворца, со стороны Шереметьевского дворца – подтянулись мы – группа, группа пытается перелезть в сторону здания, в сторону здания. Обратите на них внимание. Поддержите сзади, кто понял.*

[Звук заставки «Вестей», голос диктора]: *«...Российской телерадиовещательной компании. В эти минуты вокруг Моссовета... ...около тысячи людей под трехцветными знаменами, по их словам, готовы стоять до конца. Вице-премьер московского правительства... ...просил ...остаться здесь хотя бы на час, пока производится передислокация воинских частей в Москве. ... о намерении Мэра Москвы Юрия Лужкова еще раз выступить с заявлением...*

...Как сообщил Интерфаксу лидер парламентской фракции «Смена» – «Новая политика» Андрей Головин, при штурме первых двух этажей здания телерадиокомпании «Останкино» сторонниками Белого Дома погибло восемь человек. По данным опять же корреспондента...

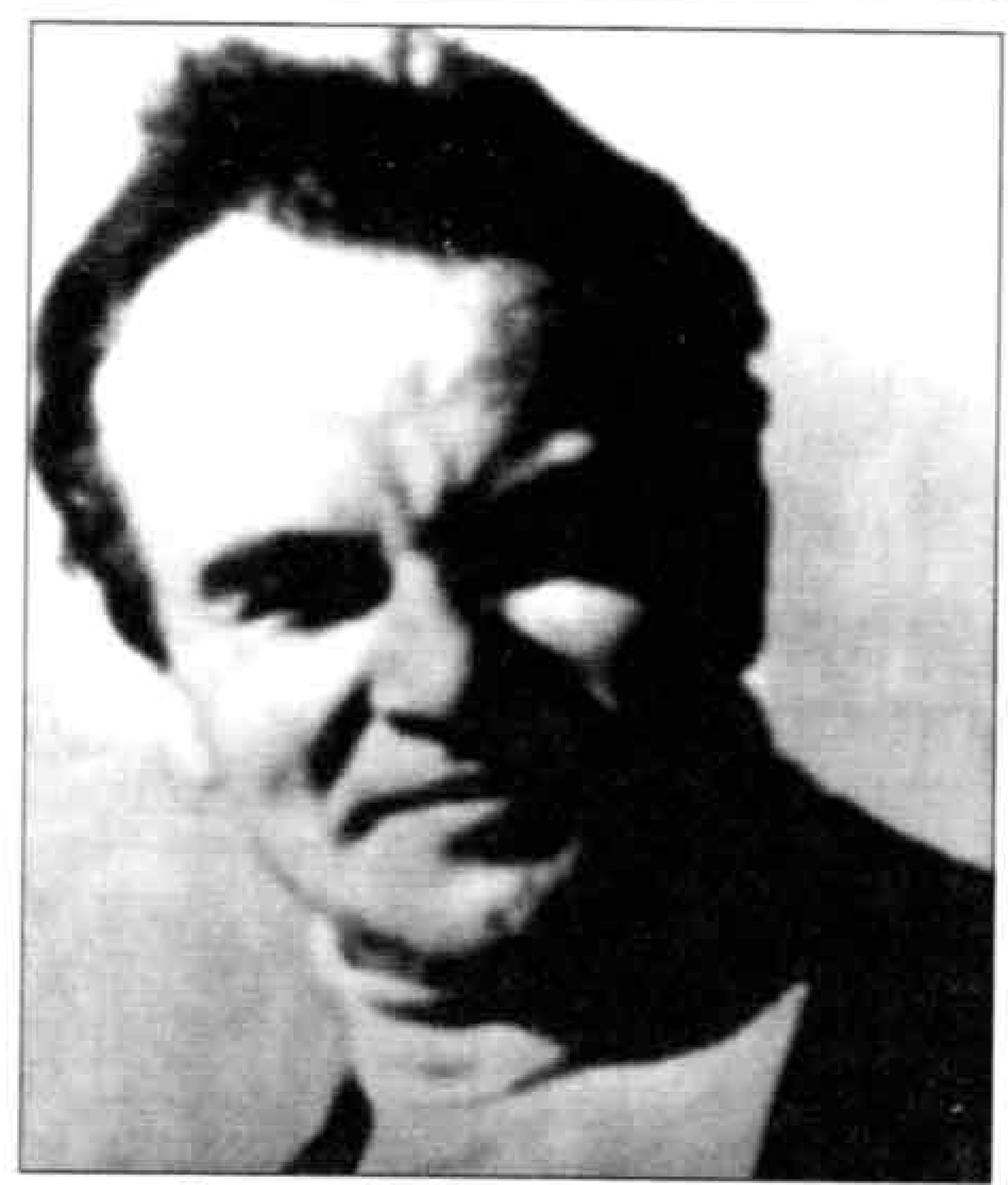
...Останкино направились еще семь автобусов с вооруженными людьми. ***В настоящее время сторонники парламента – это точная информация – заняли первый этаж телерадиокомпании «Останкино».*** *Кроме нашего канала все передачи... Кроме нашего и петербургского каналов передачи по первому*

Развитие событий у телецентра (по версии сторонников Белого Дома).

Игорь Белозеров, редактор 4-го телеканала. Убит у телецентра.

Владимир Дробышев, корреспондент журнала «Человек и природа». Умер от сердечного приступа во время боя в Останкино.

каналу телерадиокомпании «Останкино» прекращены. По сообщению наших корреспондентов, которые в данный момент находятся в здании телерадиокомпании «Останкино», там идет бой. Здание телерадиокомплекса АСК-3 сейчас в огне. Оно горит. Что происходит с людьми, которые находятся внутри здания телерадиокомплекса, мы пока не знаем. ... ...отказаться от силовых методов решения...

Диктор телевидения оказывается информирован так же «хорошо», как и господа офицеры: оказывается, в Останкино захвачен этаж!

Между тем, в Останкино наблюдаются странные передвижения бронетехники – подъехали, развернулись, отъехали...

117-й – *... находится возле пруда и медленно поворачивает. ... поворачивает. ...против АСК-1.* – «Горняк» – *Не понял, кто находится?* – 117-й – *...собравшиеся.*

«Утес» – *86-й, 86-й, я «Утес», прием. Куда ты пропал? Ну я тебя жду. Ты почему не подъезжаешь к этому подъезду?* – 86-й – *Идем, идем, вот. Идем!*

Но командование внутренних войск волновал другой вопрос, более насущный, но и более деликатный:

«Пион» [Анатолий Сергеевич Куликов, командующий внутренними войсками МВД РФ] – *«Утес», я «Пион».* ***У меня информация о том, что этот хлопец, с которым вы подъезжали*** [Владимир Александрович Васильев, командир 21-й Софринской бригады ВВ МВД РФ, с которым у Куликова и Голубца двумя часами ранее был разговор в месте сосредоточения сил МВД на Садовом кольце], ***якобы перешел*** [на сторону Белого Дома]. – «Утес» – *Я попробую разобраться.*

У Куликова и Голубца был разговор с Васильевым в месте сосредоточения сил МВД на Садовом кольце, после чего Голубец с Васильевым выдвинулись в Останкино. Ранее, около 16:00, Васильев объявил в милицейском эфире о переходе на сторону Верховного Совета, чтобы спасти своих невооружённых солдат – как от «дружественного огня» милиции, так и от формирований, пошедших на штурм мэрии и гостиницы «Мир». Голубец, не разобравшись, принял это всерьёз, чем спровоцировал общее паническое бегство сил МВД от Белого Дома. Тот их разговор должен был, по идее, рассеять все сомнения – но, как видим, доверия между старшими офицерами внутренних войск МВД в те вечерние часы не было.

[Голос диктора]: *«... Представитель МИД Великобритании заявил, что Великобритания... ...Генеральный секретарь НАТО выразил обеспокоенность ситуацией, сложившейся в России... ...если сейчас не предпринять решительных действий, ситуация может накалиться до предела, предупредил Манфред Вернер. ... Спланированная провокация для того, чтобы вынудить применить силу и вывести ситуацию из-под контроля. С каждым часом положение становится...».*

То, как бронетранспортёры подъезжали к месту боя между корпусами Останкино, разво-

рачивались и уезжали, удивило и заставило задуматься тех, кто находился в окрестностях телецентра, – и гражданских, и тех, кто был «в штатском» «по долгу службы». Озаботился этим даже однофамилец «Пиона»:

«Иртыш» [Александр Николаевич Куликов, генерал-лейтенант, заместитель министра внутренних дел РФ, комендант зоны чрезвычайного положения] – *Вот передавалась информация – БТРы куда отошли?* – «Горняк» – *Ему не видно, в какую сторону. Он говорит о том, что, видимо, перегруппировались.* – 117-й – *БТРы пошли в сторону* ... [нрзб]. *...собравшиеся у АСК-3 ... и ... АСК-1.*

[Голос диктора] – *«... выступил вице-премьер Правительства России Егор Гайдар. В этом выступлении говорится: ... ...Егор Гайдар добавил, что очень многое зависит сейчас от поддержки общества и граждан... ...мы работаем и продолжаем информировать вас о всех происходящих событиях в Москве».*

Выступление Егора Гайдара ещё не транслируется по телевидению в записи – пока даётся только изложение.

Между тем, по телефону становится известно, что в здание ИТАР-ТАСС проникли инсургенты:

[в комнате, телефонный разговор] – *Где – ТАСС? ... Там что – заблокированы входы? ... На этажах?! ... А во что одеты? ...* [нрзб]*? ... Бронежилеты? ... Нет, ну на голове у них чего? ... Так это, может быть, наши? ... А форма у них какая, какой камуфляж? ... Нет, ну наш – ВВшный? ... Или, это самое, новая форма, новая. ... Хэ. Это Софрино, Софрино* [21-я оброн]*... Да, на* [сторону] *Верховного Совета Софрино перешла. Понял. А, не в красных шапочках. ... А? Где – ...здания? ...Я приду. А ты знаешь: я приду – так ***дец им всем. ... Ага. Давай.*

Выясняется, что в МВД верят – или просто повторяют вслед за начальством, – что софринцы перешли-таки на сторону Белого Дома, и именно их сразу заподозрили в овладении информагентством:

[в комнате] – *...здание ТАССа: окружили, на этажах уже от Верховного Совета представители... ...* – *А там* [в Останкино] *всё **утся...*

Правда, второй звонок показал, что всё не так плохо:

[в комнате, телефонный разговор] – *...там у вас как – на вас никто не налетал? ... На вас никто не налетал? ... Пока нормально, да? ... И слава Богу. ... Ну ладно, спасибо. Пока.*
[в комнату] – *... Мне тоже сказали – сейчас ТАССовцы звонили. Ну, я звоню главному выпускающему... ...вообще сказали, что там на этажах стоят вооруженные люди...*

Действительно, в здание ТАСС тогда явилась группа вооружённых сторонников парламента, но замечательно: в МВД узнают об этом, а затем и уточняют информацию с помощью телефонных звонков. Вряд ли можно назвать этот способ нормальным.

В Останкино движется подкрепление:

86-й – *«Утес», я 86-й. Подходим. Заблокированы немножко. Прием.* – «Утес» – *Давай* [нрзб] ... *Я жду вас здесь.*

А вот другой звонок – очевидно, политик, причём демократ, чего-то требует:

[в комнате, телефонный разговор] – *Да... Да... Да... ... Вы позвоните в Министерство обороны – узнаете. ...поддерживать – я не понял. ... Чего несколько – один. ... Не знаю. Это – к Президенту вопрос. ... Угу. До свиданья.*

Вряд ли этот разговор добавил звонившему уверенности в завтрашнем дне.

Между тем в переговорах командующего внутренними войсками со своим заместителем проскальзывает нечто существенное и в какой-то степени неожиданное:

«Пион» – *«Утес», я «Пион». Там подошла от Министерства обороны оперативная группа, сейчас основной состав подойдет за помощью. Надо с ними войти в контакт, с оперативной группой.* – «Утес» – ***А Министерство обороны за кого?*** – «Пион» – ***За нас, за нас. ... За нас. ... Как понял?*** – [в комнате] – ***А Министерство обороны, говорит, за кого? – Да за нас!*** – *Это кто с кем говорит?*

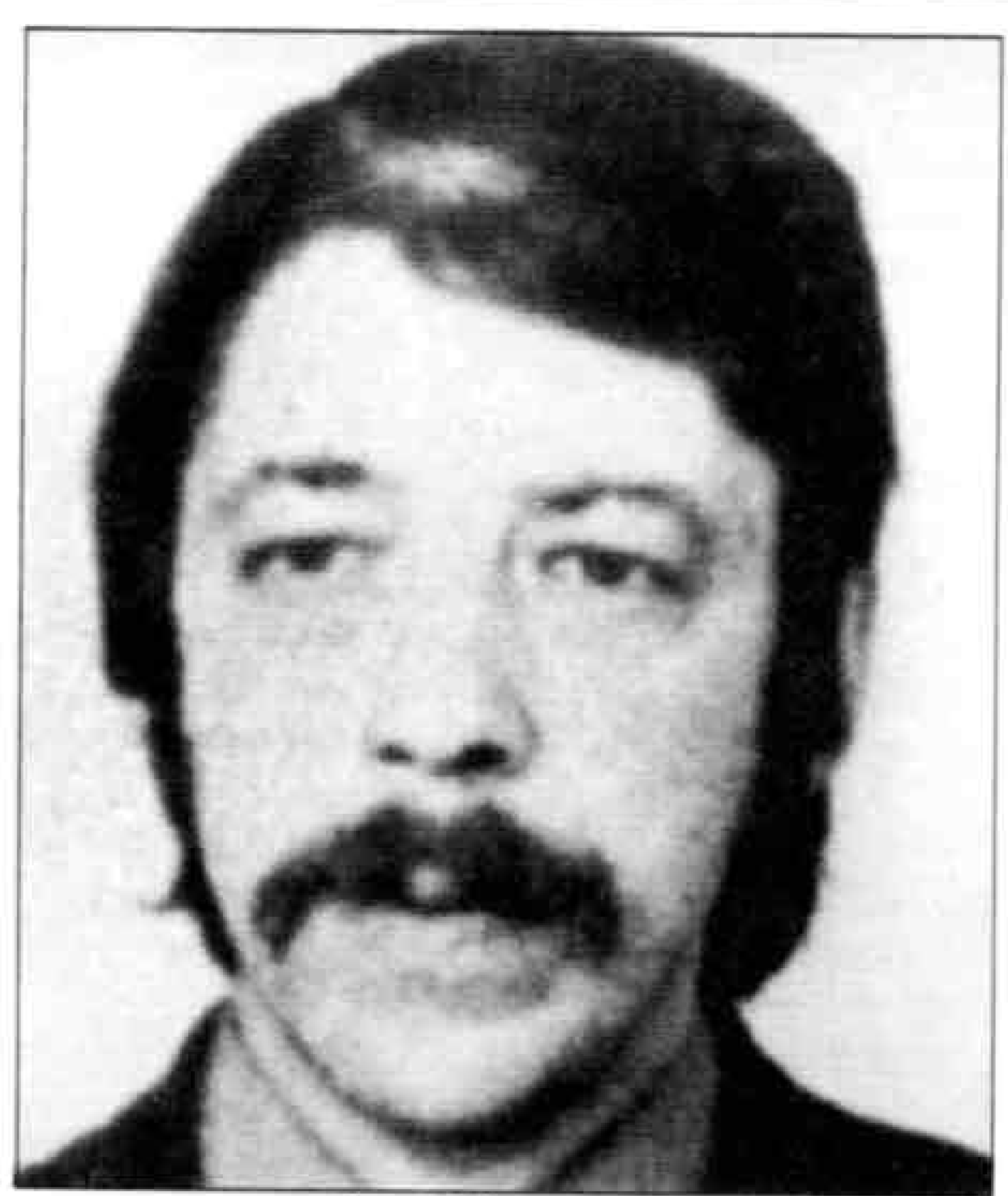
Неожиданно отнюдь не сказанное «Пионом», а реакция на эти слова «Утёса» и всех прочих. Выходит, до этого руководивший боем в Останкино Павел Голубец не был уверен, на чьей стороне находится армия! Как, впрочем, и другие офицеры МВД...

В Останкино появляются всё новые силы внутренних войск:

85-й 1-й – *85-й, 85-му 1-му, прием. ...* – 85-й 2-й – *...я 85-й 2-й, прием! ... 85-му помощь нужна?* – «Утес» – [...85-й] *2-й, семечками* [патронами], *семечками, и пополнение Сергею* [Ивановичу Лысюку, командиру «Витязя»]. – *Да, попробую его, может быть, на второе здание* [АСК-3] *использовать через подземку* [тоннель, соединяющий оба здания]. *«Утес» – 85-му. ... 86-й, ... где ты едешь, прием.* 86-й – ... *Основной проезд перекрыт, пошли в обход...* – «Утес» – *Я жду вас...*

Их замечают наблюдатели в штатском:

117-й – *Наши стоят у дубовой рощи. Отсюда слышны выстрелы. ...ехали БТРы. ...у АСК-3 идет бой. ... Подошли 5 БТРов. ... ...БТРов, но я не знаю, чьи они...* 117-й – *Короче, все идут в сторону АСК-3. ...БТР заворачивает с ним навстречу.* – «Горняк» – *Чьи – опреде-*

Сергей Красильников, видеоинженер. Убит на рабочем месте в телецентре.

Журналист ARD (Германия) Рори Пэк. Убит у телецентра.

лить нельзя, да? – 117-й – *... я посмотрю.* – «Горняк» – *Постарайся. ...*
127-й – *Подошли еще пять БТРов, через эту самую... тут небольшая баррикадка была* [на улице Королёва, ближе к Аргуновской улице], *народ разбежался маленько.* – «Горняк» – *Но это наши, да?*

Отметим, разные абоненты – и руководящие боем офицеры, и наблюдающая «наружка» – говорят об одном и том же. Но «наружка» тоже, очевидно, верит во враждебные, перешедшие на сторону врага, силы.

Между тем Анатолий Куликов, убеждённый, что повстанцы проникли в АСК-3, приказывает БТРам вести огонь по зданию:

«Пион» – *...**этаже идет бой. Надо поддержать огнем брони... ... Надо поддержать. И попробуй сейчас от прибывших*** [ОМОН]***овцев подбросить туда, на второе*** [АСК-3 – Куликов ориентируется на сообщения СМИ, говорящих о захвате комплекса]. ***Там, по-видимому, сейчас захватили уже.***

В какой-то момент подходивший по улице Королёва БТР дал очередь по зданию АСК-3, что с воодушевлением восприняли повстанцы. Позднее это приводилось как доказательство: «действительно, кто-то перешёл на нашу сторону!» или же: «провокация, они делали вид, что перешли!»

Но, как видим, это был всего лишь «дружественный огонь» по приказу самого Анатолий Куликова – приказу, вызванному непониманием обстановки.

Хотя были же в переговорах его подчинённых поводы задуматься:

85-й2-й – *85-й 1-й (?), где находитесь,* [нрзб], *где заблокировано все. – ... **В самом здании, на втором этаже.** – ... 85-й, я стою напротив главного, как...*

Тем временем в министерство – ещё один звонок политика, обеспокоенного судьбою Отечества: [в комнате, телефонный разговор]

– ...никуда не надо идти. ...а там стреляют из гранатометов. ... Я вам еще раз говорю: там стреляют из гранатометов и пулеметов. Что вы там сделаете? ... Идите в Останкино и там... э... Да. Я вам еще раз объясняю... ...или штурмом возьмите Белый Дом. ...на нервах – или нет? ... В каком плане? ... Для чего? ... Вот почему Вы мне звоните?

Подошедшие в Останкино БТРы начали «работу»:

117-й – *Прошли, по-моему, две самоходки и два БТРа... и одна самоходка. ... Один БТР и две самоходки. ...въехали, сломав ограждения, на территорию АСК-1, с ... Королева. Со стороны пруда стоят.*
127-й – *Люди начинают оттягиваться, оттягиваться.* – «Горняк» – *То есть отходить, да?* – 127-й – *Да, начинают отходить. Мне как: с ними отходить – или оставаться на месте?* «Горняк» – *Если много отходит, так, не маленькими группами, а большая группа – то вместе с ними.* – 127-й – *А сейчас поток достаточно плотно пошел. ... «Горняк», у нас тоже стрельба какая-то.* – «Горняк» –

127-й, в какую сторону? – 127-й – *...полагаю. Со стороны проспекта Мира, со стороны проспекта Мира слышна стрельба, не только со стороны телецентра.* – «Горняк» – *...давайте вместе с ними.*

Это подошедшие БТРы ведут огонь по людям, как находящимся у дороги, так и спрятавшимся в парках. Стрельба была воспринята повстанцами как очередное предательство или провокация: только что стреляли по засевшему в АСК-3 врагу, а теперь – по нам?

От огня БТРов, стрелявших по толпе, по бегущим и прятавшимся в роще людям, а после этого начавших «свободную охоту», погибло едва ли не больше народу, чем перед входом в телецентр.

Между тем, по неизвестной причине Анатолий Куликов наконец пытается уточнить – действительно ли повстанцы проникли в АСК-3? И только теперь, в ответ на его вопрос, Голубец сообщает: нет, в здании – только спецназ:

«Пион» – ***Откуда информация о том, что...*** [захвачено здание телецентра]? – «Утес» – ***Сейчас мои люди ..., в здании боя нет. Ни в одном, ни во втором ... Боя нет. ...понял, прием.*** – «Пион» – ***Я понял, понял. Проникновения нет? Проникновения нет? ... Проникновения нет?*** – «Утес» – *«Пион», «Пион», я «Утес».* ***Пока здания оба в наших руках.*** *Как понял, прием.*

Замечательно организовано взаимодействие! Только теперь Куликов разобрался в том, что здания телецентра так и не были заняты – хотя бы частично – сторонниками Верховного Совета, а открытый по его приказу огонь из пулемётов БТРов был «дружественным». Разумеется, последующее расследование не установило, кто же виновен в гибели сотрудника телецентра, попавшего, по всей видимости, под эту пулемётную очередь.

Маневры БТРов в Останкино были непонятны не только случайным свидетелям «в штатском», но и командиру:

117-й – ... *Верховного Совета* [нрзб]; *где они, пока непонятно. ... Пять БТР. Сейчас машины... ...АСК-3.* – ... *Я думаю, они ходят по кругу.*

«Утес» – *86-й, я «Утес», прием. Вы... зачем двинул их?! Прием.* – 86-й – *86-й на приеме. Остальные бронетранспортеры – вот, напротив меня – я сейчас между их дверей буду, прием.* – «Утес» – *86-й! Куда они пошли? Верни их назад!* – 86-й – *«Утес», я 86-й. Там мы не пройдем, идем в обход, прием.* – 85-й – *86-й, я 85-й. Ты мне три коробочки...* – 85-й 1-й – *...коробочки. Поставьте нам две коробочки для усиления обороны. Ну мне прорываться, прорываться к тебе?* – 85-й – *...2-й. Пришли сюда две коробочки, две коробочки. Как понял, прием. ...85-й. 1-й. Две коробочки сюда.* – 85-й 1-й – *85-й! Я ... две коробочки у здания ...*

[в комнате] – *Это кто? – 86-й – это Лысюк* [Сергей Иванович, командир 6-го отряда спецназа «Витязь» ВВ МВД РФ; есть вероятность, что говорящие ошибаются]. – *Из ОМСДОНа? – Спецназ. Знаменитый, этот, который всем показывают.*

Между тем офицеры, находящие в комнате, обсуждают не обстановку в Останкино, а всё ту же насущную тему: перешли ли софринцы на сторону Белого Дома? И если перешли, то как именно? Обсуждают события минувшего дня, около 16:00.

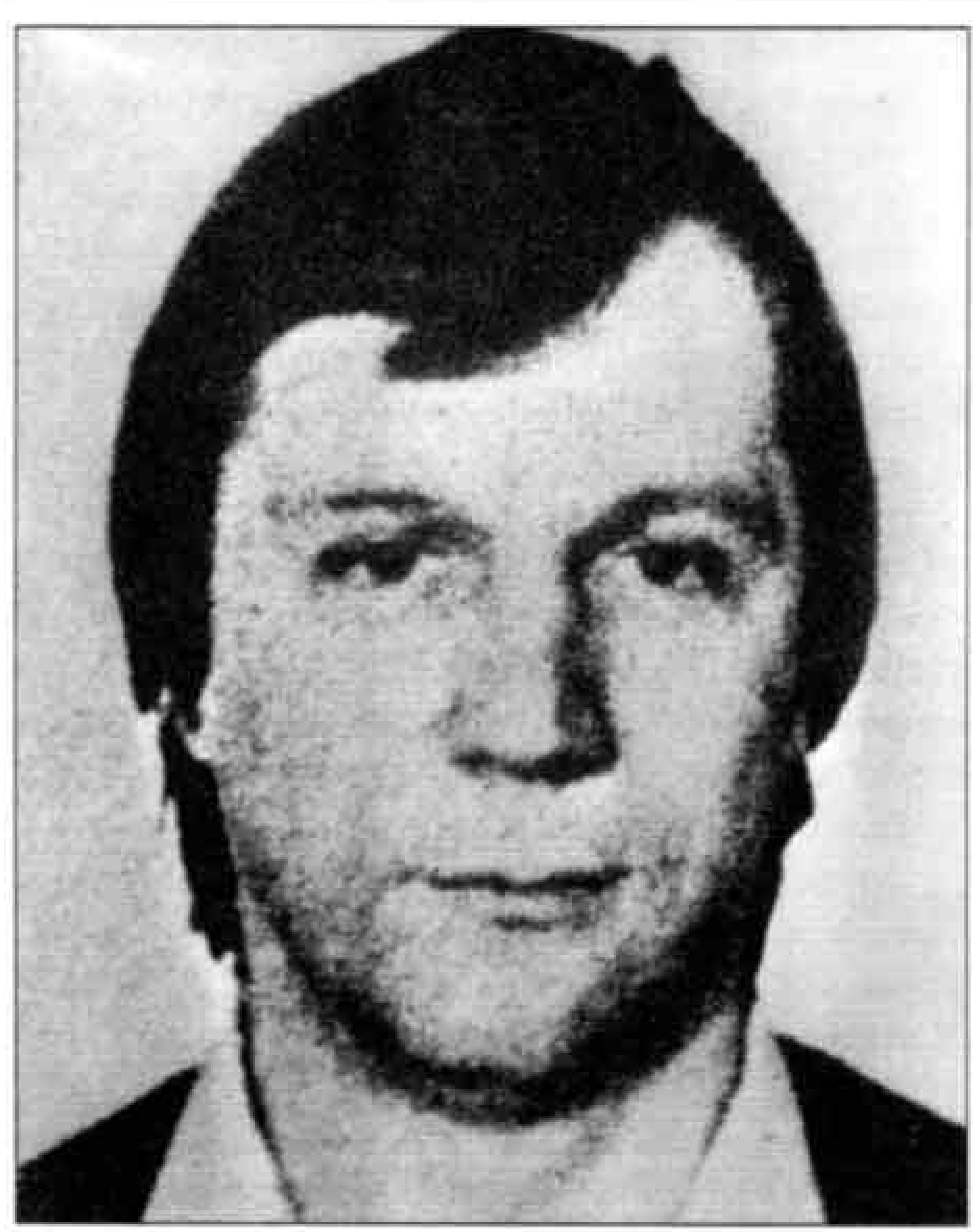
[в комнате, о разговоре с командиром Софринской бригады Васильевым] *...улыбается, все... Ладно, улыбается, но такой... – Ну, на нервах. – Ну, мы с ним минут 10 так просто поболтали обо всем нейтральном... – Ни о чем. – Ага. – Ну и все. Ну, там его конечно подняло то, что двоих солдат убили. – Ты понимаешь, военный человек, солдаты, война... – Не, не, не, не! Они стояли там посередине между Белым Домом и мэрией. Посередине они стояли. И в это время из мэрии... да... начали стрелять по солдатам. Да? И вот что главное... Он говорит: «Прекратите стрельбу, иначе я сейчас атакую!» А если* [нрзб] – *Ну что ты! Там и так стекла одни... ...»Александр Владимирович! Мы сейчас будем...» ... «Радон»... ну... «Радон-22», Софринская бригада переходит на сторону Верховного Совета». Выстроил перед Руцким человек 200, ну...*

[в комнате по телевизору идёт фильм-катастрофа «Смертельный полет», диалоги из которого порой перекрывают все остальное] – *А это чего смотрите? – Да, ***тень. – Да никаких программ. Так одна программа осталась... ...остальные все вырубились...*

События у телецентра продолжаются – хотя основная масса народа отхлынула и рассредоточилась, повстанцы пытаются перекрыть улицу на подъезде к месту боя и ведут спорадический ответный огонь:

127-й – *Началась стрельба снова у телецентра, действия неподалеку от телецентра, пытаются улицы перегородить машинами.* – «Горняк» – *Понял. А вы что – не продвинулись к тем или они остановились.* – 127-й – *Основная масса отошла оттуда, остальные... ...подальше, тем не менее еще пока какое-то количество людей остается – ну, порядка, может быть, трех сотен. ...*

117-й – *Из перехода, напротив АСК-1, АСК-3, боевики стреляют по окнам. ... Здесь есть пешеходный переход, в переходе стоят, стре-*

Александр Сидельников, оператор Леннаучфильма. Убит 4 октября 1993 г.

Иван Скопан, оператор TF-1 (Франция). Убит у телецентра.

ляют по окнам. ... Закончили стрельбу. ...АСК-3, собравшись, стоят, смотрят. И по Ботанической улице дальше.

Тот факт, что в Останкино таки стреляют, вместе с недавними разговорами о Софринской бригаде, наталкивает офицеров МВД на мысль о собственной возможной судьбе:

[в комнате] – *Стреляют по окнам. ...это МВД, они по воскресеньям... – Они, ***дь, так ради шутки на **й* [здание] *МВД* [в котором, собственно, и находятся говорящие] *возьмут... так, я пойду, поруковожу... – Тут брать нечего. ...с той стороны от метро* [Октябрьская] ****данут в эту дверь пару гранатометов, и – давай... – А мы уже окно открыли. – Капитулянт. – Куда ты! А веревки где? – ...А мы без веревок! – ...Чтобы вешаться? – Нет, на **я? Спуститься и убежать. – А у нас уже готово. – Хе!*

[по телефону, нрзб, отдельные фразы] – *Толпа! Громадная! Бой идет. В Останкино. В Останкино бой идет. Пушки стреляют. Где – около Кремля? Нет, около ТАССа, я знаю – ... уже звонил.*

Подкрепление в Останкино всё никак не подойдёт:

86-й – *«Утес»... Основной подъезд заблокирован, находимся с тыльной стороны на аллее... «Утес», если есть возможность, если есть возможность, чтобы нас встретили... Есть возможность нас вывести, прием?* – «Утес» – *Я не понял, где вы...* – 86-й – *Мы находимся на той стороне на аллее...* – «Утес» – *И что – вас не пускают сюда, что ли?..* – 86-й – *Основной проход закрыт, мы не можем к вам пробиться, прием.*

Включённый телевизор добавляет безумия в происходящее. [По телевизору реклама] – *...И великолепный молочный шоколад! Решил передохнуть? «Сникерс»! – ...Мама, покажи фокус... рис «Анкл Бенс» в качестве гарнира...*

Шизофрения продолжается. В Останкино сотрудниками МВД обнаружена ещё одна войсковая колонна, и первая возникшая мысль – чьи они? За кого?

125-й [ещё один сотрудник, находящийся в Останкино] – *«Горняк», на Кошонкином Лугу стоит группа автомобилей ... принадлежность.* – «Горняк» – *125-й, где стоят?* – 125-й – *Кошонкин луг, Кошонкин Луг! Это поворот прямо на телецентр, как поняли, прием. Мне что – поближе, рискнуть – узнать, кто они такие?* – «Горняк» – *Только осторожно, смотри...* – 125-й – *...подойти и под дурака скосить: «Ребят, за кого и что»... Как поняли, прием.*

[По телевизору] – *«...кинокомедия, которая стояла в эфире ... тоже сегодня показана по вполне понятным моральным причинам не будет. Спасибо, у меня все. – Спасибо за информацию. Мне только что принесли еще одно сообщение, переданное по факсу. Оно не очень хорошо отпечаталось... Главам администра-*

Александр Смирнов, корреспондент «Молодежного курьера» (Йошкар-Ола). Убит в ходе октябрьских событий.

ций краев, областей и автономных... совещание руководителей субъектов Федерации продолжает свою работу в здании Конституционного Суда. ... работу по организации гражданского сопротивления коммунистическому путчу...

Голубец, наконец, принимает подкрепление:

> «Утес» – *Давай, давай, с торца буду здесь встречать. Прием. ...Да, первое здание, здесь увидишь, бронетранспортеры наши. Сейчас я тебе скажу номер, у которого я буду. Лысюк, пойдем.* – [в комнате] – *Лысюк.* – «Пион» – *Принял 85-го второго с семечками или нет.* – «Утес» – *Да нет, вот я сейчас вышел из здания, хочу его лично увидеть.* [Голубец, в сторону от рации: – *Подошли уже они, да?* – ответ: – *Да, да, да!*] *Все, тогда встречаю.* – «Пион» – *Давай встречай. ...без семечек. ОМОН, ОМОН.* – «Утес» – *Встречаю их. ...*

Отметим, что командование внутренних войск хорошо представляет реальную мощь противника – на самом деле, по их мнению, речь идёт о тех же пятерых «за клумбой», остальные уничтожены или рассеяны:

> «Утес» – *Две коробочки, две коробочки, там ... пятнадцать с ОМОНа, пятнадцать, ... из моих. Пятнадцать, которые с ОМОНа, будут в здании находиться, а мои сядут в две коробочки и будут контролировать подход.* ***Сейчас БТР обработает группу вооруженную до пяти человек, которая прикрывала выходы.*** – «Пион» – *Понял, понял, одобряю.*

Огонь БТРа, действительно, произвёл сильное впечатление на находившихся близ телецентра:

> «Горняк» – *А ты в каком комплексе там находишься?* – 117-й – *АСК-3. ... По Ботанической убегают в сторону железной дороги, потому что БТР выстрелил. Вверх, наверное.* – 127-й – *...людей продолжается. Часть людей снова начали снова притягиваться туда.* – «Горняк» – *А ты, твоя точка, где ты находишься?* – 127-й – *На улице Королева на перекрестке, здесь за железным забором с той стороны от телецентра.*

Но главная мысль офицеров с Житной – не об Останкино: они пытаются выяснить, что же делают софринцы:

> [в комнате, телефонный разговор с собеседником в месте постоянной дислокации Софринской бригады] – *Але. Так там ты где будешь? Уйдешь, что ли? Уедешь? Ну ты по своему телефону? Хорошо. Хорошо, да, ладно, значит, это самое, ты мне скажи, а там, внутри-то, вот те, кто остался – они как ко всему этому относятся. Да, ну и не только ты, но оставшиеся? ...В смысле – готовы? Вот так, да. Ну, понял. А здесь только две сотни, да? Здесь две сотни? Понял тебя. Да. Ясно. Слушай, вас там сколько – примерно две? Але. Что так мало? Тю-ю-ю! Поехали, в смысле? Понял тебя.*

Но, оказывается, и для командующего внутренними войсками интерес к ходу боя был далеко не самым острым – и его куда больше его занимала позиция Васильева и его бригады:

> **«Пион» – *...хозяйство, которое пришло синее, синее*** [из Софринской бригады]***, есть подозрение, что они... ...переговоры. Мы сейчас разберемся и посмотрим, на чью сторону*** [перешли]. **– «Утес» – *Никаких разговоров*** [о переходе на другую сторону]***, помоему, ...*** **– «Пион» – *Не отпускай*** [комбрига Васильева] ***от себя. Пусть только ... дает все команды старший*** [начальник, то есть – сам «Утёс» Павел Голубец]. ***... Наш разговор слышит?*** **– «Утес» – *Кто?* – «Пион» – *Ну там вот*** [Васильев]***... он слышит все это? ... Вот уже есть такая информация*** [что перешел на другую сторону], ***через Первого проходит.*** **– «Утес» – *Да нет, такого нет.* – «Пион» – *Я очень надеюсь, я хотел бы верить.* – «Утес» – *Он рядом со мной* –** [немая сцена; после паузы, изменившимся голосом] **«Пион» – *Ну в таком случае я желаю ему успехов и надеюсь,* – «Утес» – *Понял.***

В здании МВД сделали для себя соответствующий вывод: ситуация перешла из стадии «я знаю» в следующую – «он знает, что я знаю»:

[в комнате] – ** *твою мать! – ... это которые перешли там и прочее. ...все за командира. Мало того, что все за командира... ...* [только 200 человек] *остались там* [в месте постоянной дислокации], *остальные – все, кто мог, на подмогу к командиру поехали к Москву ...*

Фрагменты из дальнейшей аудиозаписи подтверждают эти панические настроения:

[в комнате] – *...они командира своего обожают. <...> – На месте, на месте пока... <...>* [одевают бронежилеты] – *...застегиваться обязательно? – Обязательно. <...> – ...армия... – ...другие бригады... <...> – ***дец! <...> – Там наши машины стоят... – Сюда никого не пускать...*

Впрочем, вся эта захватывающая интрига не произвела ровным счётом никакого воздействие на ситуацию в Останкино или в Москве в целом.

«Пион» и «Утёс» по понятным причинам больше не говорили о «Радоне»-Васильеве.

Никаких «перешедших» частей и подразделений в последующие сутки в Москве не было – были всё тот же страх и недоверие, провоцировавшие «дружественный огонь»: от него-то и были основные потери среди штурмовавших Белый Дом. Но это уже другая история.

Что же можно сказать, возвращаясь к главной теме нашего исследования? Была ли грандиозная «провокация», приведшая сторонников парламента в Останкино, под пули «Витязей»? Не было провокации. Не было заговора.

А что было? Было – неуверенность, непонимание обстановки, страх и подозрительность, неадекватные слова и поступки, словом, всё то, что сопровождает Историю, когда та делает свой выбор.

Но в такие часы она определённо не вмещается в яркую обложку бульварного романа или же в плавное течение сериала. Разве что в абсурдную пьесу – единственный реалистический жанр.

Владимир Васильев был спустя месяц отстранён от командования бригадой и уволен в запас. Анатолия Куликова и Павла Голубца после Останкино ждала блестящая карьера – по крайней мере, на ближайшие три года.

«Третья сила»

3 октября 1993 года в московских событиях появилась «третья сила», но отнюдь не та, которую ищут сторонники «теории заговора». Когда «первая сила» – сторонники парламента – вышли на московские улицы и площади, а «вторая сила», то есть милиция и внутренние войска, с этих улиц ушли, Егор Гайдар позвал выйти на улицы своих сторонников. Я не сомневаюсь, что, призывая москвичей собраться у Моссовета и «защитить демократию», Гайдар был абсолютно искренен – как и в других своих действиях в разных обстоятельствах и на разных постах.

В равной степени я не сомневаюсь, что откликнувшиеся на призыв москвичи были абсолютно искренне готовы, если надо, прикрыть демократию своими телами – точно так же, как готовы были сделать это двумя годами ранее, в августе 1991-го. Не их вина, что готовившийся тогда штурм Белого Дома не состоялся – могло ведь быть иначе.

Но зададимся вопросом: насколько мотивы и действия Гайдара и пришедших по его призыву соответствовали реальности, а не их субъективным ощущениям?

Ответ – в продолжении той же аудиозаписи, в следующем акте абсурдной пьесы.

127-й [из Останкино – сотрудник в штатском, пришедший туда с толпой] – *«Горняк», я 127-й.* – «Горняк» [дежурный в штабе, принимающий донесения сотрудников] – *Слушаю вас.* – 127-й – *Может, мне ближе к метро* [ВДНХ] *передвинуться? Здесь* [возле останкинского телецентра] *уже становится небезопасно.* – «Горняк» – [нрзб] – 127-й – *Я вас понял.*

117-й [другой сотрудник в штатском, тоже из Останкино] – *...я 117-й.* – «Горняк» – *117-й, слушаю вас.* – 117-й – *...из кондиционера* [здания АСК-3] *дым выходит.* – «Горняк» – *Понял.* – 117-й – *«Горняк», я 117-й.* – «Горняк» – *Слушаю вас.* – 117-й – *В переходе* [подземном через улицу Академика Королёва между зданиями АСК-2 и АСК-3] *... спрятались.*

«Пион» [Анатолий Куликов, главком ВВ МВД] – *«Утес», я «Пион».* – 86-й [командир прибывшего в Останкино подкрепления, под звуки боя] – *«Утес», я 86-й, прием.* – «Утес» [Павел Голубец, первый замглавкома внутренних войск] – *86-й, я «Утес», прием.* – 86-й – *«Утес», мы стоим на площади, прием* – «Утес» – *На площади какой?* – 86-й – *Где горит здание* [комплекса АСК-3, которое атаковал пришедший от Белого Дома отряд – то есть на улице академика Королёва], *прием.* – «Утес» – *Так вот, продвигайтесь вдоль левого здания* [АСК-3] *к торцу, я сейчас спущусь с этажа и там вам поставлю задачу, как понял, прием.* – 86-й – *Это правый угол горящего здания? Прием.* – «Утес» – *Блокируй горящее здание, дай возможность пожарным тушить его. Как понял меня, прием.* – 86-й – *«Утес», я не вижу пожарных, прием.* – «Утес» – *86-й, я «Утес», прием.*

[По радио, голос диктора]: ***«Уважаемые слушатели. Первый вице-премьер правительства России Егор Тимурович Гайдар».***

[в комнате, сотрудники Оперативного штаба МВД] – *Только вот этого м***ка бы не надо было бы пускать.*

[По радио, Гайдар]: ***«Дорогие друзья! Все эти последние дни Правительство Российской Федерации больше всего... готовы переступить через реки крови... реставрировать старый тоталитарный режим...».***

«Пион» – *«Утес», я «Пион». ... «Утес», я «Пион».* – «Утес» – *«Пион»! ... «Утес», прием.* – «Пион» – *Все идет у тебя нормально?* – «Утес» – *Да, все нормально! Сейчас надо тушить пожар. Нужны пожарники. Прием.* – «Пион» – *Понял, сейчас направляю, направляю. Ты «семечки» пока раздавай.* – «Утес» – *Боеприпасы уже есть. Все. Прием.* – «Пион» – *Понял, понял.*

127-й – *«Горняк» – 127-му.* – «Горняк» – *Слушаю вас.* – 127-й – *... обстрел. Начал народ немножко отходить.* – «Горняк» – *Не понял.* – 127-й – *После обстрела стал народ отходить немножко* [от здания АСК-3]. – «Горняк» – *Понял. Понял.*

[По радио, Гайдар] ***: «...пытаются захватить узлы связи, средства массовой информации, добиться силового установления контроля в городе. ... Сегодня вечером нам нужна помощь. Сегодня вечером мы не можем переложить ответственность за судьбу демократии, за судьбу России, за судьбу нашей свободы только на милицию, внутренние войска, на так называемые «силовые структуры».***

«Утес» – *86-й! я «Утес», прием.* – 86-й – *«Утес», я 86-й, на приеме.* – «Утес» – *С двумя бронетранспортерами подойдите вот к этому зданию, один поставьте справа, один слева. И обеспечьте работу пожарных машин.* – 86-й – *Понял, понял! Но дайте команду прекратить стрельбу.* – «Утес» – *Даю команду. 85-й! 85-й! Я «Утес», прием.* – «Утес» – *85-й, я «Утес», прием.*

[По радио, Гайдар]: ***«С тем, чтобы объединенными усилиями встать на защиту нашего будущего, на защиту будущего наших детей, не дать снова на десятилетия... Если мы проиграем, то нам не на кого будет пенять...».***

[По радио, Гайдар: ***«Я верю в наше мужество, я верю в здравый смысл нашего общества, я верю в то, что мы просто не можем проиграть».*** ... [Голос диктора]: ***«Уважаемые слушатели. Перед вами выступал Первый вице-премьер Правительства России Егор Тимурович Гайдар».***

«Утес» – *...я «Утес», прием.– ... – «Утес», ... на приеме.* – «Утес» – *...никто не умирает, давай, выдвигай, выдвигай. Они* [бойцы внутренних войск в здании АСК-3] *стрелять прекратили.* – 86-й – *Подъезжаю с правого угла, второй – с левого горящего здания.* – «Утес» – *Да, всё правильно. И обеспечиваешь работу пожарных машин. Прием.* – «Пион» – *«Утес», «Утес», я «Пион».* – «Утес» – *«Пион», я «Утес», на приеме.* – «Пион» – *...заблокировали пожарные машины на подходе где-то.* – «Утес» – *Ну это мы сейчас разблокируем. У меня тут сейчас бронетехники достаточно.* – «Пион» – *Те хлопцы, которые рядом с тобой. Слышал все. ...разблокировать, срочно разблокировать пожарные машины.* – «Утес» – *Они где находятся, в каком месте? Прием.* – «Пион» – *Сейчас уточним...*

То есть в Останкино совместными действиями 6-го и 8-го отрядов спецназа внутренних войск МВД под руководством первого заместителя главкома внутренних войск Павла Голубца ситуация взята под контроль. Человеческим языком: после первого и единственного выстрела нападавших спецназовцы расстреляли и рассеяли толпу: сначала стреляли из здания АСК-3, потом подъехавшие БТРы положили 46 человек, 124 ранили. Боеприпасы им подвезли. Здание они блокировали и готовы были обеспечить работу пожарных. Чувствовали себя вполне уверенно. Угроза захвата Останкинского телецентра устранена.

Угроза, которой Егор Тимурович в те самые минуты обосновывал свой призыв к гражданам, уже устранена. И новые повторы его обращения немного запоздало звали граждан «*на защиту нашего будущего, на защиту будущего наших детей*».

И будущее оказалось каким-то не тем: прямо из октябрьской Москвы 93-го боевая техника вошла в новогодний Грозный... Будущее это уже принадлежало «силовым структурам» – но тогда этого никто, разумеется, не понимал.

На следующий день «защитникам демократии» указали на место ещё более чётко. Может быть, кто-то вспомнит, как во второй половине длинного дня 4 октября от Советской площади через площадь Маяковского в сторону площади Восстания быстрым шагом промаршировал отряд – несколько десятков человек в камуфляже. Это было одно из объединений, сохранившихся с защиты Белого Дома в августе 1991-го. Шли они помогать «силовым структурам», по поводу чего в эфире было сказано следующее:

76-й [командир наряда, блокирующего подступы к Белому Дому на перекрёстке Садового кольца и Калининского проспекта] – *«Памир», «Памир», 76-й прошу на связь.* – «Памир» [Киселёв, заместитель начальника ГУВД] – *Кто «Памир» запрашивает?* – 76-й – *76-й. Тут у нас на линии перекрытия... в районе улицы Арбат. 30 человек подразделение, как будто бы со штаба ДНД, в камуф-*

ляжной форме ... в мэрию. – «Памир» – *Я не такой дурак! Предупредите и выгоните: «Идите работайте!»* – 76-й – *Я им тоже так сказал.* – «Крым-1» – *«Памир», «Крыму-1».* – «Памир» – *На приеме.* – «Крым-1» – *«Памир», «Крым»* [Панкратов, начальник Московского ГУВД] *получил информацию об этой самодеятельности. Категорический приказ: не пропускать никого. Информация в мэрию передана, на Тверскую, 13. Как поняли?* – «Памир» – *Смысл информации ... «Крым-1».* – 76-й – *Так точно.* .... – *Ноль.* [конец связи]

Вот в таких выражениях: «*самодеятельность», «идите работайте!*» – наиболее активным из пришедших к мэрии по призыву Егора Гайдара указали на их место на данном конкретно-историческом этапе. Вскоре на место укажут и самому Гайдару.

Впрочем, для «третьей силы» нашлось особое место в истории событий осени 1993-го – постольку, поскольку конфликт «первой» и «второй» сил оказался историческим недоразумением и нужно было на кого-то «перевести стрелки». Вот тут-то и пригодился мифический «бейтар» (эта тема подробно разобрана Семёном Чарным), таинственные снайперы неизвестного происхождения и прочая нежить, в изобилии населившая страницы «Анафемы» и подобных ей текстов. Была найдена «нечистая сила», попутавшая неплохих, в общем, парней убивать друг друга... Теперь всё это, как на Пушкина, валили и списывали на Гайдара и иже с ним.

Их время прошло, а пришло время человеков с ружьём и в камуфляже. Всю работу сделали «силовые структуры». Отныне в окружении Ельцина в почёте оказываются люди в форме и «в штатском»: Грачёв, Коржаков, Ерин. В ближайшие несколько лет в фаворе будут генералы из главкомата внутренних войск, «Пион» – Куликов и «Утёсы» – Голубец, Романов, Шкирко. Именно им принадлежала особая роль и в самих событиях 3-4 октября, и в расследовании этих событий, и в том, как они отложились в новейшей истории России.

Русский ночной разговор

Предлагаемый текст представляет собой расшифровку аудиозаписи радиопереговоров в московском эфире на милицейских частотах в ночь с 3 на 4 октября 1993 года, между половиной четвертого и половиной пятого. Говорят не о служебных делах: после того, как накануне в милицейский эфир не раз вторгались не только Руцкой, Краснов, но и многие другие желающие, руководство ГУВД и внутренних войск ушло на другие частоты. Частично эта запись публиковалась вскоре после событий – в частности, в «Комсомольской правде».

Реплики офицеров милиции даны *курсивом*, ответы из Белого Дома – ***жирным курсивом***, немногочисленные разговоры «по делу» – обычным шрифтом. Слева даны временные метки – немногочисленные, но, впрочем, и не очень нужные: нет событий, нет действия. Разговор происходит через несколько часов после превратившейся в бойню неудачной попытки штурма отрядами сторонников Верховного Совета телецентра Останкино и за пару часов до начала другого штурма – Белого Дома.

Обычное дело – перебранка перед боем, психологическое давление на противника и «воодушевление» своих. Для милиции – штука привычная: «прессовать», «ломать» подследственных профессионал должен, по возможности, «не прикладая рук». У спецпропагандистов, сотрудников всевозможных «силовых» пресс-служб и «центров общественных связей» задача почти та же, но здесь главное – дискредитация «объекта» в глазах «своих». При этом ни первые, ни вторые в средствах себя особенно не стесняют – ведь цель их всегда оправдывает. Обвинения вовсе не должны соответствовать действительности: главное унизить, уничтожить оппонента и в его собственных глазах, и прежде всего в глазах «своих» – соратников, подчиненных, а теперь уже начальства и электората...

Без оглядки на прошлое, будущее, публику и начальство они открывали свое подсознание. Так что предлагаемый текст, при всей его кажущейся абстрактности и бессмысленности, предлагает ответ на вопросы: а кого же считали врагами?

Соображения конституционности и легитимности в этой беседе отнюдь не главные – слово «узурпатор» даже при желании в эфире с первого раза выговорить не могут. Ну, разок помянули коммунистов – к слову пришлось...

А не любят, как это ни парадоксально, – чеченцев. Этот «образ врага» в «демократической России» создавался с 1992 года, с начала противостояния исполнительной власти и возглавляемого чеченцем Русланом Хасбулатовым Верховного Совета:

– Москва стояла и стоять будет, а эти нацмены никогда править нами не будут.

Но это – противник будущий, а есть враг недавний, ведь пяти лет не прошло со времени вывода советских войск из Афганистана. И вот Герою Советского Союза Александру Руцкому несется:

– Скажи, за сколько душманам продался, козел вонючий.

В ответ из Белого Дома выдают аргумент, что-де за Ельцина – Клинтон и именно Клинтон-де назвал Руцкого и Хасбулатова фашистами.

Фото: Г. Баксичев

Разоблачение «заокеанского патрона» московской милиции последнюю отнюдь не убедило и даже не заставило задуматься: просто ушли от ответа.

Куда больше собеседников интересовали, разумеется, евреи – в принадлежности к этому «малому народу» обвиняют друг друга обе стороны.

На: «***Барсуков и Коржаков – педерасты, **ядь, агенты ЦРУ, ** твою.***»

– следует ответ:

– А Руцкой является почетным гражданином Израиля!

Уже на следующий день милиционеры, выводя из взятого уже здания коллегу из охраны Белого Дома, объясняли ему:

– Ты, тра-та-та, кому вообще служил? Один – чеченец, а второй вообще – еврей.

При всей тяжести и серьезности этих обвинений для смертоубийства как-то недостаточно.

Главное – в другом: то, что люди Белого Дома сделали милиционеров врагами:

«Кто мента ударил – тот ответит перед нами еще за очень многое.»

Или, более возвышенно:

«Белый Дом пришел с мечом – он от меча и погибнет».

В общем, *«своя своих не познаша»*. Но, втянувшись в противостояние, уже через несколько часов они будут убивать друг друга.

*****

03:30.

*– ... – Мы наступать когда будем? – Сейчас *****чим... – Только на Белый Дом! – Усатый таракан из Белого Дома, ты еще не спрятался в щелку, так учти: через два часа твои яйца будут висеть на флагштоке вместе с *опой Хасбулатова!* ***– Ребята, я первый умру лучше здесь, учтите.*** *– Так, теперь будем говорить мы, да?! Если вы нам спать не дадите, мы перережем всех, начиная от Чечни, закончим Руцким, понятно?* – (женский голос) ***– Но пару часов надо все-таки поспать.*** *– Пошла вон, с тобой спать!* – (женский голос) ***– Ну ты нахал.*** – Господа, без шифров не разговаривать. *– ...***бал! – Слышал, нет? – А с днем МУРа поздравления где? – МУРу ... – Завтра будет день МУРа, завтра. – Мужики, они... – И не только МУРа, но и РУОПа. – ...(нрзб.) усы сломаешь!* ***– ... ночи, давайте поспим, а завтра все обсудим.*** *– Некогда спать, нам надо... –* ***Чего надо, там все российские, ч*рок нету, черных там нету ...*** *– Слушай, а что наш таракан усатый в Белом Доме молчит, что-то он там язык в *опу засунул себе. Струсил, что ли, генерал-то наш? И где ваш там лысый Макашов в бронежилете? – Макашов...* ***– Тараканы тараканами, но можно обойтись и без этого.*** *– Он сухари сушит. – Мертвецам сухари не нужны, запомните. Никого живым не брать. – Они сами застрелятся.* ***– Что хотите думайте, но надо ли об этом говорить?*** *– Я об этом говорю потому. – Черных тоже в плен не брать. – Они сами застрелятся.* ***– Не придет... на наших руках крови нету.*** *– ...второго можно прогнать через строй. Как в девятьсот... восемьсот двенадцатом году или четырнадцатом. – Ты чо, забыл, что ли? – В Белом Доме наших нет. – ...* – Внимание, наряд, работающий у штаба ДНД! Внимание, наряд, подойдите к штабу! *– Так, хорош орать, спать пора! – Спать будем после победы над Белым Домом. – Молодцы. – Банкет уже заказан! – Руцкой, ты катафалк заказал себе, или нет еще, или приготовить? – Ребята ... я сегодня..., а с Руцким, я с Руцким ... – Похорон не будет. Музыки не будет. – ... а его нет там, я думал, что он уже **ать убежал, его уже ... нету вообще. – ...* Внимание, наряд, работающий у штаба ДНД! Внимание, наряд, пройдите к штабу! *– Ребят, катафалки заказали, ко входу их, легионеры (?) все завтра нормально сделают. – А саван Хасбулатову заказали, нет? – Само собой, все оплачено. – Ему укол надо сделать, чтобы ... –* (нетрезвый голос) *– Ребят, все.. все путем, короче, я не знаю, я приехал, короче, сюда. – Анаши накурился и сидит.* ***– Парни, мы проснулись – можно начинать.*** *– Мужики, давайте всех черных хорошо ****ь. – Всех черно****х к стенке.* ***– Стенок не хватит!*** *– По-любому, мужики ... даже если это барахло поддержит, на ***, ***дь.* ***– ... Сегодня, видимо, мать твоя не знала, что творится, не знала.. А завтра с утра фашистские каратели поднимутся... Даже Клинтон там уже высказал мнение, что за Ельцина – Клинтон, и назвал Руцкого и Хасбулатова фашистами.*** *– Мужик! Клинтон – за океаном, а мы здесь, в Москве, и нам решать судьбу Москвы. Потому Хасбулатову с Руцким, и Макашову, и всем остальным – сам знаешь, что может быть. – Правильно говоришь, мужик! – К Хасбулатову не езди, уточнил Глоба (?).* – 908-й, 908-й, ответьте ... – 908-й, 908-й, ответьте ... – 908-й на приеме. – Срочно подойди к штабу, срочно! – Ноль. ***– Это евреи хотят взять власть, на ***!*** *– Слышь, ну погоди, дадите людям поспать или нет? – А евреи – это кто? – Так, спите! Такие дела творятся!* – (тот же нетрезвый голос) *– Вы там спите, мы... мы тут обсуждаем, чо с ними сделать, с узурпатами... с узурпаторами Руцким и Хасбулатовым, а вы там спите! Вот я не... не знаю, чо лучше сделать? – А как в Турции – самого – в дерьмо и янычара с ятаганом.* ***– Так это в Турции, там тепло!*** *– Да Москва сегодня тоже теплая. Тем более, мы тоже уже.* ***– Везет тебе.*** *– Ты вот телевизор смотри, как наших били. За это можно не только лицом в дерьмо, а вообще шкуру*

*содрать. – Может, сдерем тогда ее? – Начнем с м**ей! – А яйца – на флагшток. – Они тоже пусть посмотрят телевизор, п**арасы. – Там же одни урки, ***ди собрались – и никого больше, там людей-то нет нормальных. – За кровь сотрудников милиции заплатят кровью, суки. – Милицию ... не задевайте милицию! – Ты, ублюдок! Заткнись, ***дь! И милицию не трожь, скотина! За тобой все уголовники стоят, ублюдок! – Это точно. Кто мента ударил – тот ответит перед нами еще за очень многое. – Мы их перевешаем на флагштоках везде, ***дь, на каждом столбу перевешаем, падла. – ... – За кровь сотрудника милиции они ответят сполна. – И пусть эти п**арасы, ***дь, из Белого Дома, они это, суки, запомнят, ***дь, что мы их будем вешать за яйца, ***дь!* ***– Хватит вам, так ... надо ...*** *– Если они, помнишь, сто раз обещали милицию вешать, мы их повесим. – А это точно! Хасбулатова первого, ***ть, ублюдка! – А они, кстати, еще обещали наших детей и жен убить. – Помним, помним! Мы этого не простим им! – Прекратите в эфире разговоры! – А когда такая свинья говорит из Белого Дома, то нам нечего молчать.* ***– Дай-ка мужикам поговорить.*** – ... – ... (нрзб.) Субботин стоит (нрзб.)... *– Слышь, вы, ***лы,* – (тот же нетрезвый голос) *– Ребята, они там, суки, десятый съезд внеочередной затеяли... – Хорош болтать, когда штурм будет? – Надо что-нибудь такое... – Скоро! – Скоро будет, скоро, ребята. – ... руки чешутся! – И не говори, поскорей бы!* – 929-й – 908-му *– Помните слова Александра Невского: «Кто к нам с мечом пришел – тот от меча и погибнет». Белый Дом пришел с мечом – он от меча и погибнет.* – (Тот же нетрезвый голос) *– Ребята, они же там же, суки, ***дь, десятый съезд устроили... – Белый Дом!.. – Москва стояла и стоять будет, а эти нацмены никогда править нами не будут. – ... смотри телевизор! – Смотрим, смотрим, только, понимаешь, теперь нам надо действовать так, как они стреляли в нас! – Самое главное, что солярки в баках нормально! – Солярки-то нормально, патронов бы хватило на всех скотов! – А мы их руками, руками. – Антилова ОМОНовцам отдать, вместе с Аксючицем и Константиновым.* – Понял, на связи. *– Макашова забыл! – Макашова – к петушатникам, чтобы вспомнил генерал, когда был лейтенатом молодым...* ***– Ребята, все болтаете и болтаете, дайте поспать немножко, а? – Барсуков и Коржаков – п*д*расты, ***дь, агенты ЦРУ, ** твою.*** – «Первомайск», «Первомайску-6» ответь. *– А Руцкой является почетным гражданином Израиля!* ***– Помолчи, козел!*** *– Сам козел! – Сколько стоят яйца Руцкого? – Я ни копейки не дам. – Не дороже одного банана! – Половины банана! – А голова? – Не дороже презерватива! – Не дороже половины презерватива.* ***– Вот тому, кто тут ***дит, в **** рацию засунул бы с удовольствием!*** *– Засунь свой язык! – Что слышно, когда воевать-то пойдем? – Ребята, а я сейчас сижу и смотрю в окно ... есть там чего-то такое, поближе ...* – (музыка) *– Уберите музыку с эфира! – Кто смотрит телевизор, посмотрите, как они мародерствуют над сотрудниками милиции, над сотрудниками войск МВД, молодыми солдатами, скоты! – Они хуже скотов!* ***– А ты что, лучше, что ли, скота?*** *– Я хоть соображаю, а ты сидишь в этом Белом Доме и не думаешь ни хрена!* ***– А ты-то думаешь, недоносок, ублюдок, жидомасонской мафии сынок.*** *– Смотри, ты потом пожалеешь о своих словах и вместе со своим Руцким и Хасбулатовым готовься к смерти, щенок!* ***– Ты молокосос, ты сам готовься к смерти, ты нас не возьмешь голыми руками, подонок.*** *– **ли там ... или там черно***ый, мы еще придем и посмотрим, кто куда.. Россия велика, а ты один, сука!* ***– Вот как раз Россия и идет – оглянись глазами назад, посмотри, что творится сзади.*** *– Что на этих п***ров смотреть-то, эти рожи противные уже надоели всем, всему советскому народу!* ***– Ладно, придурки, ублюдки, ***ные, ***дь. Я вам так скажу: не дай Бог ***дь, кто-нибудь, ***дь, из братвы нашей погибнет – я вас всех поубиваю просто, на ***.*** *– Тебя только и научили – вот эти два слова или сколько ты из азбуки знаешь.* ***– Иди на ***, козел.*** *– Просто нормально объясню наглядно, приеду и объясню, наглядно, ты, ***дь, будешь готов из автомата, вот...* ***– Давай подъезжай.*** *– Эй ты, из Белого дома! Ты чмо, что с тобой разговаривать!* ***– Ка-а-з-зёл, дебил!!*** – «Крым-2», «Крым-1» прошу на связь. – «Крым-2», «Крым-1» прошу на связь. *– Руцкого к рации! – Ну и что?* ***– А что ты хотел?*** *– Скажи, за сколько душманам продался, козел вонючий?* ***– Ты-то видел хоть одного душмана, мальчишка?*** *– Щ-щенок! – Будто ты много повидал там!* ***– Ничего, увидишь.*** *– Мужики, в Белом Доме живых не брать!* ***– Кстати, мы ваших отпустили десять человек, таких же, как вы.*** *– Ну а мы вас брать живьем не будем, скоты.* ***– Мы уж посмотрим.*** *– Предатели у них там в Белом Доме сидят. – О завтрашнем дне-то подумай, милок, *ля! С черно****** в Чечне жить будете!* ***– Я буду в России жить, я не знаю, где ты будешь жить.*** *– В России скотов из Белого Дома никогда не будет, они были в Советском Союзе, понял?* ***– Мужики, давайте прекратим этот базар, ну его на ***! Давайте прекратим, а?*** *– Так, ублюдок коммунистический, ты телевизор, мразь, смотрел, а? Посмотри сейчас же передачу!* ***– Кто там – жидомасонская мафия?*** *– Успокойся.* – «Омск», «Омск», я «Клин», я «Клин», прошу на прием. – «Омск», «Омск», я «Клин», я «Клин», прошу на прием. – «Клин», «Клин», 522-й на

связи, слышу вас хорошо. Но других... здесь рядом полно запасов, наших сил здесь не нужно. Здесь ничего нет. – Основное: вы с «Клином-1» связались? – Связались, связались. – Ноль-ноль. – Докладываю. – «Клин», вы возвращаетесь? Это 122-й. – 122-й, вы доложите, что я сказал – потом будем говорить. – На приеме. *– Внимание всем! Работает радиостанция пресс-службы ГУВД. Сегодня пострадало 33 сотрудника милиции, из них 21 госпитализированы, 8 с огнестрельными ранениями. 2 сотрудника московской милиции погибли. Это лейтенант милиции Бойко Александр Иванович. Ему было 33 года. У него осталось двое детей и жена. И полковник милиции Шишаев Иван Дмитриевич, начальник криминальной милиции Северо-Западного округа. Он в органах с 66-го года. Начинал с оперуполномоченного, прошел все ступеньки, пока возглавил криминальную милицию округа. У него осталось двое детей – мальчик и девочка. И жена у него. Сегодня они оба были без оружия. – Они за это ответят, суки... – Руцкого вешать! **– У меня вопрос есть к Борису Николаевичу...** – Всех пленных начальник департамента охраны Белого Дома обезоружил и отдал на растерзание своим боевикам. Они... **– Это ***деж, мужики.** – Они ведут себя, как фашисты. **– Слушай сюда. Это все туфта и базар. Парень, не обманывай, всех отпустили – что ты волнуешься?** – А тебя, сука, повешу. – **Давайте, ребята, не надо врать, не надо, ребята, врать.** – Молчи, козел. За кровь милиционеров ответишь своей кровью! **– Вот так вы все время и говорите, зачем обманывать народ?** – Мы не говорим, мы вас, скотов, вешать будем теперь, как вы нам обещали. – На всех столбах будем вешать.* – Руцкой (?) *– **Вас никто не обещал и никто не собирается вешать. Ваши живые все.** – Либо получишь пулю в лоб... – А это точно, получишь. **– Кто, кто говорит это, тот и получит. Не надо, ребята, об этом.** – ****** вонючий! Мы тебе, скотина, не «ребята», понял, а совсем другие люди. – Твои ребята сейчас **************. От страха, ***дь. А с тобой разговаривают работники милиции, ясно? – А лучше с ними не разговаривать. Лучше им бежать. Вообще, бежать тебе некуда, все равно мы тебя поймаем, ты понял, придурок, ***дь? Я тебя не оскорбляю, я просто называю так, как это называется. **– Ребята, а мы вас не оскорбляем, вообще-то.** – Языка у них нет. – Да потому что м*дак. – Ребята, с ними надо как Жеглов разговаривал, в упор – и *** с ним! **– Ребята, это жестоко.** – Мурло вонючее, ***дь, ребят безоружных, ***дь, били, ***********!* – «Омск», «Крым-1», прошу на связь. ***– Успокойтесь вы оба, и один, и второй.*** – «Омск», я «Крым-1», прошу на связь. ***– Вообще ***дец всем органам, на ***.*** *– Ребята, предлагаю – тот, кто нам грозит – пусть назовется. **– Из Белого Дома вам никто не грозит, ребята.** – А вообще как к ним рация попала?! – Потому что он ворюга, ***дь, он ее.. своровал! Козел... **– Нет, ребята, сами подарили – вы что?** – Так оружие тоже своровали у нас, все своровали, а теперь изгаляются над нами. **– Сами все побросали.** – Пусть он, сволочь, назовется! – Слабо.* – «Клин-1», «Клин-1» – 522.

04:07.

– Алло! Сотрудники милиции – они дали показания, их передали по CNN. После этого депутат Ребриков, народный депутат России, вывел за пределы Белого Дома и отпустил домой. *– Слушай, ты! CNN мы все смотрели, там этого не было. И слушали BBC, и «Голос Америки», и «Немецкую волну», и все. И все там рассказали, что вы сделали с нашими, также мы поступим с вами, скотина. **– Всех отпустили, вас обманывают, ничего этого не было, их вывел Ребриков, народный депутат...** – Мы-то верим своим глазам, и то, что мы там были, у Белого Дома, мы это видели, скотина. – Еще эти суки, ***дь, мальчиков там девятнадцатилетних постреляли, ***дь, это вам тоже, *******, припомнится. – Ребята, какая скотина из Белого Дома вещает, пусть назовется! Мне нужно имя, фамилия! Я обязательно с ним хочу встретиться! – Да он козел, не скажет ни ***! – Мужики, **ли у нас весь пар в гудок уходит, давайте помолчим немного, а потом уже займемся делом. – Ребята, давайте отдохнем, правильно! – Мужики, а завтра-то ведь день МУРа! – Помним, помним. – Так с наступающим вас, мужики! – Не завтра, а пятого числа, чего путаете-то? – Пятое-то завтра, сегодня четвертое уже. – Понял... все перепуталось. – Белый Дом возьмем и упьемся, ***дь. – ... особенно к Руцкому, Хасбулатову, этому чукче *******... К Руцкому, Хасбулатову у меня есть дело. – Ребята, а я другого мнения. – Ребят, а сегодня можно стопочку поднять или нет, а, ребят, кто ответит? Стопочку можно поднять? – Поднимай, я тебе разрешаю. Пожалуйста. – Только не опускай. – Ребята, за наших, которым не повезло сегодня. Поднимите. – Им больше не повезет. – Пусть будут это последние из наших рядов. **– Пусть это вообще будут в России последние.** – Давайте помолчим. – Ребят, давайте минуту молчания, а, ребят? Минуту молчания можно сделать, да? За всех пропавших наших сотрудников – я согласен.*

04:10.

– «Клин», «Клин», я 522. *– ... из Белого Дома передают. Сотрудники управления по организованной и МУР будут ... спецназом, гады. **– Ребят, ну не надо так угрожать.** – Мы не угрожаем, мы тебе просто сообщаем, что тебе все – труба, понял, нет? – Работает пресс-*

Фото: А. Капанеец

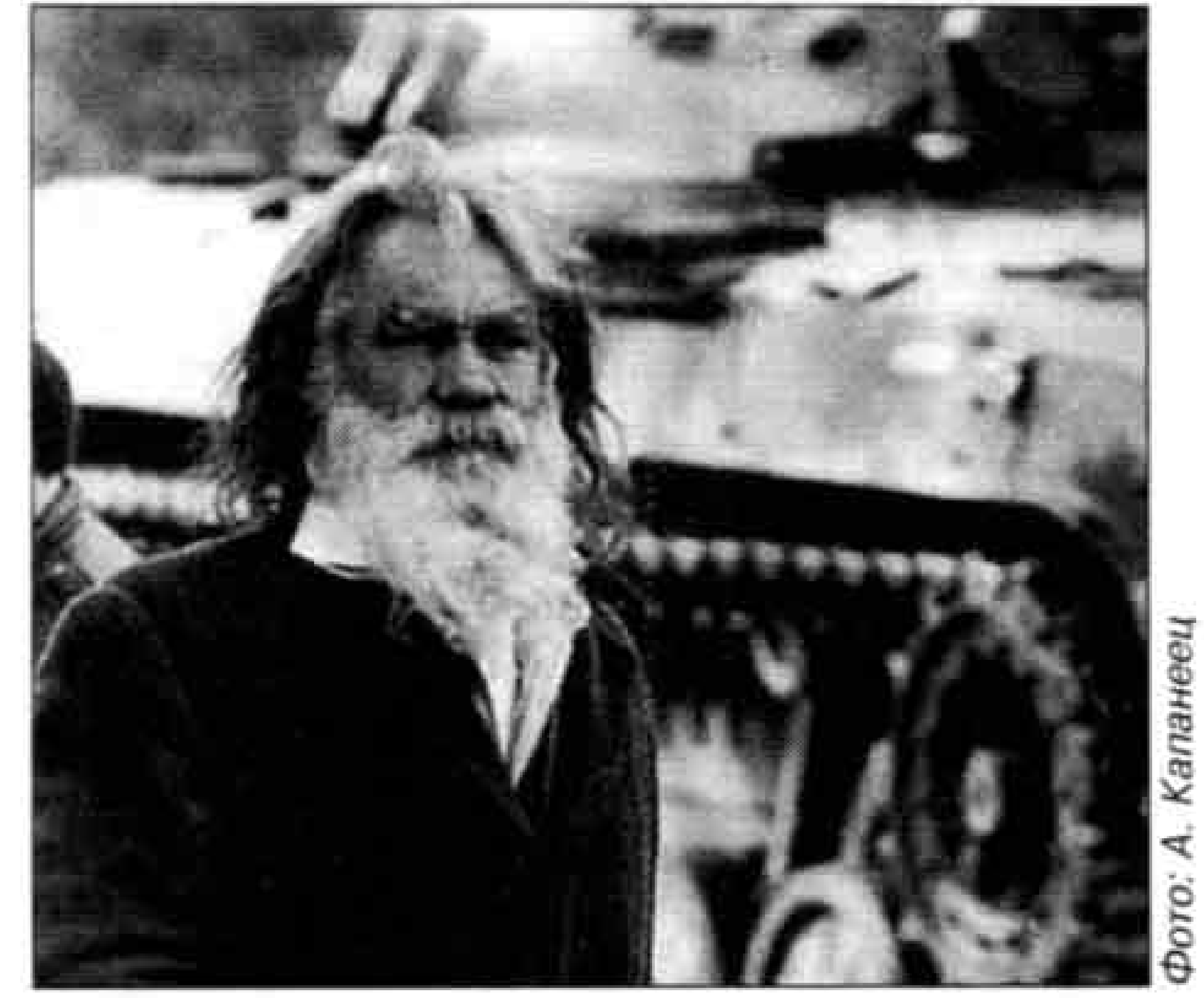

Фото: А. Капанеец

Фото: Г. Баксичев

На следующий день начался штурм парламента.

служба Петровки, 38, вы правильно сказали: завтра исполняется 75 лет уголовному розыску. Полковник Шишаев Иван Дмитриевич, 66-го года, отдал всю свою жизнь борьбе с преступниками, он задержал десятки бандитов, а сегодня был убит без оружия. ***– Наших тоже 35 полегло сегодня.*** *– Больше ляжет.* ***– «Больше ляжет» – ну нельзя так жестоко ребята, ну что вы, грех ведь...*** *– И будет так. Вы пошли с оружием против нас, а мы теперь пойдем с оружием против вас. Понял? – Слушай, твои не полегли. Они сдохли, как собаки. Прекрати эту ерунду. Лучше выходи, накрывайся белой простыней и выходи.* ***– Богу будет угодно, надену и выйду.*** *– Вас уже предали анафеме, скоты паршивые.* ***– Кто предал: Ельцин, что ли, или сатана?*** *– Внимание, внимание... Внимание, внимание, всем сотрудникам милиции: я, сотрудник милиции, обещаю, что я отомщу за наших ребят, погибших сегодня, всем защитникам Белого Дома. Готовьтесь, гады.* ***– Зря ты, парень, зря... понятно, так.*** *– Обезьяна, рот закрой, урою. Подонок. – Внимание, внимание... Ребята, присоединяйтесь.* ***– Бог с вами, мужики.*** *– О чем говорить, все присоединились давно!* – «Иртыш-3», я «Пион», прием. *– Мы им, гадам! – К кому присоединяться? – Сука, ложись спать, скоро тебя Руцкой ***ть будет! – Вот молодец, *ля (довольный смех). – Мужики... а у Руцкого еще женилка не выросла или уже совсем согнулась. – Он ее в Афганистане оставил, в плену. – Это хорошо... Так его арабы, мусульмане, наверное, и сделали ему, так сказать, обрезание... Он уже у нас мусульманин. – У него жена мусульманка! Хасбулатовка, елки-палки!* – Работающим на четвертом канале не выходить в эфир. Понятно или нет? *– Вот я четыре дня вашу работу слышу, как придурки там толкались на Баррикадной. Взялись бы за ум или разум, то там «воду включать» – «не включать», «давай подумаем».* ***– Ребята, вы прямо как фашисты рассуждаете.*** *– Почему как фашисты? Мы дождались того, что нам морду понабивали.*

04:16.

– Руцкой уже в Чечне давно. – Да нет, он еще здесь, ему и так отлично. – Ребята, давайте выходить отсюда к людям, идите до выхода, да внимательно смотрите. – Ребята, примите его, пулю ему в лоб. – «Пион», «Крым-1», ответьте. ***– ...а в том, что есть много людей, которым...*** *– А его на стекляшку, на ***.* ***– Добро, не дрочи...*** *– И ты тоже, с ними вместе. – Ты прав. – Их там, в Белом Доме, много вот таких кретинов среди коммунистов.* ***– С чего ты взял, что это Белый Дом?*** *– Откуда ты там забрался и вещаешь втихаря?* ***– Не втихаря, я ... Останкино.*** *– Слушай, не ври, Останкино! – Ну-ка, ответь... – .. из Белого Дома. – Ну где он, Руцкой, отвечай!* ***– Слушаю тебя, мальчишка... Какой такой Руцкой?*** *– Просто Руцкой.* ***– Ты кто, жидовская морда?*** *– Никак не похож.* ***– Тебя картавые научили по-своему говорить?*** *– Я Руцкого прошу. – Руцкой жалко что третий раз с вертолета не *****лся.* – (женский голос) *– Мужики, вы заколебали уже всех, поняли? – Мужики, ложитесь спать, ну вас на **р. За**али всех уже...*

Русский ночной разговор, вернее, его запись, обрывается в 5:43 утра 4 октября 1993 года. Поднимался новый день. Через час начнётся стрельба у Белого Дома. В три пополудни туда войдут бойцы группы «Альфа». В шесть они выведут Руцкого, Хасбулатова, Макашова...

В этих событиях тоже есть свои «тайны» (ну, хотя бы кто и в кого стрелял 4 октября? сколько же всего было погибших в «малой гражданской»? почему в часы боя центр Москвы кишел толпами народа?) и свои мифы. И они заслуживают отдельного рассмотрения.

Но вернёмся обратно, в третье октября 1993 года.

Пройдя этот длинный день до вечера, понимаешь весь неожиданный смысл слов Михаила Гефтера: «*причудливая, чудовищная смесь безвластия и всевластия, безвластия во всевластии, которое вовлекло в себя тысячи и тысячи душ и оказалось способным довести их едва ли не до всеобщего помешательства*».

Желание всеобщего контроля, иллюзия полной управляемости (образцовая шагистика и размеренная по часам смена караулов у Белого Дома) обернулись тем, что при первом же столкновении с реальностью весь этот «порядок» рассыпался. Город, казалось бы, переполненный людьми в форме, был ими моментально покинут.

Описывая происходившее 3 октября, многие произносят слово «заговор», но было ли для него место в тот день? Столкновение многих воль и планов привело к тому, что события не только развивались вопреки каждому из этих планов, но уже и не охватывались, не осознавались, не осмысливались как целое ни одним из действующих лиц, ни одним из штабов, ни одной из сторон.

Одни отдавали приказы, не зная изменившуюся обстановку. Эти приказы понимали и исполняли не так, как было задумано. Разорваны причинно-следственные связи. Сквозь всё это в отрывочных репликах проступают людские настроения, мысли. Именно так история в замешательстве выбирает путь дальнейшего течения.

На следующий день начался штурм парламента.

Именно в таких точках бифуркации, ветвления малое воздействие имеет макроскопический результат, от выбора и действий отдельного человека зависит общий итог. Бывает, что так творится история.

Но был ли это выбор 3 октября?

Представим – что могло бы измениться, если бы одна из многих случайностей повернулась бы иначе?

Если бы руководство московской милиции расположило бы силы по-иному? Или, решив всё-таки удерживать Крымский мост, смогли бы локализовать столкновения на левом берегу Москвы-реки?

Если бы не случился рапорт генерала Голубца, спровоцировавший вселенский драп? Если бы у Белого Дома вновь сомкнули оцепление, взяв прошедших туда в «мешок»? Вряд ли обошлось бы без оружия и спецсредств...

Или если бы не был снят кордон на площади Восстания? Если бы не было принято решение уводить войска от столкновений с толпой? Тогда бы «столкновения» начались там, на Садовом кольце...

А если бы «демократы» по призыву Гайдара не брали в ночь под охрану Красную площадь, Эхо Москвы, Моссовет?

Если бы не котенёвские «афганцы» не ввязались утром в штурм парламента?

Если бы «Альфа», пошедшая-таки на штурм, не сделала то, что сделала, – «воевала» бы, а не вывела бы людей из Белого Дома?

Может, где-то здесь и есть выбор, «развилка»?

Не знаю.

Да, стройное течение московской жизни нарушилось после двух пополудни, когда толпы демонстрантов прорвались сквозь милицейские кордоны к Белому Дому и устремились в Останкино.

Но «силы правопорядка» действительно отошли (или панически бежали, кому как нравится), перегруппировались и нанесли жестокий ответный удар.

Да, в штабах паниковали и озирались в поисках «перешедших на сторону народа», сиречь Руцкого. Но таковых на самом-то деле не нашлось. Все они уже твёрдо определились – нет, не «за», а «против» кого будут действовать. И эта неумолимая решимость действовать жёстко сложилась ещё накануне, 2 октября.

То, что взведённая до предела пружина начала разматываться именно 3 октября, – случайность. Но выбора, похоже, не было. Поставив друг против друга «силовиков», которые защищали прежде всего самих себя, и агрессивных демонстрантов, предопределили именно такое развитие событий.

Внутренняя готовность к применению силы была и у тех, и у других, – равно как обе стороны не были готовы использовать переговоры для разрешения кризиса.

Чтобы переговоры были успешны, чтобы они не превратились в фарс, необходим был признаваемый обеими сторонами моральный авторитет, арбитр, под эгидой которого и идёт мирный процесс. Такого в России-93 не нашлось. Несмотря на произносившиеся слова уважения в адрес Патриарха и Русской православной церкви, те таковыми, очевидно, не были – ни для парламентской, ни для президентской стороны. Не было третьей силы, авторитета, арбитра, к которому могли бы апеллировать обе стороны.

Другое необходимое условие – полномочные делегации на переговорах должны иметь реальные полномочия, а сами стороны – сохранять управляемость. Но в Белом Доме в те дни насчитывали чуть ли не дюжину «штабов», центров власти с различным весом. За пределами кольца оцепления, в уличных акциях тоже было по крайней мере, несколько лидеров, боровшихся за влияние. Но внутри каждой из сторон сильнее были «партии войны». Силовые структуры уже не подчинялись политическим, а действовали самостоятельно, исходя из своего понимания ситуации и логики событий.

Был один местный, локальный успех в переговорах – 2 октября удалось остановить развитие событий на Смоленской площади по сценарию 3 октября (вот ещё одна тема, нуждающаяся в подробном описании!) и развести «воюющие стороны»! Тогда удалось в уличном противостоянии избежать, казалось бы, неминуемого разгона манифестантов, захвативших участок Садового кольца. Но успешно проведший 2 октября переговоры Илья Константинов 3 октября на Октябрьской уже не владел толпой. Он растерянно стоял на Октябрьской площади, пока ведомая совсем другими людьми масса демонстрантов выдвигалась в сторону Крымского моста... Зато обе стороны восприняли те события как прелюдию. Для вышестоящего милицейского начальства это была недопустимая слабость, и оно требовало «действовать жёстко». Участники столкновений вспоминали, «как мы им дали»... Ни для тех, ни для других вчерашние соглашения ничего не значили.

После прорыва блокады Белого Дома лидеры парламентской стороны по сути стали заложниками ситуации, не управляли толпой, не успокаивали её, а следовали её желаниям. Так же, как до этого утратили управление ситуацией в самом Белом Доме, когда «сдали» переговорщиков радикалам.

Единственные успешные переговоры – с позиции силы – провела «Альфа» в Белом Доме 4 октября, прекратив кровопролитие и навязав эту свою волю обеим сторонам. Но спецназовцы отнюдь не были награждены за этот поступок, может быть, самый достойный в истории «Группы А». Впрочем, это ещё одна совсем другая история.

Так что, похоже, трагическая развязка была неизбежна, и ответственность за начало «малой

Волонтеры сандружин выносили убитых и раненых. Фото: Д. Борко

На следующий день начался штурм парламента.

гражданской» лежит на обеих сторонах. Другое дело – ответственность за кровопролитие. И неизбирательное применение силы против толпы в Останкино – безусловно, преступление.

Только кто был той «первой стороной» конфликта? «Силовики» – да, «власть» – да, но отложившиеся в общественном сознании «демократы»? Они-то уже не были ни стороной, ни даже участниками конфликта. И трагикомическое несовпадение Гайдара, призывавшего своих сторонников «защитить демократию» в те минуты, когда генералы рапортовали о том, что всё успешно защитили. Именно тогда, в Октябре, объект стал субъектом, орудие, волшебное кольцо, начало действовать самостоятельно.

Когда всё решалось на улице, что-то сделать было уже невозможно. И тут возникает вопрос для них (для «нас»): а когда мы упустили, утратили эту способность участвовать в событиях, влиять на них? Где и когда это произошло, между летом 91-го и осенью 93-го? Наверное, именно там и случился тот незамеченный, но определяющий историю наших девяностых выбор... Как он был сделан – действием или просто отношением к происходящему?

И был ли в тех событиях достойный выход – не для людей вообще, но для отдельного человека?

А вот чего точно не было – так это расследования, и теперь можно сказать, почему.

Московский 1993-й оказался неожиданно похож на «93-й год» Виктора Гюго – там канонира, усмирившего пушку, сорвавшуюся с креплений и разнесшую корвет вдребезги, вначале награждают, а затем – расстреливают.

Те же самые генералы, что «прославились» в Останкино, остановив толпу пулемётными очередями, до этого своими неумелыми действиями выпустили ситуацию из-под контроля. И что, они сами себя будут расстреливать, предварительно наградив? Заинтересованных в расследовании не было не только среди побеждённых, но и среди победителей.

«Тайна события» всё дальше уходит в прошлое. Первая Чечня, взрывы домов, вторая Чечня, Норд-Ост, Беслан – и каждая трагедия рождает новые вопросы. Большая кровь 1993-го забывается. И сбывается пророчество Гефтера «*первый спазм гражданской войны превратился в перманентное, скрытое ожидание ее, в готовность к ней...*»

И у нас нет другого пути, кроме как искать ответы. А для этой работы нет срока давности.

Post Scriptum

У читателя не мог не возникнуть вопрос о главном источнике, использованном в этой публикации, – о расшифровках переговоров милиции и внутренних войск.

Источников несколько. Во-первых, мониторинг милицейского эфира вёл Оперативный штаб Моссовета, вплоть до отнюдь не добровольного прекращения его около 18:00 3 октября. Наиболее «интересные» записи были сделаны самими сотрудниками правоохранительных органов и переданы журналистам, в частности, «Новой газеты» и «Комсомольской правды». Первую журналисты отдали нам сами, а за вторую автору пришлось заплатить немалые, по его понятию, деньги из своего кармана. Аутентичность этих записей вполне проверялась перекрёстным сравнением фрагментов, «перекрывавшихся» по времени с первым источником. Наконец, 4 октября сигнал с военных и милицейских частот ретранслировали некоторые московские FM-радиостанции. Но это уже совсем другая история...

---

1 Для молодого читателя – ещё одна загадка, тетраграмматон: Государственный комитет по чрезвычайному положению.

2 Замечание члена правления Международного общества «Мемориал» Александра Даниэля.

3 Собственно, это доказал прошедший весной 1993 года референдум: голоса сторонников президента и парламента распределились почти поровну.

4 М. Гефтер тогда же вышел из Президентского совета.

5 Исследовательскую группу в Правозащитном центре «Мемориал» возглавил Александр Соколов, он же организовал описание видеоматериалов. Систематизацию и описание печатных материалов, включая СМИ, проводили Дмитрий Зубарев и Ольга Трусевич. Над хроникой событий работал Геннадий Кузовкин (автор заранее приносит извинения многочисленным участникам той работы, не названным здесь). Многие «мемориальцы» участвовали в тех событиях в составе санитарных дружин, оказывавших помощь и вывозивших раненых из районов столкновений, – из Останкино и от Белого Дома. В ходе событий «мемориальцы» вели мониторинг ситуации в Москве, ставшей «горячей точкой» (говоря об этой работе, прежде всего необходимо назвать Виктора Булгакова, Дмитрия Леонова и Олега Орлова).

6 Руцкой А.В. Лефортовские протоколы. – М.: Палея, 1994.

7 Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия.– М.: ТОО «СИМС», 1994.
В Интернете: http://sovnarkom.ru/BOOKS/HASBULAT/hasb0.htm

8 Иванов Иван. Анафема. – 2-е изд – М.: ИИПК «Ихтиос», Союз писателей России, 2003.
В Интернете: http://www.sovnarkom.ru/BOOKS/IVANOV.I/ANAFEMA.HTM/1993.htm

9 Москва. Осень-93. Хроника противостояния./Сост. Железнова Н.Л., Панова А.Г., Сурков А.П./Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика» Комитета РФ по печати.– М.: Республика, 1994.

10 Куликов А.: Тяжелые звезды.М.: Изд. „Война и мир букс", 2002.
В Интернете: http://1993.sovnarkom.ru/TEXT/KULIKOV/KASK.htm

11 А. Тарасов. Провокация. Версия событий 3-4 октября 1993 года в Москве. – М., 4 октября – 13 ноября 1993 г.

12 Злого умысла в тех писаниях было не более, чем у средневекового монаха, при переписывании Иосифа Флавия добавившего фрагмент о бытии Иисуса: если в древнем пергаменте об этом не было сказано, то лишь по ошибке, которую надлежало устранить...

13 См. «Русский дневной разговор».

14 Была даже издана их стенограмма: Тишайшие переговоры. 1-3 октября в Москве. Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре.– М.: Магистериум, 1993.

15 Ельцин Б.Н. Записки президента. – М.: Огонек, 1994. – С. 375.

Фото: Д. Борко

«ТАКАЯ У МЕНЯ СУДЬБА – БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ»

С историком украинского правозащитного движения, бывшим политическим заключенным **Василем Овсиенко** в Киеве беседует главный редактор «Карты» **Андрей Блинушов**.

– Понимаете, Андрей, есть «досиденты», «сиденты» и «отсиденты». Последние автоматически становятся опять «досидентами», «сидентами» и «отсидентами»…

– По кругу?

– Да... Я по этому кругу прошел трижды. У меня три судимости. А «досидентом» я был в течение двадцати трех лет. На 24-м году уже посадили...

Родился я в 1949 году в Украине, на Житомирщине, в Радомышльском районе, в селе Ставки. По-русски – Пруды. Но с 1924-го по 2001 год село называлось Ленино. Только в прошлом году вернули прежнее имя. Родители мои – крестьяне. Мать даже неграмотная. А у отца два класса образования. Я окончил среднюю школу в своем селе в 1966 году и попробовал поступить в Киевский университет, но не удалось. Поработал немного в колхозе, а потом – в редакции районной газеты. Не в своем районе, а в Народичском (Народичи потом очень сильно пострадали в Чернобыльской трагедии). Там проработал до 1967 года, а потом поступил-таки в Киевский университет на отделение украинской филологии. И, слава Богу, успел закончить. Это было в 1972 году.

В студенческие годы, начиная с первого курса, я получал, читал и распространял самиздат. Получал, в основном, от преподавателей, среди которых особенно выделялся Василь Лисовой, он читал курс логики.

– А что тогда у вас в самиздате ходило?

– Многое ходило. В основном, это был украинский самиздат[1]. Самое первое, помню, был дневник Василя Симоненко. Это выдающийся поэт, шестидесятник. Умер он двадцати девяти лет от роду, в 1965 году. И вот его дневник и его стихи ходили. А в 1968 году в руки мне попала фундаментальная самиздатовская вещь Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» У меня были два фотоотпечатка со 181-й странички машинописи и фотопленка. Отпечатки я отдал и сам напечатал еще шесть экземпляров. Это было летом 68-го. В семидесятом начал выходить «Украинский вестник» под редакцией Вячеслава Чорновила, вышло 5 номеров. Это был довольно большой журнал, от ста до двухсот страниц машинописи. Иллюстрации были на фотографиях. В нем собирались самые яркие вещи украинского самиздата, была и текущая информация. Чем-то это было похоже на «Хронику текущих собы-

---

[1] *Украинский самиздат в основном сосредоточен на национальной проблеме (в этом смысле он несколько уже, чем российский), рассматриваемой в политическом, историческом и культурном аспектах. По этой причине большая часть украинского самиздата осталась достоянием только украиноязычного читателя. В украинском самиздате было немного социально-экономической публицистики и философских работ. Тем не менее именно в самиздате распространились самые глубокие и сильные публицистические статьи, написанные в Украине. Наиболее известными авторами самиздата были Иван Дзюба, Евгений Сверстюк, Иван Светличный, Леонид Плющ, Валентин Мороз, Вячеслав Чорновил.*

Евгений Захаров «Диссидентское движение в Украине» (1954 – 1987)

тий», но была и публицистика, и даже были художественные произведения. Распространяли его в фотокопиях. Помню целый роман Михайлы Осадчего «Бельмо», статьи Сверстюка «К празднику матери», «Иван Котляревский смеется», потом его «Собор в лесах». Это рецензия на роман Олеся Гончара «Собор» и вещь более глубокая, чем сам роман. Была книга Чорновила «Горе от ума». Это сборник очерков о 20 «преступниках», тех, кто был арестован в 1965-м. Чорновил потом получил за нее три года. А в 1996-м – Шевченковскую премию. Была еще одна его вещь: «66 ответов интернационалисту. Что и как защищает Б. Стенчук?» И много еще чего было…

– Насколько широко самиздат ходил среди киевских студентов?

– Не очень широко. Довольно ограниченный кружок. На моем курсе, я знаю, некоторые читали самиздат, но, кажется, у меня его было больше всех. Бывало так: я получал какую-то вещь, запускал, она шла к тому, другому, третьему, а потом и мне дают почитать. Я, конечно, подержу для виду час-другой и отдаю, конспирируюсь, будто это не от меня пошло *(смеется)*… Кстати, есть хорошее исследование по истории диссидентства Георгия Касьянова «Несогласные: Украинская интеллигенция в движении сопротивления 1960-1980-х годов». Там есть полторы строчки о том, что «самиздат в университете активно распространял В. Овсиенко». Я очень дорожу этой строкой, ибо я знаю, что за этим стоит. Это означает, что у меня в портфеле каждый день был самиздат. Или почти каждый. И это было очень опасно.

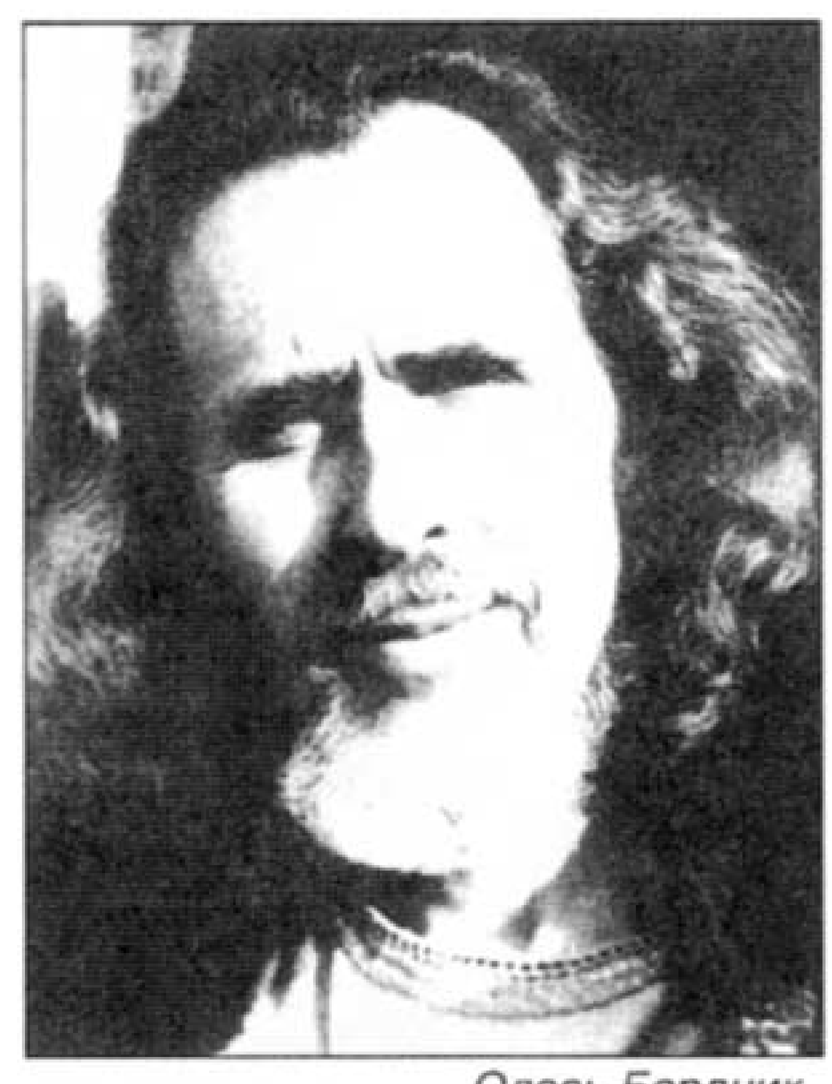
– И ни разу не выплыло?

– Да, ни разу я с этим не попался. Если бы попался, конечно, вылетел бы из комсомола, из университета, а то бы и посадили. Но, слава Богу, у меня было некоторое чутье на людей. Если я замечал, что человек непорядочен в мелочах, я такому никогда не предлагал самиздат. И как-то так пронесло… Кстати, когда меня арестовали – я студентом уже не был, – на меня пришел посмотреть университетский гэбист Люшенко. Как это так, я пять лет самиздат распространял в его епархии и это прошло мимо него.

– Проморгал…

– Да, так получается… В 1972 году началась, как вы знаете, кампания по искоренению самиздата. У нас на Украине был разыгран такой особый детективный сюжет, со «шпионажем». Нам придумали шпиона. Я затрудняюсь утверждать, да и никто не возьмется утверждать, что за человек такой был Ярослав Добош. Но он сыграл очень плохую роль. Ему было двадцать пять лет, он жил в Бельгии и состоял членом украинской молодежной организации. Вряд ли он являлся какой-либо значительной фигурой. Мне довелось читать кое-что из протоколов его допросов. Он говорит какие-то примитивные вещи и много путается. Видимо, слишком быстро заучивал свою легенду и потому многое путал. Однако же, он приехал сюда и во Львове встретился с некоторыми людьми, а в Киеве – с Иваном Светличным и с другими. Конечно, когда он возвращался, его арестовали. Это было под Новый, 72-ой год. И послужило сигналом для арестов шестидесятников.

Я склонен думать, что Добош был ***их*** человек. Думаю, что его спешно завербовали и под-

Олесь Бердник

Вячеслав Чорновил

Иван Гончар

готовили, чтобы разыграть *внешний повод* для исполнения постановления ЦК. И 12 января 1972 года аресты начались по всей Украине. Более всего в Киеве. Взяли несколько десятков человек, прошли сотни обысков. Потом еще брали, брали и так взяли где-то около сотни людей, а может быть даже и больше, трудно подсчитать. Я не был в первых рядах, меня взяли немного позже.

Это был большой удар по движению. Я смотрел на этих людей снизу вверх, как на небожителей. Действительно, это были большие моральные авторитеты…

– А вы были лично знакомы с кем-нибудь из них?

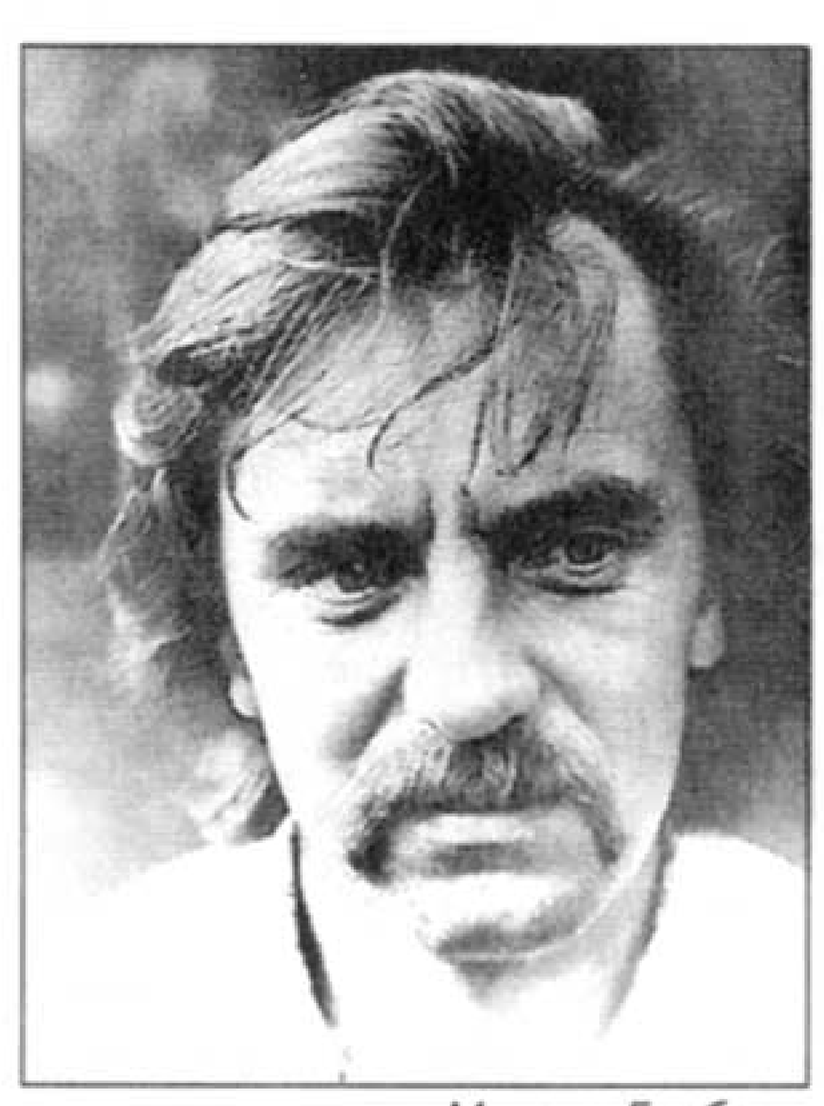
– Очень мало с кем, очень мало. Только через самиздат. Собственно, Василь Лисовой давал мне самиздат, и этого было достаточно. А личные знакомства были опасны для студента. Меня бы сразу исключили. Многих моих знакомых, когда я учился, исключили именно за знакомства, а не за то, что они что-либо сделали. Вели себя неаккуратно, попадались на мелочах и вылетали. Я вел себя осторожнее, и диплом удалось получить.

Да, удар был тяжелый… Я видел, как тяжело это переживает Василь Лисовой. Он решил написать письмо протеста. «Надо, чтобы кто-то протестовал. Нельзя, чтобы на этом все кончилось. А раз некому, значит, вынужден я». Он это письмо готовил довольно долго, месяца три или четыре. Я помогал ему в технических вопросах: свозить к машинистке, спрятать и т.д. А параллельно Василь и его друг Евгений Пронюк – он тоже философ – решили выпустить очередной номер «Украинского вестника». Пять было выпущено, они сделали шестой. Это чтобы отвести подозрения от Чорновила. Так вот, оказалось, что во Львове тоже так решили и тоже выпустили шестой номер. И мы выпустили, и они… Моя роль в этом была опять чисто техническая. В это время я уже был на пятом курсе.

Лисовой отнес свое письмо в приемную ЦК КПУ 5 июля. А 6-го его уже арестовали. И Пронюка тоже. Кстати, тираж этого письма должен был забрать у машинистки я. К этому времени я уже закончил университет и должен был ехать в село, по распределению, в 100 километрах от Киева. Я сказал, что приеду, возьму, разложу по конвертам и отправлю по адресам. Но Василь не согласился, и письмо поехал забирать Пронюк. Его в дороге взяли, обыскали и, конечно, арестовали.

– А вот с этим письмом… Ведь он должен был понимать, что его арестуют…

– Конечно! Он сознательно на это шел. Это письмо было адресовано членам ЦК и депутатам Верховного Совета Украины. Заканчивалось оно так: «Хотя я не выступаю ни в роли ответственного, ни в роли свидетеля, ни в роли каким бы то ни было образом причастного к тому делу, которое именуется «делом Добоша», после подачи этого письма я несомненно окажусь в числе «врагов». Должно быть, это и правильно, потому что Добош освобожден, а «дело Добоша» – это уже просто дело, направленное против живого украинского народа и живой украинской культуры. Такое «дело» действительно обьединяет всех арестованных. Но я считаю себя тоже причастным к такому делу – вот почему прошу меня тоже арестовать и

Микола Горбаль

Иван Дзюба

Иван Кандыба

судить». Ну, конечно же, его «просьбу» удовлетворили чрезвычайно быстро.

– И что, Добош этот дал показания, что он – шпион?

– Да, тогда были сообщения, правда, не очень много. Однако в газетах «Радянська Украина», «Правда Украины» и «Вечерний Киев» дали информацию недели через три-четыре, что «арестован эмиссар заграничных частей ОУН Добош. В связи с делом Добоша и за проведение антисоветской агитации и пропаганды арестованы: Светличный, Сверстюк, Черновил и другие». Но никому из них все-таки не был инкриминирован шпионаж. Кстати, ни одна из этих газет не извинилась до сих пор.

Тогда за «антисоветчину», как правило, давали «на всю катушку»: 7 лет строгого режима и 5 ссылки. Мое имя выплыло в ходе следствия. Оно было известно уже в ноябре 72-го, но меня не трогали, только следили. У меня же остался на руках один экземпляр письма. Я пытался как-то от руки его размножить и сохранить. Но так оно никуда и не пошло тогда…

Вскоре и меня решили взять. Это произошло 5 марта 1973 года, как раз в день двадцатилетней годовщины со дня официальной смерти Сталина. Я работал тогда в Киевской области учителем украинского языка. И вот утром, по дороге в школу, меня взяли под ручки, и начались мои мытарства…

Полтора месяца я не давал показаний. Не то чтобы молчал, что-то говорил, но на вопросы по делу ответов не давал. И тогда мой следователь – Цимох Николай Иванович – сказал такую сакраментальную фразу: «Человеку свойственно защищаться. Вы не защищаетесь. У нас возникают подозрения относительно вашей психической полноценности». Она меня испугала. Я был наслышан о практике карательной психиатрии. Это, конечно, ужасно – в 24 года стать человекоподобным существом. Это казалось мне страшнее смерти. Я начал кое-что говорить, кое-что подтверждать… Конечно, они мне до конца не поверили и на экспертизу все-таки увезли. 18 суток там держали. Но уже такой угрозы, что оставят там навсегда – не было.

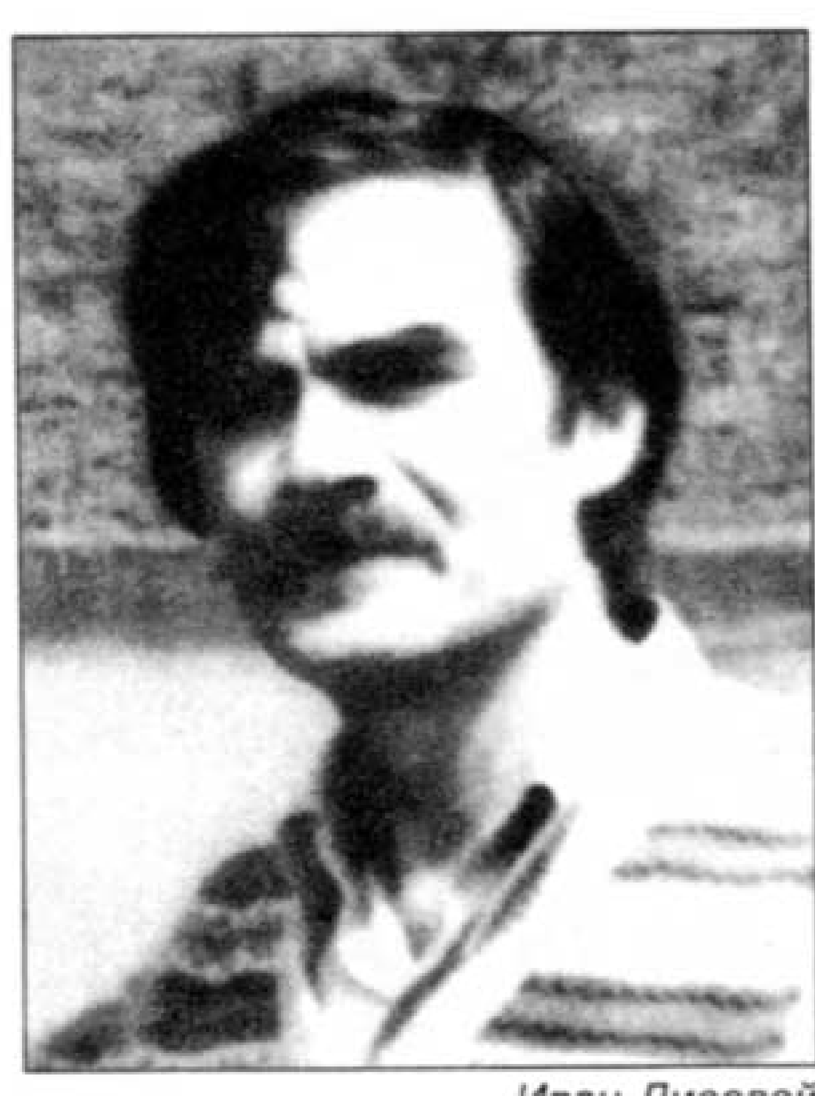
– Обвинение у вас было по 190-й статье?

– Нет, по 62-й. Это украинский аналог 70-й в России. Антисоветская агитация и пропаганда. Через суд они меня пропустили, объединив в одно дело с Лисовым и Пронюком. Пронюк получил на «всю катушку» – 7 и 5, Лисовой – 7 и 3. А мне дали 4. То есть они до конца моему «раскаянью» не поверили, видели, что оно неискренне…

– Долго шло следствие?

– Очень долго… Месяцев девять. А Лисовой с Пронюком еще дольше были под следствием. Сидели мы в Киеве. Владимирская, 33. Там во дворе КГБ была трехэтажная тюрьма. Говорят, ее сейчас переделали под кабинеты. Видимо, разрастаются… Да, вспомнил, 13 месяцев я там просидел…

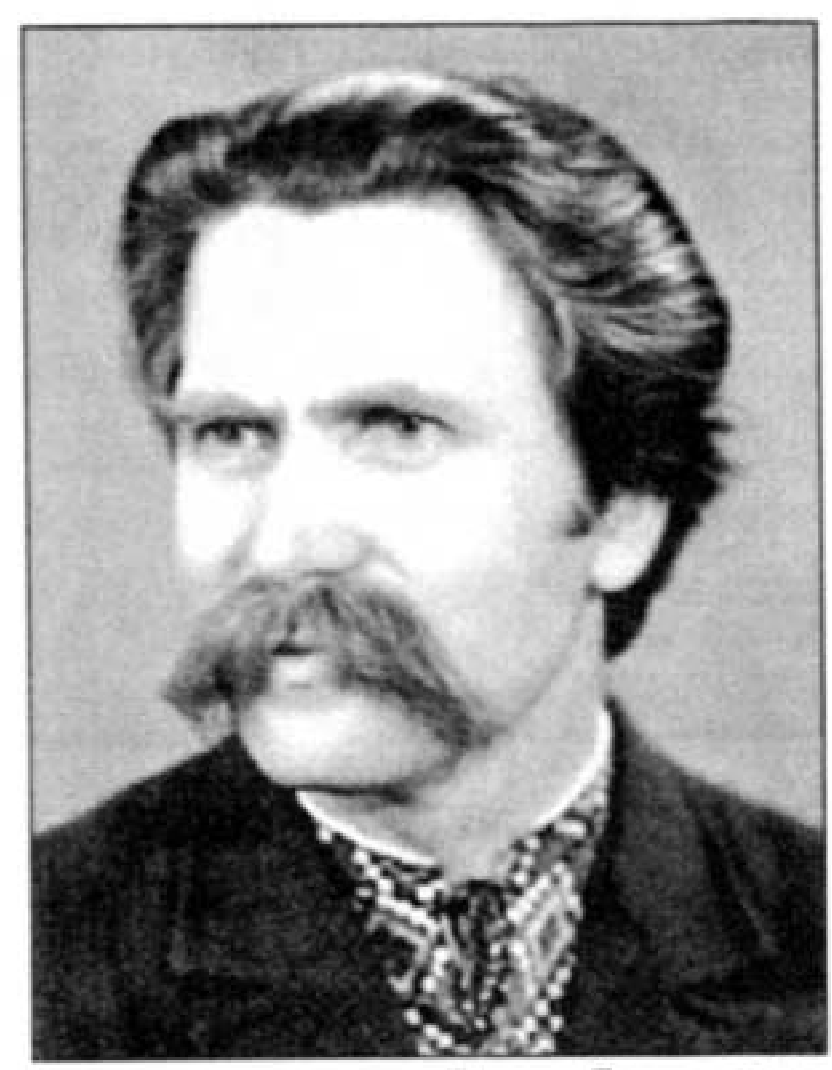
Суд состоялся в ноябре – декабре 1973 года. На суде у Пронюка был такой адвокат – Кржепицкий. Так вот он «защищал» его хорошо поставленным голосом *так*: «Подсудимые Пронюк, Лисовой и Овсиенко, вступив в преступный сговор…», я даже в зал взглянул – не удивляется ли кто? Нет, все воспринимают как должное. Такие тогда были понятия о роли и

Иван Лисовой

Юрий Литвин

Левко Лукьяненко

работе адвоката. Впрочем, он, конечно, был из «допущенных», из того гэбисткого списка, который нам формально предлагали…

И вот получил я свои 4 года. Отправили в Мордовию. 19-й лагерь, поселок Лесной. Основную часть срока я отбыл там. И вы знаете, когда попадаешь в такую среду, очень быстро опять на ноги становишься. Если бы они меня тогда отпустили из зала суда, я был бы сломленный. И кто знает, что из этого получилось бы… А так они отправили меня на «исправление», и оказалось, что не только я один такой, ну, скажем, не слишком героически прошедший по делу, а немного так согнувшись… В 1976-м я написал отказ от признания вины. Я написал, что мое признание было результатом психиатрического шантажа. Это их, конечно же, очень взбесило. Меня даже возили в Киев, надеясь сломить и заставить взять заявление об отказе обратно…

– Девятнадцатая – это была зона для политических?

– Да, ЖХ-385/19, поселок Лесной. Среда там была очень хорошая. Много было украинцев. Сидело даже около десятка повстанцев, членов УПА, двадцатипятилетников. Это были очень твердые люди образцового поведения. Очень достойно держались. Были литовские, латышские и эстонские партизаны. Были молодые люди из Прибалтики, были из Армении. Из русских почему-то много было монархистов. Помню – Аверочкин, Евгений Вагин, позже – Владимир Осипов… Примерно одна треть контингента – полицаи, тоже двадцатипятилетники. Ну, эти, в абсолютном большинстве, активно прислуживали администрации. Но в целом среда была очень хорошая. Я считаю, что Мордовия дала мне очень много. Очень…

– Получается, вы политзону вспоминаете с добрыми чувствами?

– Конечно, страдания страданиями, но все-таки больше было хорошего. Я научился сопротивляться. Участвовал во всех акциях протеста, в голодовках, сидел в карцере. И потому, наверное, меня освобождать привезли в Житомир и в этот же день в Радомышле поставили под надзор милиции, посадили, так сказать, «под колпак». Я не мог никуда выезжать без разрешения, с 9 вечера до 7 утра никуда не мог выйти из дома, каждую неделю – отметка в милиции. Работать в школе по специальности, конечно, не разрешили. Вообще, на пушечный выстрел к школе не подпускали. Пришлось приспосабливаться. Устроился в колхоз художником. Рисовал номера на машинах, соцобязательства и всякое такое…

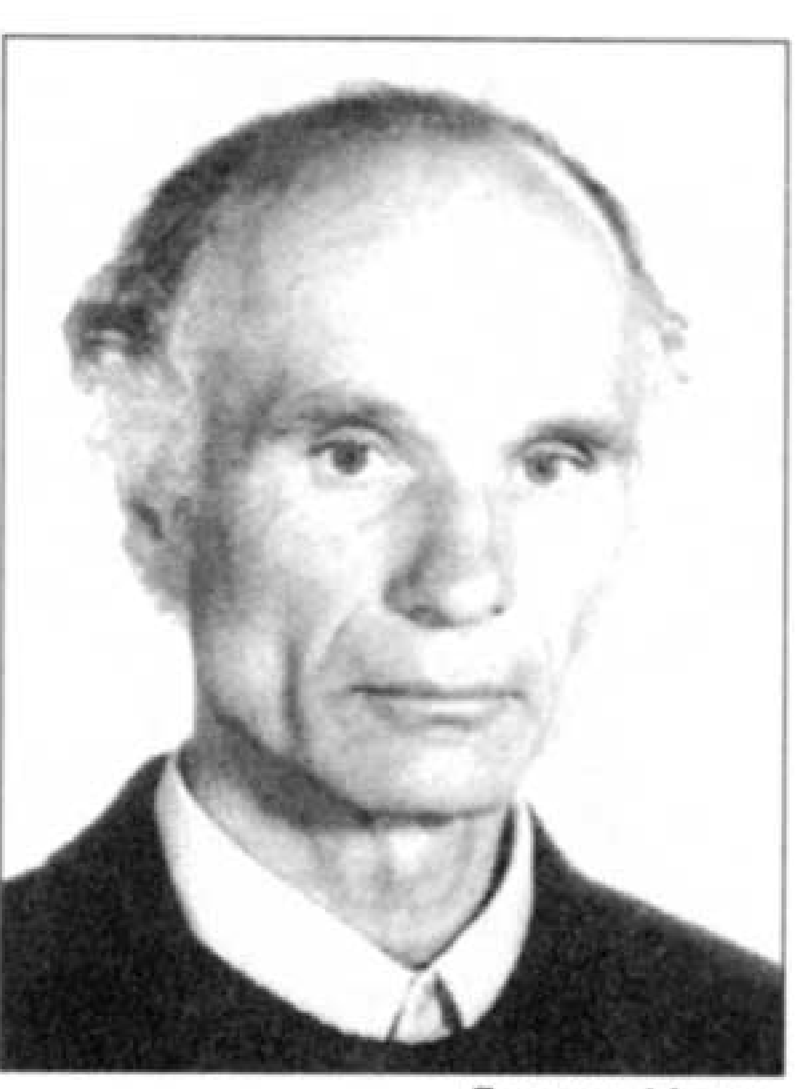
– А в лагере кем вам довелось работать?

– В лагере была разная работа... Одно время кидал уголь в кочегарке. Но базовым было деревообрабатывающее предприятие. Мы делали корпуса для часов «кукушка». А в 17-й зоне шил рабочие рукавицы.

– Кажется, в это же время там сидел Олег Сенин из рязанско-саратовско-петрозаводской группы «неомарксистов». Не встречали?

– Сенин? Нет, такого не было. А вот с Сашей Романовым из Саратова у меня там сложились очень хорошие отношения. Мы были одногодками, по 25 лет, и как-то так быстро

Валерий Марченко

Дмитро Мазур

Оксана Мешко

сошлись. Очень хорошие у меня впечатления остались о Саше Романове… А вот других из этой группы…

– Ее возглавлял Юрий Вудка.

(Подробнее о «саратовско-рязанско-петрозаводском деле» читайте журнал «Карта», №№ 3, 7, 8, 13, 14, 19, 20 – прим. ред.)

– А, Юрий Вудка! Так он сидел на Урале.

– Расскажите немного об общении в лагере.

– Есть такое украинское слово «громада». По-русски это нечто вроде общины, хотя и не совсем точно. Так вот, в лагере были разные громады – украинская, литовская, латышская, еврейская и другие. Украинская, пожалуй, была самая интенсивная по общению. Русские монархисты держались более обособленно. Общаться общались, но в акциях участие принимали редко. Отношения между громадами были хорошие.

А особенно хорошие отношения у украинцев сложились с литовцами, евреями, армянами и латышами. И с московскими демократами: Кронидом Любарским, Сашей Болонкиным и другими. Да, хорошие были отношения…

Вспоминается, идем мимо барака, а Саша Романов выдает такой экспромт: «Вот здесь живет потомок барский – Кронид Аркадьевич Любарский». Он любил такие эпиграммы сочинять…

– Рассказывают, что у вас там были такие общелагерные чаепития?

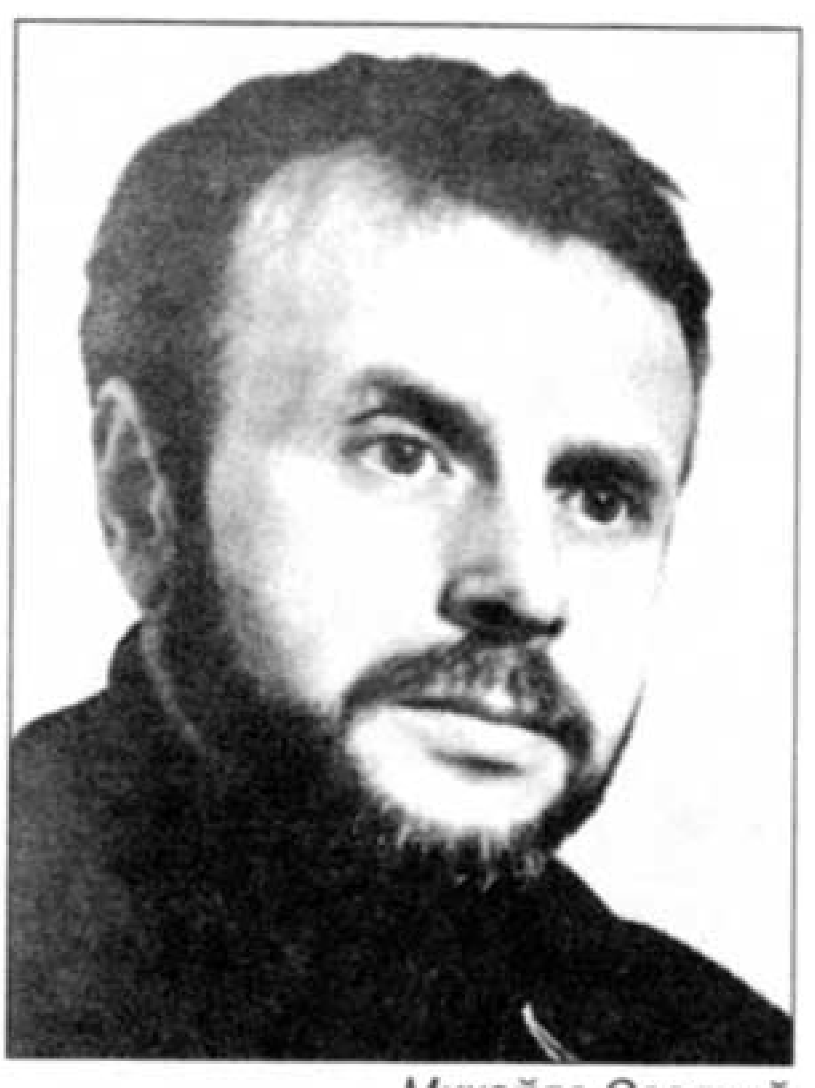
– Лагерь был довольно большой, гулаговской постройки, человек на тысячу. А нас всего было около трехсот человек. Так что было просторно. Некоторые бараки стояли совсем пустые и даже разрушались. Когда-то в лагере сидели немцы, и они понастроили везде столиков со скамеечками. И при нас еще многие сохранились. И вот, как правило, по воскресеньям собирались за этими столиками и заваривали чай. На трехлитровую банку обычно сыпали полпачки пятидесятиграммовой. Получалось довольно крепко. А в рот, под язык, клали такую твердую конфетку, «долгоиграющую», сидели и беседовали. Старались отмечать также праздники. Украинцы всегда отмечали Пасху и Рождество. Отмечали и дни рождения. Приглашали другие громады. Атмосфера между национальностями была уважительная и очень приятная.

– А уголовники в лагере были?

– Были, но очень мало. Из тех, знаете, что в своем лагере в чем-то проштрафились перед зэками, обычно в карты. Деваться им некуда и тогда они писали какой-нибудь глупейший антисоветский лозунг. Таким быстро давали 70-ю статью и переправляли на политическую зону. Вот, к примеру, был у нас такой Николай Сирык из Луганщины. Русскоязычный, но и по-украински тоже мог говорить. Так он нарисовал портрет Гитлера, поставил его вместо Ленина, а внизу подписал какую-то чушь. Еще один, будучи в больнице, исписал стены такими лозунгами: «XXV съезд КПСС – гроб нам». И нарисовал гроб и крест. Показалось мало, добавил: «Долой КПСС!» и «Брежнев – педераст». Вот такие «борцы» с советской властью. Их было мало. Они, конечно же, мешали, но в лагере такие не страшны. Их можно обойти. В лагере достаточно людей для общения. А вот когда в камере с таким сидеть приходится…

Валентин Мороз

Михайло Осадчий

Олекса Тихий

– Бывали у вас политические дискуссии, или вы старались их избегать?

– Да там все время была политическая дискуссия! Информация, конечно, была ограниченная. Ловили по газетам, между строк. На свиданиях тоже удавалось узнавать. А в 19-м лагере – и я знаю теперь, кто к этому причастен – одно время был радиоприемник. Его сделали Кронид Любарский, Людас Симутис и Сергей Бабич из Житомирской области. Как они его паяли, кто им детали в зону носил – этого я не знаю. Людас работал ночным электриком, слушал и записывал. Потом эта информация шла в лагерь. Правда, подавалась дозами, иногда специально задерживалась, чтобы не вызвать подозрений и не навести на след. Но в экстренных случаях приходилось говорить сразу. Помню, в августе 74-го меня отправляли в больницу. Ко мне подошли и сказали, чтобы в больнице я передал то-то и то-то тому-то и тому-то. И больше – никому. Остальным можно рассказать только через две недели. А информация была о том, что освободили из лагерей Симаса Кудирку, Сильву Зальмансон и еще кого-то из евреев.

Литовец Кудирка был знаменит. Он попытался остаться в Америке и перепрыгнул со своего судна на американское. Американский же капитан позволил советскому капитану с командой подняться к себе на борт и поймать Кудирку. Когда об этом узнал Никсон, он сказал, что это – позор для Америки. И были предприняты усилия, чтобы Кудирку освободить. И, действительно, в августе его освободили. И вот, меня сажают в «воронок» везти в больницу, а там сидит Израэль Зальмансон – брат Сильвы, – которого везут из карцера. Конечно, я ему сказал, что его сестра освобождена. Сказал по-английски, чтобы конвоиры не поняли. Он, когда услышал, чуть не до потолка прыгал от радости…

Так что информация до нас доходила. И от нас выходила тоже. Михаил Хейфец именно в лагере написал и переправил на волю свою первую вещь «Место и время». Название взято из анекдота о еврее, которого взял КГБ и вынудил написать письмо брату в Израиль. И вот он пишет: «Дорогой брат! Наконец-то я нашел место и время, чтобы написать тебе письмо». У Хейфеца тоже нашлось «место и время».

Да, много чего выходило из лагеря. В отличие от лагерей особого режима. Там это было делать очень трудно.

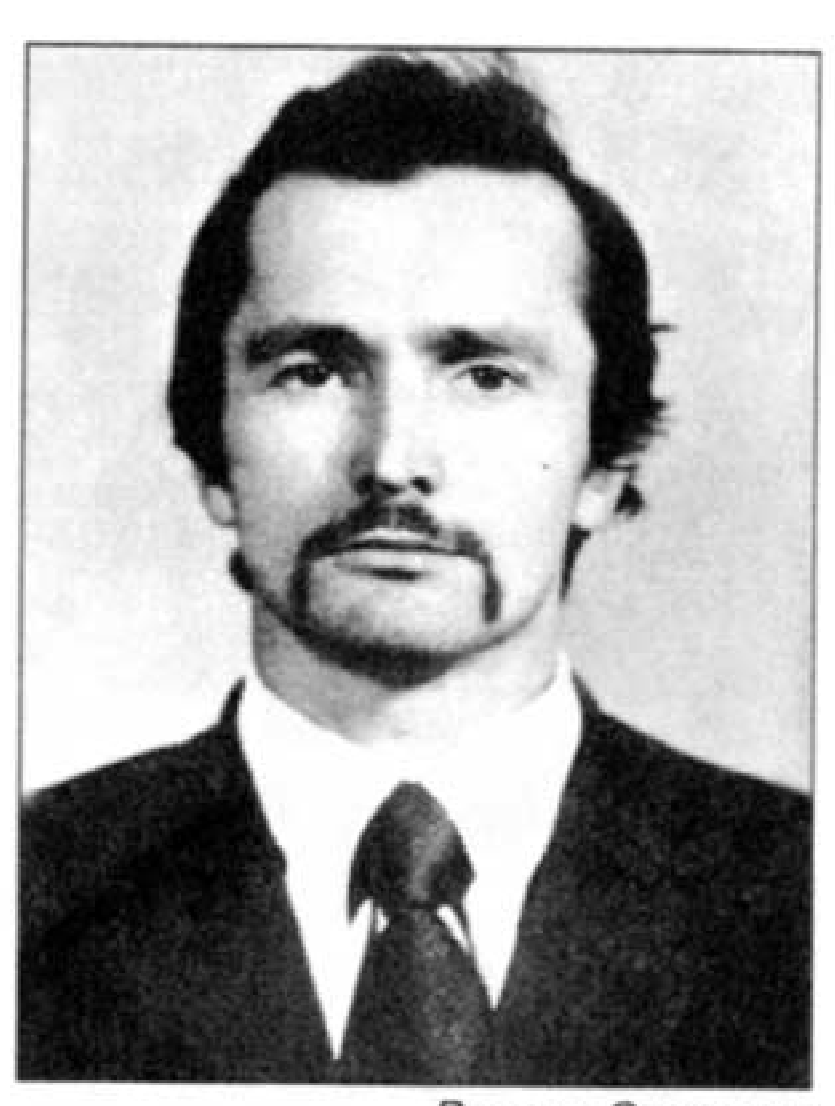
– Через кого это делали? Охрана? Вольнонаемные?

– Я не знаю всех каналов *(смеется)*. Но, скорее всего, через вольнонаемных. И на свиданиях тоже, конечно, выносили, в капсулах.

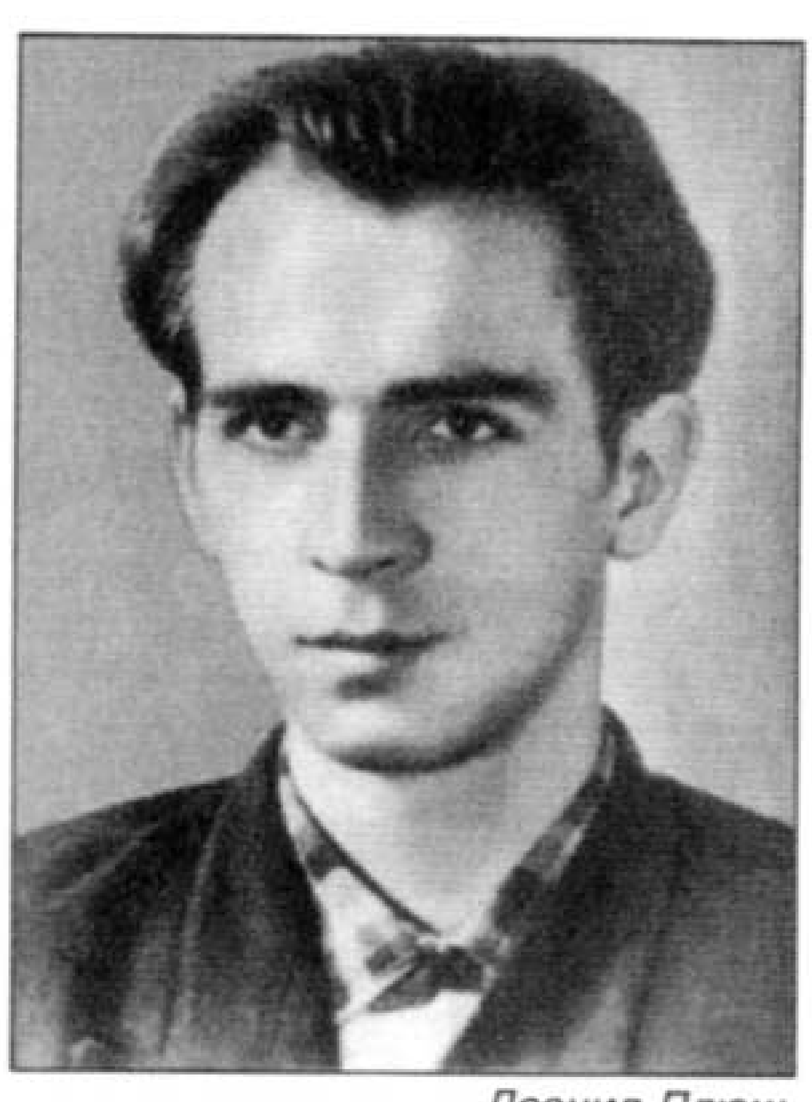
– А к вам родные приезжали?

– Приезжали. Но мои родные были такие, что я не имел морального права рисковать ими. Это простые люди, крестьяне. И толкать их на такую опасность я не мог. Надо, чтобы человек шел на это сознательно. Поэтому я ничего не писал и не передавал.

Когда я освободился 5 марта 77-го года, отец уже умер. Мать жила одна на селе. Я написал заявление, чтобы приняли на работу учителем. Ответ, конечно, был отрицательным. Я уже говорил, что таких как я, к школе и на пушечный выстрел не подпускали. Но аргументировал я в заявлении, как мне кажется, непло-

Василь Овсиенко

Леонид Плющ

Григорий Приходько

хо. Этот документ пошел в «Хронику текущих событий» и за границу. Так что на крючке у них я был сразу. В это момент Петр Григоренко написал мне письмо из Москвы на украинском языке (с ошибками, конечно, но на украинском): «Спасибо, что Вы сразу определились». И, как потом оказалось, по документам, меня уже подписывали как члена Украинской Хельсинкской группы. Хотя официально я такого заявления не делал. Я сделал это позже, в ноябре 1978 года.

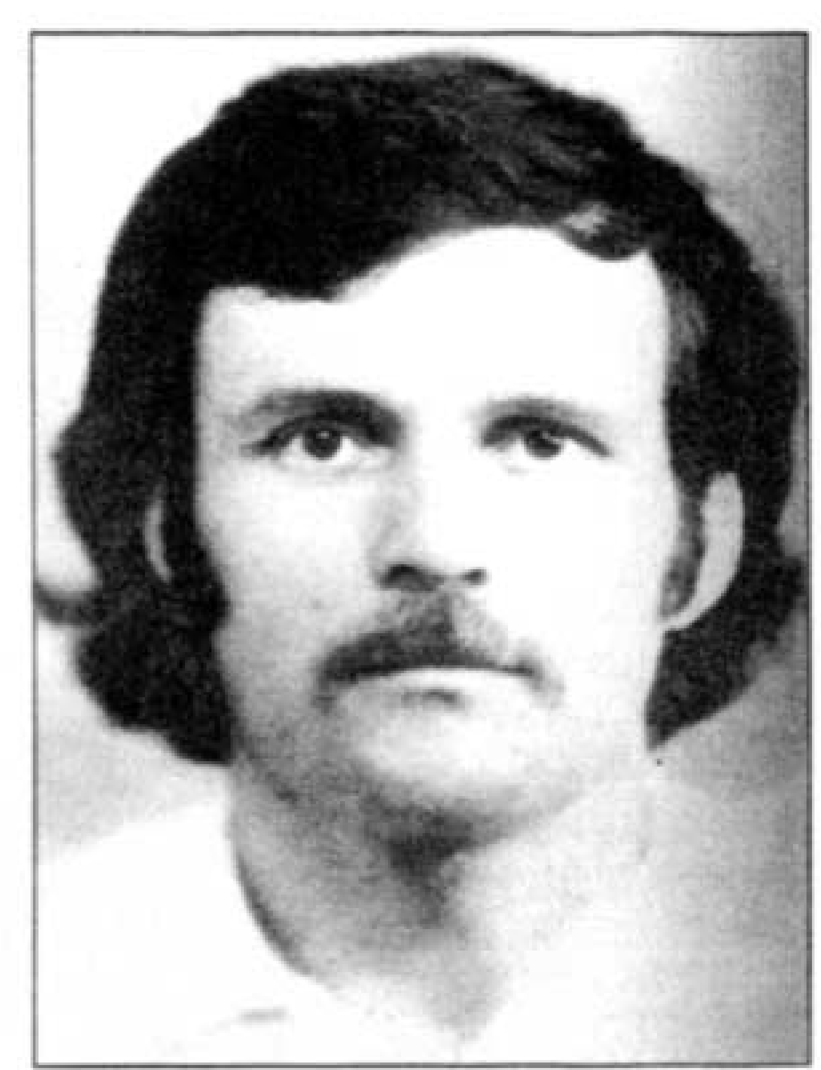
Когда я освободился, Микола Руденко и Олекса Тихий уже были под арестом. А вскоре Микола Матусевич, Мирослав Маринович, Левко Лукьяненко и другие. Я никуда не мог выезжать, сидел в своем селе под надзором, и надзор все усиливался и усиливался. Но все-таки написал несколько материалов, которые пошли в документы УХГ. Пока что без моего имени. И вот 18 ноября 1978 года – я уже полтора года был «на свободе» – ко мне приехала Оксана Яковлевна Мешко. Это выдающаяся личность! (Кстати, 22 сентября 2002 года в ее родном селе Старые Санжары школе было присвоено ее имя. Я ездил туда в связи с этим событием). Она 1905 года рождения, из казацкой семьи. Их село никогда не было покрепощено. Гордые были люди. Почти вся ее семья была уничтожена. Ей удалось выжить. В 1947 году ее обвинили в подготовке покушения на Хрущева. Он тогда был первым секретарем ЦК КПУ. Двадцать одни сутки ей не давали спать, допрашивали, ломали, чтобы она подписала признание. Она выдержала. Медицина утверждает, что это невозможно. Но она – выдержала. Двадцать одни сутки! Срок ей, конечно же, дали. Но в 1956-м, на десятом году отсидки, помиловали и сказали: «Родина просит извинения». В 60-е она активно распространяла самиздат. К ней первой пришел Руденко, когда создавали Хельсинкскую группу. И вот Оксана Яковлевна приехала ко мне и говорит: «Василь, некому работать в Хельсинкской группе». Я посмотрел на бабушку Оксану, которая вот уже 75 лет бьется с этой империей зла, и – согласился. Договорились, какие конкретные материалы я напишу. Договорились также, чтобы меня не подписывали под документами, пока не арестуют.

Разговаривали мы с ней на улице, потом я проводил ее на автостанцию (с ней была еще одна женщина). Вдруг подъезжает «газик», вылезают они: «Кто вы такие? Почему вы здесь?» А она им: «Я Оксана Якивна Мешко. А вы кто такие?» Они нас в «газик», завезли в сельсовет, обыскали, конечно же, обматерили, потом женщин – в «воронок» и увезли в райцентр, а меня отпустили. Ничего у нас не было найдено, и это их сильно раздражало. Видимо, они решили сорвать зло на мне. Тем более, что я вел себя довольно наступательно: «Почему нас задержали? Мы общественный порядок не нарушали». Тогда милиционер Славинский схватил меня за воротник – и в дверь. Придя домой, я написал на них заявление в суд о привлечении к ответственности «за превышение должностных полномочий, незаконное задержание и обыск».

Судили, конечно же, меня, а не их. Они быстренько состряпали задним числом уголовное дело о том, что я оказывал сопротивление милиционеру и оторвал у него две пуговицы от

Евгений Пронюк

Богдан Ребрик

Петро Рубан

мундира. Правда, меня не арестовывали, а держали под подпиской о невыезде.

Суд состоялся 7-8 ноября 1979 года в Радомышле. Обвинение по статье 188 прим: сопротивление сотруднику милиции. До пяти лет. Оксана Яковлевна нашла хорошего адвоката. Сергей Мартыш взялся защищать и хорошо построил защиту. Суд был открытым – дело уголовное. Было много родственников и просто публики. И люди видели, что делается, и некоторые даже открыто возмущались. А мы сказали всю правду. Прокурор просил 4,5 года, но судья дал 3. Конечно, он исполнял свою функцию, но чувствовалось, что ему неудобно. Настолько очевидна была фабрикация этого дела.

Два месяца я просидел в Житомире, пока шла кассация, а затем меня отправили в уголовный лагерь в город Вольнянск Запорожской области. Очень оригинальная это была зона. Почти у всех была 14-я статья – совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Поэтому все они подлежали принудительному лечению. Когда я говорил в зоне, что вообще не пил, мне просто не верили, а когда, чтобы отвязаться, сообщал, что трижды лечился от алкоголизма, тут же становился «своим». Конечно, мне было очень трудно. Особенно в начале. Совершенно чуждая среда, и эта среда на тебя агрессивно реагирует. Но через два-три месяца все встало на свои места. Люди видят, кто ты такой, как себя держишь. Особенно ценится, что ты не сотрудничаешь с администрацией, то есть не доносишь. А потом оказывается, что вокруг много нормальных людей, с которыми можно общаться. Оказывается, в уголовном лагере агрессивных процентов так 10-15. Именно они и задают уголовный тон. А остальные – обыкновенные советские люди, такие же, как и по другую сторону колючки. Просто одни попались, а другие – нет.

– А они знали, что вы – «политик»?

– Да, конечно. Я этого не скрывал.

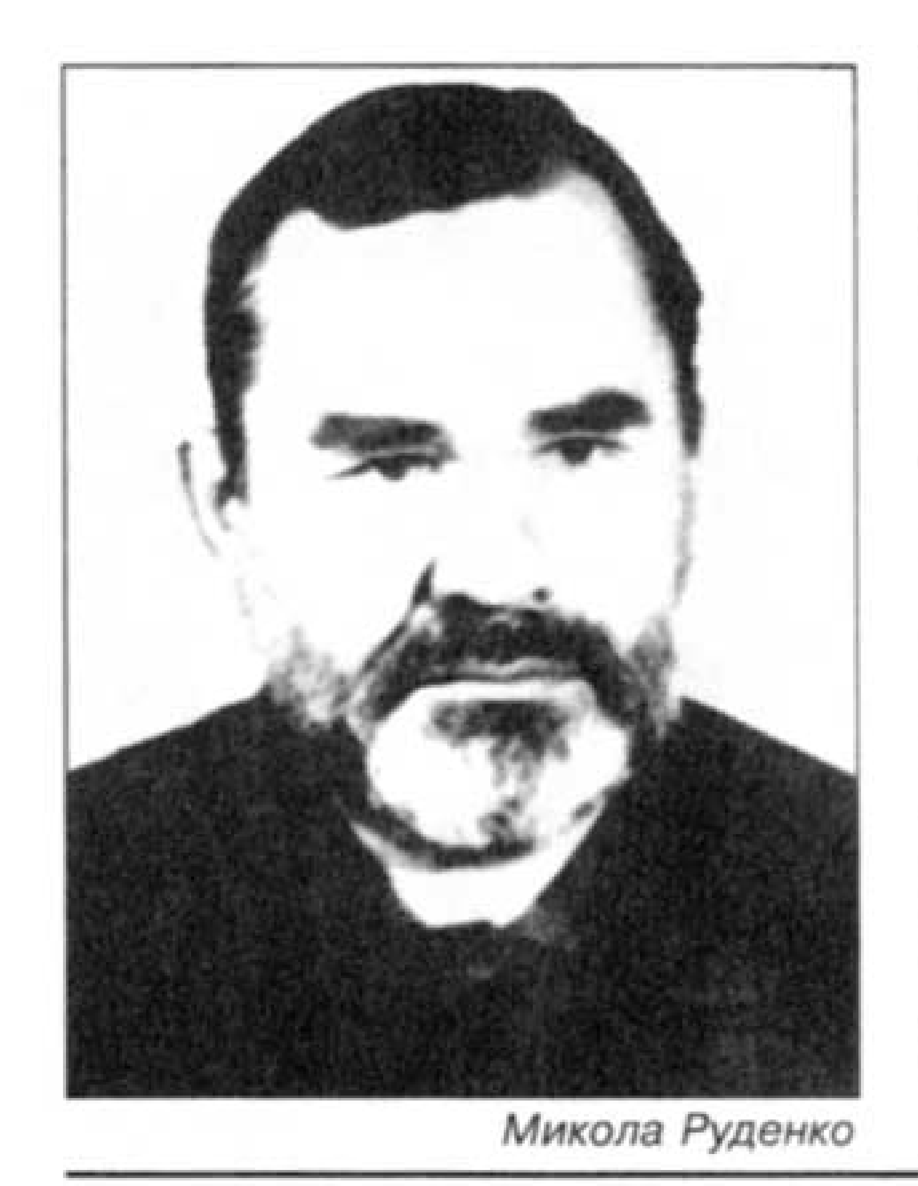
– И как относились в связи с этим?

– Даже с уважением. А некоторые пытались и помочь чем-то.

Вскоре был арестован Василь Стус. Обычно, когда кого-нибудь на воле арестовывали, меня допрашивали по их поводу. Никаких показаний я, конечно, не давал, но таким образом узнавал, кто из наших взят. В Житомирской области был арестован Дмитро Мазур, который пытался распространять текст моего последнего слова на суде. Меня перевезли из Вольнянска на Житомирщину, в город Коростень, и держали там, под рукой. Я написал заявление в защиту Мазура. Написал и подал его через стол гэбисту Радченко. Он прочитал и говорит: «Будешь сидеть».

Действительно, ближе к концу моего срока в лагерь приехал гэбист Чайковский. И сообщил, что «решено возбудить против вас новое дело. Но если вы напишите покаянное заявление и статью в областную газету, что отказываетесь, осуждаете и т.д., особенно относительно Украинской Хельсинкской группы, то еще до конца уголовного срока будете дома». Я спросил: «А если нет…?» Он отвечает: «10 лет особого и 5 – ссылки». Отступать я, конечно, уже не мог. Тем более, после ареста меня уже официально объявили членом УХГ.

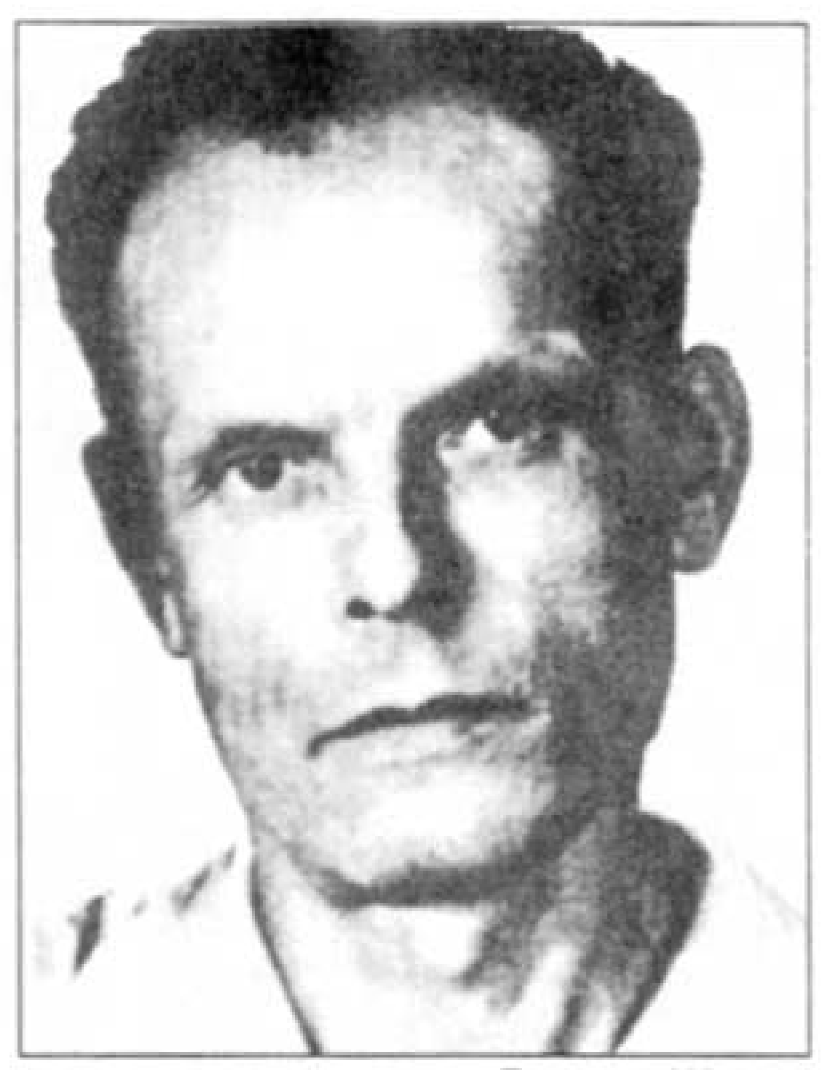
В следствии я участия не принимал. То есть, конечно, меня приводили, я что-то там говорил, но для протокола ничего не отвечал и

Микола Руденко

Раиса Руденко

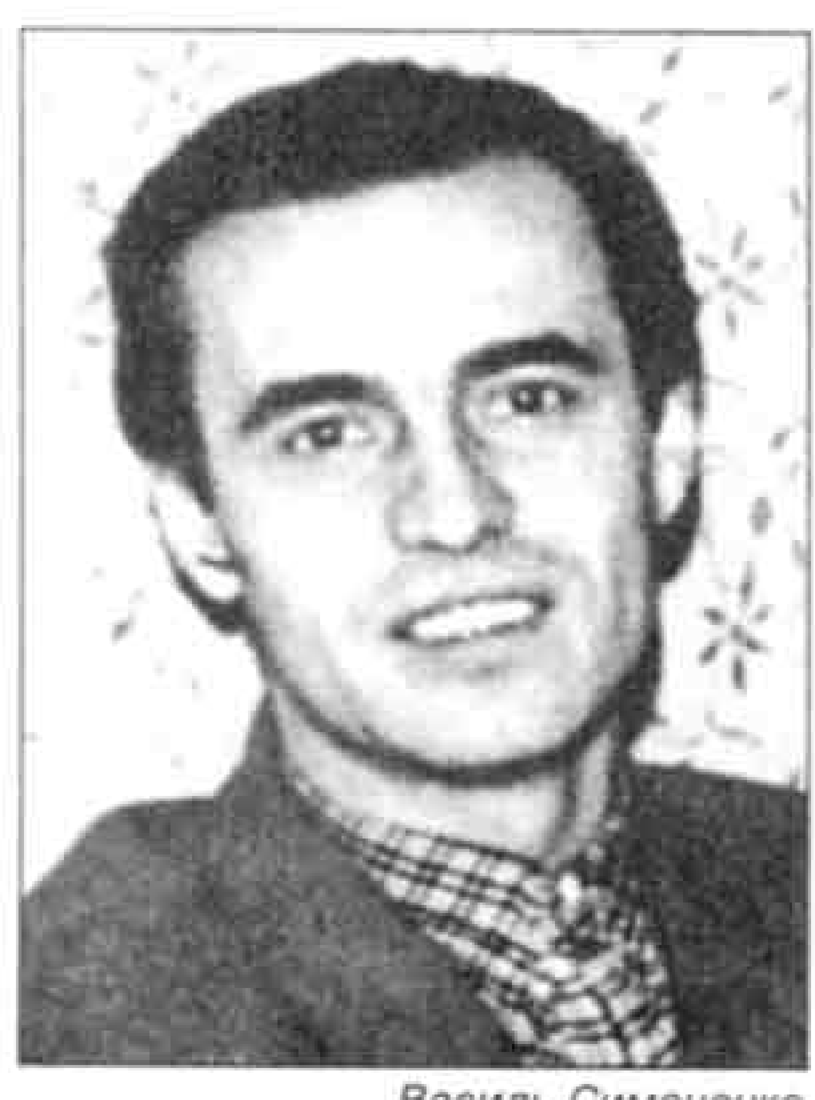
Данила Шумук

ничего не подписывал. Сделал только заявление в начале следствия и в конце. На суде тоже дал какие-то объяснения, но очень мало. Потому что было очевидно – говорить абсолютно бесполезно. Что бы ты ни сказал, все будет обращено против тебя. Такую же тактику избрал Евгений Пронюк еще по первому нашему делу. Когда я знакомился с протоколами следствия, мне очень понравились его ответы. Вопрос длинный-длинный, а ответ – одна строка: «Вопрос понятен. Отвечать отказываюсь по этическим соображениям». И вообще, между членами Хельсинкской группы была такая договоренность: не принимать участия в ИХ деле. Мое дело они слепили быстро, за два месяца. Следователь Чайковский сказал так: «Мы не будем искать все. Мы найдем достаточное количество». «Нашли» они всего три документа: мое последнее слово на суде, заявление, написанное мной в лагере, и заявление в защиту Дмитро Мазура. Написанное в лагере я опустил в ящик для «Писем и жалоб», то есть вручил администрации. Распространения нет. Последнее слово было у Мазура, но распространить он его не успел. Тут, конечно, кое-что было, но не очень. А заявление в его защиту я написал и вручил гэбисту через стол. Тоже нет распространения. А для статьи 62-й надо «систематическое изготовление и распространение». Ну, пусть, три документа есть – систематическое изготовление, но распространения-то – нет! Но у них сошло и так. Насобирали в лагере свидетелей. Один, вроде, слышал что-то, другой тоже что-то. Какие-то компиляции, а то и прямая ложь. Но была и правда. Например: «Он говорил, что академик Сахаров – выдающаяся личность современности». Это было преступно по ИХ меркам. Или вот еще я говорил, что в 33-м году на Украине был голод. Оказывается, не было голода. Клевета. И все эти «улики» вошли в дело.

Суд был вне лагеря, но со спецпубликой. Правда, была мать, а когда оглашали приговор, еще и сестра. В этот раз отправили на Урал. Везли от Житомира 36 суток, через Харьков, потом завезли зачем-то в Мордовию, там подержали, потом Челябинск, Свердловск, Пермь и, наконец, Кучино (*политлагерь Пермь-36 – прим. редакции «Карты»*).

10 лет особого – это значит 10 лет камерного содержания. Плюс такое «почетное звание» – «особо опасный рецидивист». А потом еще 5 лет ссылки. В то время всем членам Хельсинкских групп давали, по стандарту, «на полную катушку». И никаких «скощух»! То есть уменьшить срок, скостить, было невозможно никак. Привезли меня уже в декабре. Лагерь в Кучино был создан в 1980 году на базе местной лесопилки. Ее огородили, построили вахту, оборудовали лесопилку под особый режим и перевели первые 32 человека из мордовской Сосновки. Из Мордовии слишком много уходило информации. Решили упрятать подальше и создать «настоящую изоляцию». И, действительно, лагерь получился особый…

Когда я туда прибыл, там уже сидели: Левко Лукьяненко, Иван Кандыба, Олекса Тихий, Олесь Бердник, Василь Стус. Богдана Ребрика уже увезли на ссылку. Потом привезли Михайло Горыня, Юрия Литвина, Ивана Сокульского, Приходько Григория. Из армян были Ашот Навасардян и Азат Аршакян. Из литовцев – Балис Гаяускас и Викторас Пяткус. Из латышей

Василь Симоненко

Иван Сокульский

Василь Стус

Фото: С. Романов

Лагерь Пермь-36. Барак политзаключенных.

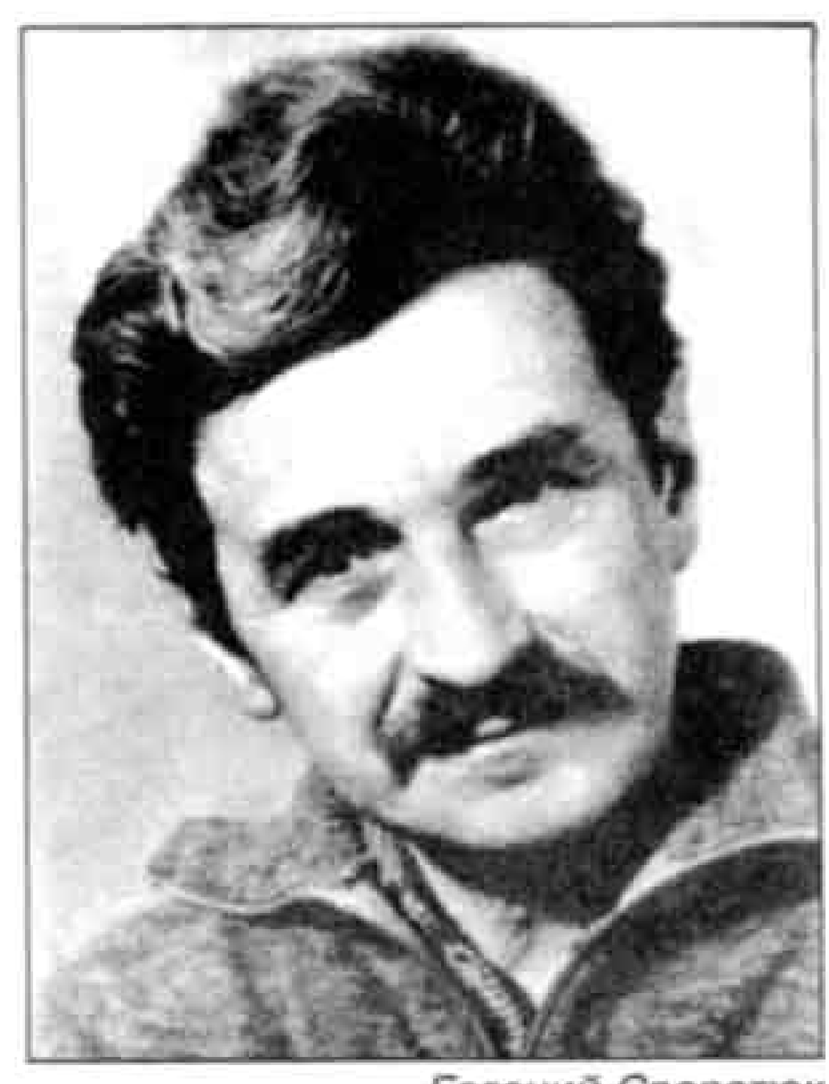
– Гунар Астра. Несколько позже прибыл Леонид Бородин. По питерскому делу «самолетчиков» досиживали Юрий Федоров (15 лет) и Алексей Мурженко (14 лет).

Как я уже говорил, режим был особый. Свидание – только одно в год, и, конечно же, его старались лишить. Когда приближался срок свидания, старались найти нарушение режима. А нарушением режима могло быть все. Не выполнил норму выработки, разговаривал с соседом через форточку, плохо застелил постель и так далее, и так далее, и так далее. И если простые надзиратели не могли найти нарушения, приходил сам начальник режима Федоров, проводил пальцем по тумбочке и… обнаруживал пыль. Или говорил: «У вас не отглажен воротничок». А Балису Гаяускасу Федоров заявил: «В беседе со мной вы были неоткровенны». И свидания – как не бывало. Иногда мы годами никого, кроме ментов, не видели…

Прогулка – один час в специальном дворике. Дворик – это досчатая коробка 2 на 3 метра, высотой 2,5 метра, без крыши. Вместо нее редкая сетка из колючей проволоки. Поверху помост, по которому ходит надзиратель. Коробка оббита изнутри жестью. Работа – в камерах через коридор от жилых. Порой мы месяцами не видели солнца…

В 82-м в этом лагере умер Курчик, не помню его имени. В 83-м умер Михайло Курка, 5 мая 84-го умер Олекса Тихий. Валерия Марченко привезли больного нефритом. Он не выдержал и двенадцати месяцев, умер 7 октября 1984 года. Не выдержал этого режима Юрий Литвин. 23 августа 84-го его нашли в камере с разрезанным животом. Есть версия, что он не сам это сделал. Умер он после этого через две недели, 4 сентября 84-го. И уже каждый ждал, КТО следующий? Следующим был Василь Стус.

Режим после этого совсем не смягчился, а напротив, они стали свирепствовать еще больше. Вплоть до конца 1986 года. С начала 87-го нас стали посещать гэбисты и прокурорские из Москвы. (Из Киева уже не ездили). Они убеждали нас написать хоть что-нибудь: ошибался,

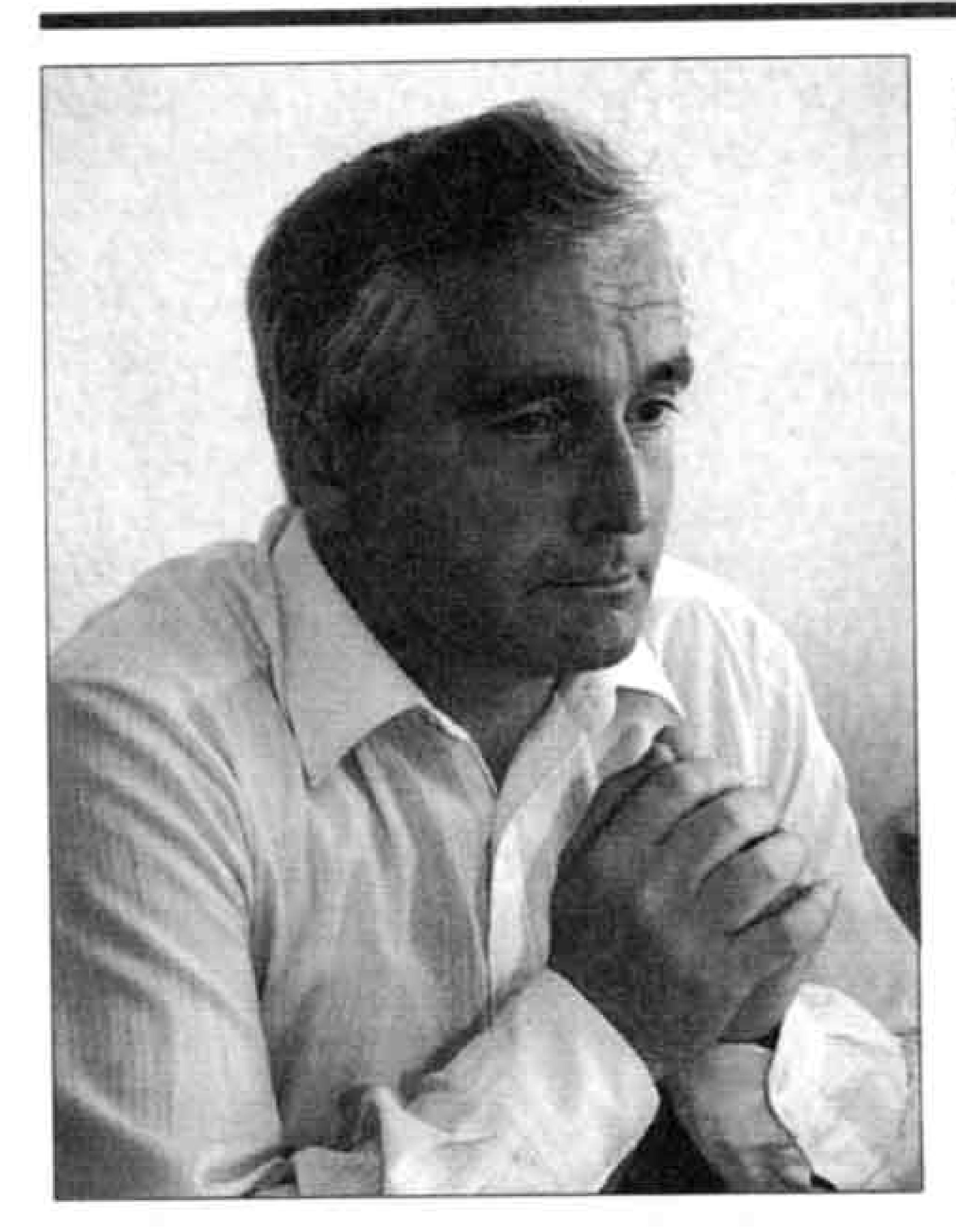
Евгений Сверстюк

Надежда Светличная

Иван Светличный

не буду заниматься политикой, болен и т.д. и т.п. Пускай даже мать напишет, сестра напишет… Но мы все уперлись как один – ничего писать не будем. Когда нас сажали – не спрашивали, а теперь хотите иметь «человеческое лицо»? Ну, так имейте его, давайте, выпускайте нас. Мы даже не договаривались между собой. Каждый вел себя, как надо, и было полное единство.

Но все-таки нас всех пропустили через какую-то странную амнистию. Оставшуюся часть срока сократили, кажется, на одну треть. Я даже не запомнил, насколько мне сократили. Кажется, что-то около года. В 1987 году некоторых выпустили на бескамерный режим. Я попал в это число. И вот однажды, это было 8 декабря 87-го года, я вышел из рабочей комнаты и увидел, что идет целая туча ментов. Я понял, что будет грандиозный шмон. А у меня как раз была записочка, стихотворение «Если…» Киплинга в переводе Василя Стуса. Я ее сунул под рубероид, покрывавший теплотрассу. И вы можете себе представить, когда в 1989-м мы приехали в лагерь за прахом своих товарищей, я нашел свою записочку!

Ну, так вот, сделали они грандиозный шмон, посадили нас в «воронки» и увезли на станцию Всехсвятская, в лагерь строгого режима поселка Центральный. Разместили в больнице. Содержание, конечно, было намного свободнее… Потом оказалось, что вывезли нас спешно 8 декабря потому, что 9-го Горбачев встречался в Рейкъявике с Рейганом. И надо было лжи хотя бы на один день, что в Кучино нет политзаключенных.

Режим стал мягче. Нас постепенно начали отпускать на свободу. Первым ушел Гунар Астра. А потом мы получили известие, что через месяц он умер. Странно как-то… Потом вышли: Сокульский, Рубан, Никлус, Приходько. А 12 августа 88-го забирают меня, Ивана Кандыбу из Львова и Миколу Горбыля из Киева. Везут нас в Пермь и держат там несколько дней без движения в тюрьме. Оказалось, что 12-го был подписан указ о помиловании и именно в этот день нас должны были освободить. Но, как и всегда, не оформили вовремя документы, а кроме этого они старались так отправить по домам, чтобы не было заезда в Москву, потому что в Москве, конечно же, пресс-конференции, интервью, а этого им очень не хотелось. И они нас спецконвоями стали развозить каждого в свой областной центр. Конвойные потом рассказали, что они так работают уже полгода, с февраля.

И вот 21 августа меня первого везут ночью в аэропорт. Спецконвой – два солдата и офицер, но я уже без наручников. Мы летим, я смотрю в окно, и все время восходит солнце. Летим-то на Запад...

Прилетели в аэропорт Борисполь, вызвали «воронок». Его долго нет – воскресенье. Приходит, наконец, «воронок» из Лукьяновской тюрьмы, но на Лукьяновке меня не принимают – не наш. Повезли в КГБ, там – принимают. Конвойные упросили – им же хочется побыстрее от меня отделаться – дать «воронок». И меня повезли в Житомир. Это километров 130 от Киева. Привезли и где-то в час дня вскрывают сопроводительный пакет. Там написано: «По получении сего – освободить». Я спрашиваю: «На каком основании?» – «Есть указ о помиловании». – «За что?» – «За хорошую работу и поведение». Будто я какой-нибудь хулиган или лодырь был до сих пор. Гэбист предложил мне 10 рублей, денег ведь не было никаких. Я подумал – брать, не брать? А потом решил – возьму на всякий случай. Еще они мне купили билет на автобус до Радомышля. Приехал в 8 часов вечера, а дальше ехать не на чем, ничего уже не ходит. Так я на эту десятку гэбистскую взял такси и приехал домой…

И вы знаете, такой это был перепад, как говорил Шевченко, «из тьмы, из смрада, их неволи», что трудно словами выразить. Сутки я все удивлялся свободе, зелени, чистому воздуху… А на третий день, 23 августа, уже поехал в Киев и принял участие в работе Украинского культурологического клуба. Это было первое общество на Украине, где уже свободно говорили. Его еще критиковали в газетах, и милиция приходила, и пытались разогнать, но… Но это уже было невозможно. 3 сентября, в день годовщины гибели Литвина и Стуса – одному 5 лет, другому 4 года, – я уже свободно рассказывал о подробностях их смерти, читал их стихи. А тогда уже возобновила работу Украинская Хельсинкская группа, уже как Спилка, союз то есть. Я взялся за создание Житомирской областной организации, и мы ее создали. А в 90-м году был Учредительный съезд. 29 и 30 апреля. И на этом съезде, на основе хельсинкского движения, была создана первая на Украине свободная политическая организация – Украинская республиканская партия. (Примерно четверть членов УХС в партию не вошло). И вот эта Хельсинкская Спилка, и эта партия и были тем самым молотом, который сокрушал империю на Украине.

Было еще одно памятное дело в это время. В конце августа – начале сентября 89-го мы выезжали в Кучино за прахом Василя Стуса, Юрия Литвина и Олексы Тихого. Но нам тогда не разрешили, сказали, что «санитарно-эпидемиологическая обстановка не благоприятствует». Конечно, это была ложь.

– А кто не разрешил, администрация лагеря?

– Нет, поселковый совет. Лагеря уже не было. Он был брошен, разрушался, и местное население активно его растаскивало. Мы все там очень тщательно засняли, и, как оказалось, не напрасно. Через две недели после нашего отъезда туда явилась целая банда гэбистов с бульдозером, и они пустили под нож все, что смогли. Остались только барак и вахта. Все остальное было сметено. Поэтому, когда в 1993 году Пермский «Мемориал» взял этот обьект под свою опеку и создал там Музей истории тоталитаризма, все наши съемки очень и очень пригодились. Именно по ним мемориальцы проводили многие реконструкции.

А мы приехали еще раз, в середине ноября 89-го. 17-го была проведена эксгумация, а уже

Фото: С. Романов

Музей истории репрессий «Пермь-36», 1995 год. Здесь была могила Василя Стуса.

19 ноября в Киеве состоялись грандиозные похороны останков Стуса, Литвина и Тихого. Было около ста тысяч человек. Очень многие тогда пробудились к общественной жизни. Это был такой шаг к независимости!

После съезда я уже жил в Киеве, ибо меня избрали одним из секретарей партии. Занимался партийной работой и считаю, что эта работа была очень полезна. Тогда надо было вести пропаганду демократических идеалов. Я, например, выдвигался кандидатом в депутаты Верховного Совета в 90-м, хотя заведомо было понятно, что мы не выиграем. Но все-таки мы были на третьем месте из десяти претендентов в Житомире. А в житомирской организации было всего 28 человек!

Однако, при всей политичности моей жизни, я никогда не ставил себе цель сделать партийную либо государственную карьеру. Я больше склонялся к журналистике. Я все время писал о политзаключенных. Много было моих публикаций. И Евгений Захаров из Харькова (*председатель Харьковской правозащитной группы, член Правления Международного правозащитного общества «Мемориал» – прим. ред.*) из-за этого давно на меня «положил глаз» и давно перетягивал на правозащитную работу. И в

98-м году я дал согласие. В этот момент я был заместителем председателя Республиканской христианской партии. Я попросил освободить меня от этой общественной должности и стал профессионально работать как историк правозащитного движения на Украине.

Что мы сделали за эти годы? К 25-летию Украинской Хельсинкской группы (образовалась она 9 ноября 1976 года) мы издали четырехтомник документов группы. Вот уже четыре года я записываю воспоминания бывших политзаключенных. Накопилось уже 158 аудиорассказов. Какие – по часу, а какие и по пять. И я так вижу, чтобы весь этот материал обработать, надо еще очень и очень долго жить…

Я как-то услышал от Михаила Хейфеца, когда мы еще сидели в Мордовии: «История – это не то, что было, а то, что записано». Он абсолютно прав. А люди, которые делали историю Сопротивления, стареют и умирают.

В их уголовных делах ведь мало правды. Там если и есть что, так это даты. То есть только временная канва, а что было на самом деле, знает только сам человек. И вот сейчас они рассказывают правду человека, а не «правду» государства, зафиксированную в протоколах. Я считаю, что эта работа чрезвычайно полезна. В отличие – скажу прямо – от партийной. Там, зачастую, как воду в песок льешь – никакого следа. А здесь – вот он, четырехтомник! Уже стоит на полках, уже есть в библиотеках, уже запущен в Интернет. Уже работает.

Нам сейчас надо издать «Вестник репрессий на Украине». Он выходил за границей на украинском и английском языках. Информацию для него очень скрупулезно, с 80-го по 86-й год, собирала Надежда Светличная. Это надо издать одной книгой и запустить в Интернет. Надо еще издать целый корпус украинского самиздата. Это было бы несколько томов, если все собрать. Но хотя бы самые важные в одном томе. Вот об этом я мечтаю.

А сейчас у меня в работе книга, которую мы, может быть, назовем «Восставшие дважды». Человеку, как правило, удается один раз восстать. И на это уходит вся жизнь. Тем более, если срок 25 лет дадут. Но были люди, которые делали это не единожды. У меня есть совершенно уникальный текст, рассказанный Ярославом Сымчичем (Сымчич). Он участник УПА. 6 лет командовал сотней, а потом отсидел 33 года, 6 месяцев и 3-е суток.

Но есть люди и с более длительными сроками. Данило Шумук, 1914 года рождения. Его выпустили в 88-ом, и он уехал в Канаду. Так он начал еще с польских тюрем. Отсидел 4,5 года как член Коммунистической партии Западной Украины, потом полгода отсидел в немецком плену, а остальное в ГУЛАГе – всего 42 года, 7 месяцев и 6 суток.

– Потрясающе!

– Я не слышал, чтобы кто-нибудь еще столько сидел. Правда, последние пять лет он был на ссылке. Я его не записывал, он сам написал хорошую книгу. Но некоторые люди ведь никогда не напишут. Таких надо спрашивать и фиксировать их рассказы. Это бесценный исторический материал.

С 1990-го года я живу в Киеве. Заграничные украинцы помогли мне – собрали деньги вот на эту квартиру. Живу один… Каждый терял, что имел, а что не имел – тоже терял. Кто и голову положил, а мне вот так вот…

Очевидно такая у меня судьба, такая моя миссия – быть свидетелем. Ну и немножко участником. Конечно, я не был таким крупным деятелем, как другие. Но все меньше и меньше наших людей остается, и приходится о них свидетельствовать…

Киев

Редакция сердечно благодарит Евгения Захарова из Харьковской правозащитной группы за помощь в подготовке публикации.

2002-2006

О КАТЫНСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Обращение польского Института национальной памяти

28 февраля 2006 г. Институт национальной памяти* получил переданное через польское посольство в Москве письмо Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 18.01.2006 с изложением ее позиции по вопросу о возможности распространения закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 (с изменениями от 22.12.1992) на жертвы катынского преступления.

С середины девяностых годов польское посольство зарегистрировало десятки запросов польских граждан — членов семей жертв катынского преступления, на которые российская сторона отвечала, что эти запросы могут быть рассмотрены только после окончания следствия, проводившегося Главной военной прокуратурой. Российское следствие было прекращено 21.10.2004 *(так в тексте, в действительности 21.09.2004. — Пер.)*. Несмотря на запросы, польской стороне не был открыт доступ к его материалам. Российская сторона обосновала свою позицию тем, что большинство из более чем 180 томов следственного дела, а также постановление о его прекращении содержат гриф секретности.

В письме от 23.11.2005, направленном в польское посольство, российская прокуратура отказалась предоставить постановление об окончании следствия вдове расстрелянного в Катыни польского офицера, а в письме от 18.01.2006 объяснила причины, по которым данный офицер «и другие не могут быть реабилитированы по указанным основаниям». Эта прецедентная позиция опирается на утверждение, что закон «о реабилитации (...) предусматривает реабилитацию лиц, которые были подвергнуты репрессиям по политическим мотивам» (подчеркнуто в оригинале письма). Далее утверждается, что «между тем, в ходе предварительного следствия по данному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ (в редакции 1926 г.) были привлечены к уголовной ответственности указанные лица, так как документы были уничтожены».

Позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации находится в отрыве от содержания распоряжения от 05.03.1940, подписанного Сталиным и членами Политбюро ВКП(б), в соответствии с которым было совершено катынское преступление. В распоряжении указано, что поляки, содержащиеся «в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии (...), являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Поэтому было предложено дела этих «закоренелых, неисправимых врагов советской власти», как «находящихся в лагерях военнопленных 14700 человек (...), так и дела арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11000 человек (...) рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». В решении Политбюро было поручено НКВД СССР провести «рассмотрение дел без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения».

Содержание процитированного решения от 05.03.1940 однозначно и вне всякого сомнения указывает, что катынское преступление было актом самых тяжелых политических репрессий. Поэтому аргумент Главной военной прокуратуры Российской Федерации, что для

Институт национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej, IPN) – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа – создан на основании закона от 18 декабря 1998 года. В соответствии с законом учреждено 10 филиалов Института во всех городах Польши, в которых действуют Апелляционные суды. В других городах представительства создаются по мере необходимости.

Институт собирает и распоряжается документами органов государственной безопасности, составленными в период с 22 июля 1944 г. по 31 декабря 1989 г., ведет расследования нацистских и коммунистических преступлений, а также занимается просветительской деятельностью.

Институт получает документы из архивов Министерства внутренних дел и администрации, Управления по охране государства, Министерства национальной обороны, Министерства юстиции, Архива новых актов.

Институтом руководит председатель, деятельность которого не зависит от государственной власти.

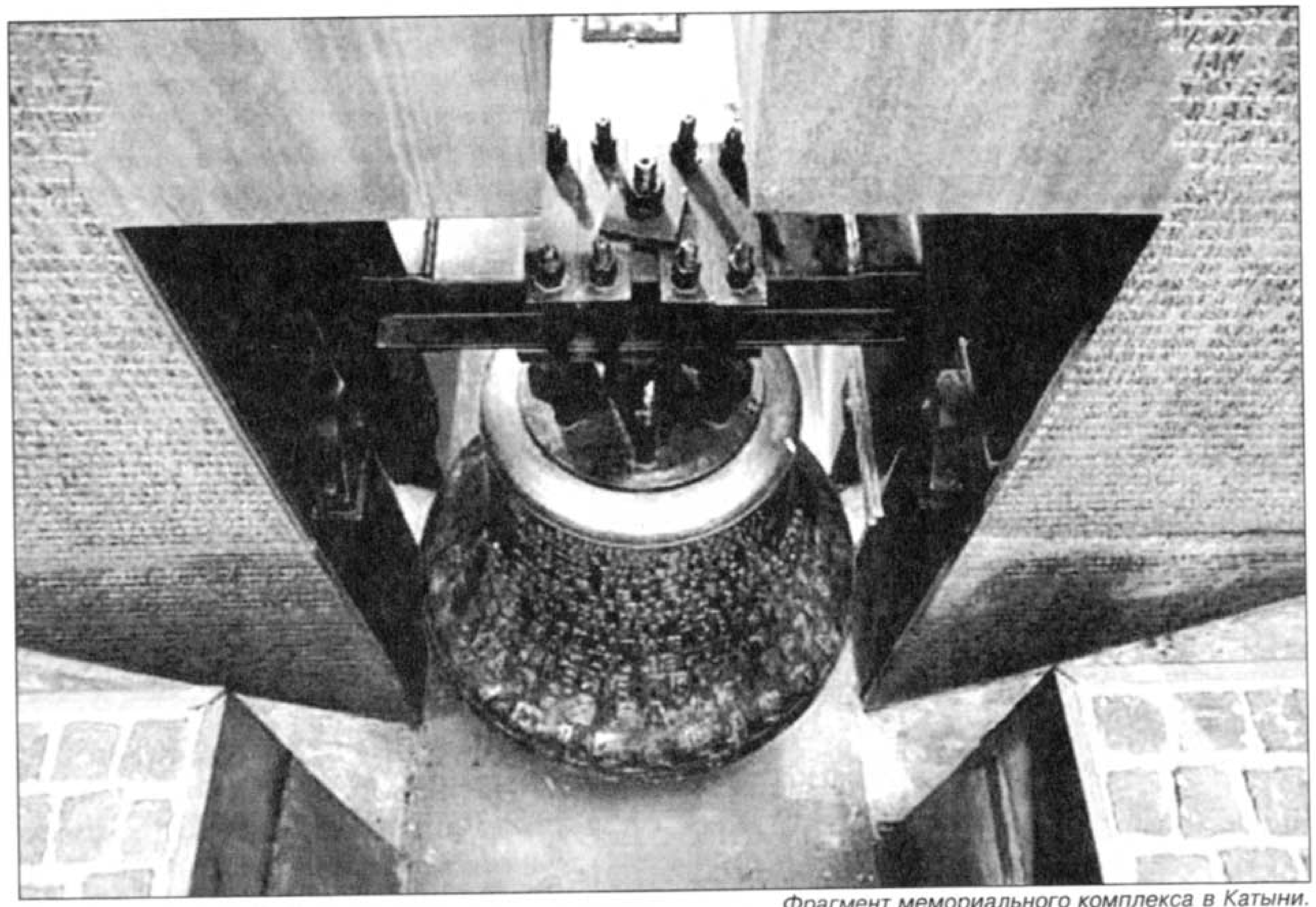
подобного утверждения необходимым является установление, на основании какой статьи российского Уголовного кодекса 1926 г. убитые поляки «были привлечены к уголовной ответственности», находится в логическом противоречии с указанным в решении Политбюро способом совершения этого преступления — без предъявления намеченным жертвам каких бы то ни было обвинений, основанных на положениях российского уголовного кодекса, а также без решения об окончании следствия и без обвинительного заключения.

Такая позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации, по сути дела, закрывает дорогу для выработки с прокурорами Института национальной памяти совместных согласованных определений и правовых оценок катынского преступления. Отказ распространить положения закона о реабилитации на жертвы катынского преступления и представленное прокуратурой обоснование такой позиции могут быть восприняты как унижение польских жертв и оскорбление чувств живущих членов их семей. Удивительно, что документация российского следствия по катынскому делу 1940 г. остается секретной в 2006 году. Поэтому ИНП обращается к Главной военной прокуратуре Российской Федерации с призывом рассекретить все документы следственного дела, а также завершающее постановление о его прекращении.

В данной ситуации главной целью польского следствия — наряду с выявлением всех живущих членов семей расстрелянных поляков, которым полагается статус пострадавших от катынского преступления, — является формулировка и детальное обоснование оценки этого преступления в исторических и правовых категориях.

Для Польши оценка катынского преступления всегда будет критерием правды и доброй воли в польско-российских отношениях.

Д-р Януш Куртыка,
председатель Института национальной памяти.
Проф. Витольд Кулеша,
директор Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа.

Фрагмент мемориального комплекса в Катыни.

ПРАВОПРЕЕМНИКИ БАНДИТОВ

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

В феврале 2006 года Генеральная прокуратура Российской Федерации не нашла оснований признать расстрелянных в Екатеринбурге членов царской семьи жертвами политических репрессий. Не прошло и двух недель, как ее примеру последовала Главная военная прокуратура, отказавшись признать таковыми польских офицеров, расстрелянных в Катыни. ГВП в письме за подписью старшего военного прокурора С.В. Шаламаева обосновывает свой отказ следующим образом:

«Пункт «б» ст. 3 Закона РФ от 18.10.1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (...) предусматривает реабилитацию лиц, которые были подвернуты уголовным репрессиям по ***политическим*** *мотивам.*

Между тем, в ходе предварительного следствия по указанному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ (в редакции 1926 г.) были привлечены к уголовной ответственности указанные лица, так как документы были уничтожены.

Поэтому упомянутые Вами польские граждане и другие по указанным основаниям реабилитированы быть не могут».

За отсутствием в 1918 г. Уголовного кодекса, Генеральная прокуратура обосновывала свое решение тем, что нет доказательств политического характера расстрела царской семьи: *«Умышленное убийство, пускай и имеющее политическую окраску, совершено лицами, не наделенными соответствующими судебными и административными полномочиями. В этой связи совершенное убийство с правовой точки зрения является общеуголовным преступлением».*

Вдобавок *«официальных решений судебных или несудебных органов о применении к погибшим репрессии по политическим мотивам, как того требует действующее реабилитационное законодательство, не имеется, что не позволяет признать погибших жертвами политических репрессий и принять решение о их реабилитации».* И ни к чему возмущение адвоката (впрочем, он намерен передать вопрос в суд):

«После октябрьского переворота царская семья находилась под стражей у большевиков, однако это не считается почему-то политической репрессией. 80 лет государство утверждало, что Николай II был расстрелян по решению Уральского облсовета. Вопрос о расстреле царской семьи в 1918 году рассматривался в Москве высшим государственным органом – президиумом ВЦИК, который признал казнь законной. Вопрос о казни царя председатель ЦИК Свердлов докладывал на заседании правительства под руководством Ленина» (из интервью Германа Лукьянова ИТАР-ТАСС).

Эти решения до настоящего времени не отменены и имеют юридическую силу, так как Россия – правопреемница СССР. Может быть, в этом правопреемстве (а тот факт, что новая Россия взяла на себя правопреемство СССР, я считаю одной из главных ошибок Ельцина и/или его советников) всё и дело. В **право**преемстве от **неправового** государства.

ГВП, в отличие от Генеральной прокуратуры, подперлась Уголовным кодексом. Словно все жертвы политических репрессий были репрессированы по 58-й статье, ныне признанной «политической».

А те, кого судили по так называемым «литерным» статьям, не входящим ни в какой УК? А миллионы спецпереселенцев, жертв коллективизации и ссылки народов, которых депортировали по разнарядке или чохом, вообще без всяких статей? А осужденные по многочислен-

Наталья Горбаневская – поэт, переводчик.

ным указам? На самом деле все они – то есть те из них, чья реабилитация рассматривалась (чаще всего по просьбам родственников), – давно уже признаны (как и члены их семей!) жертвами политических репрессий **в соответствии с законом о реабилитации**. Так что если Герман Лукьянов считает, что Генеральная прокуратура лукавит, то ГВП лукавит вдвойне. Ибо она не может сказать, что *«официальных решений судебных или* ***несудебных*** (выделено мной. – НГ) *органов о применении к погибшим репрессии по политическим мотивам, как того требует действующее реабилитационное законодательство, не имеется».* **Имеется**.

Имеется записка наркома внутренних дел СССР Берии, адресованная в ЦК ВКП(б) «товарищу Сталину»:

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западной области Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к р партий, участников вскрытых к р повстанческих организаций, перебежчиков и др. (...)

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения (...)».

Имеются подписи на первой странице этого документа – размашистые подписи через весь текст: *«И.Сталин», «К.Ворошилов», «В.Молотов», «А.Микоян» – и к ним еще на полях, мелко: «т. Калинин – за, т. Каганович – за».*

Имеются **политические** мотивы, прямо указанные в тексте документа, а в законе о реабилитации, как обмолвкой признаёт и сама ГВП, речь идет о политических **мотивах**, а не о политических **статьях УК**.

Итак, имеется решение секретное, но в высшей степени «официальное».

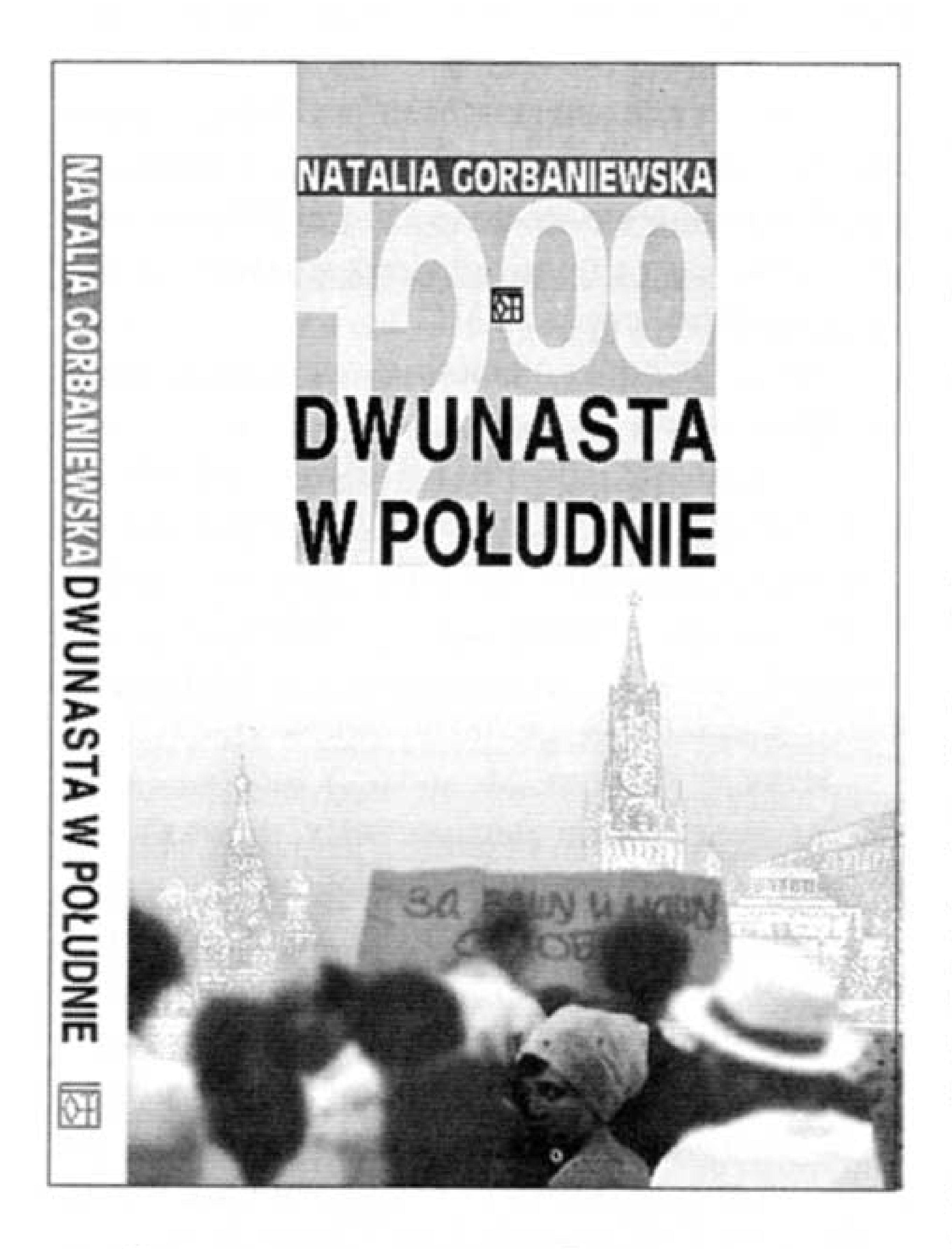
Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС – «несудебный» орган, десятки лет управлявший советским государством в неправовом, неконституционном порядке. Даже не ВЦИК. Но ГВП признаёт только суд и статью УК, пойдя еще дальше, чем Генеральная прокуратура.

Итак, в Катыни, Медном, Харькове (и каких-то до сих пор неизвестных местах), по-видимому, тоже имело место «общеуголовное» массовое убийство (в крайнем случае – с «политической окраской»). В этом случае Политбюро (напомню: сокращение названия «политическое бюро»), постановившее расстрелять 25700 поляков да еще, как известно по другим источникам, сотни тысяч граждан СССР, следует задним числом переименовать в Уголовбюро или прямо в Бандитбюро.

И вот откуда ведет свое правопреемство сегодняшняя Россия с обеими ее верховными прокуратурами.

«КОГДА НА ПЛОЩАДЬ ГОНИТ СТЫД...»

В начале апреля во Вроцлаве вышел польский перевод документальной книги Натальи Горбаневской «Полдень. Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года». *Эта книга, законченная и выпущенная автором в самиздат к 21 августа 1969 года, первой годовщине вторжения войск Организации Варшавского договора в Чехословакию – пресловутой «братской помощи», – на русском языке была издана в 1970 г. франкфуртским издательством «Посев» по-русски, а затем переведена на французский, английский (два издания – в Великобритании и в США) и испанский (Мексика).*

Об истории польского издания во вступительной заметке к книге рассказывает один из самых первых его инициаторов — поэт, в 80-е годы активный участник подпольной деятельности, а ныне – начальник отдела культуры Вроцлавского городского управления ***Ярослав БРОДА****:*

– У польского издания знаменитой книги Натальи Горбаневской долгая история. Можно сказать, чересчур долгая. Активисты «Польско-чешско-словацкой солидарности» познакомились с русской поэтессой и правозащитницей в августе 1988 г. в Кракове, на Международной конференции прав человека, которую организовали Зофья и Збигнев Ромашевские. Тогда мы получили эмигрантское издание книги «Полдень».

Решение издать ее по-польски было для нас естественным: история участников августовской демонстрации 1968 года на Красной площади, выразивших протест против вторжения в Чехословакию, возбуждала естественное восхищение и уважение у тех людей, которые через «зеленую границу» вели сотрудничество с чешской и словацкой оппозицией. Одновременно мы сознавали, что наше общество о тех давних московских событиях не знает почти ничего.

В 1990 г. начатый еще в подполье перевод был готов, но тогда оказалось, что вместе с обретением Польшей независимости и возвратом рыночной экономики прежние подпольные издательства либо перестали существовать, либо, волей-неволей вступив в рыночные игры, не интересуются этим изданием. Перевод переходил от одного редактора к другому, наконец должен был выйти в издательстве «Земля Клодзка», но средств хватило только на набор.

Сегодня мы отдаем в руки читателей книгу о людях, поднимавших планку отваги и личной свободы в противостоянии бесчеловечному коммунистическому режиму.

Благодаря городу Вроцлаву, где 25 лет назад была создана «Польско-чешско-словацкая солидарность», мы теперь выплачиваем своеобразный долг участникам героической демонстрации, предтечам международной солидарности в советском блоке.

В России книга Натальи Горбаневской «Полдень. Дело о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года» не переиздавалась. – Прим. ред. «Карты»

Виктор ВОРОШИЛЬСКИЙ

О НАТАЛЬЕ ГОРБАНЕВСКОЙ И ЕЕ КНИГЕ

Наталья Горбаневская, в молодости замеченная и оцененная Анной Ахматовой, сегодня несомненно принадлежит к ведущим поэтам зрелого поколения. Сборник ее стихотворений в польских переводах, подготовленный автором этих строк, — «Ангел деревянный» — вышел в 1990 году в краковской «Официне литерацкой» [уже после смерти Ворошильского, в 1997 году в том же издательстве вышел сборник «Ничего удивительного», включивший только его переводы, в том числе сделанные в 90-х годах].

Друг Польши, выдающийся знаток нашей культуры, Горбаневская — в то же время и заслуженная переводчица польской поэзии и прозы. За достижения в этой деятельности она награждена премией Польского ПЕН-клуба.

Это еще не все заслуживающие внимания ипостаси Наташи. Она видная фигура демократического («диссидентского») движения в России — и одновременно образцовый его летописец (в частности, учредитель знаменитой «Хроники текущих событий»).

В книге «Полдень» она выступает в этой двойной роли: как один из инициаторов и участников события, начиная с которого — это можно сказать без всякого преувеличения — часы истории начали отмерять падение советской империи, и как составитель скрупулезного отчета, соучаствующий репортер, создающий точную запись фактов, которые привели к этому событию, а дальше — ко всему его драматическому ходу и позднейшим последствиям.

Событием, о котором идет речь, была демонстрация семерых [«семеро» — легендарная цифра, в которую не включена Татьяна Баева — восьмая участница демонстрации] смельчаков на Красной площади в Москве 25 августа 1968 года против вторжения в Чехословакию.

Путь, который прошло российское общество от тогдашнего недоумения, изумления, непонимания в отношении демонстрантов, а в результате их горестного одиночества, риска и прямо героизма, до толп, защищающих парламент и отражающих генеральско-коммунистический путч тоже в августе, но 23 годами позже, показывает размах того, что произошло в этой стране и чему положили начало люди, которых называли «диссидентами».

Эту историю стоит знать в подробностях, видеть ее в полном освещении и понимать весь заключенный в ней смысл, касающийся не только прошлого, но также настоящего и будущего, и не одной лишь России, но и Польши.

Книга Натальи Горбаневской — красочное и полное красноречивых деталей фактографическое описание этого переломного (хотя тогда было трудно так это оценить) момента истории российского общества в новейшие времена; это достоверный документ и в то же время — благодаря стилю, благодаря тому, как показаны люди, места, обстоятельства — хорошая литература, наконец, это личное исповедание человека с незаурядной индивидуальностью, которая не может не возбуждать интереса, уважения и симпатии.

А на тридцать третьем году
я попала, но не в беду,
а в историю. Как смешно
прорубить не дверь, не окно,
только форточку, да еще
так старательно зарешё-
ченную, что гряда облаков
сквозь нее — как звено оков.

***

А дело было в августе,
с пяти сторон светало:
под «Ах, майн либер Августин» —
берлинские войска,

московские — под «Яблочко»,
венгерские — под Листа
(двенадцать лет назад у них
раздавлена столица).

А вот болгары — подо что?
Что им под ногу подошло?
«Прощание славянки»?
И шли полки за рядом ряд,
и просыпался Пражский Град,
во сне услышав танки.

Наталья Горбаневская

Из сборника
«Последние стихи того века»

***

Когда на площадь гонит стыд,
а не желанье славы,
в глазах миражем не стоит
величие державы,

и не томит, как сталактит
московского разлива,
разбушевавшийся синклит
родного коллектива.

Наталья Горбаневская

Из цикла
«Площадь Несогласия»
Восьмистишия восьмые

ЛИДИЯ БАЛАКОВСКАЯ

Российский исторический и правозащитный журнал "Карта" и интернет-портал "Права человека в России" (HRO.org) продолжают знакомить читателей с интересными людьми – представителями российского правозащитного сообщества.

Сегодняшний наш гость – правозащитник из города Балаково Саратовской области **Лидия Свиридова,** председатель областного Союза солдатских матерей.

Сколько мальчишек она спасла, скольким родителям военнослужащих оказала помощь – пойди-ка, сосчитай... В городе она человек популярный – многие ее называют "Лидия Балаковская" – известность, однако.

С Лидией Свиридовой беседует член редколлегии портала «Права человека в России», московский координатор Группы «Правозащитная сеть» **Сергей Смирнов**.

Разговор на кухне

– ... твой суп можно улучшить. Вот, например, к маринованному луку очень хорошо идет сок лимона. Попробуй! Только смотри, лимон надо всегда добавлять к концу готовки. Иначе лук никогда не сварится.

– Про лимон в этом рецепте ничего не было. Но я уточню.

– Ты не уточняй, лучше попробуй! Имей в виду, важно не переборщить. Лимон – такая штука... Когда я варю солянку – там пять сортов мяса и прочее и прочее... Представляешь, какой насыщенный бульон? А в тарелку кладется всего-навсего четвертинка кружочка лимона. Не целый кружочек, а четвертинка. И еще перец. Вот сейчас я добавила перца...

– Лучше стало?

– Да, мне так больше нравится. Слушай, Серег, а ты так и не перешел к мясной пище?

– Нет, с чего бы вдруг?

– У меня внук тоже вегетарианец. Вежливый, хорошо воспитанный ребенок. Однажды (ему было лет семь) он мне прошептал на ухо: «Знаешь, бабуль, я так не люблю мясо! И вообще, всегда его с трудом ем. А родители заставляют!» Я удивилась: «Почему же ты раньше не сказал, что мясо не любишь?» – «Ну... Я не хотел никого обижать». – «Антоша, – говорю я, – ничего страшного. Есть такие люди, вегетарианцы, они мясо не любят и никогда не едят. Наверное, ты у нас такой». Я считаю, что мясо, наверное, нужно, когда нечем его заменить. Если же питанию ребенка большое внимание уделяется, тогда... Я бы не сказала, что Антон у нас в чем-то отстает или здоровье его страдает. Когда я делаю на всех пельмени, то ему – вареники с картошкой. Однажды говорю: «Антош, ты ведь когда-то и пельмени ел с удовольствием». Отвечает: «Бабуль, да, я их ел, потому что там тесто» *(смеется).*

– Вареники с картошкой – мое любимое блюдо. К ним хорошо идет чесночная подлива.

– Чеснок, Серега, я люблю. Но кроме меня в доме чеснок не ест никто. Изредка невестки – старшая Лена и младшая Катя. Мужчины не едят. Всегда шутят: «Вам-то бояться нечего, а у нас бывают контакты с женщинами». *(Смеется).* Впрочем, у нас и вареники мало едят.

Все больше пельмени и манты. У себя в Балаково я собираю библиотечку по домоводству...

– Из старых номеров «Науки и жизни» вырезаете ножничками?

– Отовсюду: «Работница», «Крестьянка». Собирала, носила к друзьям в типографию. Там мне делали добропорядочные переплеты. Получилась внушительная библиотека. Дабы не сеять смуту в семье, я собрала невесток и сказала им: «Видите? Вот эти материалы по домоводству – твое наследство, Лена. А вот эти – тебе, Катя». Все разделила, вот… Разумеется, в моей библиотеке не только вырезки. Некоторые люди покупают книги и сразу ставят в шкаф, не читая, чтобы только корешки были видны. Я покупаю и читаю – этим я отличаюсь. А библиотеку по домоводству я покупаю и почти каждое блюдо, рецепт которого там есть, готовлю. Одна из моих любимых книг по домоводству – «Советы хозяйке», во-о-от такой толщины, 1950 года выпуска. Честное слово, поварские увлечения – мое первое «отклонение от нормы».

– Разве это отклонение? По-моему, совершенно нормально.

– Есть и второй «пунктик»: коллекционирую кофейные чашечки.

– Такие, маленькие?

– Да. Вообще я кофе люблю. После второго инфаркта врачи сказали: ни-ни. Я возразила: «Наркоманы бывают всякие. Одни курят, другие колются. А я люблю сало, соленое и копченое. И еще кофе, я очень люблю кофе!» Они посовещались и сказали: «Ладно, Лидия Михайловна, давайте так: сало вам все-таки никак нельзя, а кофе пейте, но в очень маленьких количествах». Тогда я купила себе первую чашечку. Теперь их уже много. Каждый день пью кофе из разных чашечек.

Живу на седьмом этаже, пароходы по Волге плавают мимо моего окна. Высшее мое наслаждение – смотреть в окно, потягивать кофе маленькими глоточками и читать названия пароходов...

– Есть города, которые славятся своими промыслами. Например, Тула – это, понятно, самовары, пряники, еще там оружие делают. В Пензе мастерят часы с кукушкой. А кофейные чашечки – где? Разве что в Вене?

– Кофейные чашечки, на мое счастье, делают везде. Купить чашечку нетрудно. Я свои приобретаю в разных городах. Это ведь не только чашечки, но и сувениры на память.

Однажды позвонил Сергей Кривенко *(член правления Международного общества «Мемориал». – Ред.)* и предложил поехать с его группой на неделю в Пермь. Я даже не спросила, зачем. Приехала в Москву...

– Вы прямо как агент на службе. Вам звонят и говорят: «Надо быть на вокзале в такой-то день и час». Вы без лишних слов появляетесь.

– Да-да.

– ...и с собой в кармане вороненый пистолет...

– Да-да! *(Смеется)*. Привыкла уже. Ну вот, поехали мы в Пермь, а оттуда, прямо с вокзала, – в Чусовой, где музей бывшей политической зоны «Пермь-36». Эта поездка в буквальном смысле перевернула, Серега, мое сознание. Чтобы по-настоящему понять, как существовали заключенные в политзоне, надо увидеть музей.

Не услышать рассказ, не прочитать воспоминания, а увидеть самому. Признаться, это жутко. Казарма производит тяжелое впечатление, а штрафные изоляторы... это вообще нечто... Когда мы ночевали в местной «гостинице», ночью мне странные видения снились. Будто идет строй людей по этой вот усыпанной щебенкой дорожке. Я слышу шум, шорох щебенки. Трудно было представить, что в этих условиях люди находились не один и не два дня, а пять, десять лет... Это просто жуть.

Когда я подошла к штрафному изолятору… – у меня не хватило силы воли перешагнуть порог. Из дверного проема посмотрела внутрь, но не нашла в себе сил сделать шаг вперед. Не представляю, как там может находиться человек. Кривенко хотел меня эмоционально разгрузить в этой поездке, но получилось наоборот.

Когда пришла пора уезжать, думаю, что ж это я, надо в Перми что-нибудь купить на па-

Балаково

«Пермь-36»

мять. Зашла в универмаг и увидела малюсенькую кофейную чашечку цилиндрической формы. Она была вся похожа на яркую лесную поляну, усеяна крошечными цветочками. Я ее купила. Домой ехала в совершенно другом настроении, как будто весна наступила. И все это, поверишь, от покупки чашечки. *(Смеется)*. А у себя в Балаково в первый же день меня угораздило ее разбить. Но настроение уже не испортилось, осталось прежним, весенним.

О себе

– Вы коренная, из Балаково? Кстати, как правильно – балаковчанка?

– Я татарка, наверное. *(Смеется)*. Я только по паспорту русская, а татарка, наверное, потому, что родилась в Татарстане и до сих пор люблю все татарское. Мою национальность надо писать так: волжанка. А правильно – «балаковочка», мы так говорим.

– А мужчина, соответственно, балаковец?

– Да, балаковец.

– Балаковец – это нормально.

– А балаковочка – просто красиво! У нас в Балаково может встретиться неухоженная женщина, без косметики, одета немножко неопрятно. Но какие правильные черты лица! Какая хорошая кожа! Не знаю, откуда это все... Город Балаково построен зэками в конце пятидесятых. Работали расконвоированные, которые женились и оседали тут. Тогда ведь как было: поработал на стройке – давали двух-трехкомнатную квартиру. У нас сейчас живет третье поколение потомков строителей города. Да и в тюрьмах в генетическом плане у нас сидели не самые последние люди, я думаю, потому что у них предки уж очень хороши.

– Неплохо сказано. А вы, значит, тоже с Волги?

– Моя девичья фамилия Панова. А мамина фамилия была Милишина. Панова – по первому своему мужу. Он был офицером. В 1941 году ушел на фронт и сразу погиб. Ей было тогда 18 лет. После войны мама жила в Казани. Работала на каком-то маслозаводе, где было несколько тысяч женщин и двое или трое мужчин.

– Послевоенное время...

– Когда я встала взрослой, мы с мамой говорили уже как взрослые, прекрасно понимали, о чем идет речь. Мама сказала, что они просто ждали, пока мальчики подрастут до того возраста, когда от них можно иметь детей. Другой мечты у женщин военного поколения не было, кроме как нянчить детей.

Папа моложе мамы на десять лет. Родители жили в селе Ильинка, там я и родилась. Родители работали, а меня с братом растил татарский бабай. Его звали Абдулла. Детских садов тогда не было. Абдулла-бабай не мог работать – он был древним старцем. Утром нас приводили к нему, и он нас воспитывал.

– Как в Древнем Риме: молодой Цицерон ходит к учителю перенимать мудрости жизни.

– Да. Только воспитывали меня не по-древнеримски, а по-татарски.

– Неужели ели сырое мясо?

– Нет, ну что ты... Абдулла-бабай был моим наставником, если так можно сказать. Втолковывал: «Учись бороться. Для борьбы голова должна быть всегда в холоде. На горячую голову бороться нельзя». Или: «Не наноси своему врагу удары сразу. Если враг силен, то ударишь его, он покачается и выпрямится. Дождись, когда он ослабеет, нанеси ему удар – тогда ты его уничтожишь, он уже не поднимется никогда». Такую суровую науку преподавал мне старый Абдулла.

– Как ваша семья перебралась в Саратовскую область?

– В Казани спокон веков было очень голодно жить. Впрочем, тогда, наверно, везде было очень голодно жить, да? А вот в Саратове, считалось, жизнь была сытнее. Родители переехали в село Матвеевку, Балаковский район. Помню, в первый год, когда мы переехали, нам дали колхозный дом. Зарплату людям-то не начисляли, платили натурой. В счет зарплаты на складе можно было взять продукты. Пришли родители однажды со склада, выложили все, что взяли... я поверить не могла, хваталась за все сразу! Квашеная капуста, томатный соус, моченые яблоки, соленые огурцы…

– Однако на моченых яблоках долго не проживешь.

– Ну, и мясо, пожалуйста! И зерно тоже. Хлеб пекли на общей хлебопекарне. Хотя и в русских печках женщины могли печь хлеб сами. После приезда в Матвеевку нам впервые стало сытно жить. Голод – это для меня по сей день самое страшное состояние. Не могу проходить мимо человека, если вижу, что он голодает. Кажется, готова отдать ему все, что имею. А перед тем, как уехать из дома, даже на два дня, варю шесть литров щей, ведро холодца, жарю штук сорок котлет...

– Пропадает, небось?

– Нет. При нынешнем умении все хранить ничего не пропадает. Например, холодец: у меня кастрюля десять литров, что ж я меньше-то варить буду? А у мужа железная воля, он даже не ужинает.

– То-то он у вас на фотографии худой, да и сыновья стройненькие...

– Стройненькие да ладненькие. Между прочим, в нашей семье, хотя она и очень большая, ни один брак не распался. Мы этим гордимся. И еще: у нас не рождаются девочки. Только мальчики. Поэтому фамилия «Свиридов» множится и множится. Я своим мальчишкам говорю: «Ты можешь поссориться с другом, можешь позволить себе его потерять, если вы сильно разошлись. Сегодня один друг, завтра может быть другой. Но если ты потеряешь брата, то второй брат у тебя не появится никогда. Поэтому, как бы ни строились ваши взаимоотношения, вы обязаны не ссориться и быть друг другу всегда опорой и поддержкой».

Мои сыновья друг за друга по-настоящему держатся, хотя у них разница в возрасте – десять лет. Было время, Сергей перебрался на Украину, в Киев. Год прожили там, были, в общем, довольны. За это время все мои деньги уходили на оплату телефонных разговоров. Сергей и Юра каждый день разговаривали по телефону по восемь-десять раз. Юра ездил к брату на каникулы (Юра – студент, учится в академии госслужбы на выпускном курсе). А когда пришла пора Юре возвращаться, Сергей мне сказал по телефону: «Мама, знаешь, я уже неделю не могу найти себе место». Наверное, эти семейных узы нас так тесно связывают, что каждый день мы должны быть в зоне досягаемости. Меня это радует. Невесткам своим я тоже сказала: можно ругаться, не признавать друг друга, даже ненавидеть друг друга, жить по отдельности. А можно все конфликты разрешать сразу, как только они возникают. Оставаться родными людьми гораздо лучше, чем ссориться.

Случай на дороге

– История с сыном еще раз убедила меня, насколько все-таки хороша моя семья. Без ложной скромности скажу: я ее, наверно, построила правильно. Не знаю, что будет после моей смерти, но в этой ситуации мы мужественно пережили несчастье. Это произошло в августе 2004 года. Было девять часов вечера. Младший сын позвонил мне откуда-то из пригорода и сказал: «Мам, я сбил человека. Совершенно не могу отсюда вызвать скорую помощь». Мы быстро вызвали «скорую». Муж сразу поехал на место ДТП.

– Как же это произошло?

– Пешеход был в тяжелой степени опьянения. Свидетели показали, что он просто валялся посреди дороги. Днем еще было видно, что там лежит человек, и машинам удавалось его объехать. Несколько раз водители и прохожие уносили его с дороги на обочину, но он упорно возвращался и либо садился, либо ложился на асфальт. Как он потом рассказал в суде, с 5 до 9 часов вечера он, будучи уже пьяным, выпил еще бутылку водки. Когда стемнело, этот человек внезапно поднялся с дороги и вырос перед машиной в полный рост. Объехать его было невозможно. Юра – я очень горжусь тем, что он выбрал все-таки позицию сохранения жизни человеку – сумел справиться с машиной и отвернуть в сторону. Машину разбил, а пьяница отделался сломанной ногой.

– Машину разбил совсем?

– Восстановили, это стоило больших денег. Главное, машина-то была не наша. По доверенности ездил.

– Кто же он такой, этот самоубийца?

– Какой-то незнакомый нам человек по фамилии Киселев. В больницу мы его отвезли сами. Он был «бомжистого» вида, от него дурно пахло, врачи не спешили оказывать ему медицинскую помощь. Муж позвонил мне из больницы: «Лид, приезжай сюда, врачи не хотят к нему даже подходить». Я испугалась, что из-за какой-нибудь пустяковой травмы он может погибнуть. Приехала.

В больнице меня уже неплохо знали после всех этих инфарктных дел. Стали заниматься этим человеком. Сделали рентген. Сказали: «Идите спокойно домой, его жизни ничто не угрожает. Просто перелом голени, чуть повыше щиколотки». Даже сотрясения мозга у него не было. Но власти откуда-то «прочухали», что замешана Свиридова. Стали давить на врачей. Им предлагали переписать историю болезни и указать там тяжкие телесные повреждения, в том числе черепно-мозговую травму. Врачи отказались.

– Вы узнали эти подробности от врачей?

– Да. Потом была медицинская экспертиза. Полностью исключили черепно-мозговую травму. Но власти настаивали на том, чтобы все-таки провести судебный процесс. Ко мне несколько раз приходили отдельные граждане и передавали, что, мол, мэр города предлагает зайти к нему, и все проблемы моего сына будто бы решатся.

– Договориться предлагал?

– Да. Я сказала, что я не вижу, каким образом мэр города Тимофеев завязан в этом дорожно-транспортном происшествии. После этого Киселев обратился в суд с просьбой возместить ему моральный вред и упущенную выгоду. Тот самый человек, который везде и всюду на вопрос: «Где вы работаете?» отвечал: «Нигде не работаю», вдруг предъявил трудовой договор о том, что работает в обществе с ограниченной ответственностью «Трансфлот». Рассказал в суде, что работал там исключительно по ночам на разрезке металла. Я спрашиваю: «Наверное, есть приказ о вашем приеме на работу или о назначении на должность?» Он сказал, что нет. То ли это была какая-то незаконная деятельность, то ли он там попросту не работал. Я попросила суд истребовать из Пенсионного фонда сведения о начислении с фонда оплаты Киселева. Но Пенсионный фонд суду отказал, а суд не настаивал. В итоге суд обязал моего сына выплатить 36 тысяч рублей в пользу пешехода.

– Ничего себе!

– Мы обжаловали это решение суда. Если суд в конечном итоге признает, что нужно платить, мы, конечно, подчинимся решению суда. (Я уверена, что договор найма, представленный в суд, липовый). Тяжелее всего, конечно, эту ситуацию пережил мой сын. За первые две недели он потерял 15 килограммов. Был такой период времени, когда я поняла, что он совсем ничего не ест. Пришлось даже обращаться к врачам. Понемногу стресс стал проходить. Я ему всегда говорила: «Юра, самое главное в любой ситуации – сохранить жизнь человеку. Да, не любим мы Киселева, не нравится он нам, напился, столько неприятностей принес. Но главное, что он остался жив. Никто никогда не скажет тебе, что ты убийца. Это самое главное».

Союз солдатских матерей

– В большинстве городов правозащитная организация (и Комитеты солдатских матерей не исключение) держится на одной-единственной яркой, активной личности. Это не значит, что остальные члены группы вообще не имеют веса. Но стержень организации – один человек. Я прав?

– Умный руководитель поставит работу так, что он окружит себя личностями. Я считаю себя умным руководителем, потому что около меня всегда есть человек пять-шесть незаурядных. Не люблю, когда люди со всем соглашаются и ни с кем не ссорятся. На мой взгляд, ничего толкового от этих людей ждать нельзя. Если человек приходит с намерением отстоять свои права, чаще всего приходится идти на конфликт. Человек, который априори не умеет конфликтовать, – как он может быть защитником?

– Вы и друг с другом конфликтуете?

– Знаешь какие у нас иногда в Союзе солдатских матерей бывают баталии? Это что-то! Мы ругаемся, по-бабьи, с криком: «А ты вчера вот то-то тому-то сказала, кто тебе позволил?» – «А ты зачем свой нос суешь?». И меня ругают, режут правду-матку в глаза. Но у нас есть золотое правило: все, что происходит внутри нашей организации, ни в коем случае не должно выходить за ее пределы.

– А личностные конфликты бывают?

– Серьезные? Никогда. А так, по мелочи – бывает. Как правило, они связаны с работой, с большими эмоциональными перегрузками, которым подвержены все в Союзе солдатских матерей. Но нам удается из всех этих конфликтов выходить без потерь. Мы не становимся врагами. Конечно, бывает, что человек уходит с тяжелой работы, например, по состоянию здоровья, но он не прощается навеки, не расстается с нашим Союзом солдатских матерей. Мы вместе проводим время, встречаем Новый год. Качество друга остается, оно незыблемое.

Да, сегодня Союз солдатских матерей ассоциируется с именем Свиридовой. Всякая организация должна ассоциироваться с одним именем, с одной фамилией. Но если, не приведи Господи, меня завтра не станет, то Союз солдатских матерей будет существовать за счет силы духа тех солдатских матерей, которые рядом со мной. Уверена, что уже в течение недели из них выделится лидер. Союз солдатских матерей останется такой же сильной организацией, какой мы являемся сейчас.

– Я общался с разными организациями солдатских матерей, и почти все они говорили о большой «текучести кадров».

– Обычная ситуация: мать призывника обращается за поддержкой и, в свою очередь, помогает организации. Но всякие проблемы рано или поздно заканчиваются. Парня комиссуют из армии или он добивается права на отсрочку. После этого он со своей мамой просто исчезает. В организации есть ма-а-аленький костяк энтузиастов, а остальные приходят и уходят.

Есть люди, которые приходят не для того, чтобы решить свою проблему, а по зову души. Хотя, конечно, изначально каждым из нас движет спасение собственного сына.

– У вас есть членские взносы?

– Да-да.

– А местные бизнесмены помогают?

– Конечно. Членские взносы не покрывают и трети наших расходов. Впрочем, денег нам все равно дают мало, да мы особо и не просим. Какой-нибудь счет за телефон мы вполне можем оплатить. А если бы получили серьезные деньги, нужно было бы держать бухгалтера, который за эти деньги стал бы отчитываться.

– У вас нет бухгалтера?

– Есть. Обыкновенная мамочка, «волонтерша», которая ведет документацию, не получая ни копейки денег. Как и все остальные, как и Свиридова.

– Вы принимаете в Союз всех солдатских мам, кто пожелает?

– Сначала нужно написать заявление о приеме в Союз солдатских матерей. Общее собрание или Совет Союза это заявление рассмотрит. Бывают и случаи отказа.

– Интересно, какие же? Какой-нибудь неадекватный, скандальный человек?

– Как ни странно звучит, на скандального человека часто можно положиться, а в тихом омуте водится больше чертей. Но нет, Серега, у нас другой критерий, сейчас объясню. Каждый человек может вступить в Союз и покинуть Союз, написав заявление. Он может на время приостановить свое членство в организации. Все это предусмотрено Уставом. А вот теперь смотри. Пришла мама, вступила в Союз, свою проблему решила и больше у нас не появлялась. Через три года военкомат «вспоминает» о ее сыне. Она снова приходит в Союз солдатских матерей и пишет заявление о том, чтоб ее приняли в Союз. Это и есть тот единственный случай, когда мы отказываем.

Так вступать в нашу организацию второй раз нельзя. Мы считаем, что у человека были

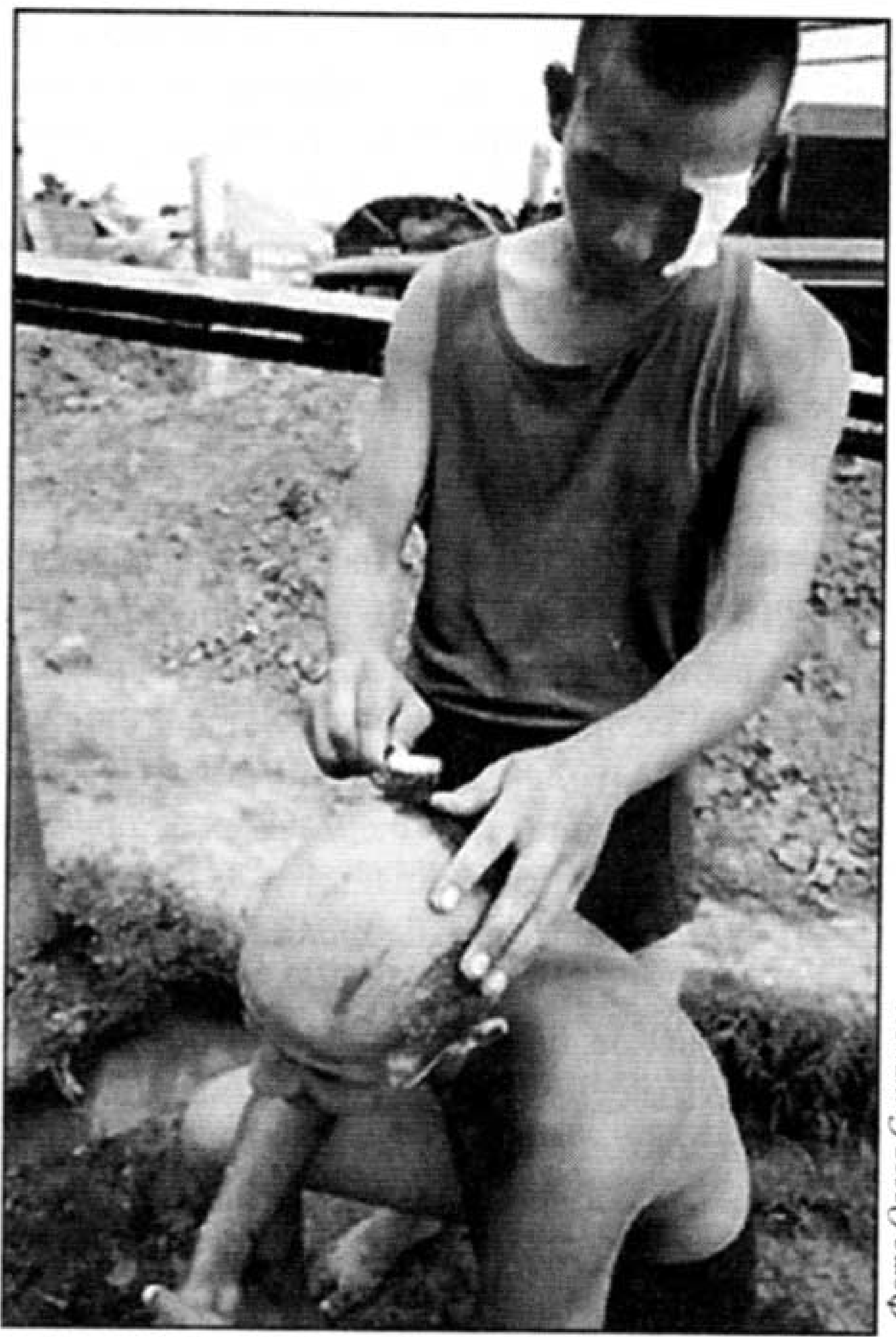

Фото Олега Смирнова

Солдатские матери

возможности выйти из Союза, написав заявление, или приостановить свое членство. Хоть на десять лет – не возбраняется. Но когда она молча покидает организацию, мы имеем из-за нее большие проблемы, например, с налоговой инспекцией.

– А налоговая причем?

– Налоговый инспектор является и говорит: «У вас по спискам есть Дарья Ивановна. Она член вашего Союза, значит, платила взносы. Тут в журнале стоят прочерки. Куда вы дели деньги Дарьи Ивановны?». Начинаются поиски денег, которых никогда не было. Такие «дарьи ивановны» сильно затрудняют деятельность нашей организации. Вместо того, чтобы защищать права призывников и солдат, мы отбиваемся от налоговых органов, доказывая, что Дарья Ивановна уже давно в Союзе не состоит.

Вообще, налоговые инспекции, все наши власти – не верят, что Союз солдатских матерей существует пятнадцать лет, ходит по судебным инстанциям, ездит по воинским частям и здесь не крутятся большие деньги. На самом-то деле это вполне понятно. Но как им объяснишь?

За один год, я помню, нас проверяли девять раз. Никаких нарушений не нашли. Они не хотят верить, что мы не платим себе зарплату. Но зачем ее платить? Я что, сначала должна вносить сто рублей, а потом начислять себе из этих денег зарплату? А ведь с этих ста рублей еще надо удержать налоги...

– Понятно. И часто такие «наезды» бывают?

– Главное поле битвы – это помещения. Сколько мы существуем, столько нас и выселяют. Недавно опять была попытка нас выселить. Раньше мы особенно не сопротивлялись. Нам говорили: «В двухнедельный срок освободить помещение!» – мы вставали и освобождали. Но в последний раз, честное слово, надоело бегать. Обустройство каждого офиса требует сил и денег.

Ты был в нашем офисе? Не был? Сереж, это сказка! Мы создали горницу, у нас зимний сад, в котором 90 видов растений. Моя любовь – фиалки, и теперь в офисе цветут поляны фиалок. Мы сделали все по-домашнему, постелили ковры. Никаких жалюзи, как обычно в офисах, у нас нет. Везде обыкновенные женские занавески, с оборочками, рюшечками, бабочками. В общем, мы сказали, что обустраивать все новые и новые офисы мы не будем.

– Это сколько же души нужно вложить!

– А денег? Мы же на эти деньги можем купить лекарства, которые отправляем в Чечню! Сейчас вот нас выселить не удалось. Помещение нам передали в собственность. Но наезды не прекратились. Есть ведь разные формы наездов. Например, мы всего-навсего просили отдать нам помещение на тех же условиях, на которых свои комнаты получил военкомат. Но там комнаты находятся на содержании города. А мы содержим свой офис сами. На сегодняшний день только коммунальные платежи у нас больше 200 долларов.

– Для провинции это, должно быть, много.

– Немало. И разве это не наезд? Конечно, наезд. Но мы будем платить эти 200 долларов, мы докажем всем, что для солдатских матерей деньги значат гораздо меньше, чем кое-кто об этом думает. Когда я семь суток была в реанимации, я по-настоящему прочувствовала, какова ценность денег. Недалеко от меня в палате лежали еще пять человек, все мужики. Я единственная – женщина. Был август, жарко, и мы все оставались голыми, мы были буквально при смерти. Врач, который не уходил из палаты ни на минуту, должен был иметь доступ к любой части тела. Поэтому нас не одевали. Но мне было абсолютно все равно. Я хотела жить. Я боялась заснуть – слышала, что больные-«сердечники» умирают во сне. Боялась, что закрою глаза и больше не проснусь. Меня вводили в сон посредством уколов, чтобы меня отключить: все-таки сон был нужен.

И однажды я подумала: зачем я всю жизнь копила деньги и покупала какие-то ковры? На кой черт мне сдался этот хрусталь, который с трудом запихиваешь в сервант уже ставить некуда? Чтобы купить дурацкую вазочку, я три месяца откладываю деньги, лишаю себя удо-

вольствия съездить в путешествие, или накрыть богатый стол, посадить вокруг друзей и спеть десяток песен под гитару, или съездить за город, развести костер и целую ночь веселиться, отдыхать...

Из больницы я выписалась совсем иным человеком. Деньги для меня, конечно, существуют, я их зарабатываю, но для чего? Чтобы вложить их в спасение жизни – своей, кого-то из друзей, а то и вовсе незнакомых людей. Деньги – это вещь, придуманная людьми не для счастья, а для несчастья. Так что работа в нашем Союзе чисто добровольная, неоплачиваемая. Сейчас в организации 70 человек, которых приходят изо дня в день. Конечно, существует график. Ежедневно в офисе должно находиться не меньше двух человек. Обычно – четыре-пять.

– Но ведь они не профессиональные юристы. Чем они занимаются?

– Принимают гражданина, получают от него первичную информацию. Гражданин собственноручно заполняет анкету-заявление. В затруднительных ситуациях, когда есть сомнения, они связываются со мной. Хотя, если я в Балаково, то обычно провожу много времени в Союзе. Помогаю составлять жалобы, даю консультации. Если случай трудный, им занимается профессиональный адвокат. Еще у нас есть врач.

– Как работает профессиональный адвокат? Тоже на добровольных началах?

– Как правило, адвокат работает бесплатно, то есть денег с нас не берет. В области много адвокатов, которые нам охотно помогают. Звоним такому человеку с личной просьбой: «К тебе сейчас придет Варвара Сидоровна, ты ей помоги, пожалуйста». Да и сам Союз солдатских матерей зарегистрирован благодаря адвокату Владимиру Шивареву. Если накатывает много судебных процессов и я не справляюсь, адвокаты ведут суды буквально за копейки. Впрочем, и платить можно по-разному.

Мы живем в маленьком региональном городе, где очень легко задавить человека, в том числе адвоката. Рано или поздно публичный человек нуждается в поддержке общественности. Иную организацию, которая могла бы обеспечить такую общественную поддержку, кроме Союза солдатских матерей, в области вряд ли найдешь. И мы своим адвокатам такую общественную поддержку обеспечиваем. Порой адвокат, который видит пробелы в законодательстве, которого беспокоит общественно-политическая ситуация, стремится стать, например, депутатом. Мы помогаем ему в предвыборной кампании. Можно считать это платой или нет?

– Значит, вы в какой-то степени вовлечены и в политическую деятельность?

– Конечно. Можно сказать, мы участвуем во всех выборах. За то, чтобы заполучить нас в качестве союзника, идет борьба.

– А на вашем имидже общественной организации это не сказывается? Многие придерживаются мнения, что правозащитники должны быть вне политики.

– Правозащитники – это, несомненно, политики. Допустим, мы знаем, что какой-то человек по жизни далек от политической борьбы, но очень силен как юрист, и в Государственной Думе, наверное, он может изменить ситуацию. Что тогда? Конечно, мы его поддерживаем. Очень многие кандидаты, которым помогал Союз, добились своих целей. На разных уровнях.

– И на губернаторском?

Губернатор Аяцков и большая политика

– Бывший губернатор наш, Дмитрий Федорович Аяцков, не без нашей поддержки стал губернатором. На самом деле у меня совершенно особое отношение к нему. Я не отношусь к тем людям, которые бьют, которые способны бить лежачего. Сейчас он просто подвергается травле. Участвовать в этом – не в моих принципах. Об Аяцкове я тебе расскажу то, что никогда никому не рассказывала. И ты это обязательно опубликуй.

– Интересно.

– До Аяцкова губернатором области был Юрий Белых. Он меня сильно не любил. Требовал, чтоб меня уволили. Я тогда работала директором пресс-центра на «Балаковорезинотехнике». Там был мудрый руководитель – Владимир Николаевич Еловиков. Он пригласил меня к себе и говорит: «Белых сказал, что не будет помогать выплачивать нашему многотысячному коллективу зарплату до тех пор, пока Вы, Лидия Михайловна, у нас работаете. Прошу вас, оставьте Союз солдатских матерей. Пощадите людей, которые пять месяцев не получали зарплату!» Я ответила, что сутки подумаю. На следующее утро пришла и сказала: «Владимир Николаевич, я вас люблю и уважаю. Пожалуйста, увольняйте меня с работы, но я Союз сол-

датских матерей не оставлю. Отрапортуйте Белых, что Свиридова не работает, и выдайте зарплату».

– Уволил?

– Оставил. Уж не знаю как. С зарплатой попрежнему были трудности, но не из-за меня, конечно. И тут внезапно Белых сняли. Ельцин назначил губернатором Аяцкова. На четвертый день своего пребывания во власти Аяцков получил письмо от одной солдатской матери: мол, приезжайте к нам в Балаково и объясните, как вы намерены защищать Союз солдатских матерей и Свиридову от нападок, сколько может продолжаться эта травля...

И вот у нас идет общее собрание Союза солдатских матерей, люди со всей области. Открывается дверь, и входит губернатор Аяцков, а с ним и новый мэр Балаково Алексей Саурин, кстати, мой бывший сосед по дому. Народ стал рассказывать губернатору о том, что такое Союз солдатских матерей, кому и как он помогает.

Одна мамочка долго объясняла Аяцкову, что творили с ее сыном в армии и как вмешательство Союза предотвратило его гибель. Когда его удалось оттуда вызволить, он при росте 190 сантиметров весил 60 килограммов и почти ослеп.

Аяцков встал и сказал: «Свиридову больше никто не тронет. С сегодняшнего дня я назначаю ее своим помощником». Это было как гром среди ясного неба. Народ аплодировал. Надо же, губернатор всего-ничего в должности, а какие решения принимает! Стало быть, у Союза солдатских матерей проблемы закончились.

Но мы же знаем, что солдатские матери никак не могут долго и мирно работать в одной упряжке с властями. Как ни крути, та армия, которая существует, угодна власти. Ее сами власти сделали такой. И пока она такая, ни о каком долговременном сотрудничестве не может быть речи. Я не стала делать громкие заявления, а просто подумала: «Не приеду к нему, не получу это назначение, он забудет, и все останется как есть».

– Забылось?

– Я не ездила за этим назначением месяцев семь. Пошли первые критические отклики в сторону Аяцкова. Мол, время идет, а вы ничего не делаете, в области и здесь плохо, и там, и вот тут... Однажды по телевидению Аяцков выдал в интервью: «Критиковать вы все мастера, а я сейчас один. Не могу я последствия работы старой команды в одночасье исправить. В областном правительстве есть вакантные должности. Приходите и работайте. Но ведь кого я ни приглашу, никто не хочет! Например, позвал Свиридову стать моим помощником. Думаете, она пошла? Нет!» И добавил, что, мол, кричать-то ей легче, чем дело делать.

На следующее утро я села в машину и поехала в Саратов. Пришла в отдел по работе с регионами и представилась: «Здравствуйте, я Свиридова». Они говорят: «А-а-а, да-да, тут ваши документы давно лежат. Что-то вы задержались. Пожалуйста, получите удостоверение помощника». Так я за десять минут обрела все полномочия внештатного помощника. Мне объяснили, что работы будет много, но зарплата за это не полагается.

– И сразу стало понятно, почему столько вакантных мест в правительстве.

– Да! Хотя, признаться, это удостоверение мне потом не раз очень здорово помогало.

– А как Аяцков в личном плане? С ним было трудно работать?

– Аяцков – человек без амбиций, настоящий русский мужик со всеми достоинствами и недостатками такой натуры. Если ему нужно что-то узнать, он не посмотрит, что он губернатор, а Свиридова – простая пенсионерка. Он

Алексей Саурин

Дмитрий Аяцков

часто сам звонил мне домой. И я ему могла позвонить, а если не оказывалось на месте, оставить секретарю просьбу: «Пожалуйста, передайте Дмитрию Федоровичу, что звонила Свиридова». – «Хорошо, передам». Телефонный звонок мог раздаться даже в полночь. Аяцков сообщал, что только что приехал из района, узнал о звонке и теперь интересуется: что случилось?

– Можно сказать, у вас с ним было взаимопонимание?

– Все было сложнее. Он нередко меня укорял: «Ты должна понять, что разваливаешь армию. Посмотри, ты не дала призвать такого-то, и вот этого, и вон того...» Я начинала доказывать, что работать надо в рамках закона. Мы с Аяцковым оба – люди взрывные. Бывало, уже после третьей фразы орали друг на друга. В какой-то момент один из нас говорил: «Так, давай потише», – и мы переходили на спокойный тон. В конце концов споры оканчивались удовлетворением всех просьб Свиридовой. Если сказано, что в зоопарке мясо тигру недокладывали, то с завтрашнего дня мяса докладывали.

Вот так мы с ним работали все восемь лет. На выборах разругались в пух и прах. То, что случилось в Балаково, – полностью его «заслуга».

– Что именно?

– Народ проголосовал за действующего мэра...

– То есть за вашего бывшего соседа?

– Да. 76% голосов было отдано за него.

– Тем временем он выехал, наверное, из малометражки?

– В трехкомнатную квартиру выехал. В панельном доме. Я была его доверенным лицом на этих выборах, несмотря на разногласия по некоторым вопросам. Но он помогал.

Например, я два раза в Чечню съездила с гуманитарным караваном. Эта гуманитарная помощь, сам груз, была собрана Союзом солдатских матерей, а все транспортные затраты – сто тысяч рублей за каждую поездку – покрывала мэрия. И когда настали выборы, я видела, что у него огромная народная поддержка.

Естественно, когда ко мне обратились разные кандидаты с предложениями стать их доверенным лицом, я посчитала, что как лидер общественной организации я должна встать на ту сторону, где большинство людей. Так я стала доверенным лицом Саурина на выборах. Он выиграл выборы, но это не входило в планы Аяцкова – у него был свой человек на должность мэра. Ко второму туру решением суда Саурин был снят с выборов. Областная избирательная комиссия ликвидировала итоги голосования на трех избирательных участках и назначила второй тур.

– Где фаворитом был, естественно, человек Аяцкова.

– Да. Когда люди увидели, что идет стычка между губернатором и мэром и что губернатор явно сильнее, все постарались обезопасить себя. Стали потихонечку уходить в тень. Рядом с Сауриным осталось несколько человек, в том числе и я. Аяцков прислал саратовскую областную комиссию принимать итоги выборов. Представляешь! Абсолютно незаконно!

Часть председателей участковых избирательных комиссий отказалась признать областную комиссию, и выборы проводили по нашим, законным бюллетеням. А другая часть председателей избиркомов поменяла бюллетени на новые, где стояли фамилии двух других кандидатов, естественно, без Саурина. Потом, конечно, решение суда было отменено, однако...

– Почему был снят с выборов Саурин?

– У него был домик в деревне. Он указал размер площади меньше, чем на самом деле. Какой-то там метр... Саурин-то не сам готовил эти документы, а доверял подчиненным. Я обратилась к народу по телевидению: «Послезавтра вы придете на избирательные участки – голосуйте против всех». И результат выборов был такой: там, где фамилия Саурина была, – большинство проголосовало за него, а там, где не было, – против всех.

После выборов я пришла домой, время было десять часов вечера. Мне позвонили и сообщили, что из Саратова выехала большая группа ОМОНовцев с заданием арестовать Саурина. Я прыгнула в первую попавшуюся машину, примчалась к нему и говорю: «Алексей Иванович, пожалуйста, уезжай, главное – не дать тебя арестовать, а потом будем разбираться, что и как». Он действительно уехал с семьей.

Утром здание мэрии было занято ОМОНом, в город стянута милиция со всей Саратовской области, на улицах автоматчики. Это в 2001-м году!

Балаковская милиция отказалась участвовать в этой акции. Тогда их заперли в УВД и не давали никуда выходить. А из других городов милиционеры съехались. Пытались у нас вырвать видеокамеру, разбили. Я подошла и говорю: «Ладно, молодые люди. Мы камеру худо-бедно собрали. Но там не хватает окуляра. Камера, между прочим, стоит сорок тысяч. Или вы сейчас мне находите этот окуляр, или моя фамилия Свиридова!»

Шестнадцать милиционеров сквозь пальцы просеивали снег. Искали эту линзу и нашли. *(Смеется).*

Потом писали телеграммы в Москву: «Уберите автоматчиков с улиц города, потому что прольется кровь...». Аяцков делал заявления, что, мол, полтора десятка сумасшедших мутят воду, а так все нормально... Такие взаимоотношения были с Аяцковым.

Несмотря на это, когда прошла информация, что в Магадане замерзли призывники и среди них есть саратовцы, Аяцков ночью звонил мне домой. Звонил с такими словами: «Лидия Михайловна, извини, я поздно звоню, но мне сказали, там саратовцы есть, давай чего-нибудь думать-делать. Поедешь ты или я, может быть, команду соберу, или что?»

– Что же с произошло с мэром?

– Мэра мы прятали, наверное, три месяца. За это время наши доблестные депутаты (в числе которых были и те, которых поддерживал несколько лет назад в предыдущие созывы Союз солдатских матерей) поменяли устав города. Теперь мэра стал выбирать не весь народ, а только депутаты. Они избрали нового мэра. Саурин получился вроде «мэра в изгнании».

В это время мы подали жалобу в Верховный суд. Он признал снятие Саурина с выборов незаконным, как и результаты выборов в Балаково. Саурина пригласил Путин и, чтоб не создавать в России прецедента, дал ему должность начальника Департамента охотничьих ресурсов.

– Вроде главного егеря.

– Мы его называем «Главный ловчий». Саурин мне потом сказал: «Знаешь, надо реально смотреть на вещи. Все равно устав города уже изменился, мэром я не стану. Давай сделаем так. Я поработаю «главным ловчим», а когда наступят выборы губернатора, выдвину свою кандидатуру». И мы довели это мнение до балаковцев, все сказали «хорошо» и стали ждать, когда наступят выборы. Ну а выборы, как известно, не наступили и никогда не наступят...

– Никто так далеко не смотрел.

– Да. Саурин сейчас в чине генерала армии, работает здесь, в Москве, в Министерстве сельского хозяйства. Он очень способный, талантливый руководитель, не из разряда зашоренных старцев, а из достаточно молодых и хороших людей. Очень много мне помогает, кстати.

С гуманитарным грузом в Чечню

– Про то, как я ездила в Чечню и Дагестан, нельзя толком рассказать в интервью. Про это надо писать книгу. А если в одной фразе – я подозревала, что в России много хороших людей, но не предполагала, что так много.

Я обросла большим количеством знакомых среди чеченцев, дагестанцев, русских, гражданских, военных... Каждый из них – личность. Теперь я ощущаю себя счастливым человеком только потому, что поездки в Чечню позволили мне познакомиться с этими людьми.

– Когда вы ездили в Чечню?

– Первый раз 7 октября 1999 года.

– Начало второй войны.

– Да, совпало. 7 октября мы приехали в Чечню, шесть человек, и в этот же день туда ввели войска. На наших глазах. Мы не могли проехать: несколько часов все дороги были заняты колоннами с военной техникой. Приходилось подолгу стоять. Офицеры подходили к нам закурить, я каждому из них давала иконку и свою визитную карточку. Они читали – Союз солдатских матерей – и спрашивали: «Солдатские матери помогут остановить эту войну?» Сколько надежды звучало у офицеров в голосе!

Что бы ни говорили офицеры в Генштабе, мол, мы тут разваливаем армию, – а все-таки и у солдата, и у офицера в трудный момент есть надежда на комитеты солдатских матерей.

– Это была гуманитарная миссия? Вы привозили помощь, чтобы там раздавать? Искали кого-то из пропавших?

– В основном мы были в солдатских госпиталях. Когда первый раз поехали туда, никто нас, конечно, не предупреждал, что через два дня начнется война. Мы всего-то везли солдатам варенье, много теплых вещей, медикаменты и так далее.

– Куда везли?

– Были в Автурах и в Ботлихе. Ездила в 31-ю десантную дивизию. С офицерами и солдатами этой дивизии у нас были очень тесные связи, там служило много балаковцев. Мы поехали туда к ним. Все это организовывалось под патронажем Георгия Ивановича Шпака. Он тогда работал главным десантником страны.

Я Шпака в глаза никогда не видела, но знала его прямой телефон и звонила ему в любое время суток. Трубку снимал всегда сам. И все мои вопросы решал сам. Когда я позвонила и сказала, что еду в 31-ю бригаду ВДВ, но мне страшно, все-таки в первый раз – он мне сказал: «Свиридова, ты геройство не проявляй. Одно дело геройство проявлять на берегу Волги под жарким солнцем, а другое дело на войне в Чечне. Доедешь до Каспийска, там тебя будут ждать сопровождающие офицеры. Ищи их на сборном пункте республиканского военкомата».

Действительно, в Каспийске нас ждали пять подполковников, которых Георгий Иванович выслал меня встречать. Подполковники были голодные и грязные. Они только что вышли из гор, а в городе у них никаких знакомых, да и с деньгами туго.

– А у вас – целый обоз с продуктами!

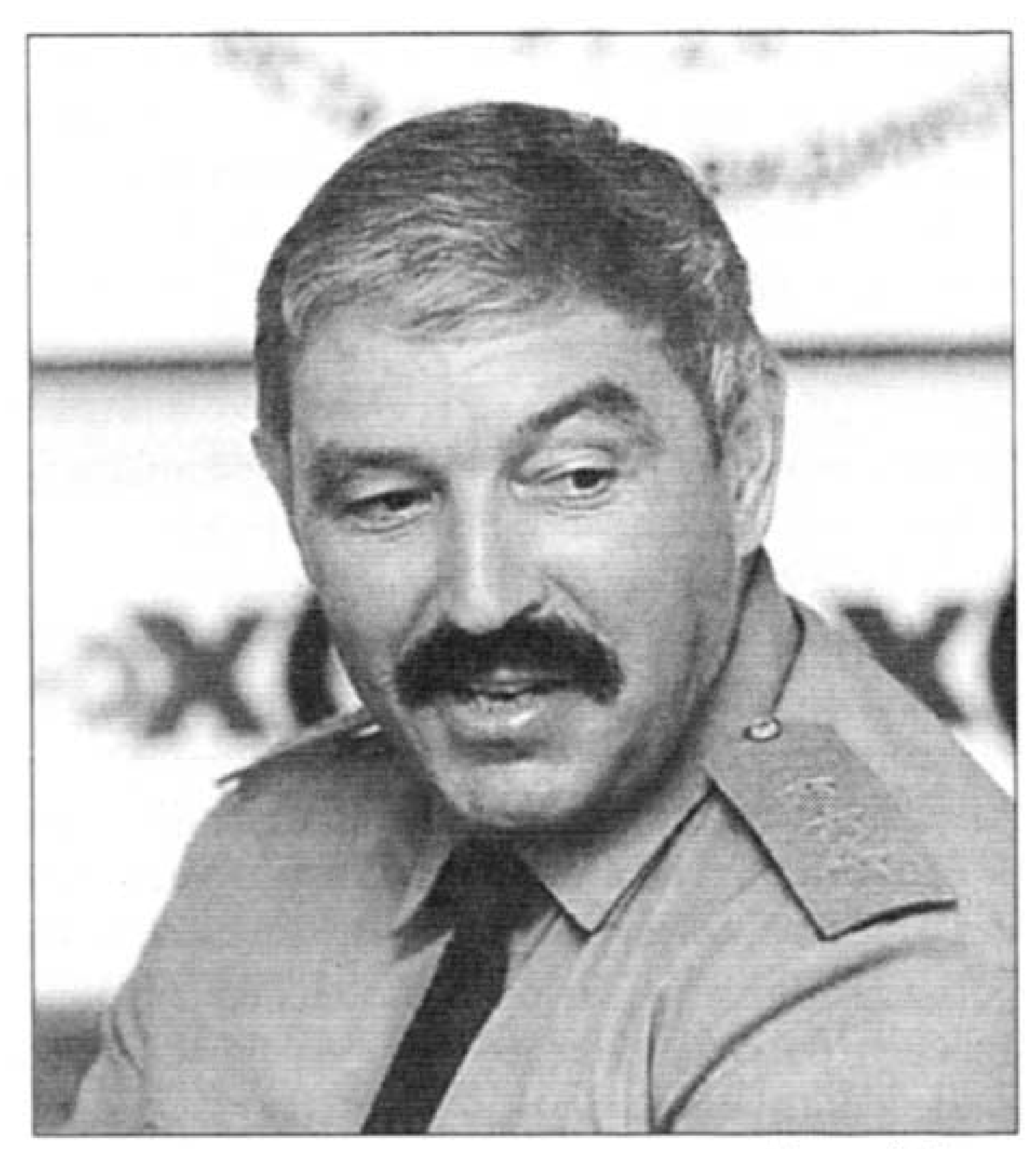
– Не обоз – караван! КАМАЗы-длинномеры! Мы забрали этих подполковников. Созвонились с одним их рабочих общежитий в Каспийске – оно принадлежало акционерному обществу «Дагдизель». Там за смешную плату, 40 рублей в сутки с человека, нас поселили в комнатах со всеми удобствами. Подполковники битых полтора часа каждый (!) стояли под струей горячей воды в душе. Мы подарили им наши знаменитые балаковские мочалки.

– Какие-то особенные мочалки?

– Да, у нас делают. Красивые такие.

– Ну а дальше, в горы ехали?

– Да, на машинах в Чечню нельзя. Предупреждали: могут машину взорвать, погибнут и водители, и груз. По телефону из Балаково я просила Георгия Ивановича Шпака дать мне

Георгий Шпак

вертолет. Он долго хохотал в трубку: «Я, генерал-полковник, должен за неделю вставать в очередь, чтобы мне дали вертолет. Мне приходится подстраивать свою поездку к их графику! А вы, значит, прибудете – и нате вам вертолет!».

Ясно, вертолеты в дефиците. Но все же надо как-то добираться. В Дагестане, а точнее, в Махачкале, решила попытаться «выбить» вертолет. Прихожу, поднимаюсь на второй этаж. Там сидят два дежурных летчика. Причем, несмотря на осень, стояла такая жара, что они летный комбинезон надевали прямо на голое тело. Ни маек, ни рубашек. Я как-то неловко себя почувствовала.

«Здравствуйте, я такая-то». Документы не спрашивают. Продолжаю: «Вот, хочу вертолет на завтра». – «А вам какой надо?». И назвали несколько моделей вертолетов. Я сразу поняла, что они надо мной издеваются, но виду не подала и тяну свое дальше: «Нужно, чтобы вся моя гуманитарная помощь уместилась». – «И сколько же у вас гуманитарной помощи?» – «Не знаю по весу, но у нас много одеял, шерстяных и ватных, они очень объемные и заняли почти полностью КАМАЗ». – «Ага, ну вот, например, такой вертолет вам хватит?» – «Я не знаю...» А про себя думаю: погодите, я вам еще покажу за эти издевательства! Они пошептались и выдали: «Ладно, во сколько полетите?» Я держу злость внутри: «В шесть утра». – «Хорошо, пусть в шесть». Я говорю: «А может, лучше в семь?» – «Можно и в семь». – «Нет, все-таки,

наверное, в девять!» – «Вы определитесь, наконец, когда лететь?» – «В девять» – «Договорились. В девять утра в Каспийске на вертолетной площадке». – «Так это не шутка?» – «Девушка, мы здесь не шутим».

Думаю, какая я вам девушка... я уже бабушка... Выхожу совсем ошарашенная. Завтра в девять мы летим в Ботлих – это высоко в дагестанских горах, там стояли десантники...

– Действительно был вертолет?

– Всю ночь мы распределяли гуманитарную помощь. Там же не все предназначалось десантникам. Много было, например, для военных госпиталей. Света не было, и мы на ощупь определяли, что в госпиталь, а что десантникам. Утром, когда еще толком и не рассвело, мы стояли на этой вертолетной площадке. Я убедилась, что на самом деле – не шутка! Был вертолет, и был экипаж.

Пилоты помогли загрузить вещи. Вертолет оказался заполнен до потолка, до такой степени, что я в этот вертолет не могла войти и сесть по-человечески, меня просто затолкнули внутрь. Сорок минут до Ботлиха. Как нас встречали десантники! Со всех сторон к вертолету спешили бойцы. Офицеры тоже прибежали, когда узнали, что приехала Свиридова с гуманитарным грузом. К вертолету подогнали машины.

Встречались как старые добрые знакомые. Писем я оттуда привезла целый мешок – почта в Чечне не ходила, и я отправляла эти письма уже из Балаково. Они меня очень долго не отпускали. Я им: «Мне надо обратно в Каспийск». А они мне: «Ну, посиди с нами еще полчасика». Проходило полчаса. «Еще чуть-чуть...» В общем, улетели уже вечером.

А спустя примерно три недели я узнала, что десантникам был отдан приказ взять высоту «Ослиное ухо» (а я еще, помню, фотографировалась на ее фоне). Сверху их расстреливали боевики. По телевизору, когда показывали растерзанные тела наших ребят, я узнавала в них тех офицеров и солдат, которые со мной прощались…

У меня много хороших знакомых из этого периода. Вот, например, Анатолий Улунов, полковник медицинской службы. Много лет служил заместителем начмеда Приволжского округа, жил в Самаре. В июне 1999 года был назначен начальником медслужбы Северо-Кавказского военного округа. Много нам помогал. За суровым внешним обликом он прятал душевную нежность. Член Союза писателей, у него много книг вышло. Он и мне, кстати, в Чечне посвятил стихи. Такое неказистое стихотворение, но очень для меня дорогое:

Мимолетное свидание,
Горький привкус на губах,
А потом воспоминанья,
В чувствах, в лицах и стихах.
Потянулись дни разлуки
В вечность целую длинной,
Эшафот душевной муки,
Где расстались мы с тобой.

Солдатские отцы

– Кстати, а у вас в организации, что, действительно нет мужчин? Почему? Разве солдатские отцы отсутствуют в природе?

– Ну, как же! У нас есть мужчины, но, действительно, они у нас по статусу не члены организации, а «люди, поддерживающие организацию».

– Так у вас, значит, дискриминация по половому признаку?

– *(Смеется).* Да, у нас дискриминация по половому признаку. Потому что у нас к мужчинам совершенно особенное нежное отношение по сравнению с другими членами союза. Их мало. Всего человек шесть. Они у нас от всего освобождены. Единственное, когда электропроводку подправить... в этом роде. Если на мамочек мы можем накричать, то на мужчин – никогда. Мамочек мы зовем обычно «Света», «Лида», «Валя»… К мужчинам обращаемся строго по имени-отчеству. Конечно, дискриминация! Женщин мы дискриминируем по отношению к мужчинам.

– Но мне интересно услышать мнение руководителя именно такой организации. Матери проявляют активность – нормальную, на мой взгляд, вполне здоровую – защищая своих детей, когда речь идет о призыве, а потом и чужих детей. В то же время отцы этим делом как будто не озабочены. Вы сами сказали, 70 женщин и только 6 мужчин... «от всего освобожденных»...

– Почти три четверти женщин, состоящих в нашей организации, воспитывают детей без мужей. Это тебе как? Я не могу сказать за всех, но к нам идут обычно как раз те женщины, которые не имеют опоры, поддержки, которые страдают от одиночества. Мы же стараемся для них и для себя. Например, праздники проводим: накрываем столы красивые, приглашаем баянистов, русский народный хор… Для каждой женщины очень важно ощущать рядом надежное плечо мужа или просто любимого муж-

чины. А если его нет, то все равно, чье это будет плечо, лишь бы оно было. Приходят к нам.

– Ну, все-таки толкает не это, а проблема с сыном и военкоматом.

– Сын сам не может защищаться, потому что недостаточно взрослый, а защитить некому, потому что папы рядом нет либо папа такой, что защитить не может. Но почему ты говоришь, что на прием с жалобами идет больше женщин? В нашу организацию приходит больше мужчин.

– Как, и вместе с сыновьями?

– Нет, вместо сыновей. Мужчины, в основном, приходят, когда их сыновья уже в армии. Когда сын – призывник, приходит мама. Бывает, что и папа, но намного реже. Я, Сергей, не очень люблю работать с мужчинами. Можешь как угодно это назвать, хоть преследованием по половому признаку. Просто я не понимаю, как отец, мужчина может идти к незнакомой женщине и просить: «Спаси моего сына!». Конечно, я берусь за эти дела, работаю. Но отношение к такому отцу у меня не очень уважительное. Все-таки мужик обязан с малолетства сам воспитывать в себе такие качества, которые позволят ему самому защитить свое дитя, а не перепоручить это обыкновенной российской бабе Свиридовой.

– Да и дите, в общем, дитем не назовешь. 18-20 лет – тоже здоровый мужик.

– Я знаю много сильных духом ребят, которые противостоят этой системе. Кстати, они никогда не просят помощи. Мы сами ее предлагаем. Когда вижу, что пацан недостаточно силен духом. Но никогда одному человеку в одиночку эту машину не сломать. И я становлюсь не помощницей, не авангардом каким-то, который бежит вперед и расчищает для него дорожку, чтобы она была гладкая. Я, наоборот, стою у него за спиной и не даю ему упасть, если он случайно отшатнется назад. Вперед он должен идти сам, и он идет.

Правда, есть мальчики трусоватые. Такие сначала приходят ко мне и пишут абсолютно честное заявление, что было и что он хочет. Я начинаю по этому заявлению работать. Когда дело доходит до серьезных разбирательств, этого мальчика приглашают к командиру части, и он за какие-то трое суток отпуска предает всех, и меня в том числе.

Командир части говорит: «Я тебя переведу в другую воинскую часть, дам десять суток отпуска. Ты просто напиши, что тебя Свиридова методом обмана заставила написать это заявление». И он пишет. Встречаются у нас и такие мальчики.

– Они везде встречаются. А сколько самостоятельных ребят, которые приходят к вам своими ногами без поддержки (слева мама, справа папа)?

– Ну, может быть, 15 %.

– Надо думать, вместо всех остальных приходят их родители.

– Да. Кстати, сейчас часто стали приходить их девушки.

– Да что вы говорите!

– В Балаково мы это наблюдаем.

– Это конечно, большой плюс девушкам.

– Нам растет достойная смена. Российские женщины защищать своих любимых никогда не перестанут. На все пойдут, лишь бы этот свет в окошке жил и находился рядом. Вот как я.

Вместо послесловия

– Я знаю, в представлении некоторых Свиридова – это тетка не из плоти, а из металла. Как видите, это не так. Я по жизни наседка: всех обогреть, чтоб все были сыты и счастливы. А то, что вы видите на трибунах всяких конференций, это, наверно, не составляет и десяти процентов моей сущности. *(Смеется).*

Я очень переживаю, когда кто-то попадает в тяжелую ситуацию. И кроме того – двадцатилетняя работа в газете. Туда люди шли в безвыходных, как им казалось, случаях. Именно там я там пришла к убеждению: из любой ситуации есть выход, нет выхода только из могилы. А пока ты в могилу не попал, изволь суетиться, бить всеми четырьмя конечностями и выбираться на поверхность.

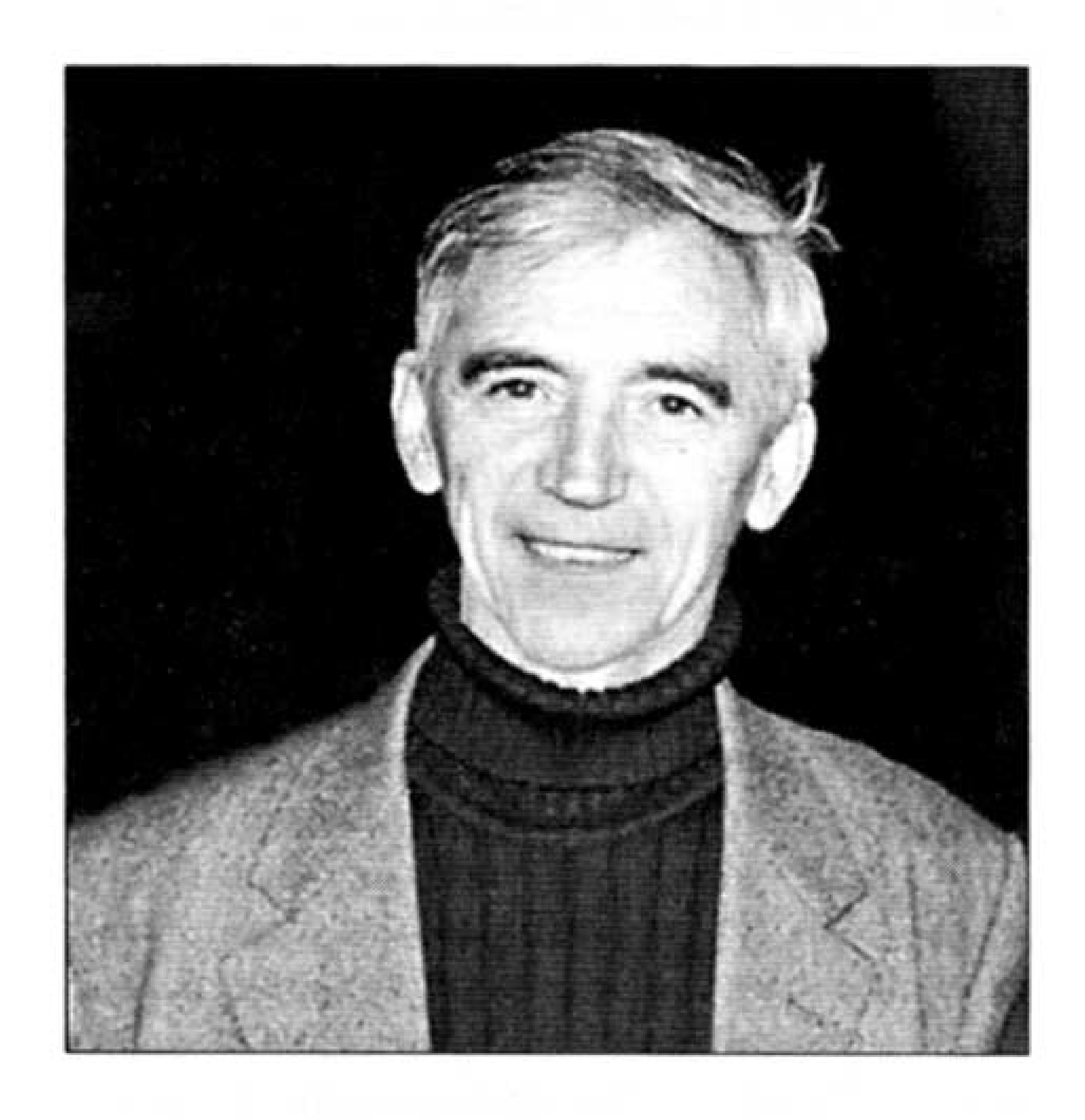
Натура я эмоциональная, нет четкой грани между чужой бедой и своей. Не могу обозначить ту черту, за которую я бы чужую беду в сердце свое не пропустила.

В реанимации семь суток проболталась между жизнью и смертью. Доктор мой, Валерий Вадимович Лазарев, научил меня и дело делать, и собственному здоровью вреда не приносить. Он сказал: «Лидия Михайловна, понимаете – пока вы живы, тот человек, который к вам пришел, может надеяться, что вы ему поможете. Но если он придет плакать и жаловаться на вашу могилу, вряд ли вы его оттуда спасете. Поэтому берегите себя».

Вот и берегу: теперь не только голову, но и сердце держу в разумном холоде. Во всяком случае, стараюсь держать. Поумнела, в общем…

Москва, 2006 г.

ФИЗИК ВАЛЕНТИН ДАНИЛОВ

Сотрудник Красноярского государственного технического университета, директор Красноярского Теплофизического Центра, кандидат физико-математических наук Валентин Данилов был арестован Федеральной службой безопасности России (ФСБ) 16 февраля 2001 года.

По версии следователей регионального управления ФСБ, ученый, работавший по контракту с китайской ракетно-космической корпорацией точного машиностроения, передал заказчикам сведения, являющиеся государственной тайной. Данилову было предъявлено обвинение в государственной измене по ст. 275 УК РФ.

Академик РАН Юрий Рыжов и доктор физико-математических наук Борис Осадин настаивают, что физик Валентин Данилов не имел доступа к секретным документам и то, чем он занимался, уже давно не является государственной тайной

29 декабря 2003 года физик Данилов был полностью оправдан судом присяжных.

Однако 9 июня 2004 года Коллегия Верховного суда РФ по протесту прокуратуры отменила оправдательный приговор и направила дело на новое слушание в Красноярский краевой суд (с заменой присяжных!).

24 декабря 2004 года Данилов был признан виновным в государственной измене в форме шпионажа и приговорен к 14 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Известный российский адвокат Генри Резник подчеркивает, что главный вопрос, составляли ли тайну документы, переданные китайской стороне, в суде не рассматривался.

В мае 2005 года Верховный суд России оставил в силе обвинительный приговор, снизив срок наказания с 14 до 13 лет. Адвокаты обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге. В настоящее время осужденный физик находится в колонии в Уярском районе Красноярского края.

Многие российские ученые и правозащитники считают Валентина Данилова невиновным, а его дело – сфабрикованным органами безопасности, которые, как и в советское время, отчитываются перед руководством по числу «разоблаченных шпионов».

Крупнейшие специалисты в той области, которой занимался Данилов, в том числе академик Российской Академии Наук (РАН) Юрий Рыжов, указывали, что исследования и разработки Данилова не могли содержать государственной тайны. Обращалось также внимание на целый ряд процессуальных нарушений в ходе следствия и суда.

Российский физик Валентин Данилов стал жертвой насаждаемой властями шпиономании. Он и его семья очень нуждаются в поддержке и помощи.

Адрес Валентина Данилова в заключении (на февраль 2006):
663913, Россия, Красноярский край, Уярский район, пос. Громадск, УП-288/16, Данилову Валентину Владимировичу. (Фамилию, имя, отчество необходимо писать полностью.)

Больше о деле Валентина Данилова вы можете прочитать в Интернете:
http://hro.org/actions/danilov, http://www.memorial.krsk.ru/,
http://www.rg.ru/2004/01/21/danilov.html
http://2004.novayagazeta.ru/nomer/2004/89n/n89n-s12.shtml
http://www.voanews.com/russian/archive/2004-11/a-2004-11-26-6-1.cfm

УЧЕНЫЕ – В ЗАЩИТУ ВАЛЕНТИНА ДАНИЛОВА

Генеральному прокурору РФ
В.В. Устинову

Уважаемый Владимир Васильевич!

В Москве состоялся семинар специалистов-физиков по проблеме электризации космических аппаратов на орбитах. Целью семинара была оценка открытости и доступности научной информации по данной проблеме.

Вопрос возник в связи с известным делом красноярского ученого-физика Валентина Владимировича Данилова, приговоренного 24 ноября 2004 г. Красноярским краевым судом к 14 годам лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима.

Практически все собравшиеся на семинар были узкими специалистами по данной проблеме и в прошлом работали над ее разрешением.

В.Л. Гинзбург и **С.П. Капица** выступали как широко эрудированные физики высшей квалификации. В качестве юриста-эксперта в семинаре принял участие академик РАН **В.Н. Кудрявцев.** Кроме указанных выше лиц, в семинаре приняли участие: **Кудрявцев Андрей Михайлович**, к.ф-м.н. (ИЯФ СО РАН), **Кузнецов Владимир Дмитриевич**, д.ф-м.н. (ИЗМИРАН), **Морозов Евгений Павлович**, нач. отдела (ЦНИИМАШ), **Новиков Лев Симонович**, д.ф-м.н., проф. (ИЯФ, МГУ), **Осадин Борис Алексеевич**, д.ф-м.н. (МИРЭА), **Рыжов Юрий Алексеевич**, академик РАН, **Славин Вадим Соломонович**, д.ф-м.н., проф., зав. кафедрой теплофизики КТУ (Красноярск), **Черный Эрнст Исаакович**, к.г.н., ответственный секретарь Общественного комитета защиты ученых.

Кроме ученых в семинаре приняли участие ответственные сотрудники ФСБ: **Олешко Николай Алексеевич**, заместитель начальника следственного управления, **Райкович Анатолий Петрович**, заместитель начальника оперативного управления.

В основу обсуждения было положено Техническое задание (ТЗ) на выполнение работ по моделированию воздействия физических факторов космического пространства на космические аппараты, которое и послужило причиной возбуждения против Данилова уголовного дела. Работа должна была выполняться по контракту с организациями КНР. Указанное ТЗ прошло соответствующую экспертизу в Красноярском техническом университете и было согласовано с региональным управлением ФСБ. Техническое задание было подписано **11 марта 1999 г**.

Все присутствовавшие на семинаре ознакомились с этим Техническим заданием и пришли к выводу: в Техническом задании не содержится никаких сведений, которые могли бы составлять государственную тайну. Вся информация, содержащаяся в ТЗ, давно опубликована и известна специалистам всех стран, занимающимся космической деятельностью.

Возникшие недоразумения связаны лишь с использованием терминологии. Говоря об установке, моделирующей факторы космического пространства, В.В. Данилов использовал термин «**комплексное** моделирование».

На самом деле, та работа, которую он **намеревался** реально выполнить, позволила бы моделировать **лишь некоторые параметры** космической среды. Более того, установка, которую предполагал (обращаем внимание, что только лишь предполагал!) создать Данилов (техническое задание – это не готовое изделие, а лишь декларация о том, что должно быть сделано – декларация о намерениях), по признанию собравшихся ученых, не выходила по своим возможностям за рамки **лабораторной установки** для обучения студентов.

Такая установка (будь она создана) не могла бы называться установкой для **комплексного** моделирования условий космической среды.

В ходе обсуждения проблемы специалистами представителям ФСБ стало понятно, что ни о каком **комплексном** моделировании не могло быть и речи.

Более того, как показали специалисты, для **комплексного** моделирования физических факторов космического пространства необходима **не лабораторная**, а полноразмерная установка неизмеримо более высокой стоимости.

Такая установка в стране только одна и занимает она здание в 10 (!) этажей (специалисты считают, что следователям ФСБ и прокурорам следовало бы с ней познакомиться). Моделирование на такой установке является **комплексным**. Оно и подпадает под существующий на сегодняшний день перечень закрытых сведений.

Фактически произошла **терминологическая ошибка**.

Кроме того, ученые отметили, что достаточно полную информацию о результатах даже комплексного моделирования можно найти в открытых изданиях.

По общему мнению специалистов – участников семинара, в этой части перечень сведений, составляющих гостайну, устарел и требует корректировки.

В ходе семинара было выяснено, что экспертизу ТЗ (от 11.03.99) проводили не специалисты в конкретной узкой области, как того требует закон, а люди, знакомые с этой проблемой понаслышке. Следствием явилось некомпетентное заключение о секретности информации, содержащейся в ТЗ, что и послужило основой для обвинения Данилова по ст. 275 УК РФ.

Заключения по данному ТЗ, подготовленные настоящими профессионалами в данной области: Морозовым Е.П., Новиковым Л.С., Славиным В.С., Кузнецовым В.Д., другими участниками семинара и некоторыми специалистами, отсутствовавшими на нем, – **следствием и судом во внимание приняты не были**.

Стало совершенно очевидным, что все решения следствия, прокуратуры и суда построены на ошибочных и некомпетентных суждениях экспертов обвинения.

Так среди экспертов по делу Данилова оказались профессора МВТУ им. Баумана М.П. Сычев и С.Д. Панин, которые до того выступали экспертами в деле профессора А.И. Бабкина.

Эти эксперты оказались «узкими специалистами» как в области гидродинамики, так и в области физики плазмы.

Следует обратить внимание, что во многих случаях экспертами являются военнослужащие или лица, тесно связанные со спецслужбами.

Они зависимы и вынуждены считаться с требованиями своих начальников. Объективности это не добавляет.

Участники семинара сочли нецелесообразным выяснять причины тех оценок, которые даны экспертами. Не сочли они целесообразным выяснять и имена экспертов, за исключением Сычева и Панина.

Но совершенно очевидно, что за ложными экспертизами стоит одна или несколько из перечисленных ниже причин:

– добросовестное заблуждение (ошибка);

– полное непонимание проблемы;

– преднамеренное введение следствия, прокуратуры и суда в заблуждение;

– определенная договоренность между следствием, прокуратурой и экспертами;

– подготовка экспертных заключений под давлением следствия и прокуратуры.

Независимо от того, какая из этих причин привела к появлению ложного экспертного заёключения, оно послужило причиной тяжкого обвинения и вынесения ошибочного или инспирированного заинтересованными людьми приговора невиновному человеку.

Очевидно, что любая из этих причин (кроме первой и второй) граничит с преступлением, которое повлекло тяжелые последствия не только для Данилова, но и для авторитета спецслужб, прокуратуры, суда и государства.

Обсуждение показало, что возникшая проблема **в принципе** не могла найти своего объективного разрешения в суде, так как это проблема не для суда, а для научного совета соответствующего профиля.

Об этом группа ученых писала Вам и прокурору Красноярского края еще летом 2003 г. В этих письмах говорилось: «Мы со всей ответственностью говорим, что инициированные обвинением ведомственные экспертизы не имеют юридической силы, так как эксперты и экспертные учреждения не имели соответствующего статуса. Кроме того, эксперты никогда не использовали возможности, предоставленные им законом, для объективной оценки материалов дела, не требовали дополнительных документов дела или пояснений от обвиняемого. Поэтому экспертиза носит односторонний и формальный характер. Кроме того, как нам известно, **эксперты не являются специалистами в той узкой области**, которая была предметом обсуждения.

Предвзятость обвинения хорошо иллюстрируется **полным игнорированием обращений и заключений ведущих специалистов в области физики космической плазмы РАН. Между тем, именно РАН, в соответствии с**

нормативными актами РФ, является высшим авторитетом в вопросах науки и ведущим научным учреждением в стране».

Тогда наше мнение не было услышано. 25 ноября 2004 г. в процессе обсуждения специалистами Технического задания и, в целом, проблемы моделирования воздействия внешней среды на спутники, это мнение было единодушно подтверждено. Присутствовавшие на семинаре сотрудники ФСБ, кроме ссылки на упомянутые ведомственные экспертизы, не нашли иных аргументов для возражений.

Таким образом, можно совершенно определенно утверждать, что решения следствия, прокуратуры и суда принимались на основании экспертных заключений, содержащих информацию, полностью не соответствующую действительности и не основанную на специальных научных знаниях.

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами просим:

– признать экспертное заключение по Техническому заданию от 11 марта 1999 г. ошибочным;

– признать, что в действиях Данилова отсутствуют признаки преступления, предусмотренные 275 ст. УК РФ;

– принять решение о дезавуировании поддержки обвинительного заключения прокуратурой;

– освободить Валентина Владимировича Данилова из-под стражи;

– установить причины появления экспертного заключения, содержащего сведения, введшие в заблуждения следствие, прокуратуру и суд;

– в случае ошибки, принять меры к тому, чтобы данные эксперты не могли больше принимать участия в экспертной деятельности;

– в случае умышленного искажения сути дела в экспертном заключении, возбудить против виновных уголовное дело, так как результатом стало осуждение невиновного;

– опротестовать приговор Красноярского краевого суда по делу В.В. Данилова, вынесенный 24 ноября 2004 г.

Считаем необходимым обратить Ваше внимание, что полное игнорирование органами прокуратуры мнения компетентных ученых и юристов привело к осуждению В.В. Данилова на основании неквалифицированной экспертизы и ложных суждений. Полагаем, что Генеральная прокуратура РФ должна принять срочные меры для восстановления справедливости.

Гинзбург В.Л., Капица С.П.,
Кудрявцев А.М., Кузнецов В.Д.,
Морозов Е.П., Новиков Л.С.,
Осадин Б.А., Рыжов Ю.А.,
Славин В.С., Черный Э.И.

ПРОТОКОЛ

семинара, проведенного в Международном инженерном университете 25 ноября 2004 года

Тема: **Электризация спутников на орбитах. Оценка открытости и доступности научной информации**

Присутствовали:

1. Гинзбург Виталий Лазаревич, академик РАН.
2. Капица Сергей Петрович, д.ф-м.н., проф.
3. Кудрявцев Андрей Михайлович, к.ф-м.н (ИЯФ СО РАН).
4. Кудрявцев Владимир Николаевич, академик РАН.
5. Кузнецов Владимир Дмитриевич, д.ф-м.н. (ИЗМИРАН).
6. Морозов Евгений Павлович, нач. отдела (ЦНИИМАШ).
7. Новиков Лев Симонович, д.ф-м.н., проф. (ИЯФ МГУ).
8. Осадин Борис Алексеевич, д.ф-м.н. (МИРЭА).
9. Рыжов Юрий Алексеевич, академик РАН.
10. Славин Вадим Соломонович, д.ф-м.н., проф., зав. кафедрой теплофизики КТУ (Красноярск).
11. Черный Эрнст Исаакович, к.г.н., ответственный секретарь общественного комитета защиты ученых.

В работе семинара приняли участие ответственные сотрудники ФСБ:

Олешко Николай Алексеевич – заместитель начальника следственного управления;

Райкович Анатолий Петрович – заместитель начальника оперативного управления.

Фото: Илья Наймушин

Валентин Данилов

На семинаре выступили:

Ю.А. Рыжов, В.С. Славин, А.П. Райкович, Н.А. Олешко, Б.А. Осадин, Л.С. Новиков, С.П. Капица, В.Л Гинзбург, В.Н. Кудрявцев, А.М. Кудрявцев, В.Д. Кузнецов, Э.И. Черный.

Ю.А. Рыжов пояснил, что семинар собран в связи с осуждением В.В. Данилова по ст. 275 УК РФ. Он отметил, что изучение Технического задания многими специалистами в области исследования воздействия физических факторов космического пространства на космические аппараты заставило их усомниться в правоте обвинителей и экспертов, принимавших участие в деле Данилова. Впервые для открытого обсуждения проблемы собраны известные ученые и специалисты, непосредственно занимавшиеся исследованием проблемы и добившиеся значительных успехов в реализации космических программ СССР и РФ.

Предлагается обсудить проблему через призму той информации, которая содержится в ТЗ Данилова.

В.С. Славин отметил, что все изложенное в ТЗ давно опубликовано в открытой печати. Грифы секретности с материалов такого рода сняты. Проводятся международные конференции по этой проблеме. С некоторых пор такие конференции больше не заявляются, что свидетельствует об исчерпанности темы.

Продемонстрировал отчет, с которого сняты грифы секретности, и опубликованную монографию. Заметил, что работа Данилова не могла решать проблему комплексного моделирования космической среды на лабораторной модели. Следует говорить лишь о моделировании некоторых параметров. Отметил, что в министерстве образования гриф секретности имеет только работа по комплексному моделированию.

Б.А. Осадин обратил внимание, что работа никак не соответствует комплексному моделированию. Он отметил, что в стране есть только одна установка для такого моделирования. Она имеет габариты 10-этажного дома и стоит более миллиарда долларов. Комплексное моделирование на модели размером 1 м на 80 см воспринимается как шутка. Он сказал, что сам принимал непосредственное участие в разрешении возникших проблем в реальной космонавтике.

Осадин утверждает, что никаких секретов ТЗ не содержит. Люди, подготовившие экспертное заключение, не специалисты. Иначе бы они знали, что никаких комплексных задач моделирования на установке Данилова, даже если бы она была сделана, реализовать было бы невозможно.

А.П. Райкович отметил, что ФСБ действует в соответствии с законом. Материалы, изъятые у китайских ученых, были посланы на экспертизу, которая и установила, что информация является секретной.

Н.А. Олешко обратил внимание присутствовавших, что экспертизе было подвергнуто Техническое задание, подписанное **3 марта 1999 г.** По утверждению экспертов, сведения, содержащиеся в ТЗ, составляют государственную тайну. Он сказал, что экспертов подбирало и назначало министерство образования. ФСБ не имеет отношения к содержанию экспертизы. Но, поскольку экспертиза установила секретность этого документа, то ФСБ, прокуратура и суд действовали дальше с учетом этого обстоятельства.

На возражения Новикова, Осадина, Морозова о том, что в ТЗ содержаться лишь требования к будущей работе или изделию, а сами требования не могут быть секретны, Олешко попытался убедить присутствовавших, что секреты не в самом ТЗ, а в его корректировке.

Э.И. Черный заметил, что корректировка содержит лишь указания на изменение некоторых параметров, что само по себе не приводит к появлению секретности.

Ю.А. Рыжов отметил, что это попытка подменить предмет разговора. Сам Олешко несколько минут назад говорил, что экспертиза рассматривала именно ТЗ. Он даже специально обратил внимание на дату подписания: **11.03.1999 г.**

Это же ТЗ держат в руках и рассматривают и все участники семинара. Поэтому перевод разговора на корректировку ТЗ вызывает удивление.

С.П. Капица говорил об отношении к науке. О том, что молодые ученые покидают страну. Выполнение контрактов для иностранцев – это правильный путь. Торговать нужно высокими технологиями, а не сырьевыми ресурсами. Когда кто-либо начинает, как Данилов или Сутягин, это делать, то сразу попадает в сети ФСБ. Нагнетается страх. Сокращаются контакты между учеными.

В.Л. Гинзбург обратил внимание на развивающуюся в последние годы шпиономанию.

Объектами преследования по надуманным причинам все чаще становятся ученые. В связи с этой тенденцией был создан даже Общественный комитет защиты ученых. Вызывает удивление то обстоятельство, что ФСБ не интересует точка зрения ученых. По целому ряду подобных дел мы выражали свое отрицательное отношение. Предлагали встретиться и обсудить возникающие сомнения.

Вот первая встреча настоящих специалистов с представителями ФСБ совершенно отчетливо показывает, что у представителей ФСБ нет в руках доказательств вины Данилова. Нет доказательств и вины Сутягина.

Реплика Олешко: он заявил, что они рассмотрели обращение Общественного комитета защиты ученых по поводу помилования Сутягина и дали на него положительное заключение.

А.М. Кудрявцев рассказал об отношении прокуроров и судьи к нему и его коллегам, которые приехали в Красноярск и, как ученые, хотели дать квалифицированные пояснения присяжным. Судья счел уровень профессиональных знаний ученых недостаточным.

Э.И. Черный: зато «эксперту» с физкультурным образованием слово было предоставлено. Странные подобраны были и эксперты. Так среди них оказались профессора МГТУ им. Баумана М.П. Сычев и С.Д. Панин.

Не будучи специалистами по рассматриваемой проблеме, они с удовольствием поддержали обвинение и дали утвердительное заключение о наличии в ТЗ Данилова государственной тайны. Это заключение послужило основанием для осуждения Данилова на 14 лет. Необходимо отметить, что эти же «эксперты» проводили экспертизу и по делу проф. А.И. Бабкина.

В одном случае рассматривались проблемы движения тела в газовой каверне в воде, в другом – проблемы электризации космических аппаратов. В то время как закон требует, чтобы в качестве экспертов выступали узкие специалисты в исследуемой области.

Очевидно, что произошла ошибка или сознательная фальсификация. ФСБ должна предпринять шаги, чтобы выяснить это обстоятельство.

В случае ошибки эксперты должны быть строго наказаны, а в случае фальсификации привлечены к уголовной ответственности. Но самое главное, необходимо освободить из заключения Данилова как осужденного на ложных основаниях.

В.Н. Кудрявцев обратил внимание участников на то, что ФСБ соблюдало положения закона. РАН, как организация, по закону не может проводить экспертизы подобного рода. Это не исключает участия в экспертной деятельности отдельных ученых, работающих в РАН. Поэтому экспертиза проводилась в системе министерства образования.

Он считает, что если произошла ошибка, то нужно обжаловать в кассационном порядке и вести дело в дальнейшем в рамках закона. Л.С. Новиков считает, что такие ошибки происходят потому, что с учеными не считаются.

Точка зрения специалистов никого не интересует. Следствию и суду нужны удобные эксперты, а не истина. Не принята во внимание точка зрения ЦНИИМАША и его заключение, которое свидетельствует об открытом характере документа, послужившего основанием для обвинения Данилова. Наука становится все менее популярной у молодежи.

Такие акции служат для запугивания ученых. Это приведет к потере международных контактов, без которых наука не может развиваться.

Специалистам понятно, что на лабораторной модели невозможно комплексное моделирование. Если бы ФСБ согласилась с нашей точкой зрения тогда, когда они начинали это дело, то никаких конфликтов бы не возникло.

Э.И. Черный заметил, что более года назад Общественный комитет защиты ученых обращался к Устинову и красноярскому прокурору Гриню. В своем письме члены комитета писали, что дело Данилова нужно рассматривать не в суде, а на ученом совете, среди специалистов. Тогда к нам не прислушались. Смешно сегодня обращаться в кассационную инстанцию в связи с заведомо неправосудным решением. Необходимо найти пути отмены этого приговора. Еще лучше, чтобы прокуратура дезавуировала свое утверждение обвинительного заключения, а ФСБ признала свое обвинение ошибочным, как построенное на недостоверной экспертизе.

В.Д. Кузнецов отметил, что представители ФСБ сначала говорили о том ТЗ, которое было у собравшихся. Они идентифицировали его как ТЗ, подписанное 11.03.99, а когда собравшимися было показано, что в нем нет признаков секретности, то стали говорить о гостайне, которая содержится в корректировке ТЗ от 01.01.99. Но этот документ отдельно эксперти-

зе не подвергался, так как он вошел в основной текст ТЗ. Очевидно, что у представителей ФСБ (без отдельной оценки экспертизы) не было никаких законных оснований называть корректировку ТЗ от 01.01.99 секретной.

Подводя итоги более чем 2-х часового обсуждения, академик Ю.А. Рыжов отметил:

– похоже, что люди, проводившие экспертизу ТЗ, не являются специалистами в той области, которую они экспертировали;

– представители ФСБ не смогли показать ту содержательную часть предполагаемой работы, которая содержит государственную тайну;

– ФСБ не делает различия между ТЗ, в котором содержатся требования к будущей работе, и той работой, которая к моменту начала конфликта так и не была выполнена и не была передана заказчику;

– эксперты и ФСБ не видят разницы между моделированием отдельных параметров воздействия космической среды на космические аппараты и комплексным моделированием;

– участники семинара – специалисты в области проблем электризации космических аппаратов – считают, что в ТЗ от 11.03.1999, которое было подвергнуто экспертизе и признано секретным, не содержится признаков секретности;

– ссылки на секретность самой проблемы были опровергнуты специалистами, показавшими открытые публикации и отчеты со снятыми грифами секретности;

– из прошедшего обсуждения ясно, что экспертное заключение, содержащее утверждение о секретности ТЗ, ошибочно и должно быть дезавуировано;

– за завесой секретности часто скрывается не государственная, а «ведомственная» тайна;

– ведомства и ФСБ не проводят систематическую работу по снятию грифа секретности с материалов, утративших статус государственной тайны.

В заключение академик Ю.А. Рыжов попросил представителей ФСБ принять к сведению прошедшую дискуссию и довести мнение участников до руководителей ФСБ РФ.

Председатель Ю.А. Рыжов
Секретарь Э.И. Черный

РОССИЙСКИЕ ПРАВОЗАЩИТНИКИ ОБРАТИЛИСЬ К «МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ»

Российские правозащитники неоднократно заявляли, что жертвы инспирированных ФСБ «шпионских процессов» на самом деле – преследуются по политическим мотивам.

Еще одним подтверждением этого стало беспрецедентное решение Красноярского краевого суда об аресте физика Валентина Данилова.

Впервые после советских времен гражданин нашей страны арестован за интервью американской газете.

По сути, в «правовом» смысле мы возвращены на 20 лет назад.

У нас нет никаких сомнений в политическом характере преследования Данилова – это очевидное запугивание тех, кто был обвинен по инициативе российских спецслужб и активно доказывает свою правоту, занимает принципиальную гражданскую позицию.

Председательствующий судья демонстративно не стал ждать вынесения приговора, неизбежного после обвинительного вердикта коллегии присяжных. Это наглядно показывает предвзятость суда.

Решение о взятии под стражу Валенина Данилова несостоятельно и с правовой точки зрения.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, приоритетность норм которой была установлена еще в октябре прошлого года Пленумом Верховного Суда РФ, исчерпывающе трактует основания для лишения свободы.

Статья 5. (Право на свободу и личную неприкосновенность) гласит:

1. «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b) законное задержание или заключение

под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...»

Эти требования Конвенции судом и государственным обвинением не были исполнены.

В ходе всего многолетнего следствия и суда Данилов аккуратно выполнял все требования следствия и суда, не делал никаких попыток скрыться от правосудия или препятствовать ему, например, оказывая давление на свидетелей, и прочее.

Если гособвинение сочло интервью Валенина Данилова правонарушением, оно должно было произвести предусмотренные процессуальным законодательством следственные действия, обеспечив подозреваемому его законное право на защиту.

Фактически судья признал Данилова виновным в новом преступлении не только без рассмотрения дела в суде, но и даже без следствия.

Таким образом, налицо политический мотив преследования Валентина Данилова и нарушения права на правосудие.

Поэтому мы считаем гражданина России Валентина Данилова политическим заключенным.

Мы призываем Организацию «Международная Амнистия» в экстренном порядке приступить к рассмотрению вопроса о статусе «политического заключенного» для физика Данилова.

Мы призываем политических и общественных деятелей демократических государств исходить в своем отношении к политике Российской Федерации из факта непрерывных политических репрессий в нашей стране.

Елена Боннэр, Фонд Андрея Сахарова;
Светлана Ганнушкина, Комитет «Гражданское содействие»;
Лидия Графова, Форум переселенческих организаций;
Лев Левинсон, Институт прав человека;
Каринна Москаленко, адвокат, Центр содействия международной защиты;
Лев Пономарев, Общероссийское движение «За права человека»;
Юрий Самодуров, Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» имена А.Д. Сахарова;
Сергей Сорокин, Движение против насилия;
Андрей Блинушов, Рязанский «Мемориал», HRO.org
Юлий Рыбаков, Санкт-Петербургское отделение Движение «За права человека»;
Александр Ткаченко, Генеральный секретарь Русского Пен-центра;
Эрнст Черный, Общественная комитет защиты ученых;
Алексей Яблоков, Центр экологической политики;
Глеб Якунин, Общественный комитет защиты свободы совести.

ДЕЛО ВАЛЕНТИНА ДАНИЛОВА: ГАНГРЕНА ПРОИЗВОЛА В РОССИИ

Тереза ОБРЕКТ

Оправданный в декабре 2003 года по всем пунктам предъявлявшегося ему обвинения (государственная измена и мошенничество), ученый-физик Валентин Данилов не ушел от ФСБ.

Арестованный вторично, этот признанный специалист в области физики плазмы, работы которого, в частности, позволили продлить жизнь космической станции «Мир», был приговорен к 14 годам исправительных работ.

Верховный суд РФ подтвердил этот приговор, сократив срок наказания до … 13 лет.

Как утверждает ФСБ, этот незаурядный ученый передавал составляющие государственную тайну сведения по космическим техноло-

гиям Китаю, с которым его центр подписал (с согласия самой ФСБ) протокол о намерениях по производству моделирующей установки – в соответствии с китайско-российским соглашением о разработке совместных космических программ.

Когда у их красноярского коллеги начались неприятности, известные российские ученые, в том числе нобелевский лауреат в области физики Виталий Гинзбург и академик Юрий Рыжов, выступили с протестом против очередного акта произвола в отношении ученого, имевшего несчастье попасть под прицел ФСБ.

Они осудили «экспертов», назначенных спецслужбой, чтобы «доказать» факт совершения государственной измены в области, в которой они практически несведущи.

В открытом письме Владимиру Путину эти ученые также подтвердили, что в сведениях, передававшихся китайцам, не было ничего секретного: данные были опубликованы еще 10 лет назад. Заодно они напомнили, что, учитывая шаткость положения российской фундаментальной науки, Данилов был просто вынужден искать контракты за границей, чтобы не закрыть свой центр и не обречь на безработицу коллектив специалистов в области теплофизики.

Что касается адвокатов и правозащитников, то они осуждают нарушения законности, совершенные в ходе самого процесса: незаконное лишение свободы в ходе предварительного заключения, фальшивые экспертизы, управляемые присяжные и судьи, действующие по указке властей прокуроры.

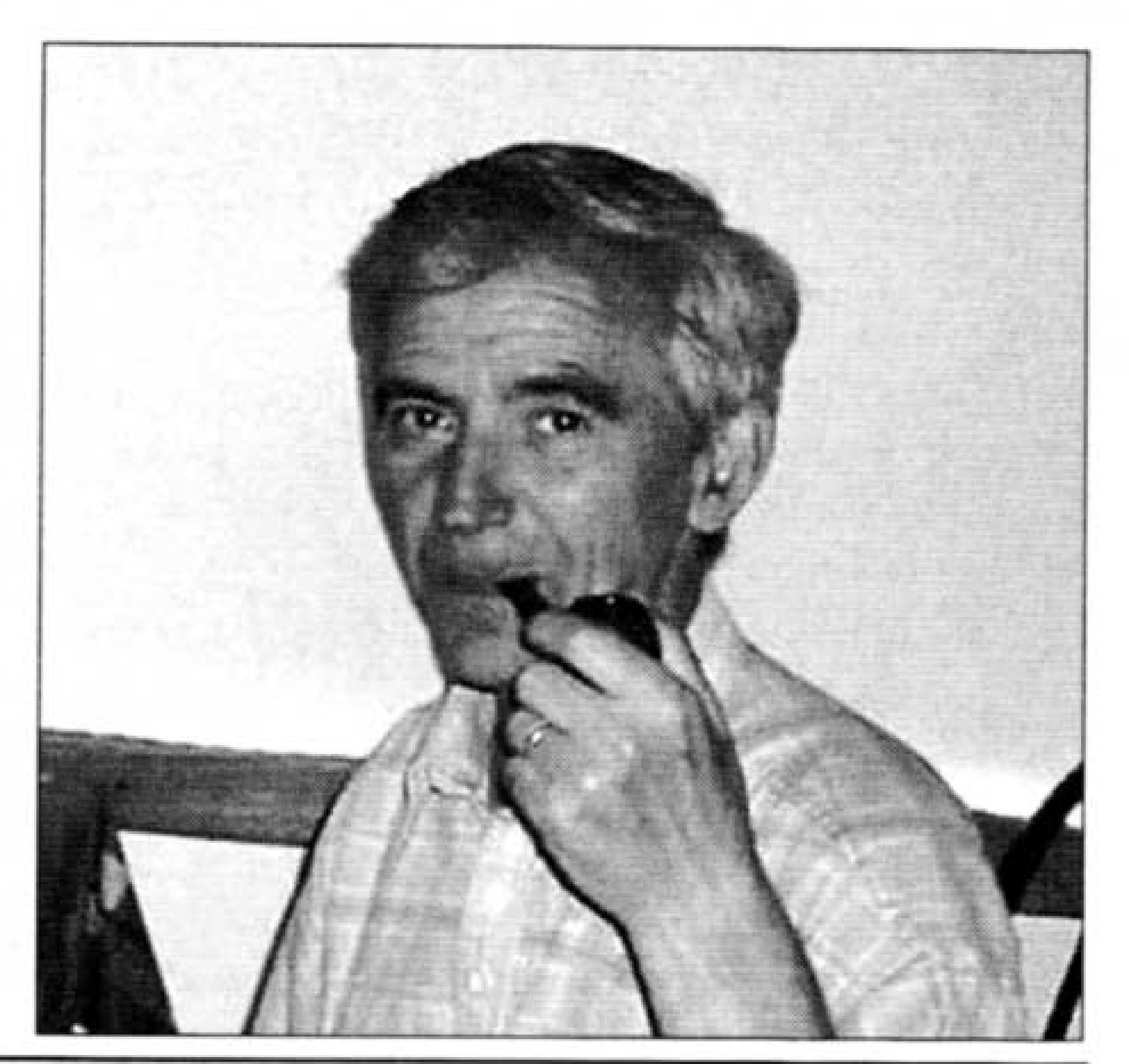
«Я уже не знаю, как смогу работать в этой стране, как добиваться справедливости, – жалуется адвокат Анна Ставицкая. – Нашу апелляцию назвали превосходной лучшие юристы страны, но для суда это не имеет ровно никакого значения». Она с горечью отзывается о судье Кудрявцевой, которая в 2004 году распорядилась о возобновлении процесса над Даниловым и которая на этот раз милостиво скостила срок с 14 до 13 лет на том основании, что два эпизода государственной измены, вменявшиеся физику, фактически составляли один...

Эрнст Черный, возглавляющий российский Общественный комитет защиты ученых, хватается как за соломинку за возможную реакцию Запада, будь то Европейский суд по правам человека в Страсбурге, устанавливающий факты нарушения судебной процедуры (на это могут уйти годы), или мировая научная общественность (которую нелегко мобилизовать).

«Усиление влияния чекистов похоронило всякую надежду на независимое правосудие для российских граждан, – говорит он. – Этот чудовищный приговор доказывает, что больше не существует никаких механизмов, позволяющих остановить произвол. Давайте прекратим говорить, что все это происходит без ведома нашего президента». Он отмечает, что состояние здоровья 56-летнего Валентина Данилова не позволит ему долго переносить суровые условия лагеря....

Впервые опубликовано: «Le Temps»

У ЧЕЛОВЕКА ВСЕГДА ЕСТЬ ВЫБОР

Алексей БАБИЙ

В любопытное время живём. Очередной перелом эпох и смешение понятий. Один и тот же телеканал чуть ли не день в день показывает шедевр «В круге первом» и «шедевр» о шпионах с булыжником. И это не плюрализм и даже не эклектика, которую только философы называют эклектикой, а психиатры – исключительно шизофренией.

Круги сталинского, ельцинского, брежневского, хрущёвского и путинского времени догоняют друг друга, и от интерференции рябит в глазах.

Вот, кстати, написал «путинского» с маленькой буквы, а в Нижнем Новгороде недавно за это человека едва не посадили – отделался четырьмя годами условно. Но ведь ещё не вечер?

Роман Солженицына написан в начале первой оттепели, фильм поставлен на исходе второй, снят был о прошлом с прицелом на настоящее, а попал прямиком в будущее. Но на самом-то деле и книга, и фильм – о вечном.

Лагерь, «шарашка» – это только фон, выписанный со знанием дела, основа фабулы и так далее.

А речь-то идёт о нравственном выборе, что, собственно, и отличает настоящее искусство не только от дешёвых подделок, но и от качественной беллетристики.

Каждый человек свободен в той мере, которую заслуживает. Каждый находит для себя опору – или не находит. Зэк Нержин свободен, а министр госбезопасности Абакумов – нет, и в фильме это прекрасно показано.

Думаю, что и красноярский физик Валентин Данилов на зоне в Громадске свободнее тех, кто его туда посадил. Свобода ведь не в том, чтобы делать что хочешь, а в том, что никто не может заставить тебя делать то, что противоречит твоему внутреннему убеждению.

НЕ делать – это нередко ПОСТУПОК. Жизнь человека полна ситуаций, когда его соблазняют, заставляют сделать что-то.

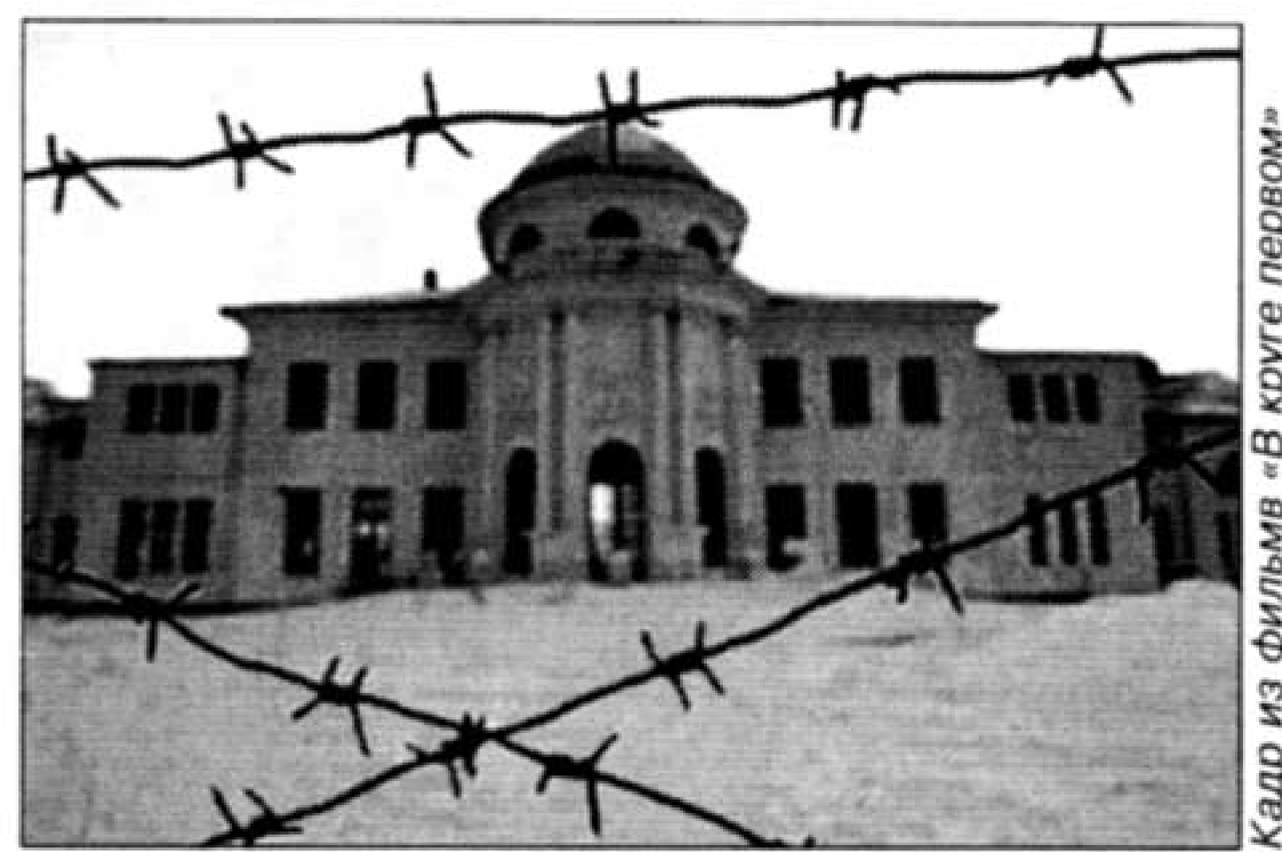
Нередко к концу жизни оказывается, что самым важным было не то, что человек сделал, а то, чего он не делал. Например, не крал, не убивал, не лгал и так далее.

В ГУЛАГе самыми проблемными для администрации были христиане, особенно староверы. Никакими побоями их нельзя было заставить работать в церковные праздники, никакими посулами нельзя было склонить их к доносительству. Они говорили «не можно». И хоть кол на голове им теши (бывало, и тесали, но так же безрезультатно).

Верующим было проще – с ними был Бог. Атеистам приходилось куда сложнее, но и они находили опору в самих себе. Это не каждому удаётся – не зря Солженицын говорит о том, что нужно вырастить в себе Душу. Будет Душа – будет на что опереться. А не будет – утонет человек в дерьме своего мелкодушия, на какой бы этаж вертикали власти его ни занесло.

Но всё-таки о «шарашке». Возможно, не все знают, что «шарашка» была и в Красноярске – аккурат на том месте, где (не символично ли?) сейчас взращивают юристов и журналистов – на Маерчака, 6 и называлась ОТБ-1. Хлебали там баланду светила отечественной геологии, и вырос из той «шарашки» институт «Сибцветметниипроект», который этой страницы своей биографии очень стесняется.

Много лет Красноярский «Мемориал» пытается установить на здании памятную доску – бесполезно. Людям хочется помнить о победах

Кадр из фильмв «В круге первом»

Спецлаборатория № 8 – Марфинская «шарашка». Одинцовский район, Московская область.

Алексей Бабий – председатель красноярского общества «Мемориал»

и не хочется – о цене побед. И совсем не хочется помнить о преступлениях.

В третьем томе краевой Книги Памяти жертв политических репрессий вы в отличие от первых двух не найдёте ни одного имени следователя НКВД. Нынешние чекисты, по настоянию которых эти сведения из книги были вычеркнуты, говорят: «Ну, вы понимаете, время было такое: если бы они не сажали, не расстреливали – их бы самих расстреляли. Был план, приходилось его выполнять».

Сейчас время тоже не из сладких, между прочим. Однако у человека всегда есть выбор и всегда есть возможность НЕ ДЕЛАТЬ.

Так поступил Нержин, так поступил Герасимович. Так поступили и некоторые чекисты тридцатых, пустив себе пулю в лоб. А другие так не поступили. В частности, журналист Аркадий Мамонтов.

Вопрос стоит сейчас и перед каждым – делать ли то, что велит время (а времена у нас по большей части подлые), или то, что велит совесть? Фильм эти вопросы поставил – дай-то Бог, чтобы люди задумались, глядишь, кто-то удержится и не скурвится.

И напоследок – самое печальное. Работали мы с одной девочкой-школьницей, писали исследовательскую работу об этом самом ОТБ-1. Много чего накопали, вникли в детали, ощутили атмосферу.

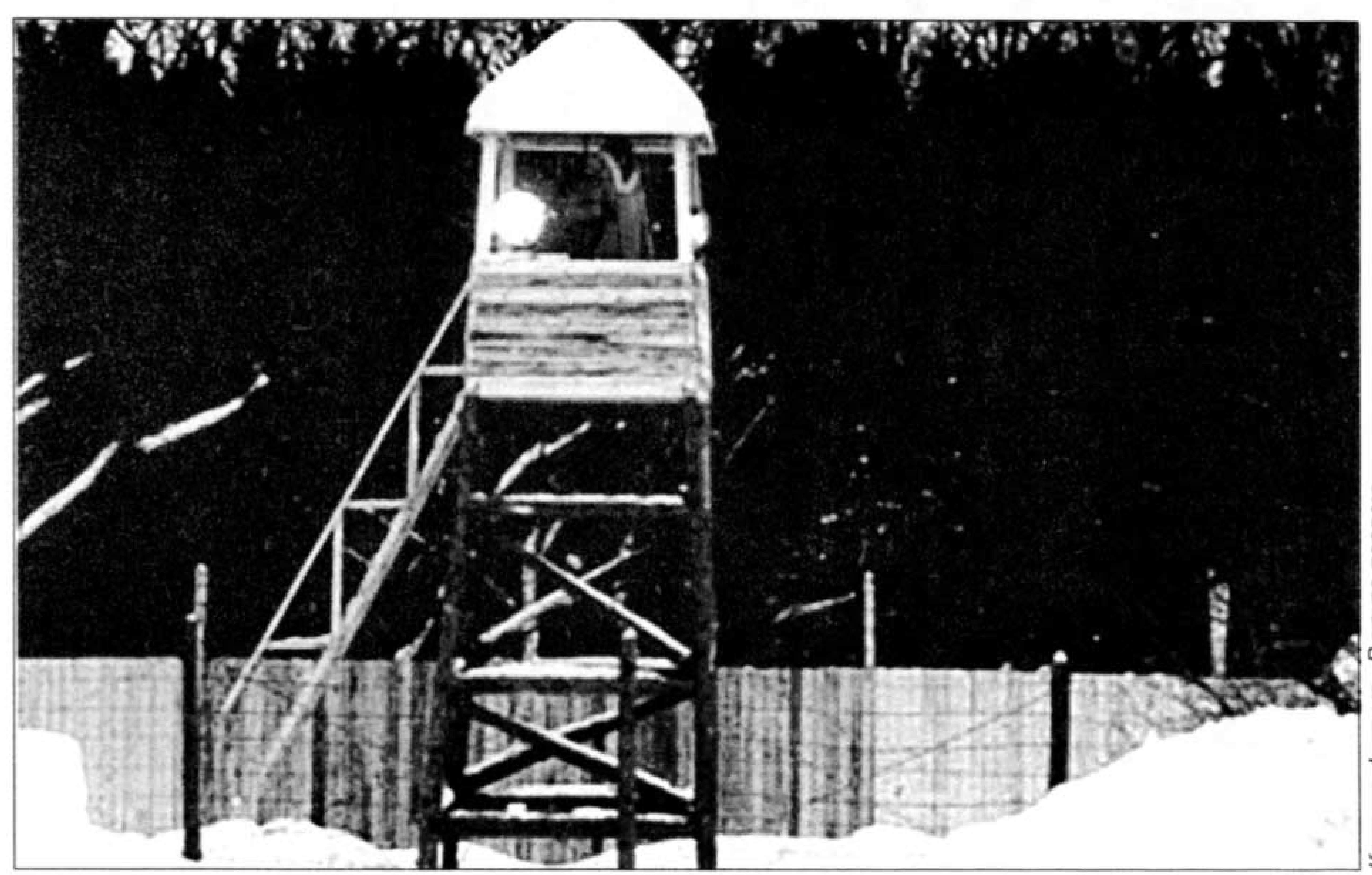
Фото: Алексей Бабий

Институт СибЦветметНИИпроект, который вырос из «шарашки» ОТБ-1. Красноярск.

И выяснили занятный факт (кстати, и в фильме он был отражён): в «шарашках» очень даже сносно кормили – часто заключённые не доедали котлеты в обед. В это время «за бортом» был настоящий голод, особенно в деревне (и, кстати, в «обычных» лагерях тоже).

И я сдуру спросил у девочки: а вот если бы у тебя был выбор: в голоде, но на воле – или в сытости, но в тюрьме? Девочка посмотрела на меня как на недоумка и сказала: конечно, в сытости, пусть и в тюрьме!

Здравствуй, племя младое, незнакомое! Девочка эта уже не застала советской власти – родилась после.

Кадр из фильма «В круге первом»

КРОВАВЫЙ ПЕСОК ДУБОВКИ

В мемориальной зоне, находящейся в поселке Дубовка под Воронежем, возобновились раскопки безымянных могил жертв сталинских репрессий, которые проводит при участии Воронежского историко-просветительского и правозащитного общества "Мемориал" поисковый отряд "Бриг". Работы проходят под патронажем областной администрации.

Около поселка в конце тридцатых годов чекисты производили массовые расстрелы и тайные захоронения.

Усилиями воронежской общественности в 90-е годы удалось добиться для этой зоны статуса мемориального кладбища. Там установлен памятный камень.

По сообщению Воронежского "Мемориала", на сегодняшний момент известно местоположение 57 расстрельных ям, 25 из них были вскрыты в 1990-93 гг. Останки расстрелянных были перезахоронены.

В 2004 году Воронежский "Мемориал" подготовил выставку, посвященную расстрелам 1937-38 годов – "Кровавый песок Дубовки".

Сейчас появилась возможность продолжить работы. Деньги (на транспорт, инвентарь, снаряжение, питание) были выделены Воронежской областной администрацией.

В ходе раскопок этого года уже вскрыто 5 расстрельных ям. Сильно мешают дожди, да и ребята устали. Жить в лесу холодновато. Все волонтеры – работают или учатся. Поэтому пришлось перейти на вахтовый метод ведения раскопок.

Инициатива проведения работ этого года на тайных захоронениях у Дубовки принадлежит новому ответственному секретарю Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политрепрессий при администрации Воронежской области В.А.Сычу. Раскопки ведет молодежный клуб поисковиков "Бриг" под руководством зам.председателя координационного совета поисковых объединений Б.Н.Антипова.

Главный специалист по поиску мест захоронений – Роман Поляков. Ни одно из 30 указанных им мест для раскопок не оказалось пус-

тым! Попробуйте найти захоронение 1938 года на глубине 2 метров в лесу, высаженном в начале 50-х на выровненном людьми и временем поле…

Сегодня к опытным поисковикам, таким, как Р.Поляков и А.Вихман, присоединились начинающие – десятиклассники школы села Орлово: Р.Насыров, А.Михин, Е.Ростовцев, Анастасия Черкасских и другие. От Воронежского "Мемориала" работают неизменный консультант раскопок В.Глебов, а также В. Битюцкий и К.Николаев.

Детальный анализ содержимого вскрытых ям пока не проводился, но среднестатистические данные прежних лет подтверждаются: в среднем на одну яму приходится 40 человек казненных. Общее количество обнаруженных тел – уже более 1100.

По мнению председателя Воронежского "Мемориала" Вячеслава Битюцкого, в тайных захоронениях у Дубовки – не менее 8000 казненных. Эта цифра основана на данных свидетеля – местного жителя, охотника-любителя Ивана Алексеевича Текутьева (1918-1996). Он отважился тайно в марте 1938 года сосчитать все засыпанные ямы-могилы и насчитал их – 103! И это результаты "работы" Воронежского НКВД только с августа по март 1938 года.

По данным председателя правления Международного историко-просветительского общества "Мемориал" историка Арсения Рогинского, цифра восемь с половиной тысяч человек – верная, но ведь это только казненные по приказу НКВД 00447 от 30 июля 1937 года (направленного против "кулаков, членов бывших политпартий, духовенства и т. д.").

Кроме этого известно о 763-х расстрелянных по "национальным операциям". А еще – расстрелянные по приговорам судебных органов. Кроме того, к расстрелу приговаривали трибуналы и спецколлегии судов – эти цифры по Воронежской области еще предстоит уточнять.

По общим оценкам, полагает Арсений Рогинский, можно говорить о том, что в Воронежской области было расстреляно в 1937-38 годах **от десяти тысяч до десяти с половиной тысяч человек**.

Вячеслав Битюцкий подчеркивает: "Для сравнения могу заметить, что фашистами на оккупированной части Воронежской области (а это – сам Воронеж и весь юг и запад) было уничтожено 6900 человек мирного населения (по данным Комиссии по расследованию фашистских преступлений)..."

Сергей ЕГОРОВ

О «ЦЕРКОВНОЙ РЕВИЗИИ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Идея прав и свобод человека, безусловно, есть величайшее достижение мировой цивилизации. Столетия, сквозь косность и мракобесие, она постепенно пробивает себе дорогу в общественную практику. Это происходило и происходит очень медленно, с большим трудом, но к двадцать первому веку идея прав человека уже овладела значительной частью общественного сознания.

Это обстоятельство следует оценивать как безусловно положительное. И нисколько не удивляет, что в мире есть люди, воспринимающие такую тенденцию как вызов. Да, это вызов многовековой традиции, в которой человек всегда был не носителем прав, а вместилищем обязанностей.

Традиции, в которой перед лицом церкви, государства, хозяина, мужа... он был червь, прах, существо ничтожное, недостойное. Конечно же, многим из тех, кому многовековая традиция позволяла помыкать Человеком, этот вызов не нравится, им бы хотелось повернуть вспять колесо Истории.

Особенно в этом преуспевают государственные и церковные чиновники. И это понятно, так как государство и церковь в течение многих веков, с разных сторон, но одинаково активно покушаются на человека. На его право жить собственным умом.

Ярким представителем таких людей является митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (далее – Кирилл), выступивший 4 апреля 2006 года на X Всемирном Русском Народном Соборе «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» с программным докладом «Права человека и нравственная ответственность». Суть которого – ревизия идеи прав и свобод человека.

Испытанный способ нечестной борьбы – это приписать кому-то (чему-то) что-либо ему чуждое, а потом успешно бороться именно с этим, приписанным. Кирилл неоднократно употреблял в своем выступлении выражение «права человека в современном изложении».

Что это такое, остается неизвестным. Мы знаем, что изложение идеи прав человека имеет наивысшее свое достижение, свой канонический текст – Всеобщую Декларацию прав человека. В дальнейшем я буду опираться именно на этот текст.

Статья первая Декларации гласит:

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Остальные 29 статей только развивают и конкретизируют то, что заключено в первой статье. А заключена в ней простая мысль – все люди имеют равные права, они равноправны.

К сожалению, это не закон природы, подобный закону Архимеда, – это не сущее, а должное. Так должно быть, но пока еще так нет нигде. Две сотни государств, подписавшие Декларацию, приняли это в качестве задачи, к выполнению которой они обязались стремиться; а также обязались содействовать уважению и обеспечению всех перечисленных в Декларации прав и свобод путем просвещения и образования. Но пока все государства решают эту задачу плохо. Какие-то лучше, какие-то хуже, но все – плохо.

И это не удивительно, ведь во всех странах есть люди, которые считают себя «равнее» остальных. Обычно именно эти люди имеют возможность влиять на функционирование государства.

Некоторые их них открыто называют себя консерваторами, то есть теми, кто хотел бы законсервировать достигнутый в их стране уровень неравноправия, но чаще они в этом не признаются (посмотрите на список участников Собора). Православная церковь, в лице Кирилла, оправдывает свой консерватизм идеей Бога.

Идея о том, что все люди имеют равные права, идея равноправия – действительно, универсальная идея. Она не нуждается ни в чем для своего оправдания или подкрепления. Достаточно принять эту идею, и все общественное устройство вырастает из нее «как простая гамма».

Равенство в правах не вытекает из достоинства, как бы его ни трактовать. «Все люди равны в своем достоинстве и правах». И в достоин-

---

Егоров Сергей Нестерович – доктор юридических наук, профессор. Санкт-Петербург.

стве, и в правах. Так говорит Декларация, а все остальное – от лукового. Кирилл делает вид или действительно не понимает, что его концепция достоинства вступает в противоречие с равноправием, которое она, по его мнению, призвана обосновать.

«Действовать согласно своему достоинству означает поступать в соответствии с теми правилами и обязанностями, которые принадлежат занимаемому положению».

Получается, достоинство зависит от положения человека. У принца одно достоинство, а, следовательно, и права, а у нищего – другое. Мы, приверженцы равноправия, никак не можем с этим согласиться. Неравенство, неравноправие так и сочится из каждой строчки выступления Кирилла. Может быть, ради этого возврата к неравноправию все и было затеяно? Какое равноправие может быть между пастырем и паствой?

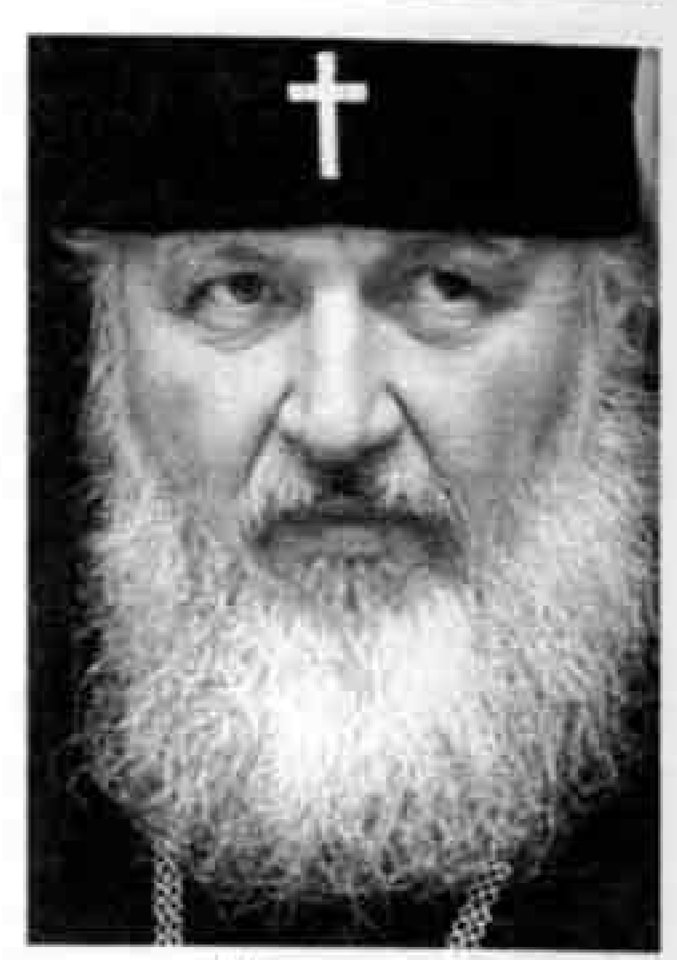
«Все люди наделены разумом и совестью», – сказано в Декларации. Значит каждый человек сам, без посторонней помощи, в состоянии различать добро и зло.

Кирилл не решается прямо отказать человеку в этой способности. Он заходит с другой стороны. Если разум, воля и чувства человека находятся в сфере действия греха, человек может ошибаться в выборе, что есть добро, а что есть зло. А поскольку мы все – результат грехопадения, мы все можем в этом ошибаться. А раз так, без авторитета нам не обойтись.

Кириллу «понятно», что истинным авторитетом может выступать только бог. Но поскольку непосредственная связь с ним отсутствует, человек должен обращаться при решении таких вопросов к представителю бога на земле, то есть к церкви. Таким образом, специально обученные, наряженные и подстриженные люди и есть наивысший (на земле) авторитет в вопросах различения добра и зла. Если отбросить словесную шелуху, это и есть квинтэссенция позиции Кирилла.

Однако когда под рукой нет такого человека, нужно руководствоваться также внешними критериями, данными богом. «Десять заповедей, в которых все основные религии мира между собой совпадают в определении добра и зла» как раз и содержат в себе такой критерий. На этом вопросе нужно остановиться особо.

Обычные люди, даже если они слышали о десяти заповедях, редко могут более-менее точно вспомнить, о чем идет речь. Если попросить их эти заповеди перечислить, то 99 из 100 начнут такое перечисление не с первой, а с шестой заповеди. И это не удивительно – кто же не согласится с тем, что убивать людей нельзя? Только причем тут христианство?

Митрополит Кирилл

А ведь христианство претендует на авторство всех десяти заповедей! Смешно думать, что среди иудеев, хананеев или египтян одобрялось убийство себе подобных и только после того, как Моисей второй раз спустился с горы, детям израилевым наконец стало понятно, что убивать себе подобных плохо.

Даже в животном мире, из которого мы все и вышли, не принято убивать особей своего же вида. Из концепции равноправия запрет на убийство вытекает совершенно естественным образом. Если все равны в праве на жизнь, то никто не вправе отнять жизнь чужую.

Также естественно вытекает и восьмая заповедь. Если все имеют равное право иметь имущество, то скрыто похитить (кража) чужое имущество ни у кого права нет. Кстати, как и открыто похитить (грабеж) или отнять с применением насилия (разбой), о чем в заповедях ничего нет.

Не вызывает сомнения и девятая заповедь. Никакое правосудие (может быть, за исключением божьего правосудия – ведь бог всеведущ) невозможно, если лжесвидетельство – допустимое действие. Если мы хотим надеяться на справедливое судебное решение, лжесвидетельство, конечно, должно быть наказуемо.

Теперь пойдем вверх. Пятая заповедь – скорее нравственный императив. Конечно же, почитать людей, которые подарили тебе жизнь – это добро, а не почитать – зло. Однако у христианства приписывать себе авторство пятой заповеди также нет никаких оснований.

Почитание родителей – весьма распространенное явление на нашей планете. Мне не нужно никакого откровения для того, чтобы понимать: почитать родителей – это добро, а не зло.

Четвертая заповедь – вообще карикатура. Христиане, однако, обычно ее не вспоминают. Как запрет работать в субботу может прибли-

зить меня к правильному различению добра и зла? Я знаю множество очень хороших людей, которые работают все семь дней в неделю, и мерзавцев, которые в субботу не работают. Все женщины, ведущие домашнее хозяйство, не могут не нарушать этой заповеди.

Первые три заповеди хоть и не так смешны, как четвертая, однако тоже никак не помогают в различении добра и зла. Третью – нарушают все поголовно. Не удержался от ее нарушения в своем выступлении и Кирилл. Напомню: «Не упоминай имени Господа Бога твоего всуе».

Вторая заповедь весьма смутна. Разные христианские конфессии относятся к ней по-разному. Мусульмане вообще довели ее до логического совершенства. «Не творя себе кумиров» они дошли до того, что изгнали из искусства изображение любой живой (божьей) твари.

В первой заповеди все религии действительно совпадают. Вот только боги у них разные.

Повторю еще раз: правила взаимоотношений (десять заповедей) человека с тем или иным богом никак не помогают ему в различении добра и зла; это дело разума и совести каждого человека. Остались еще две заповеди. Седьмая – не прелюбодействуй. Очень лаконично. А вот что это значит? Ортодоксальная христианская религия не допускает развода – брак заключен на небесах и на всю жизнь до гроба. Так что, люди, вступившие в повторный брак, – все прелюбодеи? Заповедь ответа не дает, и желающие могут обратиться за разъяснением к специально обученному человеку, например, Кириллу.

И, наконец, десятая заповедь. Не многие помнят её наизусть, поэтому привожу полный текст: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». А что у дальнего – можно, но это не главное. Эта заповедь вступает в вопиющее противоречие с концепцией прав человека, с концепцией равноправия.

Во-первых, существование рабынь и рабов – оказывается, нормальное явление. Если мы поставили задачу – научиться различать добро и зло, вот вам и ответ: держать людей в рабстве – не зло, а может быть, даже и добро. Не потому ли в двух великих христианских державах рабство процветало еще сто пятьдесят лет назад?

Но это еще не всё. Посмотрите внимательно на ряд элементов собственности, на которые покуситься нельзя. Раб и рабыня – люди, стоят в одном ряду с ослом и домом. Эти носители искры божьей (или не носители?) – вещи! Это ли не омерзительно? Посмотрим еще внимательнее. В этом же ряду стоит и жена. Не раб, которого купили на базаре, а спутник жизни до гроба – тоже вещь. Такая же вещь, как и осёл. Не отсюда ли, не из такого ли различения добра и зла, например, проистекает бытовое насилие? Вещь просто обязана терпеть побои. У вещи нет и не может быть никаких прав.

Если меня поставить перед альтернативой – такое различение добра и зла или концепция прав и свобод человека, концепция равноправия, – я решительно выбираю равноправие.

Православные, откажитесь хотя бы от десятой заповеди, и я буду больше вас уважать.

Значительная часть выступления Кирилла посвящена нравственности. Давайте подробнее рассмотрим это общественное явление.

Нравственность, безусловно, связана с пониманием того, какое поведение человека считать правильным, а какое – неправильным. Нравственность имеет две принципиально разные составляющие: имеющую правовое содержание (не убий, не укради) и составляющую, не имеющую правового содержания (чти отца и мать).

Для составляющей, имеющей правовое содержание, концепция равноправия – четкий критерий различения правильного и неправильного поведения. Если человек не нарушает таких же, как и у него прав других людей, не нарушает добровольно принятых на себя обязательств и платит налоги на содержание государства, право, следовательно, и государство, не может предъявить человеку никаких претензий.

Вторая составляющая никак не связана с государством. Она функционирует в обществе без участия государства. Если кто-то недостаточно почитает своих отца и мать, общество вправе выразить ему свое порицание. С этим человеком можно не здороваться, не разговаривать, иным способом выражать ему своё неодобрение. Такое общественное порицание оказывается очень сильным средством.

Но для этого в обществе должно быть ясное и четкое понимание того, что правильно и что не правильно. Нравственность – это неписанные правила поведения, которые большинство какой-либо группы людей считает правильным. Любой группы – населения страны, приверженцев религии, людей, принадлежащих к определенному классу или группе, и т.п.

Утверждения Кирилла о том, что язык нравственных норм понятен каждому и нравственность – едина и неделима, – глубокое заблуждение (если не обман). Нравственность боярина и смерда, полинезийца и русского, библиотекаря и моряка – разные. Возможно, когда-нибудь через столетия под влиянием глобализации эти нравственные различия и выровняются (я, правда, в это не верю), но сейчас и всегда раньше это было именно так. Отсюда, кстати, вытекает, что нравственность непостоянна и во времени.

Анализируя выступление Кирилла, можно сделать вывод: единая и неделимая нравственность – это нравственность людей, вступивших в РПЦ, и ему очень хочется навязать эту нравственность всем остальным.

И здесь еще одно кардинальное расхождение между сторонниками равноправия и участниками Собора. Мы, сторонники равноправия, считаем, что участники Собора, христиане, мусульмане и любые иные общности людей вправе в общении между собой придерживаться любых правил поведения, не имеющих правового содержания, то есть не касающихся других людей, не входящих в конкретную общность.

А участники Собора хотят навязать всем остальным людям именно те правила, которые им кажутся правильными. Надеюсь, у них это не получится, идея равноправия уже пустила достаточно глубокие корни.

Я ничего не имею против того, чтобы «в молитве, таинственной жизни церкви и доброделании верующие люди находили помощь божью в творении добра». Это их безусловное право. А моё безусловное право – обойтись без этой помощи, которую Кирилл, не сомневаясь, ставит на первое место! Для различения добра и зла мне не нужно общаться с богом. Я уверен, что умею различить добро не хуже Кирилла, но я вовсе не отказываю ему в праве, когда он не может сам отличить добро от зла, посоветоваться с богом.

Концепция прав и свобод человека, безусловно, первична по отношению к любой религиозной жизни. Уже хотя бы потому, что включает в себя свободу совести, свободу исповедовать свою религию или убеждение, как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении, богослужении и выполнении религиозных ритуальных обрядов (ст.18 Декларации).

Концепция равноправия шире любой религиозной жизни, и она, действительно, не дает ей абсолютной свободы. Везде, где религиозная жизнь вступает в противоречие с правами человека, религиозная жизнь должна быть ограничена. Каким бы мотивом ни руководствовались служители церкви, никакое нарушение прав человека недопустимо. Даже если они говорят, что это бог велел им сжечь еретика для того, чтобы его бессмертная душа не попала в ад, такое сжигание заблудшего тела должно быть предотвращено, а если предотвратить не удалось – наказано. Никакая воля божья не стоит не только человеческой жизни, но не может оправдать даже и более мелкого нарушения прав человека.

Казалось бы, сегодня, в XXI веке церковь уже должна знать свое место. Казалось бы, секуляризм окончательно победил в цивилизованном мире и, в частности, в России. Ан нет. Церковь снова, как и в средние века, хочет порулить всем обществом, а не только своими членами.

Особенно возмущает, что в этих поползновениях участники Собора говорят и от моего имени: «Всемирный Русский Народный Собор от имени самобытной русской цивилизации принимает настоящую декларацию».

Я, Егоров Сергей Нестерович, являясь элементом самобытной русской цивилизации, никому не давал права говорить от моего имени.

